

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александра ЛИСИНА
ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА.
ХОЗЯИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Последний этап на пути к Лабиринту оказывается самым сложным испытанием для терпения и воли темного эльфа. Серые пределы, даже обретя хозяина, остаются смертельно опасными для незваных гостей. Дикие хмеры, затаившиеся в чаще пересмешники, плотоядные деревья и ядовитая мошкара... Но они тревожат Таррэна гораздо меньше, чем присутствие Белки. Ее ненависть по-прежнему сильна, а сердце неприступно так же, как и сердце Проклятого леса. Однако, когда перед эльфом встает выбор — спасти мир или маленькую Гончую, он не колеблется ни мгновения. И принимает решение, которое в итоге меняет все.

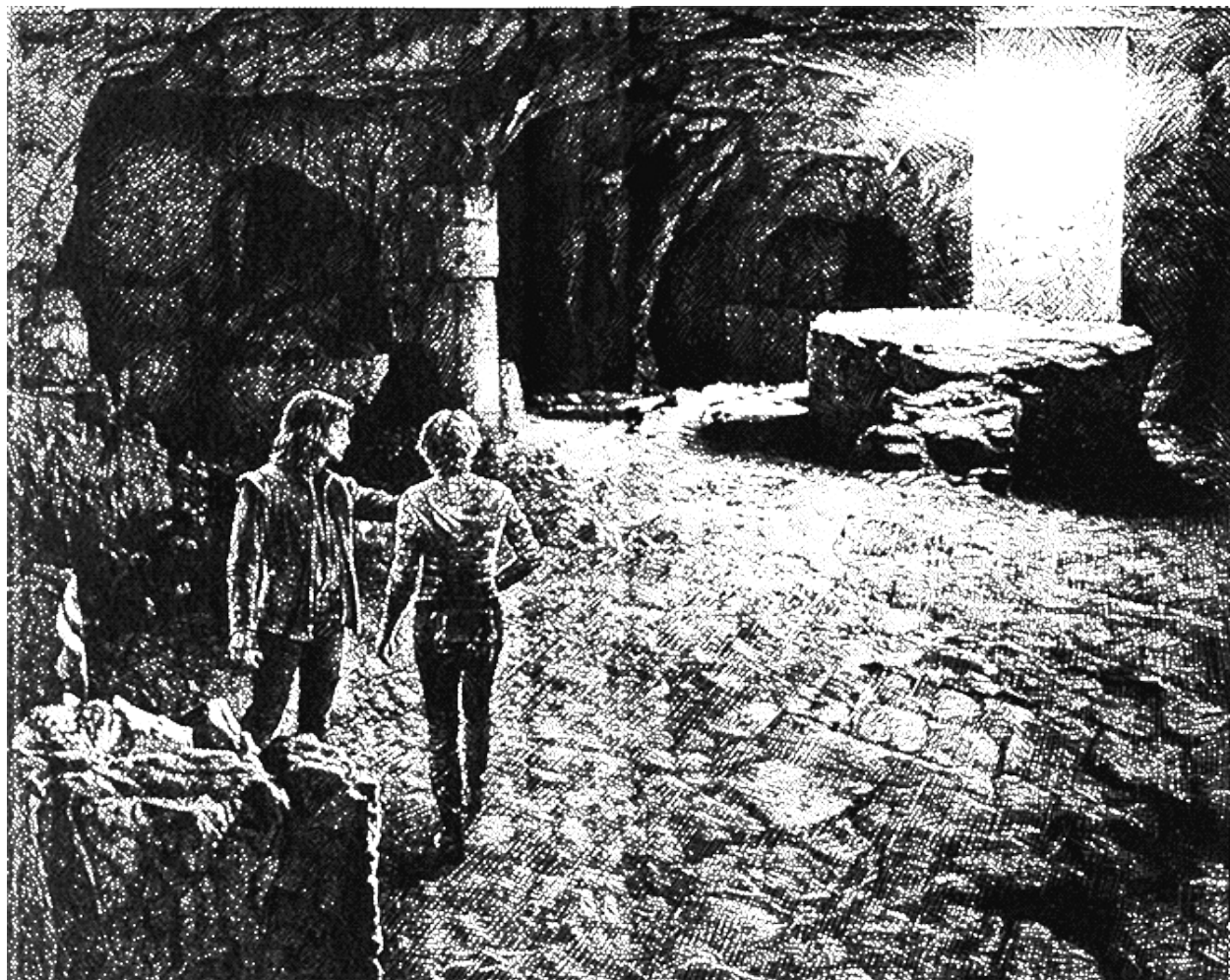

- [Александра Лисина](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)

- [ГЛАВА 22](#)
  - [ГЛАВА 23](#)
  - [ГЛАВА 24](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Александра Лисина
ХОЗЯИН

ПРОЛОГ

Он снова был в душном подвале. Неподвижной куклой лежал на грубо сколоченном столе и мертвым взглядом смотрел на низкий каменный потолок. Он понятия не имел, сколько времени провел в этом жутком подземелье. Не видел ничего, кроме повисшего над головой крохотного магического светильника. Не помнил, кто он и откуда, но точно знал, что все еще жив, и был уверен, что это ненадолго.

Он не был привязан, нет. На него не накинута цепи, не заковали в колодки, только набросили сверху сеть охраняющих заклятий, тем самым полностью обездвигив.

Его кожа была щедро покрыта кровавыми разводами. Дышалось с трудом, но не потому, что воздух в подвале был насквозь пропитан запахом крови, а оттого, что на грудь невыносимой тяжестью давило изящное эльфийское кольцо с крупным зеленым камнем посередине.

Если бы он мог приподнять голову, то непременно узнал бы один из родовых перстней темных эльфов: грозно оскалившийся дракон, держащий в пасти потрясающей чистоты изумруд, был действительно уникальным. Но он не мог видеть. И не мог знать. Просто чувствовал, как чуют порой дикие звери, что в этом перстне таилась огромная мощь.

А затем левую лодыжку ухватили чьи-то железные пальцы, и немилосердная боль вспыхнула с новой силой.

— Осталось совсем недолго, — довольно промурлыкал откуда-то сбоку мелодичный голос. — Видишь, как мало нужно, чтобы ты перестала кричать и не мешала мне закончить? Надеюсь, ты оценишь мою доброту, девочка: я поранился ради тебя и не спал целые сутки, лишь бы ты изменилась.

По истерзанной лодыжке скользнуло несколько горячих струек, кожу снова обожгло огнем, а затем жар расползся дальше, охватывая бедро, живот, спину... Все тело невольно содрогнулось в агонии, но палач не обратил внимания.

Казалось, запах крови пропитал душный воздух насквозь. Он сделал его густым, вязким и вгрызлся в кожу почти так же остро, как делал это эльфийский клинок. Этот запах был отвратительным, но до боли настойчивым. Он медленно убивал, просачиваясь через каждую пору. Почти обжигал, как жгла сейчас старательно льющаяся сверху кровь — эльфийская кровь, которую безжалостно втирали в еще свежие раны и

старательно смешивали с человеческой.

По неподвижной детской щеке медленно скатилась одинокая слеза.

— Не волнуйся, девочка, — преувеличенно ласково сказал эльф, погладив разметавшиеся по столу каштановые вихры. — Как только все закончится, я позволю тебе забыть этот день. И сестру, и того сопляка, которого найдут еще не скоро. Никто не узнает, отчего он умер. Как никто не поймет твоей новой сути. Для них ты умрешь, дитя. Исчезнешь. И я позабочусь, чтобы прошлое тебе не мешало. Ты не вспомнишь ничего, кроме того, что обязана мне жизнью. И того, что я твой новый хозяин. Ты станешь моим лучшим творением за три долгих века поисков. Единственной из всех, кому удалось выжить. И всего через десять лет сможешь стать такой... Об этом ты и мечтать не могла...

Горящие торжеством зеленые глаза на мгновение зажмурились.

— Не бойся боли, девочка: скоро она уйдет, и ты никогда не вспомнишь про ее укусы. Не бойся уз, потому что через них я передал тебе очень многое: свою память, знания, опыт и даже больше. Я отдал тебе часть себя. Свое сердце, душу... потому что хочу, чтобы моя раса продолжала жить. И именно ты дашь ей новое будущее. Ты принесешь нам надежду и поможешь избавиться от гнойной язвы под названием человечество... Я подарил тебе прекрасную защиту, закрыл от всего, даже от собственной семьи. Разумеется, отец придет в ярость, когда я назову тебя своей парой, а братец снова попытается меня убить, но у него не останется шансов, потому что ты станешь лучше его ненависти. И сильнее его воли. Я дам тебе силу покорять. Сделаю нечувствительной к любой магии... Кроме своей, разумеется. Никто не посмеет тебя коснуться, просто взглянуть и остаться прежним, потому что твое новое тело станет другим. Ты будешь покорять, сводить с ума, ты будешь заставлять убивать ради одного твоего вздоха. Ни одно существо не сумеет дать тебе отпор, потому что, дитя, я сделал тебя совершенной. Моя женщина. Моя игрушка. Мое личное оружие...

Темный эльф мечтательно улыбнулся и сжал в руках окровавленное лезвие.

— Они говорили, что я сошел с ума. Считали, что у меня не получится, и утверждали, что люди не способны подняться выше смерти... Но теперь у меня есть ты, и они больше не смогут возражать. Мой шедевр, моя надежда, мое будущее. Да, я мог бы просто нанести руны на твою кожу, дитя. Мог бы порезать тебе запястья. Мог бы не накладывать уз и не делиться с тобой воспоминаниями. Я мог бы взять любую женщину своей расы и сделать ее первой... Но мне не нужна непокорная эльфийка, которая

станет бесплодной через несколько жалких десятилетий. Я не хочу искать кого-то, кто будет желать меня так же, как ты. Поэтому, девочка, я создал тебя. И готов подождать до тех пор, пока руны не изменят тебя окончательно. Поверь, очень скоро линии расправятся и оденут тебя неповторимым брачным покровом. Раны заживут, потому что я не стал бы уродовать тело, к которому намереваюсь прикасаться. Но я хочу каждый день видеть его красоту и гармонию. Каждый раз убеждаться, что другого такого нет. Всегда знать, что это — моя работа. И восхищаться ею как роскошной картиной в священных залах Иллаэра...

Зеленые глаза куда-то исчезли, но теперь он хорошо знал, что скоро вернется боль. Даже нет, не так, она усилится, а запах крови станет настолько невыносимым, что захочется умереть, лишь бы никогда его больше не чувствовать.

«Кажется, я ненавижу этот запах, — думал он. — Я никогда не смогу его забыть. Как не смогу забыть эти страшные глаза и сильные руки, что раз за разом заносят серебристый клинок и без всякой жалости вонзают его в мое тело. Я ненавижу тебя, темный. Ненавижу так, как никого и никогда раньше. Ненавижу твое лицо, в котором нет даже толики сострадания. Твои длинные пальцы, что так спокойно режут кожу. Я ненавижу твой смех. Твои косы и проклятый перстень, что не дает мне вздохнуть. Я ненавижу каждый час, что ты терзал мою сестру. Каждый миг, что ты находишься рядом. А еще я ненавижу твои воспоминания... Твой мягкий голос, который так подробно описал мое будущее. И ненавижу даже себя — за то, что вызвал твой интерес. За то, что за эти сутки мне пришлось умереть сотни раз, но так и не дожидаться забвения. Да, я ненавижу тебя, эльф! Весь твой проклятый род, твою память, твое темное сердце! Но особенно я ненавижу твои глаза... безумные, пронзительные глаза, в которых никогда не было жалости, которым чуждо понимание, которые никогда не умели сочувствовать... Мертвые глаза бессмертного, который потерял душу».

— Будь... ты... проклят... — неслышно шепнули губы. Тихо, как последний вздох. Неуловимо, на грани безумия. По ту сторону медленно уходящей жизни. — Будь проклят!

Эльф вздрогнул и неверяще обернулся, позабыв довести безупречно ровную линию до конца.

Она была последней, самой сложной и требовала от него полного сосредоточения, потому что одна-единственная ошибка могла испортить весь кропотливый многочасовой труд. Расширившимися глазами он уставился на детскую руку, что вдруг сумела оторваться от столешницы и дрожащими пальцами сняла с груди тяжелый перстень. А вместе с ним

завладела и могуществом.

Во взгляде темного промелькнуло непонимание, когда окровавленные пальцы мстительно впились в источник его бессмертия. А затем до него неожиданно дошло, что обездвиживающие чары почему-то исчезли. Как и то, что искаженное мукой лицо незаметно для него уже изменилось, а в глубине неистово горящих глаз зародилось нечто, чего он совсем не ждал.

По крайней мере, не ждал так рано.

— Будь ты проклят! — четко выговорили белые от ненависти губы.

Маленькая рука со всего маха ударила перстень об острые кромки стола, и эльф снова вздрогнул, увидев, как покрывается мелкой сеточкой трещин зачарованный изумруд. Этого не могло быть... не здесь, не сейчас! Но каким-то образом человеческому детенышу удалось повредить напоенный древней магией камень! А вместе с ним заставить дрогнуть бессмертное, внезапно ставшее уязвимым сердце и воспламенить щедро разлитую в подвале их общую кровь.

Она вспыхнула везде, куда успели упасть тягучие капли. На полу, на стенах, на потолке, даже на запоздало отшатнувшемся палаче. Правда, не тем изумрудным огнем, какое бывает от проклятия умирающего мага, а ровным, необычайно насыщенным янтарным пламенем, что призвал тот, кому еще не придумали названия, — человек, в котором текла теперь кровь темного чародея.

Родовой изумруд обреченно хрустнул, теряя силу, и почти сразу погас, возвещая об окончании долгой жизни бессмертного. Одновременно с этим исчез тусклый свет под потолком, а полыхнувший огонь мгновенно перекинулся на эльфа, его руки, лицо, туловище. И палач пронзительно взвыл, заматавшись по каменному мешку, но в панике позабыв, что чары не пропускают наружу ни единого звука.

Впрочем, страх охватил его ненадолго — резко остановившись, темный эльф внезапно осознал свою единственную ошибку: не стоило ему оставлять второе сердце рядом с тем, кто собрался умереть. Не стоило давать ему повода это сделать, потому что беспомощный человеческий детеныш случайно... совершенно случайно обратился к тому единственному, что могло заставить кровь Изиара гореть истинным огнем, — к своей ненависти. К боли. И боль эта оказалась столь велика, что теперь пожирала темного эльфа заживо.

Он выкрикнул страшное ругательство, диким усилием сумев погасить боль в обожженных руках, и сжал пальцы, торопливо плетя смертоносное заклятие. Но внезапно почувствовал неладное, стремительно повернулся, всей кожей ощутив приближающуюся опасность. И все равно не успел

отшатнуться, потому что вырванный из ножен добела раскаленный клинок по самую рукоять вошел ему прямо в сердце.

Эльф с силой отмахнулся, отшвырнув человеческую пушинку в сторону и нечаянно опрокинув ее на клетку, в которой кто-то приглушенно взревел. После чего вынужденно опустил на одно колено, схватился за рифленую рукоять и, вырвав из раны собственный меч, неверяще выдохнул:

— Не может... быть!

А потом взглянул на сверкающие письмена на теле изувеченного ребенка, на неуклюже выбирающуюся из клетки маленькую хмеру. Судорожно сглотнул, когда она жадно слизала с морды алые капли и старательно обнюхала неподвижное тельце... и только тогда наконец понял все.

Кровь... кровь струится из глубокой раны, от которой ему не будет спасения. Кровь повсюду: на полу, на стенах, на испачканном столе. Но теперь это уже другая кровь, сильная и... беспомощная одновременно, потому что даже она неспособна остановить тяжелую поступь рока. И даже она не смогла бы закрыть дыру в груди темного мага.

Сквозь ревящее пламя он увидел, как маленькая хмера торопливо облизывает тяжело заворочавшегося ребенка. Как странно вспыхивают ее глаза, как разгорается в них совершенно осмысленная ненависть. К нему ненависть, будто она поняла, кто убил ее стаю! Почти такая же ненависть, как у дрянного детеныша недавно. И еще он увидел, как бережно костяная тварь вдруг хватает тяжело дышащую девчонку зубами. Маленькую соплячку, которую она больше не собиралась убивать.

— Ненавижу... — снова шевельнулись бескровные губы, и в голубых глазах на мгновение отразился объятый пламенем враг: палач все еще был жив. И детское лицо вдруг страшновато изменилось, неожиданно оскалившись и показав маленькие острые зубки. Руки сами собой сжались в кулаки, тонкие пальчики нащупали вырванный эльфом клинок, затем еще один, но ударить второй раз не сумели — не хватило сил. Получилось только встать на четвереньки и, пошатываясь от слабости, поползти до заветной двери. Туда, где помощь, где люди... только бы добраться до них... только бы суметь...

А потом позади раздался поистине звериный рев.

Эльф был так близко и вдруг в последний миг какой-то человеческий обрубок одним словом перечеркивает всю его прежнюю жизнь! Все, чего он достиг! Все, к чему упорно стремился! То, что составляло смысл всей его жизни! А это... существо теперь безнаказанно уходит?! Забирает его

родовые мечи, в беспамятстве волоча их по камням, как простые железки! Да еще и тащит за собой отчего-то присмирившую хмеру, на которую у него тоже были большие планы?!

— Смерть вам! — мстительно шепнул бессмертный, исчезая в янтарном пламени. — Всем и каждому, кто здесь жил! Ненавижу вас, ничтожества! Проклинаю!

Таррэн вздрогнул и открыл глаза.

ГЛАВА 1

— Убью-у-у! — бешено взревел чей-то сочный бас. Дверь крохотной кузни с отчаянным скрипом отлетела в сторону и смачно ударилась о стену, едва не разлетевшись в щепу. — Где эти мерзавцы?! Как они посмели?!

Крикун яростно выдохнул, обведя налитыми кровью глазами столпившихся вокруг импровизированного полигона Стражей.

Стояло раннее утро. Вернее, не совсем утро, потому что заря еще только-только позолотила верхушки Сторожевых башен и осветила переполненный двор. Как правило, молодняк выбирался на занятия ближе к полудню, но сегодня они позабыли про вчерашние тревоги и, словно восторженная ребятня, столпились возле многочисленных тумб, сооруженных специально для тренировок. И внимательно следили за двумя шустрými Гончими, пытавшимися уже который час загнать темного эльфа в тупик.

Никто не знал, с чего началась эта погоня. Не задумывался, каким образом на полигоне столкнулись Шранк, Адвик и этот странный эльф. Не понимали, почему ушастый не использует магию, а отражает бесконечный град сыплющихся на него ударов исключительно родовыми клинками. Но, что самое главное, никто и подумать не мог, что он устоит против Гончих.

Правда, Шранка Таррэну достать так и не удалось — тот был слишком ловок. Да и с Адвиком нужно было держать ухо востро: парнишка хоть и успел словить тяжелую оплеуху, так и не коснулся ногами земли, что, по условиям поединка, приравнивалось к поражению. Но даже сейчас, морщась при попытке опереться на правую ногу, он не выпустил меча, не потерял головы и уже в который раз приготовился провести атаку.

От бешеного рева из кузни все трое одновременно отскочили в стороны и застыли в напряженных позах: Таррэн — на одном из уступов, где было проще обороняться; Шранк с напарником — на рядом стоящих тумбах. Гончие были обнажены по пояс и босы. Темный тоже предпочел играть босиком, однако большей вольности, чем слегка расстегнутый ворот на рубахе и закатанные до колен штаны, он себе не позволил.

С появлением гнома во дворе воцарилась оглушительная тишина, в которой было слышно только ровное дыхание Гончих, гневное сопение кузнеца да возбужденный шепоток юных Стражей, с восторгом следящих за происходящим.

— Крикун, ты чего орешь? — наконец бросил Шранк, сверля глазами

низко пригнувшегося эльфа.

— Ты еще спрашиваешь?! — взъерошенный гном, потрясая доспехом из чешуи черного питона, едва не задохнулся от возмущения. — Опять броню испортили, вот что! Вы что с ней сделали, ироды?! Я целый месяц над ней корпел, а вы всего за полночи...

— Брось, Крикун, — болезненно поморщился Адвик, старательно борясь с желанием заткнуть уши. — Ты ж знаешь, что на Белике все огнем горит. Ну, подумаешь, поцарапали немного... Ты бы после саламандры вовсе не встал.

— Какой еще саламандры? — подозрительно прищурился Крикун, безжалостно комкая чешуйчатую кольчужку.

— Той, которая чуть пополам его не перекусила. Хорошо еще, что челюсти не успела нормально сжать, а то плакал бы твой доспех кровавыми слезами.

Гном на какое-то время умолк, обдумывая новые сведения. Затем метнул быстрый взгляд на напряженного эльфа и даже собрался что-то сказать. Но неожиданно оценил качество его парных мечей и вдруг одобрительно крякнул.

— Слышь, Шранк, ежели вы его тут пристукнете, оставь мне ножики, а? Остроухому будет все равно, а мне пригодятся — картошку чистить.

Гончие оскалились, прекрасно зная о «теплых» отношениях двух древних рас, но Таррэн и глазом не моргнул. Только усмехнулся и крутанул родовые клинки так, что у Стражей внизу вырвался невольный вздох — это было очень быстро.

— Смотри, не обожгись, — негромко предупредил он.

— Не твоя забота, остроухий, — презрительно фыркнул гном.

— Конечно нет. Но если шарахнет молнией, не обессудь: от твоей кузницы не останется даже камня, а от некоторых вообще только мокрое место. Мелкое такое, рыжебородое и дымящееся.

Крикун нехорошо прищурился.

— Ты на что намекаешь, дылда? Тебя рост мой не устраивает? Или завидуешь бороде, безволосый сын Темного леса?

— Хм, — откровенно задумался эльф, краешком глаза подметив расплывающиеся в безудержных улыбках лица Стражей. — Рост — это мелочи, он меня никогда не смущал. А по поводу бороды... каждый носит то, что считает нужным. В конце концов, достоинство измеряется не длиной бороды.

Кто-то тихонько поперхнулся, но вовремя прикусил язык, не став уточнять, какое именно «достоинство» имел в виду дерзкий чужак.

Впрочем, судя по предельно серьезному лицу эльфа... В толпе вдруг послышались сдавленные смешки, а Крикун сцедил сквозь зубы страшное проклятие.

— Думаешь, самый умный, да? — опасно спокойно спросил он, перебрасывая доспех через плечо. — А в морду не хоть, остроухий?

— Подставляй! — невольно вырвалось у Таррэна, прежде чем он сообразил, что в точности повторяет слова Белки, и прикусил язык.

Зато теперь даже Шранк не сдержался: ухмыльнулся во все зубы и ехидно покосился на гнома — того не просто перекосило, а буквально подбросило вверх, как пружиной. Маленький, пузатый, совсем коротышка, но уж если взовьется по-настоящему, то жди беды. Точно: вон как лицо побагровело. Ох, зря его темный дразнит.

Тем временем глаза у Крикуна действительно полыхнули нехорошим огнем, и без того немалая грудь широко раздулась, а пальцы сжались в громадные кулаки.

Бедняга: терпеть насмешки от людей он уже немного привык. Да и задевали его, надо сказать, нечасто — мало кому понравится получить в лоб увесистым молотом. Может, только Белик и рисковал провоцировать вспыльчивого гнома, да с него и спрос совсем другой. Но чтобы какой-то ушастый придурок...

Под ногами у Стражей вдруг шевельнулась земля.

— Опять, — вдруг притворно вздохнул сверху чей-то мягкий голос. — Вот так всегда: стоит только понадеяться на славное представление, как кто-нибудь обязательно все испортит. Крикун, ну что тебе стоило выйти на пару минут позже?

Таррэн ошеломленно обернулся и едва не вздрогнул, обнаружив точнехонько над своей головой, на одном из широких уступов, высеченных каким-то умельцем прямо в скале, довольно жмурающуюся хмеру, рядом с которой, беззаботно болтая босыми ногами, сидела до боли знакомая фигура.

На высоте в три человеческих роста! Белка сидела, опираясь спиной на тихонько урчащую сестру, и с нескрываемым разочарованием смотрела на не вовремя остановленную схватку, в которой явно готовился перелом.

Эльф знал, что вполне может не выйти из этого угла. Догадывался, что его попробуют зажать в клещи, и последние несколько минут лихорадочно искал способ выкрутиться. Однако Гончие не собирались давать ему этого шанса: хватит того, что целый час они, к собственному стыду, не могли его скинуть на землю. И вот у них почти получилось, да тут явился Крикун и...

При виде Белки у Таррэна словно камень с души свалился.

— Ты что там делаешь?! — окончательно взъярился гном. — Кого это тут саламандры покусали, а?! Тебе еще двое суток пластом лежать, а не скакать по всей заставе бешеной кошкой! Вон отсюда! Спать, я сказал! Живо!

Белка удивленно подняла брови, но вдруг улыбнулась так, что у мужчин тревожно екнуло сердце.

— Знаешь, Крикун, — мурлыкнула она голосом, от которого на миг перехватило дыхание. — Мне даже нравится, когда ты кричишь... Ты становишься таким милым... Соскучился, наверное?

Белка, позабыв про всех остальных, почему-то смотрела только на внезапно осекшегося гнома. Смотрела долго, внимательно, странным взглядом, в котором все быстрее загорались изумрудные огоньки, что у Таррэна, оказавшегося к ней слишком близко, едва не закружилась голова.

Он судорожно вздохнул.

Эти пронзительные голубые радужки, где порой вспыхивали изумрудные всполохи, с самого первого дня не давали ему покоя, завораживали и заставляли сердце испуганно колотиться, как в моменты смертельной опасности. Они вынуждали его прощать то, чего он никогда и никому бы не простил, заставляли метаться в догадках и упорно искать способ приблизиться. Да, кажется, именно они сводили его с ума, потому что, скрывая главное, все же не могли спрятать странной силы Гончей. И это необъяснимое обаяние действовало на всех. Даже на светлых, неожиданно ставших удивительно покладистыми.

Но раньше Белка всегда держалась на почтительном расстоянии и лишь изредка приближалась, если не имела возможности уклониться. Как во время нападения агинцев, например. Или недавно, на тропе, когда одним только взглядом она заставила темного замереть. А теперь вот снова показала свою силу. На долю секунды, но этого хватило, чтобы рассвирепевший гном внезапно умолк, Стражи внизу неровно задышали, Таррэн замер, пытаясь успокоить взбунтовавшееся сердце, а Гончие опасно попятнулись.

— И-извини, Бел, — пробормотал Крикун, поспешно уставившись в землю. — Но с твоей стороны нечестно испытывать на мне свои способности.

Белка, так же внезапно посуровев, отвернулась.

— Кажется, вас предупредили о гостях? — холодно спросила она. — Кажется, я просила не трогать никого из новичков?

Гончие отодвинулись еще дальше, старательно отводя глаза. Адвик и вовсе спрятал руки за спину, а сам внимательно изучал грязные ноги,

одновременно размазывая ими пыль по тумбе, будто нашкодивший пацан. И, как все остальные, настойчиво не смотрел наверх, будто боялся, что если взглянет хоть раз, то уже не сумеет устоять.

— Доброе утро, Бел. Мы просто разминались, — немного нервно ответил Шранк. — Остроухий неплох: я только раз сумел до него дотянуться. И то случайно.

— В самом деле? — вдруг заинтересовалась Белка, покосившись на непроницаемое лицо темного эльфа. — И долго вы его гоняли?

— Где-то час.

— И вы его даже не поцарапали?

— Почти нет.

— Гм... — Она на миг задумалась, но потом милостиво кивнула: — Тогда ладно, развлекайтесь.

Напряжение в воздухе мгновенно спало, будто грядущая буря с громами и молниями благополучно миновала. Снизу послышался шорох, потому что молодые Стражи наконец обрели подвижность и стремительно разошлись по своим делам. А Гончие с огромным облегчением выдохнули. Только гном нашел в себе силы гневно фыркнуть и демонстративно отвернуться, сложив могучие руки на груди.

Таррэн тоже перевел дух, ощутив странную свободу, вернувшуюся к нему в тот момент, как Гончая отвела взгляд. А еще — непонятное разочарование, потому что она опять надела личину Белика и, видимо, больше не собиралась ее снимать.

Таррэн осторожно покосился наверх, еще осторожнее заглянул в ее глаза, где уже утихали знакомые зеленые искры, и вдруг понял, почему никто из присутствующих не повторил подобной глупости, не рискнул смотреть.

В них не было ничего жуткого, в этих глазах. По крайней мере, ничего такого, чего он не видел раньше. Те же чистые лесные озера, слегка подернутые быстро тающей изумрудной пленкой; то же странное обаяние, которому невозможно не поддаться; неуместная ранимость, так странно сочетающаяся с несомненной внутренней силой; та же железная воля, вызывающая желание склонить голову и не сопротивляться; тот же обжигающий холод, не дающий сделать подобной глупости... Все это он уже наблюдал раньше. И уже прочувствовал на себе: огонь и лед, вода и пламень, пугающее по силе влечение и тут же — не менее сильное отторжение, заставляющее мгновенно прийти в себя и шарахнуться прочь. Необъяснимое сочетание неумолимой тяги, замешенной на обманчивой доступности, и острейшего чувства смертельной опасности, какое

испытываешь, стоя перед готовой к прыжку и не на шутку разгневанной хмерой.

Сколько раз он уже видел эти странные глаза! Сколько раз с усилием заставлял себя отворачиваться! Сколько раз понимал, что это настоящее безумие, но все равно настойчиво искал способ снова их увидеть! Сколько говорил себе, что сходит с ума! Напоминал, что испытывать подобные волнения рядом с человеческим мальчишкой недостойно сына Темного леса! А вот теперь оказалось, что он не безумец. Что его упорно тянуло не к языкастому мальцу, а к красивой женщине, как и положено нормальному мужчине. Что все было как нельзя правильнее, и ответ лежал на поверхности, стоило только взглянуть повнимательнее...

Таррэн плохо помнил, что случилось потом. Просто вдруг ослабли ноги, а сердце зашло в бешеном галопе, на висках выступил холодный пот, а руки ощутимо дрогнули. Затем — короткое мгновение беспомысленности, полная неподвижность, во время которой он с трудом мог мыслить. Мгновенный зеленый вихрь перед глазами, а за ним — долгий выдох, снова осознание себя разумной личностью и наконец чувство невероятного облегчения, что он живет, дышит и пока неплохо себя чувствует. Он больше не поддавался на ее страшноватое очарование. Только взмок, будто от тяжелой работы, да устал как собака — много сильнее, чем за время вынужденной разминки. После чего глаза Белки опять стали ярко-голубыми, а на лице появилась непонятная задумчивость.

— Крикун? — уже нормальным голосом позвала она. — Эй, не дуйся, старый ворчун. Просто ты меня рассердил, вот я и... погорячился немного.

— Да уж конечно, — неприязненно буркнул гном и, безжалостно скомкав драгоценный доспех, направился в кузню. — Делаешь для вас, стараешься, ночами не спишь, но ни одна собака не ценит! Один скалится, второй дерзит, отлично зная, что его прибить нельзя, а ты... Тьфу на вас! Вот уйду опять в горы, и сами тогда будете с этим хламом возиться!

— Да погоди ты! Крикун!

Гном недовольно оглянулся и с неожиданным злорадством проследил, как Белка осторожно спускается со своего насеста. Как бережно Траш поддерживает ее носом и как аккуратно помогает встать уже внизу.

— А здорово тебя потрепали, раз прыгнуть не решаешься, — мстительно заметил кузнец. — Даже железки не таскаешь, как всегда. Так тебе и надо, зараза двуличная! Может, хоть отучишься глазами сверкать где не надо!

Белка тихо вздохнула. Даже втянула голову в плечи, словно он задел больное место, и глухо уронила:

— Прости, Крикун. Я не нарочно.

— Ага. Конечно. Скажи кому другому, хмера недобитая!

— Я просто не всегда могу это контролировать. Честное слово, ты же знаешь.

— Ну разумеется. Просто я глупый карлик!

— Дурак ты бородатый! — неожиданно вспыхнула она и вдруг швырнула в гнома каким-то увесистым баулом, который, видимо, заранее оставила возле стены. — На! Держи! И только попробуй разбей!

Крикун машинально поймал сверток и с нескрываемым подозрением уставился на подозрительно булькнувшую ношу. И, похоже, едва сдерживался, чтобы не шарахнуть «подарочек» со всей силы о землю. Для невероятно вспыльчивого гнома такая реакция была бы в порядке вещей. Да, видно, здравый смысл все же возобладал.

— Это еще что? — с нескрываемым подозрением осведомился кузнец, брезгливо держа подарок.

— Ничего, — устало отозвалась Белка и, придерживаясь за костяные иглы хмеры, направилась к дому.

— Хочешь меня отравить, чтоб не портил тебе кровь?

Она промолчала.

— Эй! Чего там хоть налито?! Бел!

— Отвали! — наконец огрызнулась Гончая, после чего гном перестал докучать ей глупыми вопросами и, размотав сверток, обнаружил внушительных размеров бутылку из темного стекла.

Он осторожно развернул беленый холст, оберегавший хрупкую ношу от повреждений, отер стекло от многовековой пыли и взглянул на крохотную бирочку возле туго загнанной пробки. Даже цвет напитка не угадать, потому что стекло было непроницаемо черным. Но у гнома вдруг задрожали руки. Толстые пальцы непроизвольно сжались, вцепились, как в родное, прижали к груди, глаза слепо зашарили по мягким обводам старинного сосуда, а губы издали какой-то странный звук. Не то свист, не то стон.

— «Лунная заря»... — беззвучно выдохнул он, остановив неподвижный взор на крохотном оттиске на потемневшем от времени сургуче, где сияла трехлучевая звезда в окружении трех пиков неимоверно далеких Лунных гор. Его родных гор, где еще остались умельцы, знающие секрет самого редкого и поистине бесценного сорта вина, которое только можно себе вообразить. Легкое, немного терпкое, прозрачное, как слеза младенца, и таящее в себе столько восхитительных оттенков, что за обладание всего одной бутылкой можно было отдать целое состояние.

Единственное вино, которое уважали даже привередливые и крайне взыскательные эльфы. Маленькая драгоценность, стоившая баснословных денег. Настоящее сокровище для одного старого, ворчливого, недогадливого гурмана, которое он сдуру едва не разбил.

— Б-белка...

— Скажи спасибо, что Карраш спер его из дворцовых подвалов, а наше щедрое величество не стало возражать, — проворчала она, почти исчезнув в узком проходе между дворами. — Я всю дорогу тряса, чтобы не разбить. Терпел, не трогал, берег как зеницу ока. И все ради тебя, дурень.

— Дурень, — покорно согласился гном, любовно прижимая к себе стеклянное сокровище, а затем со странным выражением посмотрел на поцарапанную кольчугу, из которой едва не рассорился с Гончими, и очень тихо сказал:

— Я тебе два таких доспеха скрою. Хоть сотню, если будет из чего... Ведь «Лунная заря», да еще такой выдержки, бесценна!

Белка неожиданно обернулась.

— Цена у нее есть: моя жизнь, если ты не понял. И она уже дважды уплачена. Так что наслаждайся букетом и не удивляйся слишком сильно, если в своей комнате вдруг найдешь еще одну бутылку. Думаю, сам поймешь за кого.

При виде непередаваемого выражения на бородатой физиономии Белка слабо улыбнулась. А Крикун еще долго стоял как громом пораженный, не в силах произнести ничего вразумительного. Только отрешенно смотрел на измятый доспех, на драгоценную бутылку. Затем глянул на восхищенно прищелкнувших языками Гончих, что еще не полностью отошли от мимолетного взгляда своего жоака. И наконец повернулся к оторопевшему эльфю.

— Цени, остроухий, — непривычно тихо сказал ворчун и горлопан, пристально глядя на Таррэна. — Цени, потому что сегодня я забуду твою насмешку. И не стану просить скального брата пришить тебя где-нибудь в темном углу. Я позволю тебе жить на заставе спокойно, потому что не отказываю тем, кто может так просить за твою жизнь, хоть ее, на мой вкус, оценили слишком высоко.

Крикун коротко сверкнул внезапно посветлевшими радужками, в которых полыхнуло настоящее подгорное пламя, и, не добавив больше ни слова, ушел.

Таррэн ошеломленно моргнул, слишком медленно сознавая, что едва не раззадорил одного из магов маленького народа, который каким-то чудом

оказался среди людей и который, что самое удивительное, не счел нужным скрывать свое истинное могущество. Гномы очень тщательно прятали свою силу. А если учесть, что характер у них не ахти какой мягкий, стоило оценить этот великодушный жест, достойный потомка королевского рода. Тем более что редкие самородки-маги во все времена и у всех родов бессмертных действительно рождались только по одной линии — у правящей династии. А скальный брат... Гм, насколько Таррэн помнил, гномы так называли свои полумозговые творения, с которыми были связаны подобием кровных уз. Здоровенные, с огромными ручищами, без труда дробящими в пыль камни, с широкой пастью, которой они могли прогрызать широкие тоннели...

И вот такой гном-маг неожиданно нашелся здесь, вдали от гор, своего рода, дома и даже гномьих застав!

— Да-а-а уж, — со странным выражением протянул Шранк, пристально разглядывая пораженного до глубины души эльфа. — Если уж Крикун тебя признал... Торк! Неужели твоя шкура стоит целой бутылки?!

— Белик явно переплатил! — недовольно фыркнул Адвик, растирая затекшее плечо.

— Не уверен, друг мой... Ладно, закончили на сегодня. Пусть молодежь разминается, а у нас еще есть дела. Надо бы на холмы наведаться: почистить, что осталось. Да саламандру до конца ободрать, пока еще не все утащили. Там же чешуи на половину заставы хватит! Слышь, темный, не хочешь поучаствовать?

Темный эльф пожал плечами:

— Почему нет?

— Прекрасно. — Шранк едва заметно кивнул. — Адвик, ты топаешь на Гору, берешь с собой Иктара, Навира и Брока. И постарайтесь до обеда управиться: там Седой хочет всех собрать, чтобы уладить кое-какие вопросы. Так что туда и обратно, понял?

— Может, Вторую лучше подорвать для верности? Вдруг там есть ходы глубже, чем учуяла Траш? Да и Лысый холм проверить не мешает.

— Иди, умник, — усмехнулся Шранк. — На Лысый парни уже ушли: там возни всегда больше. Просто Иктар с Брокком поутру поцапались, как только могут ланниец с занйцем, так что я дал им время остыть, а тебе — лишний раз потренироваться. Так что топай давай, а если будут зубы скалить, то передай, что я им их выбью, если к моменту пробуждения Белика Гора будет стоять где стояла. Кстати, Крикун еще вчера расщедрился на свои «огоньки», поэтому взрывавай сколько захочешь.

Адвик наконец расплылся в коварной усмешке и, закивав, испарился.

ГЛАВА 2

С высоты крепостной стены Таррэн до самого вечера следил за поднявшейся внизу суетой. За неполный день Стражи умудрились не только очистить перепаханное поле от трупов, не только сожгли все, что еще ползало и жалобно попискивало, не только добились случайно уцелевших и сумели безжалостно ободрать убитую саламандру, но даже ни разу не прервались на отдых. Лишь беспокойно посматривали на быстро темнеющие небеса и, понимая, что всего на свете не переделаешь, неслышно ругались.

Ночь в Серых пределах — это время активного бодрствования. Днем здешние хищники, как правило, отдыхали и отсыпались, зато к вечеру все громче становился рев невидимых хмер, все чаще замирал воздух от пронсящих поверху летунов и все тревожнее вскрикивали их жертвы. Кто ими станет сегодня? Неизвестно. Каждая ночь — как поле боя, который из века в век становится лишь ожесточеннее. И хоть при свете дня зверье редко забредало в окрестности заставы, все равно стоило поспешить.

Урантар в который раз окинул взором далекие деревья, оценил стремительно чернеющие небеса и, отерев повлажневший лоб, дал отмашку возвращаться. Все, больше они сегодня не успеют. Хорошо хоть огненную саламандру ободрали как липку, сняв драгоценную шкуру. Второго такого шанса уже не будет: зверье обглодает тушу так, что останутся только кости. Проклятый лес не любил оставлять следов. Но, слава богам, времени хватило, да и эльф помог, надрезав родовыми клинками твердую, как камень, шкуру. Благодаря ему бесценную чешую удалось стащить, как перчатку, целиком, вместе с кожей. Скоро у Стражей появятся не только славная броня, но и прочные щиты.

Таррэн проследил за споро возвращающимися Гончими, слегка кивнул Шранку, который до последнего следил за границей леса. Обменялся выразительным взглядом со Стрижом, ответил на приветственный кивок Мухи и второго напарника по вчерашней схватке, отрицательно качнул головой на приглашение воеводы перекусить и, дождавшись, когда тот уйдет, снова уставился на заметно оживившуюся к ночи растительность.

Впрочем, мыслями он был далеко от Проклятого леса — недавний сон совершенно выбил его из колеи. Почему так случилось, что он опять заглянул в прошлое Белки? Ведь узы были уничтожены — Таррэн, усомнившись в этом, сегодня уже проверил. Однако сон был. Причем

Таррэн, если бы захотел, и сейчас мог услышать вкрадчивый голос брата. Его кожа до сих пор помнила прикосновения эльфийского клинка, а к горлу подкатывала тошнота от одного воспоминания о тяжелом, насыщенном запахе крови, от которого все не удавалось избавиться.

Утренний поединок не помог вытравить из памяти этот страшный запах. До самого вечера эльф был рассеян, задумчив и невнимателен. На вопросительные взгляды попутчиков не отвечал, осторожные намеки светлых пропустил мимо ушей, несколько колкостей от рыжего перенес со стойкостью закаленного в бою клинка, полные восхищения и любопытства взоры Стражей проигнорировал. Зато с охотой откликнулся на предложение Гончих развеяться; еще охотнее помог Седому с саламандрой, а затем с необъяснимым удовольствием прошелся по выжженной земле, едва не забредя в опасные заросли. Хорошо, Урантар вовремя окликнул, но с тех пор посматривал так внимательно, будто что-то заподозрил.

Пришлось, скрывая досаду, вернуться на заставу и забраться на самый верх одной из башен, куда редко заходили даже дотошные Сторожа. Как оказалось, правильно забрался, потому что только здесь, наверху, подставив лицо прохладному ветру и невидяще глядя на бесконечно убегающий горизонт, он смог успокоиться по-настоящему. От раскинувшегося перед глазами мрачного вида на Проклятый лес Таррэну, как ни странно, стало легче. Темнота приглушила воспоминания, пережитая боль постепенно отдалилась, чистый воздух, наполненный ароматами трав, понемногу вытеснил тошнотворный запах крови, и лишь тогда темный эльф смог наконец вдохнуть полной грудью.

Он еще долго стоял на пустой площадке, напряженно гадая о причинах сна. Рассеянно следил за сменой караула на стенах, привычной для Стражей суетой во дворах. Однажды вздрогнул от щекотки за левым ухом и невольно поежился, встретив насмешливый взгляд хмеры, но незаметно подкравшаяся Траш уже проворно спрыгнула со стены — охотиться. Карраш чуть задержался, чтобы проурчать в длинное ухо эльфа что-то предостерегающее, и тоже соскочил вниз, не собираясь упускать ни единой возможности подкрепиться.

Таррэн снова вздохнул и, поняв, что слишком долго отсутствовал, неохотно спустился. Седой сказал: им пара дней нужна для адаптации, так что надо поспать. Тем более скоро полночь, новых атак в ближайшее время не будет — местным обитателям нужно время, чтобы собраться с силами, подпирать собою стены тоже нет необходимости, а разгадка все равно не возникнет сама собой из воздуха. Разве что у Белки спросить?

Темный эльф поспешно задавил неуместное желание повернуть в

сторону знакомого домика. Мало того что его хозяйка еще не пришла в себя, так наверняка еще и Шранк где-нибудь поблизости ошивается. А то и вся стая пасется под дверью, охраняя чуткий сон своего вожака.

Стараясь выкинуть глупые мысли из головы, он пересек задний двор, но у самого выхода все же не утерпел — оглянулся. И почему-то вопреки ожиданиям ни одной Гончей рядом не обнаружил, отчего желание заглянуть в домик стало просто непереносимым.

Хмер сейчас в крепости нет, никакой другой охраны у домика — тоже... Казалось бы, что мешает ему зайти и поговорить?

Лишь немалым усилием воли Таррэн удержался от соблазна и заставил себя уйти. А когда добрался до перехода между дворами и понял, сколько сил забрала у него эта внутренняя борьба, то в изнеможении прижался лбом к холодному камню.

Боги... что же такое творится?! Почему он не может просто уйти и забыть о том, что видел? И почему повсюду чувствует ее запах?!

— Чего замер, ушастый? Хотел о чем-то спросить? — вдруг насмешливо поинтересовался из темноты подозрительно знакомый голос, заставив Таррэна вздрогнуть. Неужели он все-таки влип?! — Можно подумать, я тебя не слышу! Выползай, раз уж пришел. Правда, тут темновато, но для тебя это не должно стать проблемой, верно?

— Верно, — мягко ответил другой голос, и до изумленно замершего Таррэна донесся шорох чужих шагов.

Элиар?! Ему-то здесь что понадобилось?!

Он осторожно выглянул за угол: да, Белка была здесь. Босая, одетая в холщовую рубаху и мешковатые штаны, она, кажется, уже давно здесь тренировалась. По крайней мере, волосы у нее были влажными, ладонки и стопы успели испачкаться в песке, да и штанины на коленках заметно запылились.

Перескочив с одной угловатой тумбы на другую, а затем и на третью, Гончая ловко вскарабкалась на верхушку одной из колонн и уже оттуда с нескрываемым интересом уставилась на подошедшего светлого.

— Что, ушастый, не спится?

— Нет, — кротко ответил Элиар, глядя на нее снизу вверх. — А я думал, ты до утра не встанешь. Да и потом будешь хромать и охать.

— Не дождешься, — дерзко хмыкнула Белка, болтая ногами в воздухе.

— Вроде Урантар про три дня говорил? В смысле, что тебе столько хватает для восстановления? — не обратил внимания на насмешку эльф. — Или он ошибся?

— Не ошибся. Только иногда все равно надо вставать, чтобы

перекусить. А потом еще пару часов сидеть без сна, иначе не усвоится.

— Чего же ты тогда бегаешь здесь, а не сидишь на месте?

— Так надо.

Элиар оперся плечом о соседнюю тумбу и бросил наверх быстрый взгляд. Белка... Маленькая, ловкая, гибкая и хитрая, как сто хмер. Невероятно скрытная, но очень-очень умная Гончая, которая заметно припадает на правую ногу и бережет живот, где под свободной рубахой даже в темноте угадывается плотная повязка.

— Тебе же больно, — наконец тихо сказал он. — Никакая броня не поможет избежать переломов от таких челюстей, как у саламандры. Будь она хоть из чешуи дракона, сила удара все равно такова, что тебя должно было смять! Белка...

— Белик, — строго поправила она. — Не забывай: всегда только Белик, и никак иначе.

Светлый вздохнул.

— Конечно, я не лучший в этом мире целитель, но даже мне понятно, что ты переломала... прости, переломал половину ребер. Да и в бедре как минимум должна быть трещина. Зачем ты это делаешь? Тебе ведь больно!

— Да, — тихо призналась Гончая. — Один зуб пропорол доспех, а другие порвали ногу. Если бы не Тращ, я бы сегодня вообще не встал.

— Тогда зачем?

— Просто мне нельзя без движения. Я должен постоянно двигаться, чтобы раны затянулись. Скоро снова идти в лес. А раны... Ничего, не в первый раз.

— Хочешь помогу? — неожиданно предложил Элиар.

— Ты?! — искренне изумилась она.

— Да. Думаю, я мог бы тебе помочь.

Белка покачала головой.

— Вот уж не ожидал от тебя великодушия.

— Я ж не дурак, в самом-то деле, — буркнул эльф, отводя глаза. — А от тебя слишком многое зависит.

— А разве это единственная причина?

На долгое мгновение во дворе воцарилось неловкое молчание.

— Зачем ты пришел, Элиар? — беззвучно шепнула Гончая, и светлый снова поднял голову, неосторожно встретив ее взгляд.

После чего надолго замер, внезапно ощутив, что проваливается в какую-то бездонную пропасть. Как и раньше, на тропе, когда он рискнул впервые заглянуть в эту ледяную бездну. Не отказался от ее сумасшедшей идеи, а наоборот, доверился, признал право повелевать, покорно склонил

голову и... выжил?

У него стремительно расширились зрачки, гулко и тревожно стукнуло сердце, по телу прошла волна необъяснимого жара, а затем наступило странное оцепенение, в котором было хорошо и как-то очень спокойно. Правильно, что ли? Он не мог объяснить. Просто чувствовал, что так должно быть, и совершенно не хотел сопротивляться.

— Прости, Элиар, — наконец сказала Белка, отворачиваясь. — Но на меня не действует магия.

Он вздрогнул и так же неожиданно очнулся от наваждения.

— Что, совсем?

— А ты знаешь другую причину, по которой я могу спокойно касаться ваших клинков? Так что не трать понапрасну силы и не беспокойся: я выдержу. А если хочешь помочь, то... Может, составишь компанию на вечер? Только сапоги, пожалуй, сбрось, а то ноги до крови стопчешь.

Элиар изумленно крикнул.

Ничего себе предложение! Побегать вместе с ней на тумбах, соревнуясь в скорости?! Еще пару дней назад он бы скривился и ответил категорическим отказом, но сейчас почему-то заколебался. Даже по сторонам огляделся, словно опасался, что его застанут за таким неподобающим занятием. А потом подумал и... медленно стянул обувь.

Белка все это время внимательно за ним наблюдала.

— Тебя не смутит, если я сброшу рубаху? — небрежно осведомился эльф, подходя к ближайшей тумбе и бережно ощупывая ее неровную поверхность.

Гончая насмешливо хмыкнула.

— После того как на вас три недели пришлось любоваться во всех видах? Меня вообще очень сложно смутить. Можешь и штаны до колен закатать — так гораздо удобнее. Пояс тоже снимай. Меч — тем более: здесь он тебе не понадобится. Первый круг, так и быть, я дам тебе пройти одному, чтобы привык, а потом погоняемся. Прыгать можно на любую опору из любого положения, цепляться хоть ногами, хоть зубами, хоть чем угодно, если умеешь. Общее направление — слева направо, но строгих ограничений нет. Кто первым слетит на землю, тот и проиграл. Только, чур, по ребрам не бить.

Элиар, окончательно придя к выводу, что сошел с ума, а сумасшествие — не порок, проворно избавился от куртки, скинул рубаху, чтобы не испачкать. Так же быстро закатал обе штанины и, ухватившись за намеченный выступ, ласточкой взлетел вверх. Затем быстро обежал глазами импровизированную площадку, отметил разную высоту тумб,

близость некоторых крыш, ширину колонн. Уверенно смерил расстояние до ближайших площадок, мысленно проложил несколько возможных маршрутов и наконец на хорошей скорости одолел первый круг. После чего убедился в правильности собственных выводов и обернулся.

Белка оценивающе прищурилась, бесстыдно изучая остроухого, но его красивая фигура действительно производила впечатление. Плечи широкие, руки жилистые. Волосы длинные, забраны в сложную прическу, чтобы не мешались. А лицо... Эх, какой только бог сотворил ушастых по своему образу и подобию? Взглянуть бы на него одним глазком!

Элиар, заметив ее интерес, улыбнулся уголками губ: женщины никогда не обделяли его вниманием.

Белка в ответ только хмыкнула и натянула перчатки.

— Начали!

Эльф сорвался с места, как выпущенная из лука стрела. В мгновение ока преодолев оставшееся до противницы расстояние, он почти схватил ее за рукав... и вдруг понял, что стоит на проклятой тумбе один-одинешенек, а Гончая улыбается на соседней площадке.

Элиар тихо ругнулся и прыгнул снова, а потом еще и еще раз. Затем перестал-сдерживаться и рванул вперед со всей доступной скоростью, но все равно едва поспевал. Белка прыгала, скакала, уворачивалась, буквально перелетала с тумбы на тумбу, ловко избегала протянутых рук и не позволяла себя даже коснуться. А скоро начала и ехидно посмеиваться: мол, не так уж и быстры ушастые лорды.

Раздосадованный эльф тихо зарычал.

Спустя всего двадцать ударов сердца он понял, что она слишком быстра. Через сорок — что она очень вынослива. А еще через десять — что способна даже перворожденного заткнуть за пояс. Элиар коротко выдохнул, сетуя на собственную неловкость, а затем наткнулся на откровенно прицельный взгляд с соседней крыши и, послушавшись мудрого сердца, резво отскочил в сторону. Кажется, она больше не желает убежать?

Белка зловеще улыбнулась и, оттолкнувшись ногами, буквально прыгнула на обеспокоившегося светлого. Надо же, как быстро он понял, где подвох! И теперь улепetyвает с достойной уважения скоростью! Даже повернуться и напасть не решается, потому что, похоже, понимает, что не успеет. Ловкач, ловкач...

Она высоко подпрыгнула, распластавшись в полете подобно охотящейся хмере. Одним махом перескочила сразу две подходящие для атаки площадки, надеясь, что встревоженному эльфу не придет в голову мысль остановиться или свернуть не в ту сторону. Перекувырнулась,

пролетела прямо над головой судорожно выдохнувшего противника, приземлилась на его пути буквально за мгновение до того, как он шагнул на ту же самую площадку. И, резко оттолкнувшись, мощно прыгнула обратно, прямо на лету разворачиваясь и целя пятками ему в грудь.

Мгновение недолгого полета... судорожный вздох, нелепый взмах рукой, и Элиара смело с тумбы, как пушинку.

Уже лежа на спине, жадно хватая ртом прохладный ночной воздух и пытаюсь сообразить, каким образом она сумела то, что сумела, эльф неожиданно понял, что проиграл. Наглая Гончая просто скинула его с опоры, крепко приложив спиной и тем, что пониже, о дьявольски твердую землю. С'сош! Хорошо еще, что тумба была низкой и он не потерял сознания. Только треснулся всем чем мог, испачкался, как свинья, да еще и встать не может!

Элиар собрался было выругаться, но с удивлением обнаружил, что не способен даже на это, потому что на его груди откуда-то взялась немалая тяжесть.

Дождавшись, когда на физиономии светлого появится осмысленное выражение, Белка улыбнулась шире и со знанием дела уперлась коленом ему в кадык.

— Ну? — промурлыкала она, наклоняясь над поверженным эльфом.

— К'с-с-саш!

— Как выразительно. Но мне всегда казалось, что ваш язык гораздо богаче. Еще круг?

Элиар мрачно покосился на нее снизу вверх, но спихнуть с себя наглуую Гончую не успел: она молниеносно соскочила и без промедления вспорхнула на ближайшую колонну, где снова с удобством уселась и загадочно хмыкнула. Эльф, тоже поднявшись, хмуρο покосился наверх.

— Белик, ты вообще человек?

— Гм... — откровенно задумалась Гончая. — Если к Стражам это слово применимо, то да. Мои родители — люди, и никаких полукровок среди обеих ветвей моего рода, если тебя это интересует, не было. Только смертные.

— Точно?

— Неужели сомневаешься? Во мне или в себе?

— Во всем, — все еще сердито буркнул эльф. Затем тихонько вздохнул и неуклюже забрался на ту же тумбу. Спина все еще поднывала, в голове звенела на зубах противно хрустел песок. Видя, что Белка пока не рвется продолжать свое безумное занятие, он осторожно уселся рядом и покачал головой.

Торк! Но кто ж знал, что она настолько ловка?! А если бы он свалился с тумбы повыше? Да еще на такой бешеной скорости? А если бы нога зацепилась за одну из многочисленных трещин и он бы хряпнулся лицом вниз со всего размаху? А если бы ему каким-то чудом удалось опрокинуть сейчас ее? Ударить так, чтобы и она тоже пыли наелась? Тогда бы она сбавила темп? И стала действовать хотя бы чуточку осторожнее?

Впрочем, раз уж она вчера помогать себе не позволила, то и сейчас наверняка поблажек себе не даст. Как все, будет носиться, прыгать и... рисковать остаться калекой на всю жизнь!

Неужели ей это нужно?!

— Да, — вдруг сказала Белка, словно услышала его мысли, а на искреннее изумление перворожденного очень спокойно пояснила: — А все спрашивают. Как узнают правду, так и ползут вереницей под окна: вразумлять, вопрошать, интересоваться, что я тут делаю. Да еще на пару с хмерой.

— Так уж и все? — недоверчиво приподнял брови эльф.

— Абсолютно. Слетаются быстрее, чем мухи на мед. Или на дерьмо, кому как больше нравится. А результат все равно один: возбужденно галдящая и роняющая слюни толпа у порога.

— Ты что, не любишь мужчин? — очень осторожно уточнил Элиар.

— Нет. — Белка внезапно посуровела и холодно посмотрела. — Я их убиваю.

Он чуть вздрогнул, увидев страшноватые зеленые отсветы в ее глазах, и невольно отодвинулся к краю. Бездна! Сейчас туда действительно было страшно заглядывать. И хотя прежнее очарование ничуть не ослабло, сейчас к нему примешивалось необъяснимое, но невероятно сильное ощущение угрозы. И в какой-то момент оно стало настолько острым, что по коже пробежали холодные мурашки, а сердце предательски пропустило удар. Правда, только на миг. А затем страх и безумная привлекательность Белки переплелись между собой так тесно, что Элиар совсем перестал понимать, чего именно хочет.

Всего месяц назад он сказал бы, что такого не бывает. Что его, хранителя трона, никогда не смогла бы заинтересовать эта двуличная девчонка и не привлекла бы, даже танцуя в голом виде на столе... Но вот она сидит рядом, и в крови бушует пожар. Да такой, что ему уже трудно сдерживаться, а в голове табунами гуляют нескромные мысли. Недаром он весь остаток ночи не спал и проклинал про себя ее коварный доспех, склепанный словно нарочно, чтобы соблазнять и покорять. А днем изводил себя вопросами, бесконечно сомневался, гадал, с нетерпением ожидая,

когда Гончие исчезнут со двора. Караулил ее, как малолетний романтик, надеясь непонятно на что. А теперь сидит бок о бок, как дурак, боясь чего-то и едва не краснея.

Точно, дурак. Шестисотлетний ушастый дурак. Но он бы рискнул и дальше смотреть в эти необычные глаза, рискнул бы даже коснуться ее кожи, поддался бы искушению, что с каждой минутой становилось все сильнее...

Ее взгляд мгновенно похолодел и заставил замереть на месте. «Я их просто убиваю...» — так она сказала недавно. И в этом слышалась какая-то жутковатая истина.

— Ты воин, Элиар, — неестественно ровно продолжила Гончая, словно не заметив его смятения. — Хороший воин, который многое видел и многого достиг. Сражался, убивал. Твой меч выкован лучшими оружейниками Светлого леса. И, будучи хорошим воином, ты никогда не обнажаешь его просто так, для забавы или чьей-то потехи. Ты знаешь, что оружие этого не любит. Как знаешь и то, что есть клинки, которые не стоит обнажать никогда. Которым нельзя покидать ножны и которыми можно только любоваться. Издалека...

Белка наконец отвела потяжелевший взгляд и невидяще уставилась в темноту.

— Я такой клинок, Элиар. К сожалению или к счастью, но это правда. Я просто хороший клинок в богато украшенных ножнах. Такова моя жизнь и мое проклятие, потому что я, как и оружие, умею лишь одно — убивать. Правда, делаю это очень хорошо.

Элиар вздохнул, сбрасывая некстати охватившее его оцепенение, но все же рискнул подвинуться чуть ближе. Сдаваться он не собирался. Не тогда, когда она так близко. Не сейчас.

— Я умею обращаться с оружием, Белик, — старательно подбирая слова, сказал он главное.

— Поранишься, — предостерегла она.

— Я не боюсь боли.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Тогда дай мне шанс узнать.

— Элиар...

— Да, ты права: я воин, — настойчиво повторил эльф. — Но я хорошо знаю, что пылящийся в ножнах меч бесполезен. Он не принесет миру то, что в него заложено, а ваши боги порицают это. Они говорят, что каждый нужен для выполнения своей задачи: ты, я... даже Проклятый лес. Бел, каждому клинку нужна твердая рука. А еще возможность хотя бы раз спеть

песнь смерти. Или жизни.

— Ты не понимаешь...

— Так объясни. Я пришел, чтобы понять.

Белка тяжело вздохнула и неловким жестом подтянула ноги к груди, словно хотела от чего-то защититься. Обняла колени руками и ненадолго замерла, прикрыв глаза. Но от этого простого, какого-то детского движения аура угрозы, так внезапно появившаяся несколько минут назад, неожиданно растаяла. А рядом с эльфом осталась лишь теплая ночь, волнующая тишина на пустом полигоне и очень красивая девушка, которую он разглядел только вчера. Но которая, он знал, больше никогда не уйдет из его мыслей.

— Белка...

Она грустно покачала головой.

— А ты настойчив, Элиар.

— Да, мне говорили, — мягко улыбнулся эльф.

— Не боишься ошибиться в выборе?

Он словно не услышал. И даже сейчас не уставал краешком глаза любоваться на ее точеный профиль. Как же он пропустил такую жемчужину? Почему не задумался раньше, когда сердце впервые дрогнуло? Почему не смог увидеть очевидного? Эти волшебные радужки, эти точеные скулы, мягкие губы, созданные для того, чтобы дарить наслаждение?

— Неужели тебе никогда не хотелось иной жизни? — хрипло спросил эльф. — Не хотелось уйти от войны? От крови? Ты рискуешь здесь каждый день, рвешься в самую гущу и совсем не дорожишь собой... Зачем, Белик? Зачем, если ты могла... мог бы быть счастлив?

— Это не тебе решать.

— Возможно. Но тридцать лет — немалый срок для человека, а ты тратишь лучшие годы в Серых пределах вместо того, чтобы наслаждаться жизнью рядом с теми, кто тебе дорог.

— Все, кто мне дорог, рядом, — тихо ответила Белка. — Они всегда со мной. И только им я верю: Траш, Каррашик...

— Я не об этом, — мягко прервал ее светлый. — Неужто за два десятилетия... ну ладно, за одно, после того как ты повзрослела... тебе не встретился человек, с которым захотелось бы иной судьбы? Другой жизни? Мира? Радости? Любви, наконец! Неужели никто не смог стать тебе ровней? Никто не был достоин? Белик?

Она медленно повернулась и словно в первый раз оглядела эльфа с ног до головы. А что? Хорош собой. Да что там — красавец! Строен. Смел. Силен. Ветер игриво развеивает шелковые золотистые пряди. Зеленые глаза

смотрят с неподдельным интересом и затаенной надеждой...

Белка насмешливо фыркнула.

— Ты себя, что ли, предлагаешь?

— А чем я плох? — ничуть не смутился Элиар.

Она только вздохнула. Скажи кому, что высокородный эльф предлагает себя сам... И ведь он искренен сейчас. Все они искренни. Да только зря все это. И он распинается тоже зря.

— И почему с вами так сложно? — Белка устало потерла виски. — Почему надо сперва от души врезать, чтобы вы наконец поняли, что ко мне не стоит приближаться? Почему до мужчин только через тумачи доходит, что мое присутствие рядом не означает неперемного согласия?

Она тяжело вздохнула и прошептала:

— Десять лет... Десять проклятых лет вы треплете мне нервы. Целых десять лет не желаете признать, что не способны мне помочь. Неужели это так сложно — оставить меня в покое?! Я сделал все, чтобы этого не повторялось. Ношу исключительно мужскую одежду. Я ни знаком, ни жестом стараюсь не напоминать вам о правде. И столько времени валяю дурака, чтобы вы запомнили, насколько хорошо и больно я могу ударить! Я злю вас, бешу, довожу до последней грани, чтобы никто не почувствовал лишнего. Но вы как паутина: липнете и липнете, без конца и края...

Она вдруг крепко зажмурилась и окончательно растеряла всю свою уверенность, ту стальную и почти непробиваемую оболочку, за которой столько времени удачно оборонялась. Будто в кои-то веки сдалась. Сломалась. И это напугало сидящего рядом эльфа больше, чем презрение, которым его не раз окатывали с головы до ног. А второго, в изнеможении прижавшегося лбом к холодному камню, и вовсе как в ледяную воду окунули.

— Я обидел тебя? — вдруг встревожился Элиар. — Прости, не хотел, чтобы это прозвучало грубо. Просто у нас иные традиции и, если я тебя задел... Извини, ладно?

Гончая невесело покачала головой:

— Меня мало чем можно задеть: за столько лет чего только не наслушаешься. Но ты хоть сам соображаешь, что делаешь?

— Вполне.

— Ничего ты не соображаешь! Ни-че-го! — вдруг зло прошептала она. — Ты хоть раз подумал, почему тебя ко мне тянет?! Хоть одной извилиной пошевелил, прежде чем примчаться сюда, как зверь в период гона?! Нигде не шелохнулась мысль, что это неправильно?! Что тебя не должно волновать мое присутствие, потому что я всего лишь человек!

Которого ты к тому же абсолютно не знаешь!

— Нет, — озадаченно сказал эльф. — По-моему, все правильно: я мужчина, ты женщина.

— Дурак... какой же дурак... еще один на мою больную голову! — Она бессильно сжала кулаки. — Битый час распинаться об одном и том же! Целый вечер угрохать, отбить весь язык, а толку... Наверное, это действительно невозможно: объяснить мужчине, что он очень хорош, но не здесь, не со мной! И не потому, что с ним что-то не в порядке. Как, ну как вам еще объяснить, что ко мне не стоит приближаться?! Как сказать, что этого просто нельзя делать, потому что мне это принесет боль, а вам...

— Хочешь, я уйду? — тихо спросил Элиар. — Я больше не побеспокою тебя. Не стану ничего говорить. Просто уйду и забуду? Я тебе противен?

Белка, помолчав секунду, снова вздохнула.

— Ты ни при чем, честное слово. И ты очень красив, Элиар. Настолько, что наши парни до сих пор завистливо вздыхают, а любая девчонка на моем месте сомлела бы от восторга. Но здесь другое. Извини, что сорвался. Не хотел тебя обидеть. К тому же с тобой, на удивление, все прошло гораздо легче. Просто я устал, давно не спал, да и бедро некстати разнылось. Наверное, не стоило так напрягаться и скидывать тебя вниз? Кстати, как спина?

— Нормально. Что ты имел в виду, когда сказал, что со мной легче?

— Хм. По крайней мере, ты не лезешь с руками и не используешь наведенную магию.

— Магию? Зачем? — искренне удивился Элиар. — Тем более если она на тебя не действует?

Она хмыкнула.

— Ну, Танарис не знал...

— Он разговаривал с тобой?! Тоже?! И попытался... — От неожиданной догадки у эльфа закаменело лицо.

— Все они были, — с тихим смешком подтвердила Белка. — Рыжий, как всегда, с сальными шуточками и плохо завуалированным предложением. Молот только покраснел и извинился, что раньше не признал. Аркан галантно расшаркивался и надоедал с комплиментами, пока я не отправил его к Торку. Ирбис и Сова столкнулись друг с другом прямо на входе, но посмотрели, как я бегаю, и решили не торопить события — обошлись, слава богам, вежливыми фразами ни о чем. Разве что Танарис оказался более напористым, но и он не преуспел... Надеюсь, на сегодня ты — последний и я могу со спокойной совестью лечь спать, не ожидая

больше тихого стука в дверь и деликатного покашливания под окнами.

Элиар ошеломленно крикнул, когда понял, что за неполную ночь на полигон умудрились явиться все, кто вчера едва в обморок не упал, увидев, кем на самом деле был несносный задира Белик. Все, кроме Литура, который был в курсе, и темного, у которого, будем надеяться, все-таки хватит мозгов не раздражать ее в этот долгий вечер.

О владыка! Неужто мужчины настолько предсказуемы, что Белка пожертвовала сном и уже который час терпеливо ждет очередного поклонника, чтобы разом решить все вопросы и больше никогда к ним не возвращаться?! Ждет, откуда-то зная, что они все равно, словно мухи на мед, слетятся! Так же ровно повторяет каждому прописные истины, что за десять лет оскомину набили. А чтобы было чем заняться в перерывах, потихоньку восстанавливает форму?

— О боги... — только и смог выдохнуть он, когда заглянул в ее глаза и понял, что это — сущая правда. — И что? Всегда так?!

Она печально кивнула, а Элиар совсем растерялся.

— Я не знал. Прости.

— Ничего. Говорю же, с тобой оказалось легче всего.

— Белик... Это что, так заметно? Неужели мы настолько дурные?!

— Увы, — печально улыбнулась Белка. — Каждый раз, когда сюда приходят новички, это повторяется с точностью до последнего слова. Все последние десять лет после моего совершеннолетия. Я даже специально откладываю остальные дела, потому что больше суток не выдерживает никто — обязательно прокрадываются к дверям, царапаются, скребутся, зовут и просят пару минут для личного разговора. С цветами, подарками, стихами и даже со штанами в одной руке. Кто поумнее — быстро уходят, самым дурным я ломаю руки и проламываю головы. Тех, кто совсем идиот и пробует действовать силой, приходится вышвыривать обратно за Драконий хребет, потому что такие болваны нам не нужны. Даже мои парни не исключение: все хотя бы раз попытались счастья. Но, слава богам, они уже остыли и запомнили, чего нельзя делать ни при каких условиях. Даже Адвик уже не напрашивается: все-таки я не зря их последние пять лет гоняю. С остальными до сих пор ведется позиционная война с переменным успехом, а чаще сохраняется нейтралитет. Но, как ни странно, с тобой оказалось проще всего: мы уже разогрелись, битый час сидим в темноте, одни, а ты до сих пор не распустил руки. Так что спасибо. Поверь, такое бывает крайне редко, а я очень ценю в мужчинах сдержанность.

— Боги... — Элиар посмотрел на Гончую совсем беспомощно, а затем наткнулся на ее сочувствующий взгляд и неожиданно прозрел. — Это что,

магия? Какой-то амулет?

— Ты же знаешь, я не маг. Даже более того: рядом со мной большинство заклятий теряют силу, а некоторые вообще разрушаются. Просто из-за некоторых обстоятельств я, скажем так, нравлюсь мужчинам. Очень нравлюсь, независимо от возраста, цвета глаз и длины ушей.

— Нравишься — не то слово, — пробормотал эльф, старательно загоняя вглубь неуместные эмоции.

— Как приманка на ниточке, которую уже подвесили под самым носом. Как мед для медведя или запах крови для хмеры. Вас тянет ко мне как магнитом, заставляет бросать все дела и мчаться по первому зову, а чаще всего — и без оного. Это работает всегда, везде, ровно с того момента, как мне исполнилось восемнадцать. И с этим совершенно невозможно бороться ни эльфам, ни людям, ни магам, ни... гм, даже гномы с трудом держатся. Что же касается пределов... думаешь, мне было бы легче в Интарисе? Здесь, по крайней мере, знают, что ко мне лучше не приближаться, а там... Представь, сколько народу пришлось бы покалечить, чтобы избавиться от назойливого внимания! Про ваш лес вообще молчу. Мне иногда кажется, перворожденные реагируют сильнее, хотя большого опыта в этом плане у меня нет. Сам знаешь: не люблю я ваше племя. Но пока меня считают мальчишкой, вы еще как-то сдерживаетесь, терпите, давите в себе эту тягу. Если не смотреть вам в глаза и почаще выводить вас из себя, то все терпимо. Злость уравновешивает соблазн, и почти все справляются. Но стоит вам сообразить, что вы не ненормальные и не сошли с ума, интересуясь сопливым сорванцом, а я на самом деле — совсем не то, чем кажусь... О-о-о, тогда жди гостей. Думаешь, чего Крикун вчера ржал как ненормальный? Именно потому, что догадывался, чем дело закончится. А вот мне было совсем не до смеха.

Элиар долгое мгновение тарачился на огорченную девушку, уткнувшую нос в колени и терпеливо дожидаящуюся его реакции на такую странную правду. Старательно переварил новую информацию, что-то припомнил, что-то додумал, об остальном просто догадался. Представил, каково ей было вчера. Вспомнил, как старательно его бесили всю дорогу до заставы и откровенно напрашивались на тумак, которого, на удивление, всякий раз удавалось избежать. Как быстро над «дерзким мальцом» взяли шефство суровые караванчики. Как старательно берегли его Стражи уже здесь. Как тщательно Белик каждый раз выбирал место и время для купания. Как пугался за него старый воевода. Как боялся просто признаться остальным, что мнимый «племянник» на самом деле — очень даже

«племянница». И до последнего мига покрывал здесь, на заставе, где ее ценят как настоящее сокровище. Ровно до тех пор, пока наглый гном не подгадил всем своим дурацким доспехом...

Эльф на миг ошарашенно замер, хрюкнул, а потом самым неожиданным образом... расхохотался. Белка удивленно обернулась, но он просто откинулся навзничь и, прикрыв горящие злым восхищением глаза, от души хохотал над той ситуацией, в которой все они нечаянно оказались. По ее, разумеется, вине, но абсолютно без ее желания.

Надо же... если бы все раскрылось раньше, Белке стало бы совсем туго. А Седому пришлось бы собственноручно перебить половину караванной охраны. Более того, они с Танарисом наверняка попали бы в пятерку смертников, потому что в тот момент были слишком злы, а потому имели все шансы напороться на ее чарующий взгляд и уже тогда попасть как куры в ошип.

— Элиар, ты здоров? — осторожно спросила Белка, когда мелодичный смех огласил сонную заставу.

Эльф расхохотался громче: привлекательный и сильный мужчина, внезапно утративший все свое высокомерие. Просто потому, что попался на крючок обычной смертной девчонки. А до этого решился на откровенное безумие — связал себя узами с шестью наемниками и умудрился подцепить от них привычку язвить.

— Ох, Бел! Да если бы не ты, я бы ни за что не согласился на эти узы! — простонал он, вытирая выступившие от смеха слезы. — Точно бы не согласился, потому что это невозможно! И я никогда не полез бы на тропу! И уж точно ни за что не приперся бы сюда, на эти тумбы, как дурак!

— Я малость схитрил, чтобы все вышло как надо, — скромно потупилась Белка. — Не стоило тебе на меня смотреть. А остальные еще раньше попались, поэтому у нас и получилось.

— А я-то все голову ломал, чего они стали такими послушными... Ох! Надеюсь, твои Гончие не торчат сейчас на уступах и не готовятся набить мне морду, как только я слезу? После подобных откровений я не удивлюсь, если поблизости «случайно» окажется пара доброжелателей, готовых ласково и нежно свернуть мне шею. Просто за то, что остальных ты отпинала сразу, а меня пока еще терпишь.

Белка только усмехнулась.

— Стража мне не нужна: я не настолько слаб, чтобы не справиться с вами поодиночке. Впрочем, и со всеми вместе — тоже. Карраша мы специально выпроводили на охоту, потому что он ужасно ревнивый, Траш за ним приглядывает. А парни просто сидят в своих комнатах, по-тихому

ржут и бьются об заклад, у кого из вас завтра поутру будет расцарапана физиономия. Конечно, они хотели увидеть этот спектакль своими глазами, но я не считаю, что подобные вещи нужно выставлять напоказ, поэтому и пообещал, что, если кого увижу поблизости, размажу по стенам. Они у меня послушные, так что можешь быть спокоен: вокруг нет ни одного... гм, человека. К счастью, завтра их ждет немалое разочарование, наши доблестные попутчики получили вежливый отказ и давно дрыхнут, а ты... раз уж попался, терпи. Завтра можешь позлорадствовать, но чтоб никаких намеков! Потом за стойкость медаль для тебя у короля выпрошу.

— Спасибо, — неожиданно посерьезнел эльф. — Только медаль мне не нужна: я не сорока, чтобы блестящие цацки на себя навешивать. Позлорадствовать, конечно, позлорадствую. Особенно когда рыжего увижу. По поводу намеков тоже не дурак. Но, если честно... Бел, я ни от чего не отказываюсь. За Танариса прошу у тебя прощения, потому что его поступок низок, но за себя могу сказать — я не против.

Она скептически приподняла бровь, но он не вилял, не врал и не распускал руки. Смотрел открыто и все с той же симпатией. Да, все слышал, понял, внял. Но не испугался. А сейчас просто сообщил, что будет сдерживаться и не станет докучать с неуместными чувствами. Хотя с удовольствием рискнул бы проверить их на прочность и хотел бы попробовать завязать отношения, даже несмотря на угрозу расцарапанной физиономии.

— Ох, ушастый... — сокрушенно вздохнула она. — Ну назови мне хоть одну причину, но которой не стоит сейчас послать тебя по матушке? И не дать моим парням хоть один повод славно повеселиться?

— Ну ты еще не вышвырнула меня отсюда. — Элиар широко улыбнулся и стремительно спрыгнул с тумбы, чтобы не попасть под горячую руку.

Удачно избежав тумака, отскочил подальше и мысленно поаплодировал тому, как завибрировала от удара Гончей мощная колонна. Но, прежде чем исчезнуть в темноте, галантно поклонился, одарив недовольную Гончую ослепительной улыбкой.

— Это — первая причина. А остальные я сообщу тебе позже. Если, конечно, ты не передумаешь.

Белка задумчиво подула на кулачок.

— Ладно, попробуй меня удивить.

— Обещаю. — Элиар отвесил ей изысканный поклон и со спокойной душой покинул двор. Правда, какое-то время он справедливо опасался, что в спину прилетит что-нибудь увесистое или острое. Но обошлось: только

короткая усмешка, больше похожая на вызов, — и все. А на такой вызов он был готов ответить.

Таррэн устало прикрыл глаза, наконец-то понимая причины такого поведения Белки. Как и то, что, несмотря на все ее усилия, его тоже зацепило этой странной магией. Причем настолько, что было тяжело просто стоять рядом, особенно зная, что она будет его ждать... одна, в темноте... в чарующей тишине удивительно тихой ночи. Ждать лишь для того, чтобы послать по известному адресу.

Таррэн не собирался портить ей настроение и не желал становиться таким, как все. Не хотел больше видеть, как разгорается в ее глазах застарелая ненависть. Поэтому, хоронясь в глубокой тени, бесшумно отступил назад, и, проводив взглядом весело насвистывающего собрата, так же бесшумно растворился в темноте.

ГЛАВА 3

Наутро обеденный зал был переполнен. И гудел, словно растревоженный улей, полнясь несказанным нетерпением и затаенным злорадством: чужаки казались расстроенными. Рыжий вяло ковырялся в тарелке, хмуро изучая ее содержимое. Чернявый и лысый вместе с невзрачным мужичком выглядели задумчивыми. Литур — немного виноватым из-за того, что Сторожа силком усадили его за свой стол, попутно объяснив, что дальнейший путь в Проклятый лес ему заказан. Один из светлых эльфов казался раздраженным, а второй с каменным лицом уплетал немудреный завтрак, не обращая внимания ни на косые взгляды, ни на холодную кашу, ни на ворчащего собрата, ни на нытье Весельчака, который успел этим утром достать даже терпеливого Аркана.

К огромному разочарованию многих, морды у чужаков оказались целыми. Выражения лиц, правда, оставляли желать лучшего, так что то, что случилось вчера, старожилам было до сих пор непонятно. Белик, как всегда, немного запаздывал, Гончие сидели с неподвижными лицами и по обыкновению общались только глазами. Воевода еще не появился, а темного с ночи вообще никто не видел. Ах нет, вот и он, красавчик...

Таррэн сделал вид, что не заметил воткнувшихся в него взглядов, и не понял, почему они с такой жадностью зашарили по его лицу. Но при виде всеобщей досады мысленно усмехнулся: морда цела, не надейтесь.

Урантар, нагнав его на пороге, несильно хлопнул по плечу и прошел к своему месту.

— Как спалось? — ядовито поинтересовался Весельчак, едва остроухий поравнялся со столом.

— Неплохо. А вам?

— Прекрасно!

— Рад за тебя. — Темный эльф словно невзначай мазнул взглядом по Элиару, но тот был совершенно невозмутим, хотя блестящие чуть ярче, чем обычно, глаза все же выдавали его триумф.

Таррэн равнодушно отвернулся и, бросив ножны на лавку, занял свободное место. К счастью, спутники были слишком погружены в себя, чтобы обратить внимание на некоторую резкость этого жеста. Темный спокойно занялся едой, предаваясь невеселым размышлениям. Причем погрузился в них настолько глубоко, что пропустил почти весь разговор Урантара со светлыми, не заметил очередную ядовитую остроту рыжего и

не ответил на какой-то вопрос Ирбиса. А вздрогнул лишь тогда, когда почувствовал знакомый холодок на макушке.

Траш широко улыбнулась ему в лицо и, взъерошив черную гриву эльфа кончиком длинного хвоста, плавно прошествовала к Гончим. Деловито оглядела небогатый стол, обнюхала всех присутствующих, ловко схватила кусок свежего мяса, оставленный кем-то на краешке лавки. Затем довольно зажмурилась и наконец улеглась рядом с пустующим местом хозяйки.

— Слышь, темный? Кажись, ты ей нравишься, — озадаченно потер затылок рыжий.

Таррэн согласно кивнул:

— Разумеется. В качестве главного блюда на столе.

Хмера приоткрыла зеленый глаз и шумно облизнулась, после чего Весельчак покосился на темного уже с сочувствием.

— Зато это настоящая любовь — большая и очень искренняя. Почти как у меня — к хорошо приготовленному обеду.

В этот момент со стороны улицы послышался шум. Какой-то немыслимый грохот, будто кто-то опрокинул стойку с оружием. Затем послышался чей-то невнятный вопль. Следом донесся неистовый рев, полный непередаваемого торжества. Прогрохотало пустое ведро. Снова кто-то завопил. Громко хлопнула дверь. Что-то рухнуло. Что-то зазвенело. До присутствующих донесся торопливый топот вперемешку со странными звуками, будто невидимый бегун мчался во весь опор, нещадно царапая камень когтями. Затем звуки погони быстро приблизились, а в темноте прохода страшно сверткнули желтые глаза.

Урантар с пониманием покачал головой.

— Опять...

В тот же миг в переполненный зал на огромной скорости влетел взъерошенный Карраш. Лихорадочно заметался у входа, сжимая в челюстях что-то небольшое, но явно очень важное. Но затем услышал быстро приближающиеся шаги и, истошно мяукнув, вдруг бросился под ближайший стол.

Стражи с проклятиями повскакивали, когда здоровенный мимикр благополучно застрял на середине пути, потому что не только имел приличный по размеру зад, но с перепугу еще и гребень на спине поднял на всю высоту. А поскольку сразу не сообразил, в чем дело, то продолжал упорно ломиться вперед, отчаянно царапая когтями пол и невесть как попавшуюся на пути лавку (та протестующе скрипнула и распалась на две половинки). Стоящие на столе кружки, само собой, уронил, пиво

расплескал, тарелки сбросил. Затем, почуяв неладное, попытался сдвинуться назад, чем вызвал целую бурю возмущения. В результате застрял окончательно и только потом, тараща огромные глаза, жалобно заскулил.

— Вот ты где, сволочь! — прошипела от дверей появившаяся Белка и зло прищурилась.

Она была страшно рассержена, с торчащими во все стороны мокрыми волосами. С липнущей к телу одеждой, потому что рванула за ушлым зверем, так и не успев нормально вытереться. С оружием, что естественно, но совершенно босая. Потому что один сапог держала в руке, едва не смяв его в лепешку. А второй...

Урантар громко крикнул, но огромным усилием воли все-таки удержался от комментариев. А вот рыжий мигом пришел в прекрасное расположение духа, так как заметил кончик каблука, торчащий из-под плотно сомкнутых губ Карраша. Похоже, вздорная скотина решила поиграть с хозяйкой и в качестве вызова сперла второй сапог, вынудив Белку не только поспешно выскочить из купальни, но и прошлепать через весь двор босиком. За ним. Чтобы в таком непотребном виде появиться перед отчаянно развеселившимися Стражами.

— Попался!

Карраш придушенно взвизгнул и рванулся со всей мочи, мгновенно перевернув тяжелый стол, чем вызвал еще большую неразбериху. После чего с достойной уважения скоростью метнулся в сторону. Но чуть опоздал: Белка была так же скоро. А потому, совершив прямо с места поистине героический прыжок, с силой ударила его коленями в шею, отшвырнула и мигом опрокинула на бок. После чего взлетела сверху, рывком вздернула перепуганную морду и бешено рявкнула:

— А ну, отдай!

Карраш протестующе пискнул.

— Сейчас же!

Мимикр замер неподвижной статуей, неотрывно глядя в обожаемые глаза, где от злости снова начали разгораться изумрудные огоньки. Его любимые огоньки, которые умели завораживать почти так же, как эльфийская флейта. Красивые, манящие, зовущие... Он звучно икнул, перестав даже дышать. Испуганный, растрепанный, немного пострадавший от точного попадания в голову пустого ведра, полностью обездвиженный и с неестественно вывернутой шеей, судорожно сжимающий в зубах драгоценный сапог, но абсолютно счастливый. Они светятся!

Карраш сам не заметил, как тихонько заурчал, однако добычу не

выпустил. Только преданно уставился хозяйке в глаза и с готовностью лизнул ее нос.

— Тьфу! Знаешь ведь, что я не люблю! Не отдашь?

Мимикр хитро прищурился, одновременно заглотив несчастный сапог целиком.

— Ладно, — поджала губы Белка. — Тогда я тебя пну. Нет, сама не стану, потому что у тебя задница костяная, а у меня пальцы голые. Все ноги отшибешь об такого дурака. Лучше найду кого-нибудь большого, толстого, со здоровыми сапожищами, чтобы уж пнул так пнул... и кого не жалко в придачу. Таррэн, окажи услугу?

Рыжий хихикнул громче, но тут же поспешно зажал руками рот, однако темный эльф даже бровью не повел: молча встал, подошел, коротко взглянул в глаза наглой твари, которая явно намеревалась биться за трофей до последнего вздоха, а затем требовательно протянул руку.

— Плюнь!

Карраш протестующе дернулся, собрался ядовито зашипеть, но неожиданно наткнулся на холодные зеленые глаза, в которых слишком явно полыхнуло устрашающее пламя знакомого огня. Мигом припомнил, что это существо может не только повелевать Проклятым лесом, но и рассказать Белке об одной маленькой хитрости, и... поспешно выплюнул изжеванный сапог.

— Пожалуйста, — невозмутимо кивнул Таррэн, а затем так же спокойно вернулся за стол.

Белка брезгливо подняла обслюнявленную обувь двумя пальцами. Скривилась, услышав в зале постепенно набирающий силу смех. Покосилась на отчаянно веселые лица Стражей, отпихнула умильно пищащего мимикра, который уже нахально пытался выпросить прощение, осмотрела несчастный сапог со всех сторон и наконец тяжело вздохнула.

— Лучше бы ты его сожрал...

Рыжий все-таки не выдержал: гоготнул, и она окончательно пала духом.

— Карраш, у меня ж больше нет. Последние на саламандре сгорели, а у тебя слюни ядовитые. Он же развалится через час. И в чем я тогда буду ходить?

Карраш неожиданно присмирел, а Белка посмотрела на него совсем грустно.

— Придется тебе сбегать на заставу к эльфам и выпросить еще одну пару. Или спереть, как я недавно — бутылку из королевских подвалов для Крикуна. Ты же не оставишь меня ходить босиком по Проклятому лесу?

Правда?

Вот теперь его проняло: мимикр испуганно вжался в пол, хвост подтянул под себя, втиснул куда-то под брюхо, а морду попытался запихнуть хозяйке под мышку. Но не смог: слишком велика оказалась разница в размерах. Поэтому он просто уткнулся носом ей в живот, как привык с детства, и умоляюще толкнулся, словно прося: только не к ушастым! Все, что хочешь, только не соваться в это осиное гнездо, где его однажды едва не убили!

Белка тихо охнула и, страшно побледнев, опустилась на колени.

— Малыш... только не туда...

А затем согнулась пополам.

Траш серой молнией сорвалась с места, буквально на мгновение опередив нервно дернувшихся Стражей, которые в этот момент тоже вспомнили, в каком именно месте Гончую едва не перекусили зубы саламандры. Кошка рыкнула, в один миг преодолев чуть не половину зала, требовательно отпихнула мимикра, гибкой змеей обвилась вокруг согнувшейся от боли хозяйки и, подметив приближающихся Гончих, угрожающе оскалилась. После чего, не колеблясь ни секунды, опустила морду к ее шее, коснулась передними клыками и очень осторожно сжала.

— Не надо! — простонала Белка, качаясь, словно тростник в страшную бурю, а Таррэна вдруг бросило в пот. Неужели Траш собирается начать новое единение, чтобы избавить Гончую от боли! — Траш! Нет!

Хмера вздрогнула всем телом и прикрыла нещадно вспыхнувшие глаза, в которых снова разгорелась страшноватая, ядовитая, неестественная зелень. Шумно задышала, затем хрипло застонала и наконец медленно опустилась на пол, все еще загораживая свое сокровище от чужаков. Карраш раскаянно мяукнул и прижался к подруге, а Белка без звука осела на холодный пол.

— Белик! Траш! — ахнул Урантар, бесстрашно подбегая к испуганно съезжившейся хмере. — Да что же вы творите?!

— Им нельзя, — немеющими губами выдохнул Таррэн, у которого перед глазами тоже вдруг все поплыло. — Еще сутки нельзя! Иначе сорвутся!

— Нет! Не подходи! — вскрикнул воевода, стоило эльфу качнуться навстречу. — Тебе тоже нельзя!

Темный только отмахнулся. Он уже видел: Белка снова ушла в себя, как на Тропе смертников. И дышала так редко, что, не зная некоторых особенностей ее организма, можно было подумать, что умирает. Хотя на самом деле маленькая Гончая просто замедлила ритмы, чтобы не

превратиться в зверя, и натянула узы как смогла, удерживая кровную сестру от непоправимого.

Таррэн до крови прикусил губу, без труда читая отчетливые и такие ясные линии, связавшие много лет назад кровных сестер. Их боль, общую тревогу, потаенный страх сорваться и уверенность, что другого выхода нет... а затем тихо вздохнул и, опустившись перед ними на колени, коснулся страшноватой морды хмеры.

— Траш? — На него в упор уставились две пары бешено горящих глаз. — Траш, отпусти ее. Так нужно, девочка. Верни ей узы.

Хмера свирепо оскалилась и едва не набросилась на эльфа.

Да что он вообще понимает?! Он, темный?!

Но тут на ее лоб легла мягкая рука, и боль почти сразу отступила.

— Давай, Траш. Отдай их, я удержу. Ну же, девочка, помоги мне, как раньше. Ты сильная. Давай... Белке не выдержать снова: она слишком ослабла. Поверь, я знаю, я вижу ваши узы. Я смогу их убрать. Позволь мне помочь. Прошу тебя, Траш...

Пространство вокруг эльфа внезапно опустело. Но не потому, что грозная хищница протестующе вскинулась и распахнула усеянную острыми зубами пасть. Не потому, что в таком состоянии она могла разорвать даже воеводу. А потому, что вокруг темного эльфа снова, как и день назад, вдруг полыхнуло алое пламя с зеленоватыми сполохами по краям.

Он сам, похоже, не заметил — был слишком погружен в чужую боль. Даже глаза прикрыл, чтобы ничего не упустить. Видел перед собой только переплетение связавших Белку и ее странную пару несокрушимых нитей, которые ему уже когда-то удалось ослабить. Главное не спешить, не торопиться, чтобы ничего не испортить и не сделать им еще больнее...

Таррэн сжал зубы и, старательно отгоняя видение смыкающихся на его горле острых клыков, медленно протянул руку. А потом облегченно вздохнул: получилось! Снова получилось, хотя шансов было ничтожно мало. Он сумел их призвать, подманить, как в прошлый раз. Только сейчас это вышло так легко, будто недавние узы все еще что-то значили. Будто последняя ниточка к этой сработавшейся за двадцать лет паре так и не оборвалась. Как если бы Белка все же немного ему доверяла и на этот раз не стала противиться.

Таррэн бесстрашно подхватил потерявшую сознание Гончую на руки и осторожно обнял, не замечая, как резко посветлело вокруг. Он не видел, что его собственная аура в этот миг стремительно расширилась. Не почувствовал, как высвободилась ненавистная сила, доставшаяся в

наследство от предка. Как скрутился в свирепую воронку огненный вихрь над его головой и как пятятся, закрывая от жара лица, Стражи. Он не знал, что в его глазах снова полыхает неистовое пламя, и именно на этот огонь со странным выражением смотрит присмирившая хмера. Смотрит и отчего-то не решается напасть.

Нет, Траш давно не принадлежала Проклятому лесу. Но сегодня, глядя в бешеный водоворот «Огня жизни», она не могла не почувствовать силы темного эльфа. Не могла не узнать хозяина. И не могла не подчиниться, если бы он вдруг решил приказать.

Однако эльф не приказывал: просто просил. Умолял, стоя перед ней на коленях. И его «Огонь» не обжигал, как должен был, не причинял боли и не требовал склонить непокорную голову. Как ни странно, он лишь мягко обнимал их обеих и вместо жара приносил удивительное успокоение. Умиротворение. Словно тихо говорил: «Я справлюсь, все будет хорошо, только доверьтесь».

Траш заколебалась, но потом услышала тихий стон Белки и наконец неохотно отпустила одну крохотную ниточку.

— Я смогу, — настойчиво шепнул Таррэн, бережно подбирая оброненную хмерой нить. — Давай еще. Я выдержу.

И тогда кошка неожиданно решилась: отдала ему ровно половину, позволив разделить эту боль на троих. Услышав скрип намертво сжатых зубов, слегка обеспокоилась, однако он не издал больше ни звука. Только принялся умело разделять их сдвоенное сознание. Работал быстро, со знанием дела, сосредоточенно и аккуратно. Ни капли боли не причинил ее малышу — все взял на себя. А с Белки только снял ненужные нити и наконец шумно выдохнул.

Кажется, все. Теперь им больше не грозит сорваться: он все подобрал, исправил. Мысленно посетовал на неумеху, что когда-то учил этих красавиц сливаться в единое целое, и клятвенно пообещал себе, что непременно набьет Велимиру морду, если выяснится, что это — его работа.

Открыв глаза, Таррэн осторожно перевел дух, заставляя свое страшноватое пламя угаснуть. Затем благодарно прижался к ошарашенно моргнувшей хмере и наконец поднялся. Его тут же шатнуло, повело. Но эльф почти сразу выпрямился и, перехватив Белку поудобнее, решительно направился к выходу.

— Карраш! Дверь! — властно бросил он, и мимикр без единого звука исчез в проходе. Там что-то звякнуло, грохнуло и противно заскрежетало, а оторопевшие Стражи внезапно осознали, что строптивый демон, от которого всегда было море проблем, неожиданно подчинился. Более того,

признал за темным право отдавать приказы и теперь старательно держит лапой открытую дверь, чтобы тот как можно скорее отнес хозяйку домой.

Траш тоже поднялась, неуверенно мотнув страшноватой головой. Слегка покачнувшись на широко расставленных лапах, но скоро обрела неустойчивое равновесие и под ошарашенными взорами Стражей безропотно последовала за темным, не то что не порвав его на клочки, а даже не возразив толком.

— Я тебя предупреждал, что так нельзя, — сурово покосился на нее Таррэн, и кошка виновато вздохнула. — Надо было самый краешек ухватить, чтобы сменить вектор, а ты опять весь моток дернула. Чтоб я больше такого не видел!

Хмера совсем скисла, но перечить не посмела: темный был слишком силен. И, к сожалению, прав. Поэтому она еще раз вздохнула и, благодарно мурлыкнув, потерлась оборванным ухом о бедро рассерженного эльфа. Ушастый не отказал, не побоялся рискнуть, разделив с ними эту боль и даже сейчас присматривает за ее сокровищем как за чем-то важным и очень дорогим.

Она на мгновение приотстала, со всех сторон рассматривая неожиданно пришедшую в голову мысль, и озадаченно шевельнула ушами. А затем юркнула следом за эльфом на улицу, в уютный домик хозяйки, где с немалым трудом поместилась, после чего внимательно проследила, как Белку бережно укладывают на мягкую постель. Так же придирчиво оценила, как ушастый маг слушает пульс, проверяет зрачки, накрывает Белку покрывалом и присаживается рядом...

Траш немедленно насторожилась: та-а-ак, не распускает ли руки? Не полез ли куда не надо? Не пора ли выгонять в шею, пока дерзкий самец не обнаглел от вседозволенности? А ну...

Таррэн, на мгновение забывшись, кончиками пальцев убрал непослушную прядку с усталого лица Белки и случайно коснулся щеки. Слегка вздрогнул, когда по телу прокатилась волна знакомого жара. После чего неожиданно понял, что вряд ли когда-нибудь теперь забудет это ощущение. И продаст даже душу, лишь бы однажды испытать его вновь. На какой-то миг почувствовал неодолимое желание коснуться снова... но все же справился с собой. И, припомнив слова Белки о мужчинах, усилием воли заставил себя отодвинуться.

«Нет. Не хочу быть для нее „паутиной“. И жадным зверем тоже не буду. Лучше уж сгореть в Лабиринте, чем поранить ее снова».

Траш тихонько выпустила воздух из раздувшейся от возмущения груди, сердито посопела, но все-таки решила не кусаться.

Вроде ушастый действительно неплох? Да и сейчас удержался от соблазна, хотя некоторым для этого требовался увесистый пинок, а кое-кому приходилось руки обрывать, потому что теряли разум. Может, он подойдет? Сможет в кои-то веки устоять перед повисшим на хозяйке проклятием? Вдруг его принадлежность к темным имеет значение? Может, хоть он сумеет ее понять и принять такой, какая есть? Или даже войдет в стаю?

— Спасибо, не стоит, — машинально отозвался Таррэн, не сразу сообразив, что произошло. А когда все же додумался, то аж подпрыгнул на месте и дико вытаращился на растерянно отпрянувшую хмеру.

— Тра-а-аш...

Хмера так же дико посмотрела в ответ.

— О боги, — судорожно сглотнул темный эльф, шаря полубезумным взором по озадаченной, неверящей, совершенно непонимающей морде. — Такого не бывает! Траш! Ты же не...

Хмера озадаченно поскребла когтем здоровое ухо и помотала головой.

Нслюдь прав: такого не бывает. Просто не может быть, чтобы он сумел перекинуть на себя крохотный кусочек уз. Нет, нет и нет, потому что все на месте. Все как положено, как обычно. За исключением того, что ушастый исправил ошибку, заново переплел старые нити, а ненужные убрал, чтобы не мешались. Но вот незадача: чего это он вдруг побелел и таращится, будто стоит тут и нагло читает чужие мысли?

«Ау, остроухий, ты вообще живой?!»

— Живой, — обреченно отозвался эльф.

Траш совсем нахмурилась.

«Он что, специально?!»

— Нет. Сам не знаю, что случилось!

«Эй! А в морду?!»

— Давай, — измученно прикрыл глаза Таррэн. — Может, мне полегчает?

Хмера задумчиво шевельнула кончиком хвоста и внимательно уставилась на нахала, который вдруг обессилено уронил голову на руки и затих.

«Как сумел влезть-то? Как может меня слышать, если ни одной ниточки от меня к нему не тянется?! Может, от Белки осталась?»

Кошка настороженно обнюхала спящую хозяйку, но нет: ничем не пахло. Гм, тогда в чем дело? Или это кровь сказала? Не зря от него несет почти так же, как от того, другого.

«Эй! Ушастый, ты меня слышишь? Такое бывает?»

Эльф потерянно покачал головой.

— Не знаю. Ничего уже не понимаю. Наверное, я сошел с ума?

Траш хитро прищурилась.

— Не продолжай, я понял. — Таррэн поспешно открыл глаза и с силой потер виски. — Может, ты права и дело именно в крови? Если Талларен сумел поделиться с Белкой своей, да еще руны сродства использовал... не собирался же он каждый раз слюни ронять при одном только взгляде на нее?! Жаль, не знаю, как у него это получилось. Прости, но вам, кажется, придется потерпеть меня еще пару дней.

— Я т-те дам пару дней! А ну, проваливай отсюда! — гневно прошипел кто-то от распахнутой двери.

В ту же секунду в проеме нарисовался встревоженный Карраш. Его кто-то властно отпихнул, и в тесную комнатку ворвалась сгорбленная старушенция с всклокоченными седыми волосами и сморщенным, как печеное яблоко, лицом. Худая, как палка, вся какая-то усохшая. По меркам эльфов, и вовсе при смерти, однако все еще шустрая и рассерженная, как дикая кошка.

— Вон отсюда! — замахнулась она на эльфа. — Прочь, кому сказала! Кто ее опять до такого довел?! Ну?!

— Они с Траш перестарались с узами.

— Я тебе дам «узы»! Сейчас уши-то как оборву!

— Не кричи, мать, — поморщился Таррэн, невольно обратившись к бабке так, как было принято у смертных. — Бел выпататься надо и отдохнуть. Не дай небо, разбудишь.

— Ты, что ль, узы свел? — вдруг хищно прищурилась старуха, сверля его пристальным взглядом черных, как терновая ягода, глаз.

— Я.

— Маг? Хранитель?

Темный эльф только вздохнул.

— Можно и так сказать.

— А чего бледный такой? Идти-то сможешь?

— Смогу. — Таррэн подавил новый вздох и неохотно поднялся. Его снова шатнуло, а в груди появилось такое чувство, что буквально отрывает себя по-живому. На висках выступил холодный пот, дыхание на миг прервалось, а в глазах потемнело.

— Что, несладко? — понимающе хмыкнула бабка. — Бывает. А ты... неужели коснулся? Ого! Вижу, что сглупил! Ишь, как тебя крутит!

Она откинула покрывало, придирчиво изучила одежду Белки, которая была в абсолютном порядке. Зачем-то коснулась живота, провела

морщинистой ладонью по гладкой щеке и удивленно обернулась.

— И ты сдержался? Даже под рубаху не полез?!

Таррэн устало привалился к косяку и мотнул головой: нет. Не станет он уподобляться другим... самцам. Не тронет ее, хоть это и дьявольски трудно.

— Надо же, — с нескрываемым уважением протянула старушка. — Обычно вашего брата надо волоком оттаскивать... Иди-ка ты к фонтану, остроухий, да водой холодной умойся. А за девочку не волнуйся: рану я сама перевяжу и стяну. Не надо тебе смотреть. Нельзя. Никому из вас нельзя, а то разум потеряете... Ну, чего встал?! Слаб ты нынче — со мной спорить, так что топай!

Темный эльф с трудом отошел от косяка и, вяло переставляя ноги, выбрался наружу, шатаясь как пьяный и не совсем представляя, как в таком состоянии сумеет одолеть несколько десятков шагов до фонтана. Но буквально сразу ему под руку ткнулось что-то твердое, он машинально ухватился, благодарно кивнул Траш, вовремя сообразившей подставить холку. И так, с чужой помощью, все-таки дополз. После чего опустился на мраморный бортик и буквально сунул голову под ледяную воду.

Бабка оказалась права: в самом деле полегчало. Настолько, что он смог сбросить с себя одурь и уже вполне осмысленно оглядеться по сторонам.

Странно, ему показалось, что в доме он провел немало времени, но встревоженный народ только-только начал выбегать во двор. Вон и Седой летит, и рыжик. Даже Элиар. Гончие, опять же... ага, целым выводком. Неужели темный выбежал из столовой с такой скоростью, что сам не заметил?!

Траш серьезно заглянула в прояснившиеся глаза эльфа, ободряюще лизнула руку и с уважением подумала, что он действительно силен. Настолько, что смог уйти сам. Тогда как прежде ей всегда приходилось волочь дураков на себе.

— Таррэн? — вихрем налетел на эльфа взъерошенный Урантар. — Ты живой? Траш? А с Великом что?!

— Я-то живой, — невесело улыбнулся эльф, отирая лицо рукавом. — И с Белкой все нормально. Сейчас это просто обморок. Узы я снял, она больше не сорвется. Просто полдня проспит, пока не восстановится полностью. Там сейчас бабка хозяйствует.

Урантар с непередаваемым облегчением перевел дух.

— Ну ты даешь, остроухий! — прерывисто выдохнул Адвик. —носишься как метеор! Даже я за тобой не успел!

За Адвиком подтянулись и остальные Гончие. Вслух, как обычно,

ничего не произнесли, но выражения их лиц были странными. Шранк придирчиво оглядел мокрого, как мышшь, остроухого, нещадно перепачканную рубаху, слегка ошалелые глаза и понимающе хмыкнул.

— Сильно зацепило?

Таррэн хмуро на него покосился, но смолчал. Бабка упомянула, что близость Белки сводит с ума, но это еще слабо сказано. По голове шарахнуло так, что до сих пор звенит. Уши как ватой заложены, в глазах разноцветные круги плавают, сердце колотится, будто бешеное... а ведь он только пальцем прикоснулся к коже, и то приложило — будь здоров! Пока они с Траш были едины, это еще не так действовало (кажется, хмера несколько ослабляла Белкину магию?), зато сейчас вдарило.

Суровый Страж усмехнулся шире и ободряюще хлопнул Таррэна по плечу. Мол, все мы через это прошли. Все знаем, понимаем, потом тихонько поржем, но сейчас в глаза тыкать не будем.

— Так, а ну, разошлись! — рявкнула с порога внезапно появившаяся бабка и грозно оглядела столпившихся Стражей. — Седой, разгони этот сброд, не то рассержусь!

Урантар спрятал улыбку и поднялся.

— И в самом деле. Грета присмотрит: она Белика всегда выручает, потому что с нас, мужиков, проку никакого.

— Вот и я о том же! — повысила голос бабка, уперев в бока сухие кулачки.

Мужчины повздыхали и, получив от воеводы недвусмысленный знак, с унылым видом потащились обратно. Потому что знали: если промедлить еще немного, вредная старуха оставит их не только без обеда, но и без ужина. Зато рядом с ней Белка под хорошим присмотром. Грета и перевяжет, и поддержит, и будет ухаживать сколько нужно, потому что души не чаяла в своей девочке. Растила ее, воспитывала, берегла как родную. Да и теперь кого хошь загрызет, если вдруг почует неладное. Надежная бабка. Опытная. Не зря в пределах больше полувека проторчала.

ГЛАВА 4

— Ну-ка, поди сюда! — требовательно остановила Таррэна воинственная старушка, едва площадь начата стремительно пустеть.

Темный эльф удивился, но поскольку был не в состоянии спорить, то послушно развернулся к старухе. Что не так? Что ей не нравится? Узы разорваны, Белка скоро придет в себя, рану он тоже подлечил...

Старая Грета смерила его придирчивым взглядом с ног до головы, на изумленный взгляд воеводы властно отмахнулась (мол, иди-иди, не торчи на виду!), проследила, пока Стражи не уберутся с глаз долой. Особенно зло цыкнула на замешкавшихся Гончих, а Адвику даже кулаком погрозила, чтобы не вздумал хитрить и подслушивать. Потом сама подошла к фонтану и осторожно присела на низкий бортик.

— Чего встал? Садись. В ногах правды нет.

Таррэн со вздохом опустился рядом.

— Ну? — испытующе взглянула на него старая Грета. — И как тебе удалось?

— Что именно?

— Как сдержался, спрашиваю?! — неожиданно разозлилась она. — Я за десять лет многое повидала. В том числе и то, с какими мордами вас надо выталкивать наружу, чтобы слюни не пускали! А ты сам ушел! Хоть и зеленый, как твои глаза, но ушел!

Таррэн отвел взгляд. Стыдно вспомнить, но ведь и в самом деле едва сумел отодвинуться, потому что желание коснуться было действительно невыносимым. Нет, никакой пошлости, но хотя бы погладить, ощутить нежность ее дивной кожи и вкус ее губ, вдохнуть запах волос, прижаться на миг...

Таррэн вздрогнул и очнулся от наваждения.

«Нет, я не причиню ей боли, — крутилось в голове. — И не стану заставлять вспоминать тот проклятый день, когда ее наделили этой страшной силой. Я слишком хорошо помню его глаза и его голос, расписывающий ее ближайшее будущее. И понимаю, что ей была уготована участь игрушки. Живой, послушной, красивой игрушки, способной сводить с ума одним только взглядом. Это совершенное оружие. Отточенный до бритвенной остроты клинок, который хорошо умел делать то, ради чего его создали, — убивать. Без жалости, без сомнения, по приказу хозяина и господина, чьей воле Белка не смогла бы противиться. Оружие, против

которого нет спасения и которое лишь чудом сумело уничтожить своего создателя. Я видел это вчера. Знаю. И буду помнить теперь до самой смерти. Да, Белка права: ее рок — убивать мужчин. Силой своей, красотой, этой странной тягой, против которой невозможно устоять. Как сыр для глупых мышей в мышеловке, как аромат магии для тварей Проклятого леса. И она это тоже знает, иначе не сидела бы в пределах, как в тюрьме, не рвалась бы так к смерти, не рисковала бы собой и не горела бы в ее глазах эта обреченная ненависть. К себе ненависть! К своему проклятому телу, от которого столько проблем! И пускай это магия, пускай она и на меня действует, заставляя поступать так, как я не желаю, пускай это не настоящее, но... я поклялся. Жизнью своей поклялся, что не причиню ей боли».

Бабка заинтересованно наклонила голову и вдруг хмыкнула.

— Надо же... А ты знаешь, кто ее такой сделал?

— Да, — хрипло отозвался эльф, до боли сжав челюсти. — Она говорила.

— Сама сказала?! Тебе, темному? — Грета покачала головой. — Ну, мать моя! Вот уж не думала, что доживу. Хотя ты пришел сюда живой и даже не поцарапанный...

Таррэн непроизвольно дернул щекой, где совсем недавно пламенели четыре уродливые раны, а потом неожиданно сообразил, что Белка по какой-то причине решила избавить его от позора. Не дала прослыть на всю заставу похотливым самцом. Конечно: кто, как не она, мог знать, о чем подумают Стражи, разглядев следы когтей на его красивом лице? Да и Седой милосердно промолчал. Почему?

— Пожалуй, ты и правда особенный, — задумчиво произнесла бабка. — Потому что кроме меня и воеводы подробностей ее прошлого не знает никто. Ты ее видел, остроухий? Знаешь, какие руны на ней горят?

— Догадываюсь. А видел только руку, краешек. Случайно: кисть и предплечье, и это было страшно.

— Ну это-то как раз не страшно. Главное, чтобы ты на остальное не смотрел, — у старухи вдруг похолодел голос. — Ты меня понял? Никогда не смотри на нее! Не смей оборачиваться, если она попросит отвернуться, иначе потеряешь рассудок! Эти руны только для женщин безопасны, остроухий! Потому и с ранами ее вожусь всегда лишь я. Раньше мог еще Сар'ра, но последние десять лет даже он не решался войти без приглашения.

Таррэн невесело кивнул:

— Я понял.

— Нет, не понял! — снова рассердилась старуха и замахнулась на эльфа полотенцем. — Если взглянешь на нее, мигом забудешь обо всем остальном: о семье, долге, жене, детях... Будешь с ума сходить и ни о чем другом не вспомнишь! Но это еще полбеды, остроухий, потому что ты будешь жить, сохранишь рассудок и еще сможешь служить, работать, воевать... если воля сильна, конечно. И если Белка разрешит. Но коли хоть раз увидишь ее спину — умрешь. Мы лишь однажды упустили, просто не знали тогда, в чем опасность! Так несколько лет назад один дурачок решил проверить и подглядел в щелочку... а потом с крыши сбросился, чтобы не мучиться. Мальчишка... просто глупый мальчишка, который решил, что сумеет преодолеть это проклятие... всего двадцать ему тогда исполнилось. Только-только в пределы пришел. Вот с тех пор Белик так себя и ведет, чтобы никто больше... понимаешь?

Таррэн несильно вздрогнул.

«Я их убиваю...» — снова вспомнился ему ее мертвый голос. И, Бездна, как же это было верно!

— Я не пугаю, — все еще сердито покосилась на него Грета. — Даже Гончие лишь догадываются, почему с Бел так сложно. И пускай так и останется, потому что наверняка найдется немало дураков, которые решат проверить свои силы. Мол, любовь творит чудеса... А тебе я говорю открыто: не смотри! И цени мою доброту, темный: раньше, может, и не сказала бы. Да только раз ты удержался сегодня, может, сумеешь ей когда-нибудь и в другом деле помочь.

Таррэн только невесело усмехнулся: «Если бы... Но я же враг. И всегда останусь только врагом. Всегда по другую сторону, всегда напротив, но никогда — рядом».

Старая Грета неожиданно вздохнула.

— Какая ирония, да? Задела тебя наша Белка?

Таррэн отвел взгляд.

«Это просто магия, — тоскливо подумал он. — Всего лишь проклятая магия, от которой я схожу с ума. Как Элиар, как Танарис, как все мы. Всего лишь дурацкая магия... Торк! Но почему я согласен даже на это, лишь бы ей больше не было больно?!»

— Тяжко тебе, — понимающе кивнула бабка. — Но поверь, остроухий: мало кто может себя перебороть, да и желание для этого нужно. Такое, чтоб не слабее ее силы оказалось. У тебя оно есть, и значит, Белка в тебе не ошиблась. Правильно доверилась с узами. Она никогда не ошибается, темный, иначе не дошел бы ты живым до заставы. Чего дернул? Я не первый год на свете живу, замечаю кое-что. Особенно то,

как Траш на тебя смотрит, а ведь они с Бел очень близки... Да и Каррашик принял за своего, а такого еще ни разу за десять лет не было. Так что не тарачи глаза и лучше подумай, что скажешь, когда она проснется. Но вздумашь ее обидеть — помни: я за тобой слежу!

— Да, мать. Спасибо, — похолодевшими губами выдохнул Таррэн.

— Проследи, чтобы ее не побеспокоили, а я на кухню — там у меня мясо подгорает, — властно распорядилась бабка и, неожиданно грациозно поднявшись, неспешно удалилась.

Таррэн машинально кивнул и надолго выпал из реальности, погрузившись в размышления о собственном роке, сотни раз проклятом роде, не менее проклятом амулете Изиара и ближайшем будущем. Тоже — проклятом и, вероятнее всего, весьма коротком: примерно до того времени, когда придет пора войти в Лабиринт безумия. И Таррэн почти не сомневался, что живым оттуда не выйдет.

Тоска, как ни странно, сегодня не спешила возвращаться. Никакого отчаяния по поводу грядущего Таррэн тоже не испытывал, хотя времени у него осталось совсем немного, каких-то три или четыре дня... Но он умел ценить редкие дары своей странной жизни. Особенно то, что получил несколько драгоценных часов про запас и возможность снова увидеть насмешку в знакомых глазах. Да, хотя бы ее — вместо прежней ненависти и презрения.

Ради такого можно побороться, помучиться пару дней. Поэтому он просто молча сидел у фонтана, как недавно Шранк, рассеянно глядя жесткие пластинки на загоревшей притихшей хмере, невидяще смотрел перед собой и терпеливо ждал, когда настанет его очередь исполнить свой долг.

— Нет, я все-таки не понимаю! — упрямылся Весельчак, исподлобья глядя на Воеводу. — Почему нам нельзя идти сегодня? Или завтра?

Урантар только усмехнулся.

— Что, не терпится покончить с жизнью?

— Нет. Не терпится покончить с этим дурным походом.

— Ну, скажем так: я бы не хотел потерять вас только из-за того, что вы надышитесь здешним воздухом и испустите дух где-нибудь на середине пути.

— Ты ж сказал, что двух дней хватит для привыкания, — напомнил Сова.

— Верно. Но рисковать все равно не стоит. К тому же у нас останется еще шесть суток в запасе.

— Ты уверен? — негромко хмыкнул Танарис. — Если мне не изменяет

память, до Лабиринта идти примерно три дня. Ну на самом деле поменьше, но с учетом местности будем считать, что три. Значит, и обратно идти придется столько же. Плюс Таррэну потребуется время, чтобы уладить дела внизу: день или два, точно не знаю. Но тогда получается, что сроки-то не сходятся. Ты ничего не путаешь?

— Да уж, — буркнул рыжий. — Как раз тех двух дней, что мы тут сидим дураками, и не хватает! Или расчет на то, что в одну сторону мы доберемся, а потом... Урантар, если ты не в курсе, то я бы хотел вернуться домой, а не покоиться с миром в чьем-нибудь желудке!

— Представь себе, я об этом догадываюсь, — подозрительно серьезно отозвался воевода.

— Что ж ты тогда нам голову морочишь?! — взорвался Весельчак. — Зачем нас вообще сюда отправили, если у вас есть целая застава подготовленных Стражей, которые к тому же отлично знают, как справляться со здешними зверушками? Зачем вам обычные люди, которым надо к чему-то привыкать, если вы распрекрасно справились бы сами?

Урантар удивленно обернулся и некоторое время молча рассматривал недовольного, взъерошенного парня, будто впервые увидел.

— Bravo, рыжий, — наконец сказал он. — Это первые разумные вопросы, которые я от тебя слышу.

Весельчак сердито сверкнул глазами, но, против обыкновения, смолчал. Аркан кинул на приятеля внимательный взгляд, словно тоже не ожидал от него подобной вспышки, быстро переглянулся с Элиаром и Танарисом, а затем со всем вниманием повернулся к Воеводе. Тот, в свою очередь, ненадолго задумался. Затем встал со скрипучей лавки, неторопливо прошелся до двери, выглянул наружу. Убедился, что посторонних нет, и так же молча вернулся обратно.

Весельчак скептически хмыкнул.

— Ну? Только не говори, что вам не хватает мяса, чтобы отбиваться от местных хищников. Мол, своего мало и тащить в такую даль неохота, а чужаков не жалко. В чем дело, Урантар? Зачем вам понадобились люди там, где можно было управиться силами Стражей и эльфов? Я же не дурак: прекрасно понимаю разницу между вами и нами. Да, мы получили приказ дойти до Лабиринта и охранять третью часть ключа. Да, я поклялся, и никто из нас не отказывается от слова... Но я хочу знать: зачем? Ответь, будь так добр, потому что мне бы не хотелось потерять к тебе уважение.

Урантар вскинул брови еще выше. Ого! И это он слышит от вечного болтуна и дурошлепа, у которого язык обычно работает шустрее бабкиного помела?!

— Согласен с рыжим, — спокойно отозвался Ирбис. — Мы не считаем себя лучшими в мире бойцами, но мы верны королю и дали слово исполнить его волю. Нас отправили для важного дела, которое необходимо для выживания всех обитаемых земель. Да, возможно, сейчас это звучит смешно, поскольку все мы понимаем, что Стражи справятся с этим куда лучше... — Его взгляд невольно метнулся к шее Воеводы, где из-под ворота выглядывал кожаный шнурок, на котором уже много веков носили королевский артефакт. — Да, мы видели, как сказал рыжий, разницу. Видели, как вы владеете оружием, как умеете стрелять и как приспособились выживать в этом аду. Вас действительно трудно превзойти, и никто с этим не спорит. Вам по праву доверили ключ, и, чего скрывать, вы превосходно обошлись бы без нашего участия. Но зачем-то все-таки нас сюда отправили. И, как мне кажется, мы имеем право знать зачем.

— Правду, значит, хотите? — мелодично пропел Элиар, с независимым видом подпирая соседнюю стену. Танарис только улыбнулся.

— Скажи им, — неожиданно кивнул светлому эльфу Урантар. — Может, оно и к лучшему.

— Ладно, — покладисто кивнул Элиар и, оглядев настороженные лица людей, на мгновение задумался. — Попробую объяснить, но это не так просто, как кажется... Рыжий, перестань сопеть и не сбивай с мысли! Потому что начну я... с истории, пожалуй.

— О нет!

— Заткнись, морда, или я за себя не отвечаю, — неласково посмотрел на Весельчака эльф, и тот поспешил уgomониться. — Как вы знаете, после смерти владыки Изиара осталось три ценных вещи: амулет, который поддерживает границу с миром демонов в активном состоянии, Лабиринт, в котором упрятали этот самый амулет, и ключ, с помощью которого туда можно войти. Ровно раз в тысячу лет Лабиринт должен быть открыт, а амулет — активирован, чтобы обновить границу и предотвратить нашествие демонов на Лиару. Вы знаете — гм, я надеюсь, что знаете — что после Битвы тысячи магов человечество получило возможность развиваться самостоятельно... в смысле, без нашего участия, как было раньше. То есть вас признали разумной расой и дали свободу воли.

— Если еще точнее, то всем нам дали строгий наказ не устраивать новых расовых войн, — добавил Танарис. — Гномам велели держаться подальше от эльфов, а всем бессмертным — от смертных. Никаких конфликтов и кровопролитий. Между собой — пожалуйста, но межрасовых войн быть не должно, иначе погибнем все. Так повелел Изиар перед тем, как переступить границу и запечатать ее своей кровью. И еще он сказал,

что, если на эту землю еще когда-нибудь прольется кровь... смертных или бессмертных... от Лиары не останется даже воспоминаний. И чтобы этого не случилось, магический ключ был разделен на три части: одна осталась у гномов, вторая у темных, ну а третья — у нас...

— А людей при дележе трофеев вниманием не удостоили, — нетерпеливо вклинулся Весельчак. — Обидно, конечно, что нас так мало ценят. Но, в конце концов, третью часть ключа светлый владыка отдал правителю Интариса в благодарность за спасение. Я знаю историю, ребята. Повторяться нет нужды.

Элиар лишь тонко улыбнулся.

— А знаешь ли ты, что только с помощью всех трех частей ключа можно открыть древние врата Лабиринта? Что только силой магии бессмертных можно пробудить его к жизни? И только вместе с частичкой подгорного пламени, хранящегося у владыки Подгорного трона?

— А то! Иначе вы бы сюда не приперлись! Судя по тому что гнома мы с собой не притащили, это самое пламя и их часть ключа у вас.

— Конечно. А третья, надо полагать, у Таррэна. Но этого мало: для открытия врат требуется присутствие двух магов — светлого и темного. А магией, как ты знаешь, у нас владеют только члены правящих семей. Именно поэтому в Серых пределах так мало наших магов. Точнее, их практически нет, потому что Проклятый лес хорошо их видит и очень быстро учится разрушать защиту. Маги для него — самая лакомая добыча, и если хоть один из них пробудет в пределах хотя бы месяц, то приблизиться к Лабиринту станет для него проблематичным.

— Хочешь сказать, что те, кто сидит на ваших заставах, не рискнут сунуться в лес?

— Дальше одного дневного перехода — нет, — негромко сообщил Урантар. — И обычные маги, кстати, тоже. Даже амулеты не спасают: по каким-то причинам их очень быстро находят и, если вовремя не убраться под защиту стен, весь отряд, включая мага, будет уничтожен. Так что бедняге Велимиру приходится сидеть в четырех стенах и лишний раз даже носа наружу не казать, чтобы не привлекать внимания. Помнишь, Белик сказал на тропе, что с пяти шагов почует Элиара даже со щитами? Так вот, он такой не один. Более того, каждая мало-мальски крупная тварь учует его не только быстро, но и сумеет передать информацию дальше. Так что примерно через сутки все окрестности будут знать, где можно поживиться свежим мясцом.

Элиар снова хмыкнул.

— На наших заставах магов нет именно поэтому. Ну и еще потому, что

от магии в пределах проку не так уж много. Наружу не выйдешь, силы быстро не восстановишь, помочь при нападении тоже не сумеешь, потому что местные твари магии не поддаются... разве что попытаться сжечь всякую мелочь, как Велимир недавно, но на это много ума не требуется. Тем более что правящая ветвь не слишком многочисленна и хранители ценятся на вес золота.

Сова задумчиво потер подбородок.

— Согласен, вы с Танарисом — это гораздо лучше, чем какой-нибудь недоучка... но пользы от вас, как я понял, все равно не будет. Несмотря на то что вы пришлые, что вашей ауры никто не почувял и что вашей силы хватит, чтобы раскатать эту заставу по камешку. Верно? Именно в Проклятом лесу вы нам не помощники?

— Колдовать там будет самоубийством, — спокойно ответил Танарис. — Нас найдут быстрее, чем успеешь сказать «мама», так что мы с братом — неудобные спутники. Но вблизи врат наша сила возрастет, поэтому кое-какую помощь мы оказать сумеем.

— Ага, — понимающе кивнул рыжий. — Значит, вы туда идете только ради врат, а во всем остальном придется полагаться на нас — слабых смертных?

— Верно, — одновременно отозвались эльфы. — В сам Лабиринт нам путь заказан — там уже настанет черед Таррэна геройствовать. А мы останемся снаружи присматривать за входом и прикрывать вам спины.

— А что там будет делать Таррэн, если не секрет?

Элиар неприятно усмехнулся.

— У него и спроси. Лабиринт безумия так называется потому, что пропускает внутрь только темных. Да и то не каждого, а лишь того, в ком течет кровь безумного владыки Изияра. Но поскольку, как я говорил, хранители — это побочная ветвь правящего дома, то в нашем темном друге этой кровушки должно быть достаточно, чтобы сделать все, что нужно. Подробности я не знаю, не спрашивай: темные всегда были очень скрытными. Но подозреваю, что пару капель своей крови ему придется там пролить на какой-нибудь алтарь.

— А наша задача, — добавил Урантар, — проследить, чтобы все вы туда добрались целыми и невредимыми. И светлые, и темные. Но поскольку Проклятый лес все время меняется и постоянных дорог в нем нет, то где-то с год назад наше дражайшее величество соизволило озадачить меня этой проблемой. И в своей манере повелело отыскать хотя бы примерное местоположение Лабиринта, чтобы знать, куда топать, дабы поспеть к сроку. Гончие, разумеется, излазили все окрестности вдоль и

поперек. Заодно убедились, что Лабиринт действительно существует, а с месяц назад даже сумели проложить сносный маршрут и сделали пробную вылазку, чтобы выяснить: реально ли добраться до него с такой обузой, как чужаки, и сколько времени на все это понадобится.

Люди выразительно переглянулись.

— Да, вы правы, — кивнул Воевода на невысказанный вопрос. — Шансы неплохие, а сроки... Ну, скажем, с вашим темпом — от двух до двух с половиной дней. При полном отсутствии магии и охраняющих амулетов (да-да, рыжий, от своей висюльки тебе придется избавиться) и под строгим присмотром моих людей. С вами пойдут трое Волкодавов, три Гончие, я, Белик, Траш и Карраш, разумеется. Этого должно хватить. Плюс к этому Таррэн вчера здорово помог, и нападений на отряд ожидается гораздо меньше, чем в любое другое время.

— Вот и подошли к самому главному, — кашлянул Ирбис. — Если вы все такие умные и великие... если эльфов вполне сносно могут охранять Стражи, знающие эти места как свои пять пальцев... если Волкодавы так хороши, а Гончие будут пристально следить за каждым кустом... если туда идут даже хмера и ядовитый мимикр... какого рожна вам понадобились простые человеческие воины, Урантар?!

— Та-а-ак, — протянул Весельчак. — Неужели я был прав и вам просто не хватало дармового мяса?

— Элиар, поясни ты.

Светлый растянул губы в широкой улыбке и, чуть наклонив голову, со странным выражением уставился на отчего-то занервничавшего лиса.

— Дело в том, что в самый первый раз (а было это почти девять тысячелетий назад) наши расы собрали в Серых пределах весьма приличную армию. Как ни странно, именно первый поход описан в хрониках лучше всего, а об остальных семи сохранились лишь разрозненные данные, поэтому большинство сведений о Лабиринте мы получили именно оттуда. Этот поход, как вы понимаете, станет девятым. Символично, так как девятка — любимое число темных магов... Так вот, если верить хроникам, тогда, в первый раз, собирались всем миром: темные, светлые, даже гномы не поскупились на целый хирд. Говорят, набралось тысяч пять разных... э-э-э... существ. В том числе люди под предводительством короля Миррда. В те времена человеческие правители еще не гнушались подобными подвигами и считали долгом проследить за сохранностью своей части ключа. В общем, все было пышно, пафосно и... глупо. Потому что полноценного прохода в горах тогда не существовало, и армия уперлась в Тропу смертников, после которой заметно уменьшилась в

размерах. Каким образом вышло, что карта тропы уже в те времена не сохранилась, я не знаю. Меня еще не было. Хроники тоже молчат. Но, как оказалось, Проклятый лес все эти годы тоже менялся. Причем, так быстро, что уже в следующую после короля Миррда эпоху составленные и сохраненные им карты оказались бесполезными. В подробностях пересказывать хроники не буду, а лишь скажу, что до заветных врат из той, первой армии добрались всего десятеро: двое светлых эльфов, один из которых погиб на обратном пути; темный; гном; трое магов вашей расы и трое самых обычных смертных. Они-то и сумели открыть врата. Среди уцелевших был, кстати, король Миррд, за что ему вечная память. Однако выжившие маги, как говорят, попытались потом забрать себе все части ключа и основали тот самый орден Отверженных, от адептов которого мы с вами так много бегали. Тогда, слава владыке, с ними справились, но они вернулись и попробовали снова, разрослись, как сорняки... сами знаете, что из этого вышло. Сразу не раздавили гадину, так она и через девять эпох сохранила ядовитые зубы. Но, что самое интересное, выжившие в тот самый первый раз наперебой твердили, что если бы не обычные воины, в Лабиринт было бы не войти. Дескать, для открытия врат требуется присутствие представителей четырех разумных рас... вернее, их кровь. Не тараци глаза, рыжий, никто не собирается приносить тебя в жертву! Просто палец уколем и отправим обратно. По крайней мере, все последующие разы так и поступали. Не знаю, насколько это оправданно, но с тех пор смертные обязательно отправляются в каждый поход. Теперь доволен?

— Очень, — буркнул Весельчак. — Короче, меня туда потащат, как козла на веревке, просто потому, что вроде как могу понадобиться, но точно этого никто не знает. На всякий случай. Чтобы испачкать ту проклятую дверь собственной кровью, будто языческий алтарь.

— Верно, — очаровательно улыбнулся Элиар. — Причем во все времена старались, чтобы смертных было именно трое и ни одним меньше. Вдруг число тоже важно? Не возвращаться же обратно из-за глупой ошибки? Может, подошли бы и Стражи, но боюсь, близость к пределам изменила их слишком сильно и считать их простыми смертными уже нельзя. А рисковать мы не вправе.

— Но нас пятеро, — неожиданно прогудел Молот, дотоле угрюмо молчавший и старательно изучавший пол под ногами. — Нас больше, чем нужно.

— А это про запас, — ядовито отозвался рыжий. — Вдруг моя задница не доберется до Лабиринта? Или твоя? Или лысого? Плевать, что нужно

трое. Лучше, чтобы было побольше — на всякий случай. А если, по счастливому везению, до Лабиринта дойдут все, то самых толстых можно будет скормить голодным хмерам, дабы добро не пропадало. Верно, Элиар?

Урантар примиряюще поднял ладони:

— Не злись, рыжий. Я просил у короля троих лучших воинов в помощь, но он решил, что пятеро будет складнее, вот и прислал вас. Больше нам просто не провести. Но вы действительно лучшие из тех, кому король полностью доверяет. И тропу вы сумели преодолеть. Мы не ждали, что справимся без потерь. Твою задницу, рыжий, конечно, жалко, но сейчас она уже цела и, по-моему, чувствует себя неплохо. А если все получится как задумано, то, полагаю, вы слегка прибавите в силе и в скорости даже за те жалкие семь-восемь дней, что торчите в пределах.

Весельчак насупился еще больше, но возмущаться вслух перестал.

— Пойдите, — внезапно нахмурился Ирбис. — Элиар, ты говорил про четыре расы? А как же гномы? У вас же нет никого, кроме Крикуна!

— Не волнуйся, — отозвался вместо брата Танарис. — Их часть ключа у нас вместе с кровью одного из младших наследников подгорного трона. Этого хватит.

— Ты уверен?

— Абсолютно. В позапрошлый поход единственного гнома в отряде разорвала хмера. Это достоверный факт, который описан во всех хрониках. И случилось все как раз на подходе к Лабиринту. Однако возвращаться было поздно, поэтому один из моих предков рискнул взять немного крови мертвеца и капнуть на объединенный ключ. У него получилось: ворота открылись так же, как и раньше. Поэтому гномы рассудили, что раз без их присутствия вполне можно обойтись, то зачем их наследнику топтать сапоги зазря?

— Да уж, союзнички, — презрительно скривился Элиар. — Когда ты от них вернулся, я сперва ушам своим не поверил! Подумал, что брежу, раз они решились доверить *нам* свою часть ключа и кровь одного из младших наследников! Никогда их не понимал, а теперь не понимаю еще больше.

— Ладно, — подвел итог Сова. — Значит, мы имеем в сумме четыре или пять дней на дорогу туда и обратно, плюс один день для Таррэна и его непонятной миссии.

— Он сказал, что суток должно хватить, — кивнул Воевода. — Правда, он хотел отправиться уже сегодня, но это и по срокам для вас маловато, да и Белик... в общем, завтра с рассветом выйдем. Так что отсыпайтесь, отъедайтесь, возьмите у Крикуна нормальную броню. Элиар, раз уж Карраш испортил тебе меч, подыщи что-нибудь в оружейной — там много

добра, в том числе и из Светлого леса. Остальных тоже обеспечу всем, что пожелаете. Вот, собственно, и все, о чем я хотел поговорить. С Таррэном мы тоже все обсудили, поэтому его сейчас здесь и нет.

Мужчины одновременно покосились на дверь, будто за ней уже стояла Белка, и с редким единодушием подумали, что наглому темному выпал неплохой шанс побыть с ней гораздо дольше, чем кому-либо. Впрочем, последнюю мысль они постарались затолкать поглубже, потому что злиться на него не хотелось, а единственный имеющийся в наличии хранитель никак не должен пострадать до конца похода.

ГЛАВА 5

Белка проснулась внезапно, как от толчка, и машинально цапнула лежащий под подушкой нож. Впрочем, наткнувшись на внимательный взгляд зеленых глаз, тут же опустила руку, а затем резко села.

— Ты зачем пугаешь? — с укором спросила она.

Траш широко улыбнулась. После чего стянула одеяло с сестры и настойчиво обнюхала ее живот. Кажется, темный малость перестарался. И даже на рану как-то сумел воздействовать, потому что кровью больше не пахло. А сестра сидела на постели так, будто уже не помнила про рану.

— Да, я себя хорошо чувствую, — машинально ответила Белка, поднимая рубаху и проводя ладонью по животу. Затем, поколебавшись, сняла тугую повязку, в которой чувствовалась умелая рука старой Греты. Пару секунд изумленно рассматривала причудливый узор на собственной коже, будто сроду не видела, а потом неверяще дотронулась до почти незаметной белесой полоски под ребрами. — Это что, он сделал?! Темный?

Хмера согласно наклонила голову.

— Траш, но как?

Хмера задумчиво поскребла за ухом, думая: «Ну... ему как-то удалось увидеть наши узы, хотя раньше никто этого не делал. Более того, поверх наших он наложил свои собственные. Да еще и поправить умудрился совершенно непонятным манером. С раной вроде не планировал нарочно, просто хотел помочь... Может, он прав насчет родственной с тем темным крови?»

— Не знаю, девочка. А чего наш народ шумит? — слегка нахмурилась Белка.

Траш хитро прищурилась и, ухватив сестру за рукав, потянула взглянуть на то, как Гончие развлекаются с чужаками. Сама она тоже с интересом понаблюдала за игрой, однако, едва почувствовав, что подруга проснулась, решила поприветствовать. И показать, как забавно Стражи лупят чужаков.

— Что-о-о? Опять? — Белка вихрем вылетела наружу, едва не снеся по пути входную дверь и чуть не наступив на сладко дремлющего у порога мимикра.

Карраш от такого обращения возмущенно подпрыгнул, хотя с его массивным телом ничего страшного не произошло, но хозяйка уже умчалась. Достигнув узкого прохода между дворами, она ласточкой

взлетела на ближайшую крышу, бесшумной тенью скользнула вниз и... ошарашенно замерла.

— Ну что? — насмешливо поинтересовался Элиар, во второй раз скидывая Весельчака на землю. — Еще круг, рыжий? Или ты сдулся?

Ланниец упруго перекатился, без стеснения костеря наглого нелюдя на чем свет стоит, но тут же вскочил на ноги, умудрившись даже тренировочный меч не выронить. А эльф и не подумал спрыгивать с тумбы: ему вполне хватило факта касания противником земли.

Весельчак торопливо огляделся, ища подвох, но буквально в десяти шагах от него Ирбис с ворчанием опустил свои мечи, а еще чуть дальше зло сплюнул Аркан.

— Вы опять проиграли, — с удовольствием сообщил Элиар, слыша одобрительный шепоток среди окруживших полигон молодых Стражей.

Аркан вытер капли пота с распаренного лба и в который раз за вечер проклял коварного эльфа, который так ловко подловил их на слове и вынудил целых два часа скакать по этой странной площадке, уподобившись диким хорькам.

Нет, Урантар зря считал, что они даже первый круг не осият — вон, всего третий раз эта ушастая зараза их ловит на ошибке. Однако один на один против хранителя могли устоять только Гончие, а им пришлось потеть втроем. Ох и скалился же Элиар всю игру! И до сих пор был бодр и весел, как ребенок в преддверии совершеннолетия. Если бы рыжий не ляпнул сдуру языком, не ввязался в начатую Ирбисом перепалку, не вынудил светлого влезть в нее тоже и не напомнил о своем обещании отомстить за насмешку...

— Он прав, рыжий, — притворно вздохнул Урантар, стоя в сторонке на пару с Таррэном. — Тебя сделали по всем правилам.

— Бешеные лисы не работают в открытую, а вот в лесу я бы с ним потягался, — непримиримо буркнул Весельчак, потирая ушибленное плечо.

У проклятого остроухого удар был такой мощи, что просто не верилось! А скорость движений вообще запредельная. Да и по тумбам он скакал, как заправский прыгун, причем так уверенно, словно накануне не один час тренировался!

Элиар загадочно сверкнул глазами.

— Достаточно, рыжий? — вкрадчиво спросил он, легко крутанув меч.

— Мы еще по возвращении попробуем, кто кого переиграет!

— Ну-ну. Танарис, ты размяться не хочешь?

Танарис скептически поджал губы и покачал головой. Нет, спасибо. Он еще не сошел с ума, чтобы уподобиться Гончим, которые милостиво

прервали утреннюю разминку и позволили чужакам занять полигон. Странно, что брата так разобрало на эти игры, прямо на себя не похож, но Танарис до такого пока не дошел. Хватит и того, что вел себя с ними как с равными.

— Я хочу, — задорно бросила с крыши Белка.

Мужчины стремительно обернулись.

— Бел!

— Тебе еще рано! — возмутился Воевода.

— И правда, не стоит, — согласно кивнул Велимир, оправляя короткую бородку. — Рана недавно открылась, обожди немного. Не надо рисковать.

Белка грациозно прошлась по черепице, ловко спрыгнула на одну из тумб и выжидательно уставилась на обеспокоившегося эльфа. Босая, в короткой стеганой безрукавке, хотя на улице уже жарко, растрепанная, но с лучающимися от удовольствия глазами.

— Бел... — вздохнул Элиар, опуская меч. — Я не буду с тобой бегать.

— Струсил? — хитро прищурилась она. — А как же твое вчерашнее обещание? Ну, удиви меня.

— У тебя бок дырявый!

— Уже нет.

— Рана может открыться!

— Не может.

Элиар изумленно воззрился на Гончую, но она лишь улыбнулась и незаметно покосилась на молчаливого Таррэна. Тот, конечно, предполагал, что рана немного затянется, но чтобы она закрылась... Неужели обманывает?! Таррэн, в свою очередь, пристально взглянул на Белку, попытался почувствовать, где правда, а где ложь, и... закономерно уперся взглядом в два кристально чистых бриллианта, от которых все внутри переворачивалось.

Торк! Не собирался же! А она как знала — специально смотрит, да еще и подмигнула! Правда, сегодня в этой голубой бездне не видной опасной зелени, но все равно глаза у нее демонические!

— Так что ты решил? — строго спросила у светлого Белка, уперев руки в бока. — Без мечей. Без ножей. Только руки, ноги и скорость. В голову не бить, под зад не пинать, подножки не ставить. В остальном — без ограничений.

Элиар только вздохнул. Как ей откажешь? Обижать не хочется, ударить страшно, столкнуть на землю — тем более. Вдруг она опять бравирует, а у самой еле сил хватает ползать? С нее станется — уже понял, что себя

жалеть не любит.

— Хорошо, — уныло согласился он. — Только один круг, не больше.

— Отлично. Траш, ты где? Ищи себе пару и поехали!

— Что?! — всполошился светлый. — Какая пара?! Белик, ты что опять задумал?!

— Хочу узнать, чего ты стоишь, Элиар, — неожиданно жестко усмехнулась Гончая. — И собираюсь это проверить. Ты станешь моей парой на этот круг, а девочка подберет себе кого-нибудь из парней. Шранк, ты так? Горазд на подвиги?

— Тебе же завтра в рейд, — недовольно напомнил Страж.

— Знаю. Тебе тоже.

— Бел...

Но Траш неожиданно сама разрешила все споры. Ввинтившись между подавшимися в стороны воинами, деловито обошла и обнюхала Гончих, которые неодобрительно косились на хозяйку. Фыркнула и раздраженно дернула хвостом. Хоть бы кто понял! Хоть бы кто сообразил, что в таких делах нет места шуткам, даже если предложение облечено в такую форму, как привыкла делать Белка! Ну не станешь же их слезно умолять?! Воевода в этом однозначно не участвует, молодежь не справится, да и боится хмеру как огня. Шранк колеблется, а тут колебания неуместны, Адвик... хмера его не любила. Крилл много ржет, Иктар и Брок вечно грызутся, Навир еще руку бережет после саламандры, а остальные зализывают раны посерьезнее. На чужаков тоже надежи никакой. Кого же выбрать?

Хмера уткнулась мокрым носом в темного эльфа, словно говоря: «Ну? И ты туда же? Также станешь ее жалеть? Но она сильная. И ей действительно нужна помощь. А мне нужен кто-то, кто не струсит работать в паре. Кто-то, кто знает и поймет меня так же, как сестра. Может, ты?»

Таррэн устало прикрыл глаза.

«Ей же рано. Еще мало времени прошло. Хоть бы до ночи подождала».

Траш досадливо рыкнула и отвернулась: «Так и знала! Все самцы одинаковые!»

— Подожди, — тихо окликнул ее эльф, отчего брови у воеводы поползли вверх. — С раной действительно все хорошо? Не откроется снова?

Хмера едва заметно качнула головой.

— Белка? Не возражаешь, если я попробую? — повысил он голос, вызвав нездоровое оживление среди Стражей и даже Гончих. Шранк и Адвик помрачнели, потому что остроухий откровенно нарывался. Ланниец с занйцем переглянулись почти весело. Кажется, назревает новая забава?

Бедный, бедный эльф! Уши она ему отрубит сама.

Белка, мгновенно нахмурившись, обернулась:

— Белик... Не забывай, ушастый: только Белик!

— Я привык называть вещи своими именами, — спокойно ответил темный, и она нахмурилась еще сильнее. — Что скажешь? Я с Траш против вас с Элиаром. Полный круг. Согласна?

Белка нехорошо прищурилась и гибким движением спрыгнула на землю, красноречиво показав, что не только полностью восстановилась, но и способна заставить некоторых об этом пожалеть. Правда, смотреть в глаза эльфу ей пришлось снизу вверх, потому что он возвышался почти на голову, но стремительно вспыхнувшие в ее глазах изумрудные огоньки с лихвой компенсировали эту разницу.

Как он сказал? Вещи называет своими именами?! Решил поупрямиться?

Таррэн сжал зубы и заставил себя посмотреть на нее в упор, мысленно поклявшись, что больше не поддастся. Не позволит ей сломать его волю, не даст из себя веревки вить, ничего не позволит, потому что... она сама этому не рада, хотя и не признается. А значит, он не имел права уступить.

Белка остановилась от него на расстоянии вытянутой руки. Маленькая, хрупкая и обманчиво уязвимая. Только глаза сверкали, как два изумруда в родовых перстнях эльфов, да губы плотно сжались, выдавая ее недовольство.

— Не называй меня так, — отчеканила она в напряженной тишине. — Я Белик, и никак иначе.

— Нет, — ровно отозвался Таррэн, чувствуя, что идет по тонкому, опасно трещащему льду. — Ты Белка. Ты ею была и навсегда останешься. Хоть в Интарисе, хоть в пределах, хоть в Проклятом лесу. И я не стану называть тебя так, как все остальные. Их право делать то, что они считают нужным, а для меня ты останешься Белкой. Навсегда.

Ее глаза с примесью нехорошей зелени буквально воткнулись в его лицо, надавили, укололи и почти ударили, но пробить многовековую броню темного мага все же не смогли.

— Ты испытываешь мое терпение, ушастый!

— Я всего лишь говорю правду.

— Вот как?! — уже прошипела Гончая. Таррэн внутренне напрягся, помня о том бешенстве, которое ему уже довелось испытать на своей шкуре, но отступать не собирался. Потому что знал: она действительно останется для него именно такой — гордой, неприступной, сильной и... очень ранимой. Потому что нельзя коверкать свою жизнь в угоду кому-то

другому. Нельзя стать тем, кем ты не можешь быть в принципе. Нельзя жить, ненавидя себя, нельзя отрицать себя самого. — И много ты знаешь такой правды?!

Темный эльф даже голос свой почти не услышал.

— Достаточно, чтобы больше не путать тебя с тем, кем ты не являешься.

Кажется, у него снова вспыхнули глаза. Кажется, снова загорелись ладони, начала тлеть рубаха на груди, и из-за этого обеспокоилась Траш, а невидимый Карраш тихонько заскулил.

«Не знаю. Не вижу. И никого больше не увижу, кроме нее, — билось в голове. — И хотя бы поэтому она Белка. Всегда только Белка. Ведь я тоже долго жил так — не принимая и люто ненавидя самого себя. С разрубленной надвое памятью, с разбитым и истерзанным сомнениями сердцем, с мертвой душой и с долгом, навязанным кем-то другим. И так было очень долго, Белка, пока я не увидел тебя».

Гончая, словно почувствовав что-то, сжала челюсти.

— Если мы выиграем, ты больше никогда не назовешь меня Белкой!

«Значит, вы проиграете, — отстраненно подумал Таррэн, отчего-то не слишком обрадовавшись этой крохотной победе. — Потому что я не стану называть тебя по-другому».

Он медленно стянул с себя куртку, чувствуя знакомое оцепенение от близости этой необычной, но до дрожи притягательной женщины. Проследил за тем, как она рывком взлетела на тумбу к Элиару и свирепо рыкнула, когда тот рискнул протянуть ладонь, чтобы помочь ей забраться.

подавив тяжкий вздох, Таррэн так же неторопливо разулся, снял перевязь с мечами, машинально подыскивая им подходящее место. И почти не удивился, когда рядом откуда ни возьмись нарисовалась желтоглазая и на редкость довольная морда. Карраш с готовностью цапнул эльфийские клинки, ничуть не озаботившись охранными рунами и, восторженно похрюкивая, отправился к дальнему сараю, где с шумом плюхнулся, подгрел к себе вторую пару — Белкину, закинул их друг на друга, словно так и надо, а затем нагло положил сверху голову.

Урантар зябко передернул плечами, но, кажется, клинки не возражали против такого соседства. И не шарахнули молниями ни друг по другу, ни по дурному мимикру, который находил странное удовольствие в том, чтобы положить клинки именно так: ее — снизу, его — точно поверху. Крест-накрест.

— Будь осторожнее, — тихо посоветовал воевода, когда Таррэн прошел мимо.

Эльф машинально кивнул. На него смотрели как на безумца, которому вздумалось дразнить хмеру за усы. Как на идиота, потому что он рискнул нарушить непреложные правила. Плевать, как любит выражаться рыжий. На все плевать. Пусть смотрят. Лишь бы не мешали ухватить кончик странной, но мимолетной мысли, мелькнувшей у него на задворках сознания. Не напомнили Белке, что она вожак, требующий беспрекословного подчинения.

Он так и взобрался на тумбу рядом с хмерой — задумчивый и готовый ко всему. Мазнул спокойным взглядом по Элиару, молча отметил, что тот успел сбросить рубаху и красуется рядом с напарницей голым торсом. Слегка задержался на ее незаметно шевелящихся губах возле самого его уха, так же рассеянно погладил костяные пластины на затылке Траш и мысленно спросил:

«Как работать будем, подруга?»

Белка скосила на него глаза, а хмера неожиданно хмыкнула. И вдруг обрушила на не ожидавшего подобного эльфа такой набор образов и картинок, что Таррэн на секунду даже задохнулся и едва все не испортил, потому что сохранять равновесие при таком резком контакте было трудновато.

Охота... снова охота... бой с каким-то самцом в лесу... запах крови... лицо сестры: усталое... веселое... измученное... задумчивое. Потом — ровный бег по зеленым холмам... поющий ветер в вышине... многие сотни битв, сливающихся в один сплошной водоворот событий... чужие лица: мужские, женские, орочьи и даже эльфийские... вопросы... ответы... боль, кровь...

А вот и полигон... и Гончие на одной из тренировок, на которые сходятся посмотреть все свободные от дел Стражи. Белка еще никогда и никому не уступала на этих тумбах. Она умела двигаться как ветер, умела быть жесткой. И никогда никого не щадила: ни себя, ни других... Да, здесь всегда все честно, и Шранку нечего ворчать на сломанную руку — все равно зажило к вечеру, хотя «нектара» на него потребовалось много. И нечего Белке обижаться на его ответный бросок, едва не стоивший ей сломанного ребра...

Вот ее любимый удар. Вот и коронный прыжок, которым она легко сворачивает шеи недовольным. Так она любит сметать препятствия со своего пути, а вот так наказывает тех, кто рискует распускать руки, — просто ломает в трех местах или пинает по локтю...

А потом снова лица, лица, лица...

Таррэн оторопело застыл. Боже, какая каша! Кто их только учил?! И

как они вообще это выдерживают?!

Он тряхнул черной гривой, которую Траш тут же растрепала, и принялся торопливо разбираться в новых сведениях.

— Начали! — резко бросила Белка, не дав ему ни одной лишней секунды на раздумье.

Траш вместо ответа оскалилась и метнулась к Элиару: светлый в их паре заведомо слабее. Не знает привычной тактики Гончих, и его несложно устранить, а там, вдвоем с ушастым, они и сестру сумеют достать. И если он не подведет, то все будет очень легко. Всего пара мгновений...

Элиар опередил ее буквально на секунду: сорвавшись с места почти одновременно с Белкой, он стремительно перелетел сразу через две тумбы, резко свернул, уворачиваясь от могучей лапы с предусмотрительно втянутыми когтями. А потом рванул в противоположную сторону, оставив раздосадованную хищницу крутиться на каменном пятачке. Войдя в раж, он еще целых два раза проворно скакнул, опасаясь подвоха, но быстро понял, что кошка отстала, огляделся и коварно улыбнулся. Промазала!

Траш недовольно фыркнула. Вот зараза ушастая! Собралась было продолжить погоню, потому что выбить наиболее слабого противника — первоочередная задача для такого рода игр, а он, хоть и шустрый, все же не настолько хорош, чтобы потягаться с ней и ее парой. Но поймала краем глаза какое-то движение и дрогнула: Белка! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, кто слабее в их с Таррэнном паре. И сейчас сестра с огромной скоростью мчалась за улепетывающим эльфом, готовясь вот-вот нанести свой любимый удар!

Хмера мигом позабыла про Элиара. Сердито рыкнула и в три громадных скачка добралась до партнера как раз в тот момент, когда Белка извернулась и прямо в прыжке ударила его в грудь. Правда, темный (ух, молодец!) каким-то чудом успел отшатнуться, одновременно присев и развернувшись всем корпусом, поэтому острые пятки ничего ему не сломали, а лишь вскользь задели по бедру. Да что там! Он даже уклониться попробовал! Однако забыл, что стоит на каменной тумбе. Его правая нога закономерно соскользнула с края, эльф нелепо взмахнул руками, в какой-то жалкий миг осознав, что все же проиграет бой за ее имя... и тихо охнул, когда могучий хвост обхватил его поперек торса, а затем мощным рывком выдернул из пустоты и буквально швырнул на соседнюю тумбу.

Таррэн мгновенно сгруппировался и приземлился уже достойно: на ноги. Поднявшись бок о бок с необычной напарницей, слегка прищурился. М-да, не ожидал, не ожидал...

— Спасибо, Траш.

Хмера только покосилась на него, но смолчала, мысленно понадеявшись, что он больше не станет делать ошибок.

— Неплохо, — скупно похвалила Белка, поняв, что атака не удалась. Потом вернулась к Элиару, озорно блеснула глазами и что-то снова зашептала ему на ухо.

Снизу раздался одобрителный гул: мало кто умудрялся удержаться после Белкиного коронного броска. Да Таррэн и сам видел — тогда, во время боя с гиенами, когда одну из тварей маленькая Гончая буквально швырнула наземь, а затем едва не задушила сильными коленями. Точно так же когда-то был остановлен Карраш. Точно так же она спасла ему жизнь при знакомстве с Траш. Точно так же едва не скинула на землю сегодня, но, спасибо напарнице, чуть-чуть промахнулась.

Таррэн внимательно оглядел шепчущихся противников: кажется, Белка, пока была возможность, торопливо указывала Элиару на слабые места в их защите. Конечно, темный понимал, что, как и Элиар, является мишенью. Траш тоже это подтвердила. Значит, ему придется быть вдвойне осторожным, чтобы не оплошать и не попасть ни под удар, ни под обидный пинок, и не стать объектом насмешек внимательно следящих за боем Стражей.

Спустя несколько минут темный эльф неожиданно понял, что ему будет трудно выполнить задуманное. Еще через круг — что славно разогрелся, потому что Белка вцепилась в него мертвой хваткой и ни на миг не позволяла не то что отдохнуть, а даже замедлиться! Одновременно с этим она зорко следила за Элиаром, потому что и хмера не оставляла попыток добраться до проворного остроухого. Правда, пока безуспешно: светлый метался по полигону, умело уворачивался, падал грудью на каменные тумбы, пропуская над собой здоровенную зверюгу. Уже раскраснелся, извозился в пыли, на его висках заблестели первые капельки пота, а хмера без устали гоняла его по полигону, приостанавливаясь только в те моменты, когда Таррэну приходилось совсем туго.

Белка же фыркала, шипела, дикой кошкой изворачивалась в воздухе, но пока ни разу не упала. Каждый раз умудрялась или вовремя замедлиться, или проворно отскочить, или сползти вниз по каменному столбу, цепляясь сильными пальцами за мельчайшие трещинки, а потом вновь взлетала наверх — на помощь Элиару, которому с каждым разом становилось все труднее избежать могучих лап хмеры.

Немного приноровившись к манере боя, Таррэн очень быстро почувствовал, что они со светлым превратились для двух «прекрасных дам» в славную добычу — точнее, в милых, ловких и шустрых «кроликов»,

которых было забавно погонять по кругу. Пару раз он подмечал, что Траш чуть отводит лапу в сторону, чтобы не ударить Элиара слишком сильно. А еще целомудренно сохраняет целыми его подвернутые до колен штаны. Более того, она пока не работала в полную силу, иначе от остроухого остались бы одни ошметки. Ни разу не выпустила когти, не хватанула широкой пастью. И лишь поэтому Элиар держался.

Рыжий восторженно присвистнул, потому что бой действительно был достоин восхищения. Но чудом увернувшийся от очередного удара светлый только улыбнулся и в очередной раз сиганул на крышу сарая, где можно было немного передохнуть. Туда Траш заходить не рисковала — была слишком тяжела для черепицы. А потому, недовольно посопев и помявшись, развернулась к кровной сестре. Вернее, пристально уставилась на преследующую Таррэна Белку, только сейчас осознав, что та на ближайšie несколько секунд осталась одна против них двоих.

Элиар дрогнул, подметив в зеленых глазах хмеры злорадный огонек, а потом увидел, как она припала на задние лапы, готовясь к прыжку. В то же время Таррэн подскочил к напарнице чуть ближе, размял измученное бесконечными пинками левое плечо и украдкой вытер лоб. Пора было признать, Белка — страшный противник. Однако подуставший напарничек опрометчиво оставил ее одну, а такого шанса закончить поединок упустить было нельзя.

Траш согласно оскалилась: «Умница, остроухий. Даже говорить ничего не понадобилось — сам все понял и занял то единственное место, куда я сейчас пригоню моего умненького, так не вовремя расслабившегося малыша. Два прыжка, удар плечом, затем подпихнуть хвостом в нужном направлении, и сестренка попадет точно в твои руки. Одна-одинешенька, запыхавшаяся, на полном ходу... Ты уж не упусти своего шанса!»

Хмера сорвалась с места, мгновенно подняв теми до невероятного уровня.

Элиар только ахнул, поняв, что его самым банальным образом выпихнули с поля, и теперь у противников есть все шансы добить одинокую Гончую, скинув ее наземь. Гады! И темный — тоже! Потому что вдруг расправил плечи и перестал изображать замученного грызуна, а затем коварно сузил глаза — все знал, гаденьш! Рассчитал! Может, и сам все это придумал да каким-то образом поделился мыслями с хмерой!

Белка тоже сообразила, что ее провели как последнюю дурочку, и помрачнела.

Проклятый темный! Наверняка Траш сейчас отрежет путь к отступлению и погонит напрямиком на ушастого: она это умеет. Если

замешкаешься, ударит всей массой, и тогда даже Гончей не удержаться на ногах. А если попытаться проскользнуть мимо эльфа... Торк! Торк! Торк! Умно придумали! Ловкие, сволочи, аж завидно. Где там Элиар?..

Светлый эльф уже несся навстречу, намереваясь отвлечь собрата от напарницы, да только поздно: Таррэн и Траш уже были на расстоянии прыжка. Вот только Белка почему-то не стала, как ожидалось, уворачиваться от летящей подруги. Не стала нападать в тщетной надежде достать Таррэна, потому что на мгновение встретилась с ним глазами и поняла, что тот не просто намерен выстоять против ее магии, если она решит сжульничать, а готов ко всему: к спору, к бою, к бегу, к травме и даже к смерти.

И в этой ситуации Белка сделала то единственное, что могла: тщательно подгадав момент, черной стрелой взмыла вверх, подбирая ноги и сжимаясь в крохотный комок.

Да, шансов почти не оставалось — Траш слишком быстра, а ее костяной гребень до сих пор воинственно поднят, но она не должна почуять подвоха. И Белка, задержавшись на мгновение в наивысшей точке, тем же упругим мячиком упала вниз. Прямо на спину сестры.

Воевода сглотнул, но обошлось: Белка не напоролась ни на один шип хмеры. Только штанину разорвала и взмахнула руками, скользнув стопами по боку озадаченно закрутившейся на месте подруги. А затем мощно оттолкнулась и снова прыгнула. На этот раз — в сторону от темного эльфа.

Таррэн обреченно вздохнул: хорошая была попытка. Вот только Белка не допрыгнет до тумбы — слишком далеко. Если бы Траш не вертелась и не подняла от возбуждения гребень, все бы получилось прекрасно. Но Белка в кои-то веки просчиталась. Промахнулась. А теперь досадливо поджимала губы, не хуже других понимая, что это конец. Чуть не ругнулась, потому что коварный темный ее все-таки обыграл, обреченно прикрыла глаза... и со всего маху врезалась во что-то живое. После чего ее тут же обхватили за талию, крепко прижали и сильно дернули, увлекая вперед и в сторону.

Снизу раздался разочарованный гул.

— К'саш! — ругнулся над ухом Элиар, перехватив ее прямо в полете, и упруго приземлился на твердое. — Ты в порядке?

Гончая изумленно распахнула глаза. Вот это да! Неужто ушастый сиганул пес знает откуда только ради того, чтобы перехватить ее прямо в полете и вынести на себе на соседнюю тумбу?!

— Ну ты даешь! — пораженно выдохнула Белка, когда ее осторожно поставили на ноги. — Элиар!

Светлый помотал головой, прогоняя противные мушки перед глазами, и очень осторожно убрал руку с ее талии.

— А?

— Ты сумасшедший!

— Да, наверное, — прерывисто выдохнул эльф, пытаясь восстановить дыхание: этот безумный прыжок отнял у него много сил. — От тебя нахватался. Или от рыжего... Торк вас разберет.

Белка внимательно оглядела его с ног до головы, словно в первый раз видела, отбросила челку со лба, помогла распрямиться и вдруг широко улыбнулась.

— Спасибо. Будем считать, что свое обещание ты выполнил.

— Какое?

— Удивил меня, ушастый. Я довольна.

Элиар вопросительно изогнул бровь. Как она сказала: «довольна»? Это что-то значит? Он не ослышался? Не бредит? Белка — это снова она, а не Белик?!

— Значит, у меня есть шанс? — вкрадчиво придвинулся эльф, краем глаза косясь на терпеливо ожидающих противников, но те пока не думали нападать. — Хочешь сказать, я могу попытаться?..

Белка оттолкнула его, но не настолько сильно, чтобы он расстроился. После чего скользнула в сторону и оценивающе оглядела вторую пару. Торк, а ведь темный уже передохнул! Спокоен, как удав, сосредоточен и вроде даже не заметил попытки Элиара ее приобнять. Только глаза за приспущенными веками чуть сверкнули да губы сжались сильнее, чем обычно.

— Еще круг?

Таррэн, поколебавшись, кивнул.

— Отлично. Траш?

Хмера наклонила голову и недобро покосилась на светлого: наглый самец. Дерзкий и бесцеремонный. Да и сестренка не железная, не сможет отстраняться вечно, особенно когда самец так хорош собой и регулярно демонстрирует силу. И это очень плохо.

«А может, наоборот? — неосторожно подумал Таррэн. — Может, у них есть шанс?»

Траш гневно вскинулась: «Никаких шансов! Может, только ты и справишься, если попадешь под прямой удар!»

Темный эльф поспешил отстраниться от ее мыслей и затолкать надежду на самое дно, где старательно задавил, затоптал, разорвал, а остатки для надежности закопал на недосыгаемую глубину. Да еще и

камень могильный сверху надвинул. Все, забыл и ушел.

Потому что, во-первых, он темный; во-вторых, не собирается никому составлять конкуренцию; в-третьих, прекрасно понимает, что это всего лишь магия, к которой он просто оказался чуть менее чувствителен. Поэтому нет смысла сотрясать воздух. Зато есть жизнь, долг и красивая девушка, у которой появился достойный ухажер.

Хмера раздраженно дернула хвостом: ей эти мысли совсем не понравились. Причем настолько, что, едва Белка сорвалась с места, намереваясь отыгаться, метнулась вперед, ловко обогнула кровную сестру и, больше не желая видеть подле нее никаких самцов, ринулась вслед за обеспокоившимся Элиаром.

Уже обрушиваясь всем весом на запнувшегося эльфа, Траш торжествующе рыкнула: достала! Она гордо покосилась в сторону, чтобы убедиться, что напарник видел ее триумф, но вдруг дрогнула, потому что ровно в этот момент Белка тоже ударила. Да так, что темного отшвырнуло на несколько шагов и буквально смело с тумбы. Но она еще и прыгнула сверху, чтобы тот не успел ни зацепиться, ни вывернуться, ни выбросить руки в тщетной попытке отыгаться.

На землю они рухнули одновременно: оба перворожденных и их прекрасные соперницы. Из Элиара дух вышибло сразу, потому что удар могучей лапы по хребту был способен разорвать пополам даже тура. Однако Траш лишь столкнула светлого на землю и спрыгнула следом, для гарантии поставив острые когти на обнаженную грудь, чтобы никто не усомнился в ее победе.

Таррэна приложило сильнее, но так как Белка была гораздо легче хмеры, то сознания он все-таки не потерял. Только отшиб все что мог, здорово треснул затылком, на секунду потерял дар речи и какое-то время видел только разноцветные искры в глазах.

Лишь когда они немного поутихли, он приоткрыл тяжелые веки и уперся в два знакомых голубых озера: Белка нагло восседала на его груди и внимательно следила за тем, как противник приходит в себя.

— Ты проиграл, — сухо сообщила она, едва к эльфу вернулся слух.

— Еще... нет.

Гончая покосилась в сторону и с неудовольствием увидела обездвиженного напарника, которого громадная хмера придавила лапой.

— Траш! Ты испортила мне эльфа! — с укором бросила Гончая. — Посмотри: он же еле дышит! И ты на земле, между прочим! А я пока еще нет. Значит, победа за нами. Ты проиграл, ушастый! Признай!

«Признай...» — так когда-то требовал Талларен, приставляя к его

горлу родовые клинки. Те самые клинки, кстати, которые Белка столько лет носит за спиной!

Таррэн осторожно скосил глаза и наконец сообразил, почему ему так трудно дышать: как оказалось, хитрая девчонка не просто восседала на нем, как на подушке, а влезла туда с ногами, действительно не коснувшись земли.

— Э-э-э, нет. Если бы Траш соблюдала правила, от Элиара осталась бы лепешка, — внезапно хохотнул Весельчак. — Сочная такая, светлая, кровавая!

— Да, — вздохнула Белка. — Неаппетитное вышло бы зрелище.

— Значит, вы еще не закончили, — авторитетно заявил рыжий. — Траш пожалела ушастого, и ей за это положены некоторые вольности. То есть она ничего не нарушила, и вы с ней по-прежнему в игре. Таррэн, правда, выбыл, но боюсь, победа ближе к нему, чем к тебе. Слышишь, Белик? У Траш есть хотя бы оправдание, почему она коснулась земли, а вот тебе, чтобы продолжить круг, придется научиться летать!

Белка прекратила разглядывать тяжело дышащего эльфа и огляделась.

Торк! А ведь прав болтун! В запале она ударила слишком сильно, отбросила упрямца чересчур далеко и теперь, чтобы добраться до колонны, ей придется или прыгать прямо с него, как с батута (ох и больно же ему тогда будет!), или действительно научиться летать. С'сош! Что ж делать-то?

Рыжий окончательно развеселился.

— Таррэн! У тебя есть неплохой шанс закончить этот бой одним махом! Стоит лишь сбросить Белика вниз...

— Только попробуй! — рыкнула Белка, мгновенно оцетинившись и отпрянув назад, но темный и не подумал дергаться. Вместо этого он осторожно приподнялся на локтях и огляделся.

Да, ситуация — лучше не придумаешь! Белка снова злится, вцепившись стопами в его лодыжки, а руками — в колени и бедра. Сжалась в комок, ждет подвоха, готова огрызнуться и даже ударить, если понадобится. Но сойти на землю не решается — гордость не позволяет; до спасительной тумбы ей тоже не добраться; поединок остался незаконченным, а его исход так и повис в воздухе. Однако и отступить она не может. Даже когда оказалась перед выбором: сползти на землю, превратившись в проигравшего, или дальше сидеть на чужих ногах, касаться ненавистного эльфа и ждать его милости.

— Дай руку, — тихо сказал Таррэн, на мгновение встретившись с ней взглядом.

Белка прищурилась, чем-то напомнив ему того озверевшего детеныша

на тропе, и насторожилась еще больше. Неужели так и не доверится? После уз, ущелья, ее раны и того, что он уже открыл?

— Дай руку, а то не удержу. Ты же не хочешь свалиться?

Она на миг замерла, но потом наконец медленно протянула ладонь. Не слишком уверенно, не слишком охотно, однако все же протянула, а это уже была победа.

Чуть улыбнувшись, эльф плотно обхватил ее пальцы и рывком вздернул себя на ноги, заодно подняв и Белку. Так они и застыли: напряженные, затаившие дыхание, как кровные враги перед боем. Очень близко. Слишком близко друг к другу!

— И что теперь? — скептически хмыкнула Белка, с трудом балансируя на его стопах и вынужденно цепляясь за рубаху. — Потацишь на себе, как калеку? Или думаешь, отсюда мне будет легче прыгнуть?

Таррэн еще раз огляделся, старательно не замечая ехидных улыбочек Стражей и пытаясь пореже дышать. Но, боги, как она пахла! Кажется, ему начал нравиться запах эльфийского меда!

Эльф мысленно вздохнул, понимая, что выбор невелик, а потом неожиданно быстрым движением подхватил Гончую на руки. Просто вздернул вверх и, легко приподняв, сделал три стремительных шага до ближайшей тумбы, каждый миг ожидая острых когтей на шее.

Ну, рыкнет или просто руки оборвет? Швырнется чем тяжелым? Пяткой в нос случайно заедет, чтоб потом неповадно было? Или просто облает, как распоследнего болвана?

Стоило эльфу поднести ее к тумбе, как Белка мигом вывернулась из его рук, взлетела на самый верх и уже оттуда тихонько фыркнула:

— Долго же до тебя доходило, ушастый!

Таррэн изумленно вскинул голову.

— Дураком ты никогда не был, выдержки тебе тоже всегда хватало. А по поводу упорства... кто упрямый в одном, тот упрямец и во всем остальном. Ты ведь от своего не откажешься?

— Нет, — машинально ответил он, с трудом сознавая, что его не прибьют за наглость. Кажется, на него даже не слишком сердятся. С ума сойти!

Белка снова фыркнула.

— Так и знала: у вас в семье это, похоже, фамильная черта. Но я ведь не просто так прошу обращаться ко мне как к Белику — на это есть причины. Настолько важные, что я далеко не всем о них говорю.

«Например, Элиару ты сказала сразу, — подумал Таррэн. — Да только он не услышал».

— Дело не в тебе, — вдруг тихо сказала Белка, словно прочла его мысли. — Я просто не хочу никого искушать.

Темный эльф вздохнул.

— Это ничего не меняет.

— Думаешь, твоя настойчивость стоит их жизней? Думаешь, будет лучше, если я дам кому-то поблажку? Хочешь посмотреть, что из этого получится? — В ее глазах вдруг мелькнула боль, а голос упал до неслышного шепота: — Плохо получится, Таррэн. Так уже было, поверь. И я больше не хочу повторения. Не хочу рисковать. И убивать тоже не хочу.

— Если я не стану этого делать при посторонних, тебя устроит? — неожиданно пошел на попятный Таррэн.

«Вернее, при них я вообще не стану к тебе обращаться, — подумал он мимоходом. — Но в остальное время буду звать, как считаю нужным. Времени у нас немного, и мне бы не хотелось тратить его на то, чтобы убедить себя, будто ты ничего не значишь».

— Так что скажешь? — снова спросил эльф, так и не дождавшись ответа.

Белка на секунду заколебалась, но затем все-таки кивнула:

— Договорились.

ГЛАВА 6

С рассветом небольшой отряд, как и планировалось, покинул заставу и вошел в Проклятый лес. Первой, как всегда, бежала Белка вместе с хмерами, причем ядовито-зеленые радужки Гончей и хмеры красноречиво свидетельствовали: они снова слились. За ними неслышным шагом скользил Таррэн, чуть поодаль — Карраш, затем — светлые эльфы и люди, включая троицу незнакомых Волкодавов. А замыкали отряд легконогие Гончие: Шранк, его молодой напарник Адвик и тот сероглазый блондин с холодной улыбкой, которого звали Криллом.

Вопреки ожиданиям Проклятый лес не воспротивился появлению чужаков и выглядел непривычно тихим, если не сказать пустым. Они ждали свирепых порывов ветра, негодующего птичьего гомона, огромных туч ядовитой мошкары. Ждали свирепого рыка, опасались, что под каждым кустом их станут караулить голодные хмеры. Приготовились сражаться со звергами, богомолами, пещерными медведями и бороться за каждую пройденную пядь, но ничего этого не понадобилось. Как ни удивительно, лес просто расступился, пропуская чужаков в святая святых, и не сделал ни единой попытки их остановить.

Да, они постоянно чувствовали, что за ними наблюдают. Ощущали на себе внимательные взгляды — из-под каждого куста, из-за каждого дерева и из каждой норки. Но, как ни странно, атаковать отряд местные обитатели не спешили. словно поостереглись связываться с непонятными гостями или же получили некий приказ.

Весельчак в какой-то момент подметил, что торчащие со всех сторон иголки не то что не стремились в него воткнуться, а даже уворачивались, уступая дорогу. пышно разросшиеся кусты сами по себе ужимались, отводили ветки, сворачивали острые листья и втягивали ядовитые шипы. Причем особенно явно они уклонялись от контакта, если рядом оказывалась Белка, Траш и, как ни странно, Таррэн.

Последнего и вовсе не задела ни листочки, ни свисающие с деревьев лианы, ни клочья серого мха, временами падающие с веток. Бугрящиеся под опавшей листвой корпи торопливо уползли в стороны, ядовитые цветы поспешно схлопывались в безопасные бутоны, а обрывки паутины сами собой раздвигались, почтительно уступая ему дорогу. Даже мухи облетали его стороной. Очень скоро это подметили все. А затем наконец сообразили, почему Белка не стала протестовать, чтобы темный маг топал

рядом с ней: кажется, она знала гораздо больше, чем остальные. Но спрашивать и уточнять никто не решился: маленькая Гончая заранее предупредила, что зашибет любого, кто вздумает помешать ей слушать лес.

А в этом ей верили всегда.

Отряд без приключений миновал первую полосу препятствий в виде тесно стоящих деревьев — черного палисандра. С ходу проскочил под низко клонящимися к земле ветками. Без потерь миновал заросли колючих кустов, которые по агрессивности многократно превосходили знаменитый храмовник. Счастливо избежал встречи со здешними обитателями и к полудню, отмахав в хорошем темпе приличное расстояние, вышел к более спокойным местам.

Таррэн сперва не поверил глазам, когда рассмотрел впереди приличный по размерам просвет. С неменьшим изумлением увидел почти обычные сосны, ели, осины и даже нечто, смутно напоминающее родные ясени. Ошарашенно воззрился на лесные цветы, мирными островками виднеющиеся тут и там. А затем, оглянувшись, окончательно растерялся: нет, все правильно. Позади чернела настоящая стена из искореженных, перекрученных и причудливо изменившихся веток, листьев и коряг. Какой-то странный клубок, полный многовековой злобы, ненависти и искреннего желания убивать, что так поразил его на заставе.

Но здесь в воздухе не было разлито столько яда, как рядом с ней. Не давила на нервы чужая ненависть и не истекало ядом каждое встреченное живое существо, созданное с одной-единственной целью — убивать. Кажется, они оставили позади это мрачное царство убийственной природы, прошли его насквозь. А теперь перед ними развернулся почти обычный лес — спокойный, величественный, дикий и полный самых странных тварей, какие только могли родиться под влиянием магии амулета Изииара. Но этот лес был уже совсем не страшным и не производил впечатления мстительного, полного нерастраченной злости врага. Просто лес, где кипела жизнь, подчас превращающаяся в смертельную борьбу. Где кто-то умирал, кто-то славно перекусывал, птички щебетали, мухи жужжали, бабочки порхали... все как везде. И никто не смотрел на озадаченных воинов как на обязательное блюдо в своем меню. Мол, пришли, и ладно.

Рыжий тоже непонимающе обернулся, сравнил раскинувшуюся перед глазами благодать с тем, что они оставили за спиной. Снова завертел головой, но вдруг подметил заметно расслабившееся лицо воеводы и рискнул нарушить напряженное молчание.

— Урантар, мы что, уже прошли Проклятый лес?

— Размечтался, — хмыкнул Страж, стряхивая с плеча невидимую

соринку. — Мы всего лишь преодолели кордон, но дальше и впрямь будет полегче.

— Какой еще кордон?

— Ну... у нас есть заставы, которыми мы отгородились от леса. А у Проклятого леса — кордон. Самое опасное место, где максимальная концентрация яда в шипах, самые агрессивные растения и звери. Именно здесь чаще всего гибнут наши люди, потому что это — своеобразная застава от смертных. Так твари защищаются от нас и пытаются выжить отсюда. Можно сказать, это здешняя передовая, где нам очень и очень не рады.

— По-твоему, лес создал эту полосу специально?! — совсем оторопел Ирбис.

— А ты не чувствуешь разницы? — усмехнулся Урантар.

— Чувствую, конечно, — растерянно отозвался мечник, краем глаза косясь на идущую первой Белку. Но та не стала никому отрывать голову за неуместные разговоры: кажется, необходимость в молчании уже отпала, и теперь она лишь поджидала слегка задержавшихся Гончих. Маленькая, напряженная, полностью сосредоточившаяся на своих ощущениях. Все в том же кованом доспехе из шкуры черного питона. Наглухо застегнутая на все пуговицы и спрятавшая волосы за матово поблескивающей чешуей низко надвинутого капюшона. Холодная, молчаливая, неприступная. И как никогда похожая на свою свирепую сестру.

На едва уловимый шорох стоящая рядом с хозяйкой Траш молниеносно обернулась и обеспокоенно рыкнула. А следом за ней повернулась хозяйка: взглянула на приближающихся Гончих и вопросительно уставилась на Шранка:

— Что?

Тот отвел глаза и отер кровь с правой щеки. Однако пламенеющую там царапину скрыть не пытался, и при виде нее Белка мгновенно посуровела и одновременно с Траш зашипела.

— Остролис-с-ст?

— Да, — сознался Шранк, упорно смотря в землю.

— Это моя вина, — торопливо вмешался Адвик. — Я слишком резко отпустил ветку, и он...

— Заткнись, — рыкнула Белка и, стремительно приблизившись, стерла с кожи Шранка алые капельки. Покатав их на пальцах, она осторожно их понюхала, лизнула, а потом зло сплюнула. — Это женское растение!

Суровый Страж совсем скис, потому что женские растения, как известно, вели себя гораздо более агрессивны, чем мужские. И, разумеется,

были ядовиты. А он по дурасти своей не успел увернуться от шипастой ветки и так нелепо опозорился. И теперь какая разница, что обормот Адвик не посмотрел назад? Кого волнует, что мальчишка был неосторожен? Торк! Надо же было так опростоволоситься, да еще в присутствии чужаков!

Хмера без лишних слов скользнула к подруге и с готовностью повернула страшноватую морду. Белка стянула перчатки, выдавила крохотную капельку «нектара», которую тут же втерла в ранку, не слишком заботясь о переживаниях напарника. А Шранк, прерывисто вздохнув, тяжело опустился на землю, склонил голову и замер в неудобной позе, пока тонкие пальчики размазывали дурманящий «мед» по его щеке.

— Терпи, — сухо велела Белка, надавив на свежую царапину, чтобы выдавить остатки яда.

Шранк только кивнул и снова застыл, проклиная про себя уродского темного мага, из-за большой фантазии которого сейчас едва сдерживался, чтобы не прильнуть к жожаку в ожидании незаслуженной ласки. Это же надо было так изуродовать девчонку, чтобы рядом с ней стало невыносимо просто находиться, а каждое ее прикосновение превращалось в настоящую пытку!

Впрочем, пережить ее близость чаще всего было можно. Главное — не смотреть ей в глаза. Не шевелиться. И не думать, что все могло бы быть по-другому: если бы не пределы, не дурацкая магия и не тот факт, что на самом деле все — неправда. Это магия, просто дрянная магия, от которой нет спасения ни людям, ни гномам, ни эльфам, ни полукровкам.

Он с облегчением вздохнул лишь тогда, когда Гончая закончила и быстро отошла.

Ф-фу... так и с ума сойти недолго. Одно хорошо: когда Белка отдалялась и переставала смотреть в упор, бешеная тяга к ней почти сходила на нет. Сердце прекращало колотиться как сумасшедшее, дыхание успокаивалось, а она становилась обычной смертной девчонкой, заброшенной по прихоти судьбы в самое гибельное место Лиары. Правда, очень несчастной, но про то мало кто знал.

— Все, идем, а то не успеем, — скупно бросила Белка, снова натягивая перчатки и опуская на лицо капюшон.

Шранк тряхнул головой, приходя в себя, и упруго поднялся. Затем перехватил понимающий взгляд Таррэна, криво улыбнулся, прекрасно зная, о чем он подумал, и вернулся в строй.

— Шевелитесь, — хмуро велел он неловко замаявшимся людям. — До вечера перерывов не ждите: времени осталось немного, а нам еще прилично идти. Наш ритм знаете? Шагаете по двое, в четыре нары вместе с

остроухими. Темный, твое место здесь...

— Нет, он идет со мной, — холодно сказала Белка, и Гончие покладисто кивнули. — Разбивайтесь как привыкли: рыжий с Арканом, Молот с Совой, Ирбис с Дядько. Элиар, вам с братом лучше идти в середине, чтобы ауры не засветить. Крилл, Адвик — назад. Сорм, Урис — берете под контроль левую сторону леса, Шранк, Зесс — правую. Карраш пойдет последним. Все, двинулись!

Могучие Волкодавы, ничуть не уступающие по комплекции воеводе, без лишних вопросов рассредоточились, окружив чужаков плотным кольцом. Те поморщились, особенно Элиар, но смолчали: на чужую заставу со своими правилами не ходят. Если Белка считает, что так лучше, значит, придется терпеть этих громил под боком.

Кстати, Сорм и Урис оказались братьями — здоровенными плечистыми парнями с одинаково бритыми макушками и причудливыми татуировками на шеях. За плечами у каждого виднелись потертые ножны с мечами, пояса были увешаны ножами из странного серебристого металла. Все тело, как у остальных Стражей, было от пяток до горла укрыто чешуйчатой броней, руки спрятаны за толстыми перчатками, а на кончиках сапог поблескивали стальные шипы, которыми и пнуть удобно, и на дерево с их помощью взобраться сподручно.

Зесс на их фоне выглядел более чем скромно: поменьше ростом, поуже в плечах, с короткими пепельными волосами и карими глазами коренного уроженца Интариса. Вместо тяжелого меча он носил легкую саблю, но владел ею настолько виртуозно, что видевшие вчера его тренировку эльфы молча порадовались, обнаружив интариссца в команде: такой много часов не устанет от ровного бега, вынослив, жилист и, наверное, был бы достоин звания Гончей, но по неизвестной причине в стаю к ним не вошел. Может, Белка не позволила. А может, сам не хотел рисковать: все же близость к такому необычному вожаку не каждому под силу.

Таррэн пару раз заметил выразительные взгляды Зесса в сторону вожака и пришел к выводу, что второе предположение вернее. Кажется, молодому воину было не по себе в ее присутствии. Да и она не просто так предпочла иметь в паре его, темного. Даже Шранка не стала искушать — пожалела. А эльфа жалеть незачем.

Впрочем, по данному поводу Таррэн не переживал, в какой-то момент поймав себя на мысли, что ему все равно. Даже если она всего лишь соблюдала любимое правило короля Миррда и хотела держать его на виду, пускай. Для того, кто похоронил себя много лет назад, и это было немало.

Три долгих века, прожитых в Темном лесу, приучили его к терпению и

одиночеству. А когда Таррэну пришлось уйти в большой мир, то неожиданно оказалось, что эльфы — чужие в нем, потому что этим миром вот уже много веков правили люди. Да-да, самые обычные смертные, которые давно и прочно перекроили мир под себя. А некогда великий и мудрый народ остался пережитком прошлого, который будет существовать ровно до тех пор, пока смертным не понадобятся эльфийские леса.

А еще Таррэн, побродив по свету, так же неожиданно осознал, что когда это случится, то на Лиаре разразится еще одна война. Долгая, кровопролитная. Последняя. И перворожденные ее, скорее всего, проиграют, потому что времена Изиара и былого величия эльфов прошли.

Быть может, в том числе и поэтому Таррэн не жалел, что ушел из рода и отказался от собственной крови. Той самой, что сделала его повелителем самого страшного места на Лиаре.

Он снова усмехнулся собственным мыслям.

«А ведь я мог бы найти тысячи предлогов не приходить сюда. Но я все-таки здесь и не жалею. Наверное, это было правильным — оставить род и уйти к людям. Только благодаря им я все еще жив. Не стал равнодушным. И я не чудовище, в жилах которого течет кровь Изиара. Люди показали мне совсем иное. А поход изменил меня не меньше, чем Элиара, потому что, кажется, я все еще могу радоваться новому дню, красоте первозданного леса, мимолетному взгляду и не мне предназначенной улыбке...»

Темный эльф невольно улыбнулся и подставил лицо встречному ветерку.

«Да, я все еще жив, и чувствую это. Чувствую особенно остро с тех самых пор, как нахожусь рядом с *ней*. Может, это и магия, но я не жалею ни о чем. Даже сейчас, когда времени осталось так мало, а я наконец начал его по-настоящему ценить. Любоваться тем, как она ходит, как смотрит и даже сердится. Ни на что не надеюсь, но все равно ждать. Жить. И радоваться каждый раз, когда она случайно произносит мое имя».

Таррэн услышал сбоку одобрительное фырканье хмеры и, вздрогнув, покосился на Гончую: надеюсь, не слышала? Но Белка смотрела вперед, и он так же незаметно перевел дух: хвала Бездне, кошка его не выдала. Не хотел бы он докучать Белке, как остальные. Пусть лучше Элиар укрепляет свои позиции. Ему, по крайней мере, не светит сойти с ума в катакомбах Лабиринта, а Белка совершенно точно не огорчится, если единственного темного эльфа в отряде не станет.

— Стоп! Мы пришли, — коротко скомандовала Белка, неожиданно остановившись. — Шранк, Крилл, гляньте вокруг, вдруг сюда гости

наведывались. Остальным стоять и ждать. Элиар, не вздумай использовать магию!

— Понял, не дурак.

Гончие молниеносно растворилась среди деревьев. А люди послушно скупились, Волкодавы снова окружили чужаков плотным кольцом, эльфы натянули луки, и весь отряд ненадолго замер.

Таррэн, улучив момент, наклонился к Белке и тихонько шепнул:

— Ты знаешь, что мы отклонились от курса?

Она раздраженно дернула ухом.

— Другого подходящего места для ночевки у нас нет.

— Почему именно здесь?

— Увидишь.

— Ты ведь тоже чувствуешь Лабиринт? — поколебавшись, спросил эльф.

— Да, — неохотно отозвалась Белка, не отрывая взгляда от того места, где скрылись Гончие. — Не так хорошо, как ты, но чувствую. Не бойся, не промахнемся.

«Я не этого боюсь», — невольно подумал он и некстати припомнил вчерашний поединок, свидетелем которого ему посчастливилось быть.

Он был очень недолог, этот бой: всего три с половиной минуты, но такой напряженной схватки Таррэну еще никогда не приходилось видеть.

Траш оказалась невероятно быстра. И сильна настолько, что Таррэн лишь сейчас запоздало понял, насколько близок был к смерти в их первую встречу. Не будь рядом Белки, исход этой встречи было бы несложно предсказать, потому что Траш была действительно великолепна.

Впрочем, и Белка оказалась на высоте. Таррэн невольно вздрогнул, когда при первом же прыжке их тела столкнулись в воздухе. На мгновение задержал дыхание, не успевая следить за движениями лап и рук обеих противниц. В неподдельном восхищении уставился на комок из сплетенных тел, который, как показалось, на целую вечность завис над полигоном, а затем так же быстро распался и буквально выстрелил двумя подвижными мишенями.

Белка упруго приземлилась на твердое и припала на четвереньки, напомнив попутчикам тот трудный день на тропе, когда едва не сорвалась. Траш так же ловко спрыгнула на соседнюю колонну и хищно оскалилась: сестра больно пихнула ее в бок!

Какое-то время они сверлили друг друга напряженными взглядами, но затем одновременно усмехнулись и опять ринулись в бой, во второй раз

столкнувшись в воздухе. Но они действительно стояли друг друга: свирепая хмера и маленькая Гончая, которая умела держать даже такие страшные удары.

Таррэн нервно сжал кулаки, когда понял, что раззадоренная Траш больше не даст сопернице ни единого шанса. Подслушал ее мысли и понял, что суровая хмера была бы рада, если бы хозяйка вспомнила себя настоящую. И была готова ради этого на все. Потому-то снова кинулась в атаку и разогналась до совершенно немыслимой скорости, а потом со всего маху ударила подругу, метя когтями в живот.

А Белка, что самое ужасное, не стала уворачиваться.

Они снова сблизились, сцепились, глухо зарычали, отчаянно не желая сдаваться. С невероятной скоростью заплясали на месте, пытаясь сбросить друг друга на землю. Чуть не зубами вцепились в край опасно пошатнувшейся колонны, но потом, не удержавшись, все-таки рухнули вниз. Смачно ударились, царапаясь и едва не кусаясь. Вызвали испуганный вздох у наблюдателей, но и тогда не остановились, до последнего пытаясь вырвать друг у друга победу. А когда наконец застыли, тяжело дыша и старательно пытаясь понять, кто же выиграл, то Стражи не сразу сообразили, как им расценивать этот бой. Потому что Траш едва не вспорола любимой сестре живот (хорошо хоть надетый доспех уберег), а Белка сомкнула крепкие зубы на шее хмеры — как раз возле левого уха.

Притом ни одна, ни другая не коснулись ногами земли, потому что сбитая с тумбы хмера лежала на боку, поджав под себя когтистые лапы. А Гончая затерялась где-то между ними, сумев не упасть даже в такой критической ситуации.

— Ничья, — с облегчением констатировал рыжий, и Таррэн только тогда понял, что слишком долго не дышал.

— Чисто, — выдохнул внезапно вернувшийся Адвик, заставив темного эльфа встрепенуться.

Белка кивнула и скользнула под разлапистые ели. Привычно раздвинула зеленые ветви, юркнула за шустрым парнишкой внутрь и пропала, оставив озадаченных людей решать, кому и в какой очередности идти следом.

Впрочем, рыжий остался верен себе: дурашливо поклонившись и ехидно оскалившись, он преувеличенно почтительно протянул руку в сторону будущего места ночлега и предложил Таррэну первым принять эту сомнительную честь.

Оказавшись на широкой и погруженной в благоговейную тишину

поляне, которую, словно часовые, окружили громадные палисандры, Таррэн с удивлением признал, что ему здесь нравится. Конечно, вокруг был Проклятый лес, хищное зверье бродило в поисках добычи, тучи ядовитой мошкары вились буквально на расстоянии вытянутой руки... но едва за спиной эльфа сомкнулись зеленые лапы, отрезав поляну от всего остального мира, как все тревоги куда-то испарились. А в душе появился необъяснимый покой, будто он вернулся в родной дом и снова, как в детстве, благодарно склонился перед родовым ясенем.

Эльф с удовольствием оглядел сплошную стену из веток и причудливо переплетенных лиан, не позволяющих холодному ветру свободно разгуливать по поляне. Огляделся еще раз. Убедился, что, не зная дороги, внутрь попасть практически невозможно. Мысленно похвалил Гончих за то, что отыскали крохотную, надежно скрытую в чаще тропинку. На мгновение даже позабыл, где находится, потому что тут было слишком хорошо и удивительно спокойно. А затем разглядел на краю поляны массивную тень и в самом деле едва не поклонился, потому что там стоял высокий, раскидистый, прекрасный и полный сил покровитель его рода — могучий ясень, осеняющий этот крохотный островок покоя своей благодатью.

— Бездна... — потрясенно выдохнул темный эльф, с восторгом рассматривая листья и ствол: ясень был стар, но отнюдь не слаб, и это чувствовалось. Он был огромен, закрывал своими ветками чуть ли не половину неба. Прекрасное дерево. Знакомое. Родное.

Таррэн машинально качнулся навстречу, не в силах оторвать глаз от этого чуда, но кто-то грубым рывком вернул его обратно.

— Не прикасайся! — рыкнула Белка прямо ему в лицо. — Этот ясень живет за счет магии, дурень, и он высосет тебя за одну ночь! Слышишь, ушастый?! Не смей к нему приближаться!

Траш обернулась и тоже оскалилась, словно подтверждая правоту подруги, и Таррэн послушно отступил.

— Думаешь, почему тут так спокойно? — все еще раздраженно бросила Гончая, выпуская его рукав. — Твой предок когда-то создал несколько таких уголков: как раз на пути к Лабиринту, чтобы было где передохнуть. И в каждом растет вот такое дерево. Сперва задумывалось, что здесь ты сможешь восстановить силы и переждать ночь, а потом амулет все изменил: зверей, птиц, растения... вот и ясень стал другим. Теперь, вместо того чтобы дать отдых, он тебя убьет! Для людей это неопасно, только для магов, но все же не рискуйте: устраивайтесь как можно дальше.

— Ясно, — дружно вздохнули воины.

Белка придирчиво проследила, чтобы к коварному дереву никто не приближался. Сама медленно обошла поляну по кругу, принялась и наконец кивком разрешила разжечь костер. В «места мира» даже хмеры по каким-то причинам не совались. Хоть криком кричи, хоть кровью истекай, хоть во весь голос поноси Проклятый лес... ничего не случится. Так уж устроил Изиар: в «местах мира» не приветствовались убийства. Но самое интересное заключалось в том, что по пути к Лабиринту имелось несколько таких полянок и они с ребятами знали их все.

Белка тихо вздохнула, успокаиваясь после недавней вспышки, подошла к могучему стволу вплотную и невесело улыбнулась: всего месяц назад с ними была еще одна Гончая — верный, преданный и очень дорогой друг, которому, как ни странно, тоже нравилась эта поляна. Нравилась настолько, что когда-то он даже рискнул оставить здесь свой знак — точно такой же, какой был выбит на крохотном камушке, висящем теперь на ее шее. Сар'ра всегда любил это место...

Белка осторожно развела в стороны тяжелые ветви и обнажила кору, позволив мягкому лунному свету высветить старательно вырезанную там руну. Ту самую, знакомую до боли, проклятую, как вся ее жизнь. Сар'ра сам когда-то показал Белке этот рисунок и объяснил, почему ей больше нельзя поворачиваться спиной. Рассказал все, что знал о рунах подчинения, и одну из них — самую первую и безобидную, умеющую повелевать сердцем, выбил на этом самом месте десять с небольшим лет назад.

Белка с болью взглянула на проклятую руну, что погубила одну и едва не загубила вторую человеческую жизнь. Бережно коснулась пальцами шершавой коры, неуверенно провела, разводя ветки еще дальше, а затем вдруг вздрогнула. После чего отшатнулась, не в силах оторвать остановившегося взгляда от вспыхнувших ядовитой желтизной линий. Торопливо попятилась к успешному разгореться костерку, но по пути споткнулась обо что-то в траве и, сорвав с плеч свое «проклятие», напряженно застыла.

— Дядько-о-о...

Гончие мигом вскочили со своих мест, тревожно потянули ноздрями воздух, и, едва темнота возле дерева чуть шевельнулась, без раздумий метнули туда сразу три пары ножей.

Весь лагерь в мгновение ока оказался на ногах. Люди мигом выхватили мечи и сабли, натянули луки и сгрудились тесным полукругом. Таррэн, сам не помня как, закрыл собой окаменевшую Белку, Шранк прикрыл ее с другой стороны. Адвик втиснулся между Элиаром и Танарисом, готовясь помочь и тому и другому, если потребуется. И только

Траш потерянно застыла между ясенем и кровной сестрой, не зная, что ей делать: то ли рвать незваного гостя клыками, то ли выть в голос от накотившей тоски.

— Плохо, — укорил их незнакомый баритон. — Очень плохо, Гончие: вы меня даже не задели. Неужто я зря учил вас столько времени?

Заслышав этот голос, Шранк вздрогнул так сильно, что это не укрылось от людей, Крилл издал очень странный звук, невольно опуская руки, а Адвик и вовсе застыл неподвижной статуей. Но этот голос... этот мягкий и вместе с тем подозрительно знакомый голос! Проклятье! Как же такое может быть?!

Наконец из-за ясеня выступила тень. Незнакомец секунду постоял, давая людям время привыкнуть, а затем показался полностью. Уверенно приблизился, словно имел на это какое-то право. Совершенно спокойно остановился напротив, внимательно разглядывая знакомые и незнакомые лица. Но, что самое удивительное, никто ему в этом не помешал: ни Гончие, ни троица Волкодавов, ни даже воевода.

Таррэн непонимающе воззрился на непроницаемо черный плащ, надежно гасивший всякие следы ауры гостя. Почти сразу отметил, что чужак не был вооружен. Кажется, он ждал их тут уже давно. А теперь спокойно изучал, будто знал, что здесь для него нет угрозы.

В свете костра мелькнули длинные белые волосы, стянутые на затылке в небрежный хвост. А затем из темноты выступило лицо, при виде которого у Гончих вырвался слаженный вздох. Благородный нос, тонкие бледные губы, чересчур длинные для человека, но слишком короткие для перворожденного уши. Четко очерченные скулы, на одной из которых виднелись следы давно заживших ран от небольших, но очень острых когтей, нанесенных с поразительной силой. Высокий лоб, выдающий породу, твердый подбородок...

Таррэн машинально коснулся пальцами левой щеки, где совсем недавно были точно такие же отметины, и внутренне содрогнулся: вот теперь он понимал, почему его избавили от этой жуткой метки. А чужак наконец поднял глаза и, сверкнув страшноватыми алыми радужками, встретился взглядом с пошатнувшимся от внезапной догадки эльфом.

Мужская красота бывает разная. Броская и невзрачная. Внутренняя, глубоко скрытая за внешним уродством, или такая, что глаз невозможно отвести. Бывает красота, что может как громом поразить среди ясного неба. А есть и такая, которую не заметишь, пока не подойдешь вплотную.

Она может быть изнеженной, капризной, чересчур мягкой, как у избалованного мальчишки. Или, напротив, хищной, опасной, даже

угрожающей, свойственной сильным и уверенным в себе мужчинам.

Стоящий перед Таррэном полуэльф был чересчур массивным для истинного перворожденного и напрочь лишенным того странного очарования, какое бывает у большинства полукровок. Не изящный, не утонченный, не склонивший головы перед постигшим его несчастьем. Суровый, уже немолодой, но все еще исполненный силы воин, покрытый шрамами как боевыми орденами. Красные радужки и белые волосы совсем не портили его внешность, но лишь подчеркивали исключительность. А вкупе с плавными, тигриными движениями, мягким голосом и удивительно пластичной походкой производили поистине ошеломляющее впечатление.

Зверь. Настоящий зверь. И не нужно было видеть его правое предплечье, чтобы точно определить: Гончая. Настоящий вожак, который наконец исполнил обещание и вернулся к тем, кого клятвенно пообещал дождаться.

При виде него Урантар неверяще ахнул, а Гончие опустили оружие и расступились в стороны, давая ему дорогу, безропотно повинувшись и склоняя головы так, как привыкли делать перед вожаком.

— Ну, здравствуй, малыш, — тихо сказал Сар'ра, и Белка, вздрогнув всем телом, впервые в жизни выронила свои родовые клинки. — Вот мы и встретились снова.

ГЛАВА 7

Полуэльфы не были на Лиаре редкостью. Особенно в последние несколько веков, когда связи со смертными перестали считаться чем-то из ряда вон выходящим. Сложность была лишь в том, что полукровки были исключительно мужского пола и, как в насмешку, рождались самыми обычными младенцами, пачкающими пеленки и кричащими от голода точно так же, как остальные. Никаких белых волос, никаких страшных глаз... ничего, что напоминало бы согрешившей девице об утомительной ночи. Разве что чуть более длинные, чем у остальных, ушки могли насторожить внимательного наблюдателя, но обычно до совершеннолетия симпатичные и прекрасно сложенные юноши, как правило, не догадывались, от кого им досталась эта утонченная и изысканная красота.

Однако в пору взросления все менялось настолько стремительно, будто природа отыгрывалась за безмятежное детство и подаренные годы покоя. От этого кошмара не спасало ничто: ни магия, ни краска, ни волшебные эликсиры. В один прекрасный день вчерашние мальчишки переставали узнавать себя в зеркале, потому что откуда на них смотрел жутковатый, красноглазый и бледный, как упырь, альбинос. Чудовище со смутно знакомыми чертами лица и шевелюрой, от которой бежали прочь, как от чумы.

Да, многим матерям после этого приходилось каяться в совершенной ошибке. Много слез проливалось темными ночами в подушку, после чего все постепенно возвращалось на круги своя... или же менялось прямо противоположным образом. Кого-то из полукровок продолжали любить, от кого-то отказывались, кого-то жестоко били, а кто-то уходил сам, не в силах вынести злорадных взглядов... сколько людей, столько и судеб. Однако если подобное происходило в благородной семье, неминуемо случался скандал. Особенно если ребенок — первенец, наследник знатного рода, как это произошло с Сар'рой.

Полукровкам редко сочувствовали, еще реже они могли назвать кого-то другом. Их не любили, презирали, их гнали, как паршивых собак из господской псарни. Они никому не были нужны, кроме собственных матерей. Ни среди людей, ни тем более среди перворожденных, потому что последние предпочитали в лучшем случае не замечать полукровок, а в худшем — с легкостью очищали мир от красноглазых уродцев. Короткий взмах меча, и несчастный избавлялся от проблем, причем те, кто послабее,

нередко считали, что такой исход — еще не самый плохой. Полукровка — это как божья кара, как позорная метка или клеймо, от которого не удастся избавиться. Это как знак предательства для мужа, язвительная насмешка над несчастной матерью, издевка над совершенной ошибкой и вечное напоминание о ней же.

Никто не знал, чего стоило Сар'ре покинуть взбудораженный дом и отправиться на поиски настоящего отца — светлого эльфа, про которого он сумел узнать лишь одно: это был перворожденный, имевший неосторожность соблазнить чужую невесту.

Гончие не спрашивали у новичка, как он попал в пределы. Сперва косились, конечно, поражаясь про себя манерам, несомненному мастерству мечника и бесспорному благородству, от которого порой становилось не по себе. Но вскоре признали, а спустя пять лет полуэльф заслужил славу превосходного и удачливого вожака. Забыл свое прежнее имя и только однажды признался, как получил свой удивительный меч. Только одному близкому другу доверил тайну гибели одного из высокопоставленных лордов из свиты владыки Светлого леса. И только ему мог доверить этот клинок даже после смерти.

— Здравствуй, — сглотнула Белка, с болью глядя на знакомое лицо.

Сар'ра мягко улыбнулся.

— Как видишь, я не нарушил слово.

— Да, — прошептала она, а Таррэн медленно отступил на шаг. — Но как ты смог?!

— Случайно. Наткнулся на плоды тиррта, когда уходил, и решил закончить все одним махом — быстро и безболезненно. Хватанул сторяча, сколько получилось, но раздавил и чуть не половину сока выплеснул на себя. — Полуэльф все с той же мягкой улыбкой откинул полу плаща и показал бледное предплечье, на котором рядом со знаком Гончей уже подживала глубокая язва. Когда-то она наверняка прогрызла его тело насквозь, но теперь рана почти затянулась, и только в центре виднелась небольшая ямка, вокруг которой уже исчезала нездоровая краснота. — Как видишь, от «чумы» все же нашлось лекарство. И мне очень повезло на него наткнуться в самый последний момент. Я даже хотел вернуться... но потом решил дождаться, пока результат не закрепится. Прости, что я ушел раньше, малыш. Я не мог по-другому. Понимаешь?

Белка едва заметно кивнула, и на какое-то время на поляне воцарилась неестественная тишина. Гончие жадно разглядывали своего прежнего вожака, которого считали погибшим. Вслушивались в интонации голоса, с трудом привыкали к мысли, что он сумел продержаться в Проклятом лесу

целый месяц, но это действительно был тот самый Сар'ра, которого они знали! Не призрак, не фантом! Вон как трава пригнулась под его ногами! Да и Траш с Каррашем отчего-то молчали и не торопились атаковать, как сделали бы с любой нежитью!

А он смотрел на Белку так, как смотрит мужчина на любимую женщину. Смотрел с надеждой и вместе с тем с уверенностью, что все понял правильно. А еще он улыбался. Причем так, как никогда раньше себе не позволял, — открыто, мягко и столь красноречиво, что даже болваны сообразили бы, в чем тут дело.

— Я пришел за тобой, — тихо сказал полуэльф.

Белка снова кивнула:

— Я вижу.

— Бел...

— Не надо. Я поняла, что ты хотел сказать. Просто не знала, как давно тебя зацепило.

— Давно, — понимающе улыбнулся Сар'ра, осторожно придвинувшись к ней на шаг и тем самым вынудив остальных отступить еще дальше.

Гончие хорошо знали: он не любил помех. Особенно в таких делах, как этот странный, полный намеков и почти откровенных признаний разговор, которого он ждал целый месяц. Один, израненный, умирающий, проклиная свое невезение и гнусную хворь, день заднем превращающую его в беспомощного калеку. Он так не хотел, чтобы Белка запомнила его слабым, так стремился избавить ее от этой боли, что добровольно ушел умирать в Проклятый лес, но вот случилось чудо и у него вновь появилась надежда.

— Когда? — снова спросила Белка, поджав губы, словно ей что-то не понравилось.

— В твой первый рейд, когда мы отделились от остальных и я принес тебя сюда на руках. Зверг порвал тебе бок... и спину. Нужно было срочно перевязать, и мне пришлось вмешаться. Но кто ж знал, что рисунок так сильно изменится? И кто знал, что время уже пришло? Я... прости, я не смог удержаться.

Белка обреченно опустила плечи.

— Сколько ты видел?

— Две. Только поэтому я еще жив.

— И ты столько времени молчал?

— Если бы я сказал, разве тебе было бы легче?

— А тебе?!

— Мне уже все равно, — еще тише отозвался полуэльф и, будто не выдержав напряжения, слегка качнулся навстречу. — Я больше не хочу ждать.

Он жадно вдохнул аромат эльфийского меда и сделал еще один шаг.

Боже, как она пахла! Как потрясающе пахла этой ночью! Хотелось взять ее за руку и просто стоять рядом, наслаждаясь ее близостью, глубоко вдыхать этот божественный нектар и ждать, когда все успокоится!

У него ярко вспыхнули глаза, но за прикрытыми веками этого никто не увидел. Возбужденно затрепетали ноздри, а на лице проступило странное, неестественное для полуэльфа умиротворенное выражение, словно он наконец-то нашел то, что так долго искал. Да и Белка не думала противиться, она просто ждала и молчала. Но ведь и она не железная, правда? И она тоже умеет чувствовать, страдать и... любить?

Таррэн неслышно вздохнул.

Вот, значит, как? Вот кто тот единственный, кто сумел тронуть ее сердце? Ее друг. Учитель. Тот, кто уже очень давно испытывал к ней отнюдь не дружеские чувства... Небо! Эльф никогда не думал, что можно так на кого-то смотреть и одним взглядом сказать то, что не всегда выразишь словами. А Сар'ра сумел, потому что были в его глазах и надежда, и мольба, и терпеливое ожидание. Были тщательно скрываемая боль и даже тоска, причины которой темный эльф пока не нашел. И ему не нужно было видеть лицо Белки, чтобы понять: она не осталась равнодушной. Наверное, в этот миг ей следовало броситься вперед, обнять чудом выжившего полукровка, расплакаться от счастья и невыразимого облегчения... но она не стала. И все еще медлила, хотя Таррэн прекрасно видел, каких трудов ей это стоило. И неожиданно почувствовал жгучую ненависть к белобрысому недоумку, из-за которого ей было так больно.

— Почему ты меня не дождался? — шепнула Белка, когда молчание стало невыносимым.

— Это было бы печальное зрелище, — сделал еще один шаг Сар'ра.

— Почему открылся только сейчас? Почему молчал?!

— Это был мой выбор, малыш.

— Сар'ра...

— Все хорошо, — мягко улыбнулся он, находясь на расстоянии вытянутой руки от Гончей. — Я так решил, и тебе не нужно себя винить. Это моя кара за любопытство, я принял ее и нес столько, сколько смог. Я радовался от того, что могу просто быть рядом, а теперь вернулся, чтобы сказать все как есть, потому что я... Знаешь, Бел...

Белка чуть вздрогнула, когда холодные пальцы бережно коснулись ее

щеки и тихонько погладили. Он был так осторожен, что едва дотронулся, но она все равно не смогла сдержать дрожь, а затем медленно, все еще неуверенно качнулась навстречу.

Гончие стыдливо отвели глаза. Элиар досадливо поморщился, а Танарис и вовсе отвернулся, продолжая следить за развернувшейся драмой только краешком глаза. Так, из любопытства. Старый воевода понимающе и как-то невесело улыбнулся, а эти двое никого не замечали. Стояли друг напротив друга и медленно сближались.

— Как твое имя, отшельник? — неслышно прошептала Белка слова старой эльфийской песни, которую они любили когда-то напевать вместе. Здесь же, под сенью старого ясеня, когда луна только-только всходила на небо и красиво высвечивала вырезанную на коре руну.

— Сар'ра, малыш, и больше никто. — Он наклонился и взял ее лицо обеими руками, обняв, как нежный и трепетный цветок.

— Где ты живешь?

— Там же, где ты.

— Где твое сердце?

— Оно рядом с твоим.

— Где душа твоя, Сар'ра? — беззвучно выдохнула она, уже ощущая на губах легкое дыхание склонившегося полуэльфа.

— Ушла за тобой.

— А твой меч?

«Он всегда у твоих ног», — печально закончил про себя Таррэн старую песню и опустил глаза. Все было ясно без слов: Сар'ра и так сказал больше, чем мог.

Полуэльф снова улыбнулся, дразняще обнажив белые зубы, и вдруг покачал головой.

— Я оставил его тебе.

— Нет, — прошептала Белка и печально улыбнулась. Ее правая ступня зарылась в густую траву, словно что-то нащупывая, но глаза по-прежнему не отрывались от непонимающего лица полуэльфа. Даже тогда, когда пальцы подцепили что-то длинное, спрятанное до поры до времени под рыхлым слоем почвы, и с силой подбросили вверх, разделяя Гончую и стремительно отпрянувшего альбиноса блестящей полосой холодного металла. — Мне жаль, но ты ошибся... отшельник.

Все остальное случилось так быстро, что никто не успел даже вздрогнуть. В темноте коротко блеснула отточенная сталь и легонько чиркнула забывшегося вожака по горлу. Белка в тот же момент отскочила назад, сжимая в руке эльфийский меч дивной работы, а Сар'ра, жутковато

захрипев, пошатнулся. Миг спустя его голова с гулким стуком упала и, прокатившись по траве несколько метров, замерла, таращась в темноту алыми глазами. А лишённое опоры туловище медленно завалилось на бок.

И снова на поляне воцарилась неприятная тишина.

Гончие оцепенели, с нескрываемым ужасом разглядывая убитого бывшего вожака. Как же это?! За что?! Сар'ра же вырастил, выучил, заботился как никто! Он любил ее всем сердцем, хоть и понимал, что в этом виновата проклятая магия! Это он ее закрыл от «Серой чумы»! Пожертвовал собой, а затем ушел, чтобы не причинять ей беспокойства! И вот чудом вернулся, открылся, сумев это сделать с потрясающей выдержкой и настоящим благородством, а она...

Белка с тихим стуком задвинула эльфийский меч в нашедшиеся здесь же, у нее под ногами, ножны. Легко подбросила на ладони и, быстро обернувшись, небрежно кинула.

— Элиар, держи. Сар'ре уже не понадобится, а тебе пригодится. Пес знает, с чем еще придется столкнуться у Лабиринта, так что бери и носи. Там ваша магия, светлая, должна тебя признать.

Эльф машинально поймал меч и оторопело воззрился на невозмутимую Гончую, которая снова стала холодной, равнодушной и не больно-то озаботилась тем, что только что убила влюбленного в нее мужчину лишь за то, что он посмел ее коснуться. И теперь смотрела так, словно ничего страшного не случилось!

Спокойная, бесстрастная, будто не замечающая, как передернуло остальных от этой нечеловеческой жестокости. Голос ровный. Глаза сухие. Ни малейшего волнения, ни капли сомнения, ни толики жалости. Будто и не она сейчас смотрела на альбиноса, не она шептала слова полузабытой песни, не на ее ресницах дрожали слезы. Неужели снова игра? Всего лишь искусная ложь? Очередная маска?

Неподвижная голова полуэльфа молчаливым укором смотрела на вздрогнувших от ледящего ужаса мужчин. И от ее неподвижного взгляда души окаменели у всех без исключения. Таррэна же словно в холодную воду окунули.

— Что? — недобро сузила глаза Белка, подметив побледневшее лицо светлого. — Не нравится подарок?

Элиар медленно покачал головой и отступил на шаг: у него словно пелена с глаз упала, а всякие неподобающие мысли, если когда и были, стыдливо убежали в никуда. Эта стремительная расправа сказала ему гораздо больше, чем все остальное. Наглядно продемонстрировала, что бывает с теми, кто рискует нарушить ее добровольное одиночество. А

брошенный меч до боли походил на преходящий трофей, который, как какое-то ничтожество, перешел из рук прежнего фаворита в его разом взмокшие ладони.

— Ясно, — спокойно отвернулась Белка. Затем подобрала свои клинки и привычно пристроила на спине. Делано не замечая неподвижного лица дядьки, на глазах у которого только что убила его лучшего друга, подошла к отрубленной голове и, уперев руки в бока, насмешливо спросила:

— Ну? Теперь что-нибудь скажешь?

Голова угрюмо промолчала.

— Ладно, — пожала плечами Белка и, не побрезговав, приподняла трофей за длинные белые волосы, после чего поднесла к лицу и с любопытством уставилась. — А сейчас?

Таррэна передернуло, но Гончая словно не заметила, так и продолжала изучать мертвого поклонника с интересом опытного некроманта.

— Молчишь? А недавно прямо соловьем заливался...

— Хватит! — хрипло велел очнувшийся от ступора воевода. — Бел, прекрати немедленно!

— Почему? Я хочу знать, что ему понадобилось.

— Кому, сумасшедшая?! — не сдержался Урантар, сжав громадные кулаки. — Как ты могла?!

Белка нахмурилась и повернулась к убитому горем опекуну, мельком оглядела красноречивые лица своих Гончих, едва скрывающих отвращение чужаков... а потом досадливо поджала губы и едва не плюнула в мертвое лицо Сар'ры.

— Сволочь белобрысая! А ну отвечай, пока цел! Или думаешь, я пересмешника от человека не отличу?!

Люди и нелюди непонимающе воззрились на мертвеца, а у Таррэна снова екнуло сердце, словно предупреждая о чем-то, потом быстро-быстро заколотилось от неожиданной мысли, но в этот миг мертвая голова дрогнула и с усилием моргнула. В потухших глазах снова разгорелся недобрый алый огонек, немые губы вяло шевельнулись, а из несуществующего горла вырвался долгий хрип, как из простуженного дупла.

— Дура! — проскрипела мертвая голова, неестественно громко щелкнув удлинившимися зубами. — Ну чего тебе стоило поверить?!

— Я никому не верю, — холодно парировала Белка, предусмотрительно держа внезапно ожившую гадость на вытянутой руке. — Ни одному человеку не выжить в Проклятом лесу больше суток. Даже Сар'ра не смог бы. Неужели ты думал, что он откроет тебе всю свою

память до конца?! Где ты его нашел, кровосос?

— Не твое дело!

— Говори, а то спалю к Торковой матери!

Красные глаза зло прищурились и буквально впились в неподвижное лицо Гончей: Белка не шутила. Раз уже решила башку ему снести, то и спалить может. И тогда от него не останется даже воспоминаний: огонь для таких, как он, был смертелен.

— Ну?!

— Здесь и нашел, — свирепо выдохнул пересмешник, косясь на повторно побледневшие физиономии Гончих. — Под деревом, когда он уже издыхал! И я укусил его с радостью, а потом взял его тело!

Белка сверкнула глазами.

— Это ненадолго.

— Но как?! — с досадой простонал он. — Я же все правильно сказал! Он не мог соврать!

Таррэн медленно выдохнул, привыкая заново дышать, потому что о пересмешниках кое-что слышал, но даже подумать не мог, что когда-нибудь наткнется на подобную тварь.

Бездна! Как же так? Разве может кто-то так точно скопировать мертвеца? Его походку, голос, движения... даже запах! Обычно кровососы берут только внешность, как мимикры, и лишь на время, чтобы добраться до жертвы. А этот не просто пришел, но открыто наслаждался своей победой и лишь в самый последний момент оплошал! Не зря бдительные Гончие не дернулись. Не зря не заметил подмены Воевода. А Белка... потрясенная, пораженная до глубины души и вроде растерявшаяся Белка... неужели она знала?!

Эльф только сейчас подметил, что из раны на шее нежители не вытекло ни капли крови.

— Дурак, — холодно известила вампира Гончая. — К твоему сведению, Сар'ра никогда бы не посмел до меня дотронуться без разрешения. Он был физически не способен причинить мне вред. И уж конечно, не открылся бы так, как это сделал ты: он был слишком благороден и горд для этого. Он бы предпочел молчать дальше и не тревожить меня чувствами, как делал последние десять лет.

— Ты что, знала об этом?! — гневно вскинулась голова, стремительно утрачивая черты полуэльфа.

— Догадывалась. По вам нетрудно понять, что происходит. Но он молчал, и я на какое-то время успокоилась... Как ты его нашел? Вздумаешь юлить, учти: костер все еще горит.

— Он ждал меня, — с ненавистью процедил пересмешник, нервно покосившись на разгоревшееся пламя. — На том же месте, где стоишь ты. Он хотел умереть! И он сам искал меня! Но разве ты это поймешь?

— Почему же? Я как раз все прекрасно понимаю... Это ведь ты ранил нашу Вейну? Ты лишил ее магии, верно?

Пересмешник грубо расхохотался.

— Жаль, что я с ней не покончил!

— Значит, ты дважды дурак, — невозмутимо сообщила ему Белка. — Неужели думал, наш бывший вожак упустит шанс поквитаться? Неужели полагал, что уйдешь безнаказанным?

Мертвое лицо неожиданно застыло и как-то странно поплыло. Белесые брови сошлись на переносице, багровые глаза закатились, а Гончая ядовито улыбнулась.

— О-о-о, вижу, ты начинаешь понимать! Разумеется, если бы не «чума», Сар'ра бы не стал этого делать, но болезнь не оставила ему выбора, и он нашел способ умереть достойно: позвать уroda, поранившего нашу магичку, и лишить его возможности позлорадствовать. А заодно не позволить ему стать в будущем вожаком. Интересно, что он пообещал взамен?

— Тебя!

— Достойный обмен, — спокойно кивнула Гончая. — Ты сохраняешь частичку его памяти и не трогаешь раньше времени тело, а взамен получаешь еще один кусочек свежего мяса... А ты хоть подумал, что он мог утаить от тебя часть своей жизни? Хоть раз взглянул на руну, что начертана на этом ясене? Подумал, почему сегодня она светится твоей кровью?!

— Что? — непонимающе моргнул Урангар.

— Он знал, что я вернусь сюда, — ровно сказала Белка. — И оставил три подсказки, чтобы я не ошиблась: вторую руну, которой здесь раньше не было, свой родовой знак, чтобы я не засомневалась, и свой меч, чтобы я смогла наконец отомстить и вернуть ему покой. А слова... Он обманул тебя даже после смерти, болван. Заставил прийти сюда, как овцу на заклятие, зная, что ты не сможешь коснуться эльфийского клинка. Он оставил его здесь, у моих ног, как мы когда-то уговаривались. И позволил нам еще раз на него взглянуть, не боясь, что я отшатнусь от ужаса. Он сделал все, что задумал, и ушел, как настоящий Страж. И теперь может спокойно спать, зная, что даже смертью своей принес заставе благо. Сар'ра всегда любил красивые жесты. Он использовал тебя, кровосос, потому что хотел умереть именно так: от своего же меча.

Пересмешник вдруг дико завыл и бешено завращал глазами, но она уже не обращала внимания. Ухватив горящую ветку из разгоревшегося костра, Белка швырнула ее на неподвижное тело, убедилась, что мертвая плоть стремительно вспыхнула, а потом без жалости бросила в огонь и беловолосую голову, на которой вдруг яростно вспыхнули ядовитой зеленью глаза.

— Я сказал тебе правду! — взревел пересмешник из глубины бешено полыхнувшего пламени. Длинные волосы затрещали и задымились, кожа на лице лопнула, мгновенно почернела. Зато глаза, как показалось людям, разгорелись еще сильнее. — Он тебя любил! Он жил для тебя! Все делал, лишь бы ты никогда не узнала! Все его сны были о тебе! А ты убила его! Это из-за тебя он искал смерти! Из-за тебя коснулся «Серой чумы»! Он не хотел, чтобы ты стала похожей на то, во что потом он превратился сам! Он устал молчать, слышишь?! Устал делать вид, что ему все равно! Он берег и десять лет хранил тебя как мог! Он отдал тебе все! Свое тело, сердце и даже жизнь, а ты...

Белка резко отвернулась.

— Чудовище! — донеслось злобное ей в спину. — Бездушная тварь! Тебе здесь самое место! Рядом с ним, в Проклятом лесу! Потому что у тебя самой нет души и нет сердца-а-а...

Его яростный вопль перешел в отвратительный визг и больно резанул по ушам.

— У тебя тоже, — неслышно бросила Белка, а затем окрепшим голосом велела: — Все. Уходим. К северу есть еще один «секрет» — переночуем там. До него всего два часа ходу, так что до полуночи успеем. У меня нет никакого желания ночевать рядом с этим...

Голова в последний раз выплонула что-то неразборчивое и наконец заткнулась. Костер вспыхнул чуть не до небес, погребая под собой останки Гончей. Но почти сразу опал, оставив после себя лишь кучку золы, остатки черного плаща, пару заклепок и отвратительный запах паленого мяса. Причем запах несвежего мяса, от которого начало мутить даже ко всему привыкших Стражей.

— Чего встали? — внезапно посуровела Белка. — Шевелитесь! Траш, покажи им дорогу! Карраш, присмотри!

Воины послушно, но все еще на одеревеневших ногах, двинулись следом за исчезнувшей в темноте хмерой. Мысли их явно бродили где-то далеко, глаза невидяще смотрели прямо перед собой, не в силах забыть ужасающее зрелище полуживой-полумертвой плоти, что едва не удостоилась чести заполнить славный ужин в виде тугодумных болванов,

парочки ошарашенных эльфов и одного старого дурного воеводы, который вздумал усомниться в своей воспитаннице.

Белка не смотрела ни на кого. Просто стояла возле костра, молча глядя на стремительно угасающие искорки. Затем подняла голову, отыскала созвездие Дикого пса, с невероятным облегчением увидела падающую звезду, игриво подмигнувшую ей с небес. И наконец медленно стянула с шеи кожаный шнурок с треугольным камешком.

— Спи спокойно, Сар'ра, — тихо шепнула Белка, блестящими глазами следя за огненным хвостом кометы. — Теперь ты действительно свободен.

Она постояла еще какое-то время, дожидаясь, пока напарники оставят ее одну. Затем вытянула руку над тлеющими углями и с силой сжала кулак. Камешек вздрогнул, осыпавшись пылью, которую тут же подхватил ночной ветерок и невесомой пылью развеял по любимой поляне Сар'ры. Так, как он хотел. Теперь он наконец-то обретет достойное упоение. Красивое, очень тихое место под сенью громадного ясеня, рядом с тем самым кустом, где он впервые спас ей жизнь.

Белка постояла еще немного, отдавая дань мужеству своего единственного учителя, что даже в смерти сумел проявить удивительный такт и потрясающее благородство. Смахнула непрошенные слезы, которых, к счастью, никто не увидел, подождала, пока просохнут глаза, и, шмыгнув носом, с почтением поклонилась. После чего окончательно успокоилась и, больше ни разу не оглянувшись, ушла.

ГЛАВА 8

На ночлег в новом «месте мира» устраивались в напряженном молчании. Друг на друга старались не смотреть, Элиара с его новым мечом упорно игнорировали, хотя тот не постеснялся при всех с видом знатока ощупать драгоценное приобретение и одобрительно прищелкнуть языком. Новую поляну оглядели, обнюхали и тщательно обыскали. Громадный ясень обошли со всех сторон, никого не нашли, но потом еще долго и с подозрением косились на ни в чем не повинное дерево, опасаясь подвоха.

Гончие, оставив чужаков осваиваться, привычно обежали периметр, проверяя, не затаились где поблизости голодные твари. Виновато переглянувшись, вернулись обратно, спешно разожгли костер, чтобы хоть немного разогнать сгустившиеся вокруг мрачные тени. Вяло пожевали хлеба и сухого мяса, повздыхали, пошептались и разбрелись по разным углам, чутко прислушиваясь к звукам ночного леса.

Вот где-то под деревьями пропищала лесная мышь. Кто-то мелкий и неопасный пронесся над кроной могучего ясеня, потревожив воздух мягкими крыльями. Кто-то зашебаршился в опавших иголках, неподалеку завыл невидимый зверь... но Белка так и не появилась. Только Траш на минуту выглянула из-за кустов, внимательно оглядела разбитый лагерь и так же бесшумно исчезла.

Урантар подавил тяжелый вздох. До чего нелепый выдался день! Сперва Гончие издергались, глаза проглядели на кордоне, все окрестности обежали, каждый камешек обнюхали и приподняли, выискивая подвох, но так никого не дождались. Проклятый лес будто вымер, затаился, и от этого становилось еще тревожнее. А затем появился пересмешник, которому они все поверили. Да еще и о Белке подумали невесть что.

Весельчак уныло помешал прутиком угли и покачал головой.

— Слышь, лысый? Скажи, это только мне так погано или ты тоже чувствуешь себя дураком?

Ирбис мрачно покосился на приятеля, но вслух говорить ничего не стал, а Гончие совсем скисли. Да, это была их вина: не разглядели, не почуяли, не сработали как надо.

Шранк со стыдом уронил взгляд и постарался не думать о том, что уже второй раз за сегодняшний день подвел жожака. Но еще тяжелее ему было смотреть на меч погибшего друга, который теперь покоился в руках Элиара. Видеть этот клинок у малознакомого эльфа оказалось невыносимо.

Это значило предать память, силу и могучую волю вожака, которая последние десять лет заставляла полуэльфа молчать и делать невозможное лицо даже тогда, когда становилось совсем невмоготу.

Гончие всегда считали, что Сар'ра силен, чтобы не поддаваться чарам Белки. Он никогда не показывал вида. Ни малейшего волнения не выказывал, когда без стука заходил к ней в дом или когда выходил оттуда, ловя на себе завистливые взгляды. Всем казалось, что на него не действовал этот рок. Но сегодня выяснилось, что все было совсем иначе. Да только воля вожака оказалась настолько сильна, что он сумел осилить этот подвиг и всегда был для Белки только другом — верным, преданным, способным хранить ее тайну на протяжении почти двадцати лет. И оставался таким до самого последнего дня, когда ушел так же благородно и красиво, как и жил.

Таррэн, в который раз за вечер прислушавшись к лесу и убедившись, что его приказ все еще в силе, а значит, нападения можно не ждать, успокоенно отвернулся. Но вскоре поймал выразительный взгляд воеводы и, правильно угадав его причину, снова поднялся: за Белкой сегодня стоило присмотреть, а еще лучше — вернуть. Но поскольку подходить без разрешения к тому, на ком висели узы единения с хмерой, было опасно, сам Урантар не рискнул отправиться на поиски. А темный... его они, по крайней мере, не убьют сразу. А значит, у него единственного был хотя бы призрачный шанс.

Беспрепятственно покинув «место мира», Таррэн быстрым шагом направился прочь, безошибочно угадав направление, но не слишком обеспокоившись тем, откуда пришло это знание. Может, лес подсказал. Может, связь с Траш помогла уловить что-то знакомое. А может, аромат эльфийского меда оказался слишком силен для его обостренного обоняния, но так или иначе он скоро наткнулся на притихшую троицу, облюбовавшую себе в качестве наблюдательного пункта верхушку ближайшего холма.

Белка сидела на земле, подтянув ноги к груди и положив подбородок на колени. Сбросила надоевший капюшон, позволив ветру трепать волосы, сняла кожаную куртку и подставила лунному свету неподвижное лицо, на котором еще угадывалось недавнее волнение. Возле правого ее бока смиренно лежал Карраш, с другой стороны устроилась Траш, которая так же невидяще, как и сестра, смотрела на сплошную зеленую стену в нескольких десятках шагов впереди. Только мерно гуляющий из стороны в сторону хвост выдавал ее тревогу, да ярко горящие глаза взглянули на неловко замершего эльфа с непередаваемой мольбой.

«Помоги!»

Таррэн медленно подошел, не совсем понимая, чем тут можно помочь, но хмера, словно поняв его колебания, осторожно подвинулась. И освободила место рядом с опечаленной сестрой, чья боль и отчаяние так сильно ранили их обоих.

На шум чужих шагов Белка не обернулась. Но и протестовать не стала, когда эльф осторожно присел рядом. Траш немедленно ткнулась носом ему в затылок, с необъяснимым удовольствием взъерошив темные волосы. А потом положила тяжелую морду ему на плечо и застыла, жадно вдыхая его необычный запах и сопя в незащищенную шею.

— То, что на нас не нападают, — твоя работа? — равнодушно спросила Белка, пока Таррэн мучительно раздумывал, с чего начать разговор.

— Да.

— Тогда ребятам скажи, в чем дело, а то они издергались все. Наверняка думают, что у Лабиринта нас будет поджидать настоящая армия.

— Не будет, — пообещал эльф, позволив хмере стянуть с его волос повязку, отчего растрепанные черные волосы рассыпались по плечам.

— Гм. — Белка наконец повернула голову и с проснувшимся интересом взглянула на темного эльфа. Затем — на кровную сестру, увлеченно теребящую его смоляные пряди. — Хочешь сказать, Проклятый лес тебя слушает?

— Скажем так: пока я жив, нападений не будет ни на нас, ни на заставы.

— Ого, — иронично приподняла брови Гончая. — Выходит, ты для нас теперь еще большая ценность, чем раньше? И поэтому тебя нельзя прибить прямо сейчас, даже если очень захочется?

Таррэн незаметно погрозил кулаком разыгравшейся кошке, но хмера сделала вид, что не заметила.

— Увы, нет.

— А если ты помрешь в Лабиринте?

— Оставлю приказ, чтобы после моего ухода вас не трогали.

— То есть ты о нас заботишься, ушастый?

«Нет, только о тебе», — невольно подумал Таррэн, но вслух ничего не сказал. А Белка вдруг хмыкнула и так пристально на него посмотрела, что эльф на мгновение обеспокоился.

— Ладно, уговорил: убивать тебя пока не буду, — наконец соизволила пообещать она, милосердно отводя взгляд и снова положив голову на скрещенные руки.

Таррэн смог перевести дыхание и, успокоившись, рискнул задать

вопрос, который мучил его все последние дни:

— Меня гораздо больше интересует другое: почему ты не сделала это раньше?

— Ты о чем? — искренне удивилась Гончая.

— Почему не убила меня еще в Аккмале? — ровно повторил он. — Это ведь была ты? И это тебя я чуть не пристрелил в подворотне, а ты потом стащила мои ножи?

Белка вдруг улыбнулась.

— Узнал, значит?

— Узнал. Так почему?

Она фыркнула.

— Ты был в капюшоне, и я не увидела твоих волос. Подумала, что наткнулась на светлого, вздумавшего шататься по улицам не вовремя. Я бы не стала такого трогать, но ты наставил на меня стрелу, вот и пришлось страсти за ущерб, а уж когда ты ножами швырнулся... Хотя если бы твое тело нашли поутру возле дворца, поднялся бы шум. А у меня Карраш не вовремя разыгрался. Да и времени было мало, так что пришлось плюнуть и уводить малыша из города. А вот когда мы тебя в караване встретили...

— Представляю твое расстройство, — посочувствовал Таррэн и немедленно ощутил ободряющий тычок в спину от Траш.

«Хозяйка слегка развеселилась. Молодец. Продолжай в том же духе».

— Я так разозлилась, что не удосужилась посмотреть внимательнее в прошлый раз! Но Дядько не вовремя вмешался... короче, было отчего впасть в уныние.

— Как я тебя понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! — Белка раздраженно дернула щекой. — Мне твой братец столько крови испортил, что я до сих пор ненавижу этот запах! И глаза ваши, и руки... как вспомню, так сразу хочется кого-нибудь удавить!

— Ты заранее знала, на что шла, — резонно возразил эльф, в очередной раз отпихивая от себя морду хмеры и краем глаза следя за заинтересованно приподнявшимся Каррашем. Вот Торк! Если еще и этот вздумает сопеть в ухо и слюнявить шею, никакого разговора не получится. — Знала, что в отряде будет темный.

Траш предупреждающе оскалилась, и мимикр с недовольным ворчанием уронил голову обратно на лапы. Сами играют, а ему не дают!

Белка скривилась.

— Знала. Но кто ж мог предположить, что ты появишься не у Бекровеля, а раньше? Мы думали, от Темного леса завернешь, захватим

тебя по пути в последний момент, а уж недельку я как-нибудь выдержу. В Проклятый лес — туда и обратно, обернемся по-быстрому, а там и расслабиться можно. Зубами поскриплю, ножи наточу получше да, глядишь, на обратном пути и зашибу по-тихому, пока никто не видит.

— Прости, что разочаровал.

— Не прощу.

— Гм... тогда смирись. В конце концов, всего сутки остались.

— Да? — возмутилась она. — А обратный путь?!

«Обратно я, скорее всего, не вернусь, — спокойно подумал Таррэн. — На протяжении восьми тысяч лет никому из моих предшественников не удавалось выбраться из Лабиринта. Наверняка я еще узнаю, почему так происходит, но вряд ли сообщу об этом кому-нибудь наверху. Поэтому обратно ты с большой долей вероятности пойдешь одна».

Белка вдруг нахмурилась.

— В ваших архивах что-нибудь говорится о Лабиринте? О том, что внутри? Зачем там нужен именно темный?

— Немного, — хрипло кашлянул эльф, отрываясь от невеселых размышлений. — Говорят, дело в нашей крови. И в охранном заклятии владыки Изииара... в смысле, Изараэля, как его тогда звали, правда, истинное имя его практически никому не известно... Для заклятия требуется кровь наследников владыки. Светлые не подойдут — в них нет магии огня. Гномы — тоже: подгорное пламя исходит совсем из другого источника. Что же касается того, что находится внутри Лабиринта, то я точно не знаю. Но в наших хрониках есть карты, где расчерчена примерная схема подземелий.

— А ловушки?

— И ловушки. Правда, не все, но в моем случае даже такая информация — благо.

— Твоя магия там сработает?

— Должна.

— Но ты не уверен? — настаивала она. — Так?

Таррэн покачал головой.

— Я могу только предполагать.

Белка отвернулась и надолго замолчала, о чем-то явно задумавшись. Он не стал ее тревожить: пусть лучше думает о Лабиринте, чем о погибшем друге или о том, что он погиб из-за нее и ради нее. Никто из ныне живущих не виноват в том, что ее наделили такой жуткой силой. Но при этом никто и не задавался вопросом: а хочет ли она такой власти? Желает ли жить вечно? Потерянная, страшась приблизиться к кому бы

то ни было, вынужденно отталкивающая даже тех, кто мог бы и хотел бы стать ближе. Способная пережить всех, кто был когда-то дорог. Неудивительно, что она так упорно ищет смерти.

Темный эльф до боли прикусил губу. В этот момент сидящая рядом Гончая вдруг показалась ему такой ранимой, что до зубовного скрежета захотелось ее обнять...

Вместо этого он сжал зубы и с усилием от нее отодвинулся. И, не зная, чем заполнить неловкую паузу, вдруг погладил шипастый загривок хмеры. А что? Если ему не дано коснуться Белки, пусть хоть одна из пары станет немного спокойнее. А там, глядишь, и вторая расслабится.

Почувствовав на загривке его ладонь, Траш так изумилась, что в первый момент даже позабыла, что может легко отхватить наглую руку, осмелившуюся ее погладить, как какую-то кошку. Она засопела, широко раздула ноздри, набрала в грудь побольше воздуха для достойного рыка... но неожиданно передумала: у него оказались приятные руки, мягкие и вкусно пахнущие, а кожа совсем не грубая, как у Сар'ры.

Траш задумалась, словно оценивая и сравнивая, а спустя пару секунд и вовсе помялась, потопталась, после чего смиренно опустила на землю, подставляя порванное ухо, чтобы ушастому было удобнее.

Таррэн удивился такой благосклонности, но виду не подал. Только смелее поскреб жесткие чешуйки и не смог сдержать улыбки, когда раздалось блаженное урчание, а мощные когти на лапах хмеры вдруг с невероятной скоростью принялись взрывать податливую землю, вонзаясь так глубоко, как только могли.

— Слышь, ушастый? — снова подала голос Белка. — А что будет, если ты все-таки вернешься домой? Весь такой из себя красивый, прямо герой на белом коне... наверное, сам владыка примчится из тронного зала, расшаркается? Может, в щеку поцелует за то, что их шкуры все еще целы и останутся такими на ближайшую тысячу лет... что ты будешь делать тогда?

Таррэн пожал плечами.

— Ничего.

— Да ну? Это ж скукотища какая! А вдруг тебе трон предложат? Гляди, какая возможность выпендриться! Они ж наверняка ни одному твоему слову больше не возразят: все-таки кровь Изиара... спас мир, закрыв всех своей широкой спиной. А тут ты — весь из себя благородный и во всех смыслах замечательный! Да еще родня нынешнему владыке! Глядишь и изберут новым повелителем?

— Не изберут, — сухо обронил Таррэн.

— Что, не желаешь богатства и славы? — насмешливо хмыкнула Белка, покосившись на довольно жмурящуюся хмеру. — Это ж такой шанс! Золотом осыплют, песню в твою честь сочинят, прославят на века, накормят от пуза... Да все девки твои будут!

«Мне не нужны все, — молча ответил эльф. — И весь мир не нужен. Уж тем более — трон, на который мне и двести лет назад было наплевать. Я хочу только одного — прощения. Но именно его у меня никогда не будет».

— Чего молчишь? — прищурилась Гончая. — Уже награду подходящую выбираешь? Или мечтаешь, как тебя красотки расцелуют? Знаю-знаю про вашу извечную слабость к противоположному полу! Ничего, потерпи немного. Зато как вернешься к себе в лес, будет настоящее раздолье!

Таррэн устало посмотрел на ядовито шипящую Гончую.

— Паршиво выглядишь! — тут же обрадовалась она.

«А ты всегда выглядишь прекрасно».

— Круги под глазами откуда?

«Думаешь, так просто следить за целым лесом? — снова подумал эльф, впадая в знакомое оцепенение от ее прямого взгляда, в котором горело неприкрытое злорадство. — Интересно, что бы ты сказала, если бы знала, из-за чего я отрекся от рода? Если бы знала, что именно пытался сделать мой брат с такими же, как ты, девчонками? Что бы ты сделала, если бы узнала, что он убил их своими руками? Возненавидела бы меня еще больше? Не сдержалась бы и пришибла прямо здесь? Ведь у нас с ним одна кровь и одно проклятие — „Огонь жизни“, от которого я уже долгие века не могу избавиться. Но именно оно по какой-то прихоти судьбы привело меня сюда, к тебе...»

Он непроизвольно сглотнул и машинально качнулся навстречу.

— Шел бы ты спать! — вдруг процедила Белка, резко отводя потемневший взгляд, в котором снова заметались недобрые искры. Словно ведром холодной воды окатила, заставив опомниться. — Мы посторожим, нам все равно нельзя спать. А тебе завтра много работать.

— Я не устал.

— Врешь.

— Вру, — покорно согласился Таррэн и с невеселой усмешкой вытянул ноги. — Когда с вами проживешь пару веков, чему хочешь научишься. Даже врать, как распоследний бродяга.

— А может, ты просто поумнел? Стал старше?

— Куда уж старше!

— Ну, Дядько говорит, что возраст для дураости не помеха. Кто-то глуп,

кто-то жесток, кто-то слишком мягок... можно в двадцать лет найти смысл жизни, а можно и в тысячу не понимать очевидного. Вот ты, например, нашел свой смысл?

Таррэн взглянул на ее точеный профиль, красивый обвод губ, маленькие ушки под густой каштановой шевелюрой и странно улыбнулся.

— Думаю, да.

— Значит, тебе повезло, — вздохнула Белка. — Жаль, что не могу сказать о себе того же.

— У тебя все еще впереди.

— Ты так уверен в этом, эльф? — вдруг ледяным тоном осведомилась Гончая и зло прищурилась, изучая его словно в прицел арбалета. Насторожилась, как хмера перед броском. Снова стала холодной и чужой. Причем перемена эта была столь внезапной, что Таррэн на какое-то время даже растерялся. А она все смотрела — долго, цепко, внимательно, будто выискивала в нем подвох, какую-то гнильцу, которой не заметила раньше.

— Мне кажется, для тебя тоже есть выход, — очень осторожно начал темный, не понимая причины ее гнева, но чувствуя, что должен срочно пояснить свою мысль, пока его не разорвали на куски. — Мне кажется, что тот... прости, что напомнил... эльф... нашел способ не поддаваться. Он бы не стал так поступать с тобой, если бы не был уверен, что сможет избежать твоей магии. Я видел краешек твоих воспоминаний, твой рисунок и понимаю, чего он хотел добиться, но... если бы знать, какие именно руны были нанесены, возможно, их магия не будет больше над тобой довлеть и сводить с ума окружающих.

«Владыка! Что я несу?! Кого пытаюсь убедить? Если она знает об изменении столько, сколько сумел узнать Талларен, значит, не раз пыталась что-то исправить! За двадцать лет можно многое сделать, но вряд ли после гибели одного из мальчишек ей захочется снова рисковать! А ведь брат как-то собирался жить, наслаждаясь своей властью! Каким-то образом должен был позаботиться, чтобы не попасть под собственные чары! Вот только как? Знать бы, и тогда можно было бы попробовать их ослабить. Ведь наша кровь похожа, а я не самый плохой маг своего народа, в узах понимаю немало. Вдруг у нее еще есть шанс на другую жизнь? Вдруг она смогла бы найти себе подходящую пару?! А что? Вон, Элиар был бы рад рискнуть!»

— Нет, — бесстрастно оборвала его мысли Белка, и ее бешено горящие глаза так же внезапно погасли. — Твой брат готовил меня для себя. И только для себя оставил крохотную лазейку. Кроме него ею никто не сможет воспользоваться. Так что забудь и не вспоминай больше, понял?

Эльф мрачно кивнул.

— Возвращайся к парням. Дядько там, наверное, уже с ума сходит, полагая, что мы с Траш все-таки не сдержались и загрызли тебя еще на подходе. Иди, пока он не помчался на поиски или, чего доброго, Шранка сюда не отправил.

— Ты тоже пойдешь?

— Нет, — так же ровно отозвалась Белка, поднимаясь на ноги, а вместе с ней поднялись и хмеры. — Нам нужно много двигаться, а то завтра не встанем.

— Тебе надо отдыхать.

— Не лезь, я сказала! Это не твое дело!

— Проклятье! Ты совсем не бережешься! — внезапно вспыхнул Таррэн. — А если снова сорвешься? Если сломаешься на полпути?! Вы еще с прошлого раза до конца не восстановились! Для новых уз еще рано! Это слишком большая нагрузка для вас! Белка!

Она неприязненно поморщилась.

— Я же просила... До чего же ты упрямый!

— А ты — нет?!

— Мне для дела надо!

— Оно того не стоит!

— Для меня — стоит, — твердо ответила Гончая, и эльф чуть не сплюнул.

«Боги! Ну что за упрямица! — мысленно негодовал он. — Кого она собралась сторожить? Я все сделал, обезопасил поляну, только приходи и отдыхай! Не собираешься спать — ладно, твое право, сиди у костра и молчи. Но шататься по Проклятому лесу ночью?! На тропе было хотя бы пусто, а в сердце этого чудовища за каждым углом сидит кто-то голодный и только ждет малейшей слабину! Что, если я не успею их остановить?! Проклятье... неужели ты все еще мне не веришь?!»

— Хорошо, — неожиданно передумал эльф. — Тогда я спрошу по-другому. Скажи, собираешься ли ты сдержать свое слово и довести меня живым до Лабиринта?

Белка нехорошо прищурилась.

— Ты это к чему?

— Значит, да?

— Допустим. И что?

— Ничего особенного. Знаешь, я готов согласиться с тем, что ты всю дорогу за мной следишь. Признаюсь, что в этом есть определенный смысл, и ты даже без моего одобрения продолжишь это делать. Но раз так, то тебе придется вернуться со мной и продолжить заниматься этим безнадежным

делом уже в лагере, потому что только так ты можешь быть уверенной, что я никуда не уйду и не покалечусь в каком-нибудь овраге. Или что какая-нибудь шибко умная тварь не сожрет меня в этих дебрях. Что скажешь?

Таррэн выжидательно на нее уставился — с не меньшей злостью и с точно таким же упрямством, которым она так гордилась.

«Хочешь маяться дурью? Пожалуйста! Я больше не стану противиться! Желаеть убедиться, что твоя клятва королю не нарушена? Да ради бога! Хоть сиди рядом и контролируй каждый шаг! Я смирюсь, так и быть! Стерплю твою неприязнь, но зато буду точно знать, что все в порядке! Ах, не доверяешь? Ждешь каждый день предательства? Так вот тебе прекрасный повод не позволить мне его совершить! Что? Скажешь, я не прав?»

— Ты не сделаешь этого, — неуверенно сказала Белка, слегка растерявшись от такого напора. — Не уйдешь и не станешь рисковать собой. Ты слишком важен для Лиары.

— А я, может, передумал! — ядовито прошипел эльф. — Может, я именно сейчас понял, что не собираюсь тратить остатки своей жизни на поход к Лабиринту! Может, осознал всю ценность своей шкуры и именно сейчас собрался повернуть назад! Я ведь темный! Лес пропустит меня без всяких препятствий, а вот вам потом придется потрудиться, чтобы вернуться целыми и невредимыми!

— Таррэн!

— Что?!

— Ты в своем уме? — как-то тихо спросила она и быстро подошла к эльфу, внимательно посмотрев на его перекошенное лицо.

Она могла просто плюнуть на него и уйти, могла обругать и даже пнуть, но вместо этого смотрит с неподдельным сочувствием в зеленых глазах, знает все, видит... И ведь не поверила! Ни единому слову не поверила, просто удивилась и встревожилась. Стоит совсем рядом и искренне не понимает, зачем темный лжет.

Белка покачала головой и вдруг осторожно взглянула на его окаменевшее лицо. Нахмурилась, а потом вдруг тихо хмыкнула.

— Не мог нормально сказать, что защиту поставил и все контролируешь? И сразу обо всем предупредить, а не устраивать тут сцен?

— Прости, — тихо выдохнул эльф. — Я закрыл внешний контур, так что теперь никто не посмеет проникнуть в лагерь, пока я не разрешу: ни зверь, ни человек, ни даже комар. Можешь спокойно передохнуть перед завтрашним днем, перекусить и вообще... Так ты вернешься со мной, Бел? Пожалуйста.

Гончая озадаченно замерла, не совсем понимая, что творится с остроухим. Траш задумчиво обошла его по кругу, с преувеличенным вниманием обнюхала и тоже, кажется, задумалась. Затем уставилась на Таррэна разумным взглядом. Прямо-таки оглядела оценивающе с головы до ног, уделив особое внимание красивому лицу, разметающимся в беспорядке волосам, внушающим уважение плечам, развитому торсу... Надо же, и впрямь красавчик! Грива шелковая, длинная, глаза зеленые, чудные. Руки сильные, но такие мягкие, что одно удовольствие позволять им скрести себе холку. Сам гибкий, подвижный, быстрый, как дикий зверь. И такой же опасный. А хмеры... мрр... оч-чень любят опасности. Особенно такие, которые трудно одолеть с ходу.

Карраш кашлянул, уставившись на Таррэна с откровенной издевкой. Белка, неожиданно развеселившись, неслышно хихикнула, а грозная хищница тем временем выразительно облизнулась.

— Что? — обеспокоился Таррэн.

Но Гончая только ободряюще хлопнула его по плечу.

— Будем считать, что Дядько тебя правильно отправил. Ты разогнал мою тоску и с победой вернул туда, куда велели. Так и быть: пойдём в лагерь, ушастый. Траш здесь и сама справится, а малыш ей поможет. Да, мои хорошие?

Мимикр, воинственно встопорщив спинной гребень, с готовностью вскочил на ноги.

— Тогда я, пожалуй, воспользуюсь случаем и посижу в тепле, а по дороге как раз успею попинать этого ушастого, у которого хватило совести меня пугать какими-то глупостями. — Она бережно обняла обеих кошек, чмокнула довольно урчащую Траш в нос и, безмятежно насвистывая, потопала прочь.

Успев, правда, пихнуть замешкавшегося эльфа в бок и неловко запутаться лицом в его слишком пышных волосах. После чего чихнула, торопливо выпуталась и, гордо вздернув нос, удалилась.

Траш насмешливо хмыкнула, подтолкнула растерявшегося от такого поворота дел Таррэна в спину и хитро подмигнула, но потом все же не удержалась: пощекотала в последний раз кончиком хвоста его макушку и только тогда умчалась в темноту. Ему же пришлось помотать головой, спешно собрать привычный конский хвост на затылке, дивясь про себя, что все получилось. А затем бегом броситься нагонять шустрюю Гончую, пока она не передумала и не предпочла провести остаток ночи в компании мух, комаров и лягушек на соседнем болоте ради того, чтобы больше не оставаться с ним наедине.

ГЛАВА 9

Таррэн открыл глаза, когда солнце еще не встало. Обычно, если такое случалось, это значило, что он или полностью отдохнул или же происходит нечто из ряда вон выходящее. А поскольку отдохнувшим он себя совершенно не чувствовал...

Темный эльф обвел притихшую поляну напряженным взглядом и мигом оказался на ногах. Белки нигде не было. Проклятье! Ведь не собирался же спать! Прекрасно помнил, что велел себе бодрствовать до упора. Помнил, как она беззаботно устроилась рядом. Как спрашивала об Аккмале и той битве при Бронлоре, где они с Дядько, оказывается, тоже успели наследить, а потом взялась помешивать угли в костре. После этого в мыслях — одна пустота...

Таррэн быстро шагнул к остывшему костру и наклонился, одновременно втягивая идущий от прогоревших углей едва уловимый запах, а затем уловил в нем посторонние примеси и тихо ругнулся: вот зараза! Да что ж за манера у нее делать все по-своему?!

— Эй! У меня вопрос! — раздалось звонкое сбоку, едва Таррэн выбрался из лагеря и сердито огляделся. А Белка, широко улыбнувшись, как всегда любила делать в личине Белика, помахала ему из-за дальнего ствола. — Как спалось?

— Замечательно, — буркнул эльф. — Без сонной травы нельзя было обойтись?

— Нет, — безмятежно сообщила она. — Ты был прав: ребята слишком вымотались и перенервничали вчера. Пришлось им помочь.

— А предупредить ты не могла?!

— Зачем? Тебе тоже стоило выспаться. Так что я подсыпала щепотку в угли — я ее всегда с собой ношу. Правда, здорово?

Таррэн посмотрел на Гончую совсем мрачно.

— Белка? Тебе никогда задницу не надирали?

— Не-а. Пока таких умельцев не рождалось.

— Значит, я буду первым.

— Э-эй, ты куда? — забеспокоилась она, когда эльф резко развернулся и направился в противоположную сторону — злой, насупившийся и все еще сонный. — Подумаешь, беда? Ну поспал чуток побольше? Ну вялый немного... Так это скоро пройдет! Через час оклемаешься и поскачешь, как зайчик!

Он не стал оборачиваться.

— Таррэн!

— Подожди, я сейчас, — неохотно откликнулся эльф, скрывшись в густых зарослях.

— А-а-а... так бы сразу и сказал, что по нужде. Я ж решила, что ты надулся.

Таррэн только вздохнул.

Язва, как есть язва. Снова для чего-то его разозлила, да еще и вопрошает ехидненько: мол, а что не так? Ну зачем, спрашивается, это нужно? Неужели нельзя было просто объяснить, предупредить? Или ей нравится играть чужими чувствами? Менять маски с одной на другую? Сегодня — Белка, завтра — суровая Гончая, послезавтра — настоящая хмера, послепослезавтра — озорной Белик... Для чего?!

— Так у меня все же есть один вопрос, — невозмутимо повторила Белка, едва он вернулся. — Пойдем прогуляемся, пока остальные дрыхнут. Все равно ты уже выспался, мне делать форменным образом нечего, Траш с малышом еще охотятся, а Элиар пусть костер посторожит, раз поднялся.

Таррэн скрипнул зубами.

— Что ты хотела узнать?

— Почему на тебя не действует магия?

— Какая еще магия? — едва не споткнулся эльф.

— Моя сила, — повторила Белка, взглянув на него в упор, и ее глаза на миг превратились в два отточенных до бритвенной остроты кинжала. — После моего совершеннолетия редко случалось, чтобы кто-то мог держать себя в руках, особенно на первых порах. Из наших все до единого подходили, вежливо интересовались моими планами на будущее и еще осторожнее спрашивали, нет ли в них места еще для кого-нибудь. А ты до сих пор держишься и вполне неплохо себя чувствуешь. Я хочу знать почему? В чем секрет?

Таррэн вынужденно засмотрелся вдаль, не зная, как сказать, что она ошиблась.

— Значит, я не слишком тебя привлекаю? Магия не работает? Или ты просто ничего не чувствуешь? — продолжала допрос Белка.

Эльф неловко кашлянул, но смолчал: говорить ни на ту, ни на другую тему не хотелось. Врать было глупо, а сообщать правду и давать Гончей повод позлорадствовать — и вовсе недопустимо. Поэтому он просто отвернулся, надеясь, что она еще помнит условия их недавнего договора: у него было почти законное право на неудобные вопросы не отвечать.

Белка с досадой поджала губы.

— Ладно. Тогда скажи, как ты общаешься с лесом.

— Просто сообщаю ему свои пожелания, и он их выполняет, — наконец отозвался эльф, с облегчением поняв, что угроза миновала.

— Вслух?

— Зачем? Достаточно подумать. Это же магия Изиара, и лес хорошо ее понимает.

— Хочешь сказать, он сделает для тебя почти все? — не слишком поверила Гончая.

— По крайней мере, будет делать в ближайшие несколько дней.

Белка на мгновение задумалась, но вдруг решительно направилась в сторону. Зачем-то походила среди могучих стволов, по некоторым легонько постучала ногтем, другие по непонятной причине забраковала, затем стремительно промчалась дальше, вынуждая эльфа следовать за собой. Попетляла, покружила и только когда нашла старое замшелое дерево — странную помесь дуба и какой-то колючей гадости, которая росла прямо на ветках, — довольно прищелкнула языком. А потом потребовала:

— Докажи. Сделай так, чтобы тиррс подарил нам хоть один плод.

— Зачем? — удивился Таррэн.

— Что, не можешь?

— Могу, но...

— Так сделай!

Темный эльф пожал плечами и приложил ладонь к покрытому зеленовато-серым мхом стволу. Он чувствовал, что ему не причинят вреда. Откуда-то знал, что мох не станет выделять смертоносный яд. На мгновение ощутил себя деревянным исполином, взмывающим под самые небеса, взглянул на далекую землю и жалких козявок, зачем-то потревоживших его покой, но быстро опомнился и резко потрянул одну из веток, на которой действительно дозревали шипастые ядовито-лиловые плоды.

Один из них тут же сорвался и со свистом полетел вниз.

— Неплохо, — оценила Белка, двумя пальцами поднимая с земли плод, похожий на ошестинившегося ежа с налипшими сверху сухими листьями. Не слишком большой, с острыми шипами и одной-единственной бороздой посередине... Она легко подбросила трофей и бережно убрана в сумку. — Ха, оказывается, от тебя есть польза! Раньше приходилось дожидаться, пока сами созреют. А теперь можно просто попросить — и готово! Гляди-ка, даже пятнистый мох тебя не ранил!

Таррэн взглянул на нее исподлобья и машинально отер руку.

— Тебе не надоело меня подставлять?

— Нет, — очаровательно улыбнулась Белка. — Когда надоест, ты узнаешь первым, обещаю. А теперь идем-ка назад: выходить лучше засветло, чтобы через полтора дня, к следующему полудню добраться до Ямы. Но вдруг какие неожиданности на пути встретятся? Вдруг ты оплошаешь? Или я что-нибудь пропущу?

Белка беззаботно махнула рукой и повернула к лагерю, ничуть не смутившись своим поведением и даже тем, что вполне могла поставить под угрозу его жизнь. А почему? Да все потому же!

— Ты до сих пор мне не веришь? — тихо спросил эльф.

Ответом ему стал быстрый, невероятно острый взгляд из-под полуопущенных ресниц — холодный, оценивающий и напрочь лишенный какой бы то ни было веселости. Нет, она не убрала с мягких губ обворожительную улыбку, не остановилась и не подала виду, что прекрасно понимает, о чем идет речь. Даже не стала изображать досаду, что эта игра его больше не обманула. Только едва заметно пожалала плечами и неслышным шагом ушла, оставив невесело усмехнувшегося темного смотреть ей вслед.

«Жаль, — печально подумал Таррэн, в который раз любуясь ее походкой. — Жаль, что мы навсегда останемся по разные стороны и я не смогу стать чем-то большим. Жаль, что все так, как есть, потому что я бы очень хотел, чтобы все сложилось по-другому».

Белка, будто услышав его мысли, негромко фыркнула и с нарочитым шумом ворвалась в просыпающийся лагерь.

— Эй, сони, подье-о-ом!..

Таррэн наблюдал за ней весь оставшийся день. За тем, как она упруго мчится по зеленому лесу, черной кошкой перепрыгивая через неглубокие ручейки. Как молча общается с кровной сестрой и припадает на колени, всматриваясь в глаза хмеры и выуживая из ее памяти все, что та видела во время охоты.

Он старательно подмечал все ее движения, каждый сосредоточенный взгляд, каждый взмах ресниц, каждое шевеление губ. Видел, как она что-то шепчет чуткому Каррашу, который после этого срывался с места и надолго пропадал в непролазных чащобах.

Эльф не знал, зачем делает это, но упорно наблюдал, стараясь расшифровать и запомнить все это. Будто хотел навеки запечатлеть в памяти то, чего больше никогда не сможет увидеть.

Он следил за ней, пока видел ее спину. Затем беззастенчиво обратился к своей силе, рассудив, что может себе позволить некоторые вольности, и

смотрел уже через чужие глаза. Быстро научился выискивать внутренним взором многочисленных местных жителей и через них умудрялся наблюдать за ее плавным кошачьим шагом. Пару раз даже птиц сумел нечаянно зацепить, но при этом смена декораций произошла столько стремительно и резко, что он не сразу понял, почему глядит на себя с высоты, а ноги вдруг перестали ощущать опору. Кажется, он даже споткнулся и едва не пропахал носом землю, но вовремя успел вернуться в родное и привычное тело, с облегчением убедившись, что ничем себя не выдал.

Он не стал делиться с остальными внезапно появившимися способностями. Зачем? Кому это интересно? Кроме прямых потомков Изиара на это не способен был никто. Сейчас хозяину Проклятого леса ни в чем не будет преград. По крайней мере, ближайшие четыре дня.

Голоден? Хорошо. Каждое дерево протянет съедобный плод. Замучила жажда? Где-нибудь поблизости обязательно пробьется на поверхность родник. Нужно что-то посущественнее? Стоит бросить клич, и любой зверь принесет добычу на выбор, от крохотных кузнечиков до куска свежего мяса.

Кто сказал, что здесь не действует магия? Действует. Еще как действует, просто иначе, чем в других уголках Лиары, оттого и кажется, что ее на самом деле нет. Амулет Изиара изменил здешние места так, что теперь они подчинялись магии одного лишь рода. В этом и состояла загадка Серых пределов, их страшная тайна. Стоило столько тысячелетий мучиться и проливать океаны крови, когда ответ лежал на поверхности! И если бы кто-то задался целью его получить, то многих жертв можно было бы избежать.

Таррэн почти не удивился тому, что внезапно стал слышать на многие сотни шагов вокруг и видеть то, чего никогда раньше не мог. Всего второй день под сенью этих странных деревьев — и он уже начал их неплохо чувствовать. Уже знал, какое из них ядовито. Ощущал, где и в каком настроении бродят голодные хмеры, мог прямо отсюда велеть им убраться подальше, а мог молча попросить укрыть детенышей в одной из глубоких пещер на севере, потому что вскоре пройдет дождь, а по одному из склонов с их норами пройдет оползень.

Он неожиданно стал различать новые цвета. В какой-то момент поймал себя на мысли, что способен не только бежать быстрее, но и мчаться в таком темпе несколько суток кряду, не нуждаясь ни в еде, ни в питье, ни в отдыхе. А вскоре понял, что нечто подобное происходит и с остальными его спутниками. Только гораздо медленнее.

Весельчак в какой-то момент перестал тяжело дышать и побежал по буреломам с поразительной прытью, будто и не смотрел вчера с мученическим выражением лица на заходящее солнце. Аркан тоже повеселел, будто открыл в себе второе дыхание. Молот ловко подбросил и тут же на бегу поймал свою громадную секиру, ничуть не смутившись тем, что с самого утра маковой росинки во рту не держал. Сова с любопытством осматривался по сторонам, каким-то чудом не проваливаясь в многочисленные ямы и выбоины, будто заимел еще одну пару глаз. Волкодавы и Гончие уже давно привыкли к своим способностям, поэтому особенно не изменились. Однако им потребовалось на это несколько лет, а чужакам, приведшим с собой хозяина, повезло сильнее: нечто изменило их всего за несколько дней. Позволило им обрести новые силы. Оно же спокойно пропускало их в святая святых и начало само привыкать к своим странным гостям.

Это чувствовалось везде. В зеленых кронах, в ослепительно ярком небе, в мягкой траве, которая в любой момент была готова превратиться в ядовитый ковер. В нетронутой паутине, что свисала с веток серебристыми нитями. В голосах птиц, никогда раньше не встречавших двуногих. В стрекотании кузнечиков, пении сверчков, шелесте неимоверно острых листьев, способных одним касанием расплосовать обычный доспех как гнилую нитку. В рычании невиданных зверей, многие из которых с легкостью могли бы разорвать человека пополам. В шуршании полумразумных лиан. Даже в жужжании надоедливых комаров, что на этот раз не решились атаковать свиту хозяина... Магия амулета Изииара все сильнее воздействовала на приближавшихся гостей.

«Может, это моя близость так сказывается? — мысленно пожал плечами Таррэн. — И мое желание, чтобы мы поскорее добрались до места?»

Темный эльф отметил это мимоходом, по ходу дела, на бегу. А сам все так же пристально следил за маленькой Гончей, которая уже не первый час вела их к Лабиринту. Вот теперь Таррэн понимал, как ей удавалось так легко идти по обычному лесу, с потрясающей грацией бежать по скалам и ни разу не сорваться. Если бы он не видел и не чувствовал сам, что происходит, то продолжал бы считать ее из ряда вон выходящим явлением. А на самом деле вот она, причина.

Нет, конечно, Белка была удивительной. И даже сейчас продолжала занимать все его мысли. Но теперь он знал истинную цену ее способностям и понимал наконец, почему ни один Страж, проживший здесь хотя бы год, добровольно не покинет Серые пределы. Это их дом, колыбель, охотно

принявшая таких же отверженных, как он сам, смертных и сделавшая Диких псов теми, кто они есть. Этот дом они не предадут, не покинут его, не бросят и всегда будут возвращаться сюда, куда бы ни забросила их судьба. Даже Белка отсюда не уйдет по своей воле, потому что просто не сможет жить в другом мире.

Таррэн в очередной раз огляделся по сторонам и признал, что пределы действительно достойны подобной преданности. Да, они были жестоки к чужакам и защищались от вторжения как могли — колючками и шипами, когтями, зубами и ядом. Но сейчас, когда полный ненависти кордон остался позади, когда эльф смог слиться со здешней природой и взглянуть на этот мир множеством глаз, перед ним вдруг открылось истинное сердце этих земель. И Таррэн неожиданно понял, что оно на самом деле живое. Может, излишне суровое внешне. Прохладное, как неприступная красавица, прекрасно знающая о своем совершенстве. Немного жестокое, но, безусловно, притягательное и никем еще не покоренное. Свободное, как ветер в вышине. И очень ранимое. Сердце, которое в действительности хотело любви и ждало лишь признания, чтобы открыться.

Точно так же, как надежно спрятанное сердце Белки.

В миг прозрения Таррэн внезапно осознал, что все ее вспышки ярости и вызывающие оторопь перемены настроения, вся жесткость и холодность к себе и другим — не более чем шипы и колючки, как у безжалостного к чужакам кордона. Что она так же, как Проклятый лес, умеет хорошо защищаться. Умеет быть жестокой и хорошо знает, как поразить каждого своего врага в слабое место. Она научилась быть хитрой. Умело играла многочисленными масками, как пределы — всем своим потрясающим многообразием оттенков. Она завлекала, обманывала и запутывала, скрывая свою настоящую суть. Окружила себя непроходимой стеной из холода, равнодушия и стальной выдержки. Умела больно ударить кинжалом. Могла выпустить острые когти. Была способна выстрелить из засады ядовитым жалом насмешки. Привычно отгораживалась щитом безразличия и терпеливо пережидала, пока буря снаружи не утихнет. А вот мягкое и нежное сердце, ее ранимую душу на самом деле никто по-настоящему так и не увидел. Только Траш она полностью доверяла, только кровной сестре позволяла видеть себя настоящую, а перед остальными быстро и решительно захлопывала железную дверь. После чего для самых недогадливых, слишком упрямых и особо тупых дополнительно вешивала табличку со словами: «Вход воспрещен!»

Темный эльф ошарашенно моргнул, вдруг увидев необычную спутницу с совершенно новой стороны. А ведь он даже не надеялся, что

Белка смогла себя сохранить. Где-то там, очень глубоко, на самом дне — там, куда не заглянут посторонние и куда не дотянутся острые иглы предательства. Она все еще жива! Жива! И далеко не полностью стала Беликом, как уверяла на тропе. Просто не смогла убить себя по-настоящему — вот что он понял сейчас! Талларен не сумел ее уничтожить, только покалечил. Маленькая и хрупкая Белка оказалась для него слишком сильна.

Таррэн в который раз за день посмотрел на неестественно прямую спину Гончей и остро пожалел, что у него не хватит времени пройти через ее личный кордон. Не получится даже на версту приблизиться к ее нежному сердцу, потому что от него, темного, она отгораживалась особенно тщательно. А значит, ему не подойти настолько близко, чтобы сказать, что он наконец понимает ее. Знает, зачем она пыталась отказаться от себя самой. И так же хорошо знает, почему не смогла этого сделать.

«Ты все еще жива, Белка, — молча сказал эльф. — Жива, как бы мой брат ни хотел обратного. Он не смог сделать тебя другой, не смог убить твою душу. Никогда не забывай об этом, девочка, и не стремись к смерти, потому что у тебя еще есть шанс остаться живой».

— Эй, ушастый! Ты можешь не сопеть так громко? — вдруг обернулась Гончая и с раздражением уставилась ему прямо в глаза. — Можешь гордиться хоть до посинения тем, что идешь вторым вместо Шранка, но за твоим мерзким дыханием мне плохо слышно Траш!

— Не к тому прислушиваешься, — уязвленно буркнул Таррэн, мигом отбросив в сторону сантименты. — Вместо того чтобы уши вытягивать в мою сторону, лучше проверь направление: по-моему, мы прошли очередное «место мира».

Гончая внезапно запнулась.

— Что ты сказал?

— Говорю, что ты пропустила наш отдых, — раздраженно повторил эльф, останавливаясь рядом. — «Место мира» осталось позади и немного левее. А вот ты, кажется, замечталась.

Белка сузила глаза и нехорошо посмотрела на эльфа, даже не заметив, что поодаль с опаской замялись остальные спутники, напряженно гадающие, во что ушастому выльются его слова. Но она отчего-то не спешила — мрачно сверлила окаменевшее лицо эльфа изумрудными глазами и угрюмо молчала.

— Ты прав, — наконец медленно ответила Белка. — Кажется, я некстати размечталась о том счастливом времени, когда больше не буду видеть твою уродскую морду. Так что можешь гордиться еще больше. Но раз уж ты у нас теперь такой умный, может, сам доведешь остальных до

лагеря?

Таррзн оскалился.

— Почему нет?

— Прекрасно, — холодно улыбнулась она. — Шранк, вы идете следом за ним и готовитесь к ночлегу. Дядько, на тебе периметр и караул. Карраш постережет снаружи. А мы с Траш еще погуляем по округе.

— Не уверен, что это хорошая идея, — буркнул Урантар, кинув на темного укоризненный взгляд, но тот был слишком раздражен, чтобы это заметить.

— Поверь, так будет лучше.

— Бел...

Она в ответ бешено сверкнула ядовито-зелеными радужками, и воевода резко осекся. Нет, только не сейчас! Не хватало еще, чтобы она снова сорвалась, как на тропе. Может, она потому и примеченное место пропустила, что слишком напряженно прислушивалась к узам, а не к лесу? Проклятье! Говорил же: рано начинать новое единение! А тут еще ушастый не вовремя заупрямился!

— Может, тебе поспать? — неуверенно предложил рыжий, когда зловещее молчание начало ощутимо давить на нервы.

— Не лезь, рыжий! — рыкнула Белка, хищно оскалившись вместе с хмерой. — Не суйся в то, в чем ничего не смыслишь!

— А думаешь, будет лучше, если ты опять озвереешь?! — неожиданно не послушался Весельчак. — Думаешь, кому-то от этого станет легче?! Я, например, не хочу, чтобы вокруг меня, как вокруг куска свежего мяса, ходило целых три хмеры, а не две, как обычно! И еще больше не хочу лишиться внушительной части своего зада, если у тебя вдруг сдадут нервы!

Гончая ядовито зашипела.

— Конечно, ведь именно зад — самая ценная часть твоего тела!

— Так и знал, что он тебе понравился, — нагло ухмыльнулся рыжий и демонстративно сложил руки на груди, заставив воеводу тревожно покоситься на воспитанницу, Волкодавов — отступить на безопасное от нее расстояние, а Гончих — молча покрутить пальцем у виска. Ну все, крышка дураку. Нашел когда дергать хмеру за усы!

Но Белка неожиданно фыркнула.

— Да, зад у тебя ничего, хотя бывают и получше.

— Это у кого ты видела лучше? — возмутился Весельчак. — Неужели у Элиара?

— Ну-у-у... — задумалась Гончая. — Я в общем-то не смотрела специально. Считаешь, уже пора?

Рыжий с готовностью развернулся.

— Эй, ушастый, повернись. Это не страшно: никто не укусит. Просто надо помочь нашему Белику выбрать.

Светлый ошеломленно моргнул. Совсем спятил смертный?! А потом подметил появившееся на лице Белки оценивающее выражение и медленно покачал головой.

— Прости, рыжий, но я не стану тебя позорить.

— Ты просто боишься проиграть, — пренебрежительно фыркнул Бешеный лис.

— Нет. Боюсь, что рядом со мной ты будешь смотреться жалко, а я, хоть и не человек, все же знаком с мужской солидарностью.

— Гм. Таррэн, может, тогда ты рискнешь? Ты же тоже этот... с ушами. И не так уж сильно отличаешься от Элиара, а значит, мы все-таки проведем сравнительный анализ смертных и бессмертных, и пусть Бел решит, у кого лучше.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался темный эльф.

— Тогда, выходит, я выиграл? — удивился Весельчак. — Раз уже мне одному удалось сверкнуть разок своей лучшей частью перед глазами прекрасной дамы...

Таррэн почувствовал, как у него против воли вспыхнули уши. На самом деле не только этому обормоту, так сказать, «повезло». Некоторые, между прочим, умудрились показаться «даме» во всей своей красе. Причем не только «лучшей частью», как рыжий, а вообще всем, чем только можно.

Он невольно припомнил подробности той встречи у реки и злорадный вопль Белки по возвращении, после которого воеводу аж перекосило, и, к собственной досаде, порозовел еще больше.

Наверное, не надо было огрызаться сегодня? Но как прикажешь реагировать, если тебя из радужных мечтаний выдергивают в неприглядную действительность? Но он ведь не со зла. Просто Белка опять нацепила звериный оскал и, как всегда, с поразительной легкостью сумела вывести его из себя, потому что в искусстве играть на чужих эмоциях ей действительно нет равных.

Эльф осторожно порыскал глазами по окрестностям, но Белки уже не было рядом. Только задержавшаяся ненадолго Траш, поймав его обеспокоенный взгляд, хитро подмигнула и, одобрительно хмыкнув, исчезла в кустах.

«Ничего, ушастый. Не трусь. На самом деле она очень отходчивая», — донеслись до него мысли хмеры.

ГЛАВА 10

Границу он почувствовал внезапно. Просто открыл посреди ночи глаза и неожиданно понял: близко. Словно кто тихонько шепнул ему на ухо, а затем поманил за собой, настойчиво повторяя, что он просто должен это увидеть.

Таррэн пару минут лежал неподвижно, пытаясь разобраться в ощущениях, но затем решил не мудрить: до рассвета еще далеко, его спутники спят, Белка снова где-то гуляет, Карраш сладко жмурится возле догорающего костерка, Траш еще охотится... так почему бы и не сходить?

Эльф бесшумно поднялся с земли, успокаивающе кивнул заступившему на караул Урантару и бесплотной тенью выбрался из лагеря. Без особого труда пройдя сквозь густой подлесок и ориентируясь на резко обострившееся чутье, он быстро вышел за пределы охраняемой хмерами территории и беспрепятственно добрался до вершины одного из холмов.

Граница висела над Проклятым лесом словно гигантское серое покрывало. Она не казалась живой, не шумела невидимой кроной и не играла яркими красками в свете полной луны. А была на удивление тусклой, вялой и какой-то... пустой, будто порванная кем-то и бессильно обвисшая паутина.

Где-то там, за этой магической завесой, ждали своего часа демоны Нижнего мира, некогда призванные Изиаром. Где-то там все еще зияли распахнутые настезь врата между мирами. И именно там покоилось тело самого владыки — исковерканное, изломанное, истерзанное полчищами кошмарных тварей. Владыки, который кровью своей сумел когда-то остановить бешеный натиск пришельцев.

Страшно представить, сколько силы Изиар вложил в это защитное заклятие. Говорят, его амулет, спрятанный в недрах Лабиринта, хранил в себе частичку этой мощи, и именно поэтому его мог коснуться лишь прямой потомок великого мага, ставшего для Лиары и проклятием и спасением одновременно. Говорят также, что Изиар вырезал собственное сердце и что это оно надежно хранило его мир все эти долгие столетия. А его дальнему потомку нужно лишь повторить этот подвиг, чтобы граница простояла еще одну тысячу лет.

Какое-то время Таррэн просто стоял на холме, рассматривая последнее творение своего предка и гадал: какой же волей нужно было владеть, чтобы в спешке, впопыхах, косясь на умирающих людей и нелюдей, суметь

сплести паутину защитных заклятий, тройным кольцом отгораживающую Серые пределы? Какое нужно самообладание, чтобы, глядя, как совсем рядом сотнями и тысячами умирают доверившиеся тебе люди и нелюди, не совершить ни единой ошибки? Сколько мужества, чтобы остаться там самому? Наверное, для этого нужно быть безумным? А может, святым?

Таррэн вздохнул и отвел глаза. А потом медленно улегся на землю и, закинув руки за голову, надолго застыл.

Он не хотел возвращаться в лагерь, говорить с кем бы то ни было или отвечать на накопившиеся у воеводы вопросы. Все, что ему сейчас было нужно, — тишина, знакомое до боли одиночество и спокойствие, которого в последние дни ему так не хватало.

Чужие голоса, как назло, лишили его возможности расслабиться.

— Белик?

Таррэн поморщился. Элиар... Неужели светлый решил не отступить? Но какого лешего он ищет Белку именно здесь?

— Бел? Это ты?

— Чего шумишь? — недовольно отозвалась Гончая издали и откуда-то снизу, чуть ли не от подножия того холма, на котором лежал застывший от удивления темный эльф. — Опять не спится?

— Нет, — облегченно отозвался Элиар. — Не волнуйся, я за тобой не следил, просто меня разбудили не вовремя и словно... позвали. Не знаю. Не могу описать. Будто кто-то зудит над ухом, мешает сосредоточиться, без конца раздражает. И тянет пройти именно в эту сторону.

— А-а-а. Так это граница поет. Вблизи от Лабиринта она ощущается хорошо, особенно после полуночи. Мы когда с Гончими в прошлый раз тут были, я себе вообще места не находил. Так и промаялся всю ночь, пока сюда не наведалься.

— Значит, ты ее тоже чувствуешь?

— Конечно. Потому и торчу тут. Все равно делать больше нечего. Таррэн неплохо поработал, разогнав всю местную нечисть. Воинов не разбудишь даже из пушки, Дядько взялся караулить, Шранк с Криллом только-только легли, Адвик и Волкодавы и так весь день как на иголках... кстати, странно, что Танарис не пришел: перворожденные должны хорошо слышать этот зов.

— Он устал, — немного отдалился голос светлого. — Лег последним... А ты почему опять не бережешься?

Невидимая Белка хмыкнула. Следом раздался шорох от потревоженной листвы, тихий вздох и недолгое молчание. Кажется, они уселись под одним кустом, очень близко, и она совсем не возражала.

— Где Траш? — снова спросил Элиар.

— Гуляет. Ей нельзя долго сидеть на одном месте.

— А ты?

До Таррэна донесся еще один смешок.

— А что я? Мне тоже нельзя долго. Сижу, никого не трогаю, хотел поразмыслить в тишине, но у меня, как ни странно, опять подбирается очень забавная компания... Слушай, ты, кстати, темного не видел? Кажется, он начинает меня раздражать.

— Нет, не видел, — озадаченно ответил эльф. — Но в лагере его нет. По крайней мере, когда я уходил, точно не было.

— Тогда ладно, — успокоилась Белка, и Таррэн, собравшийся уже подать голос, со вздохом опустил голову.

Ну вот. Не хотелось ему подслушивать, да, видно, не судьба. Сейчас только открой рот, и Белка решит, что одним озабоченным нелюдем в отряде стало больше. Ну чего им не сиделось где-нибудь в другом месте?

— Белик?

— Да?

— Можно вопрос? — замялся Элиар, и Таррэн мысленно возвел глаза к небу.

— Валяй.

— Я о Сар'ре хотел спросить...

— Что именно? — немного напряглась Белка, но светлый не стал пояснять свою мысль. Похоже, просто выразительно посмотрел, и она снова вздохнула. — Нет, Элиар. Между нами ничего не было, если тебя это интересует. Просто потому, что не могло быть в принципе. Он был нашим вожаком, но не больше. Если бы не мое проклятие, если бы все сложилось по-другому, возможно, тогда бы... Торк! До чего ты любишь задавать неудобные вопросы!

— Прости, — смущенно пробормотал Элиар. — Я не настаиваю на ответе.

— Все вы не настаиваете. Только без конца переглядываетесь, перемигиваетесь и думаете, что я не вижу. Я устал от этого, честное слово. Даже Дядько сегодня вежливо поинтересовался, как, мол, я себя чувствую. Так вот, можешь вернуться и всем сказать: нормально я себя чувствую! Ясно? Нор-маль-но!

Светлый неловко кашлянул.

— Извини.

— Извиняю, — проворчала Белка. — Да, мне был дорог Сар'ра. Он был моим учителем, другом и кровным братом, которому, кстати, я

двадцать лет назад случайно исцарапал лицо. В тот самый день, когда они с Дядько вытащили нас с тропы. Мы тогда с Траш слишком тесно слились и стали совсем дикими. Да еще она на последних шагах не выдержала и потеряла сознание, а все наши узы достались мне одному. Вот и получилось, что, когда Сар'ра попытался меня оттащить от малышки, я его покусал. Кровищи тогда было — страх! А едва Дядько меня начал отрывать, то и его цапнул за палец. Видел, у него нет мизинца на правой руке?

— Это твоя работа?!

— Ага, — невесело подтвердила Белка. — Я плохо помню тот день, но Дядько говорит: это было действительно нечто. Я рычал, скалился и вообще вел себя как настоящий звереныш. Он даже начал задумываться, не прибить ли нас сразу, пока Траш не пришла в себя. С его точки зрения, с нами творилось что-то невероятное: у меня глаза изменили цвет на ненормально зеленый, а у нее стали слишком разумными... Тогда Сар'ра еще не был вожаком. Он только-только звание Гончей получил, но в тот день именно он не позволил Дядько нас убить.

Элиар вопросительно посмотрел.

— Он принял тебя за мальчишку?

— Верно. И подумал, что раз мне удалось каким-то образом одолеть тропу, то в дальнейшем я стану неплохим Стражем. Что нас можно попытаться (только не смейся!) приручить. А если подтвердится, что хмера — моя стая... Представляешь, какие это давало возможности для заставы?

— Да уж, — задумчиво протянул эльф. — Как же вас удалось успокоить?

— Сар'ра сел напротив и, глядя нам прямо в глаза, начал говорить. Без гнева, без злости... Может, потому мы его и не тронули? — задумчиво предположила Белка. — У него был красивый голос, завораживающий. Он умел говорить долго и обо всем подряд. Любил рассказывать всякие истории. И он очень много знал. Его учили говорить даже с разбушевавшейся толпой на пороге гражданской войны... Ты в курсе, что его отчим был когда-то послом в вашем лесу?

— Нет.

— А он был. И как-то раз даже поддался на уговоры невесты показать ей перворожденных — взял с собой, в один из летних вечеров привел на бал, опрометчиво оставил одну... В общем, так и получилось, что Сар'ра родился именно таким. У него было хорошее воспитание, лучшие учителя, заманчивое будущее, пока не стукнуло восемнадцать. А потом открылась правда о его происхождении и Сар'ре пришлось уйти, разыграв

собственную смерть... Но в тот день он просто сидел со мной рядом и говорил. До тех пор пока мы не успокоились и не перестали воспринимать его как угрозу. Он же отвел нас на заставу, накормил, отмыл, потому что Дядько не рискнул нянчиться с маленькой хмерой. И вот именно тогда неожиданно и выяснилось, что мы с Траш... гм... девочки.

«Представляю его лицо после этого», — меланхолично подумал Таррэн, пытаясь сдержать улыбку.

— Воплей было — на всю заставу. Особенно следующим утром, когда мы пришли в себя и учуяли запах перворожденных... Я не говорил, что тогда у нас ночевало несколько светлых? Кажется, они заглянули, чтобы переговорить с воеводой, потому что в то время набегу участились. Точно не помню. Но факт в том, что тем утром мы впервые показались людям на глаза, осмотрелись, облазили окрестности и только-только нашли их приемлемыми, как вдруг... — Она неслышно хихикнула. — Представь себе: двое светлых и две маленьких хмеры в самом средоточии мощи Стражей.

— Вы что, их пришибли? — нервно спросил Элиар.

— Не, не смогли. Но погоняли славно. Заодно разодрали штаны, поломали мечи, повыдергали волосы... Особенно я! Дядько замучился меня ловить! Но самое забавное было в том, что Сар'ра принес нас домой в темноте, Траш предусмотрительно закутал в куртку, чтобы никого не напугать, да еще и поостерегся откровенничать с остальными, опасаясь, что нас пришибут втихую. Поэтому, когда мы вдруг среди бела дня выскочили — злые, как демоны, с зелеными глазами, взбешенные...

Светлый эльф беззвучно рассмеялся.

— Эх, до чего было славное время! — сокрушенно вздохнула Белка. — Мы с Траш столько лет наводили там ужас, столько раз всех пугали, злили и откровенно издевались... Одно удовольствие вспомнить. И, что замечательно, никто не знал, кто я есть на самом деле, а кто знал, те других не просвещали. Так и вышло, что многие думали, будто я просто наглый мальчишка! Ох-хо... А потом мне стукнуло восемнадцать, и все резко изменилось.

— От этой магии можно как-то избавиться? — осторожно поинтересовался Элиар, когда она умолкла.

— Боюсь, что нет.

— А тот темный, который погиб в Малой стороже двадцать лет назад... он имеет к этому какое-то отношение?

— Нет.

— А Литур?

— Нет, — в третий раз ровно ответила Белка, но Таррэн даже издалека почувствовал, как она насторожилась.

Странно, что солгала: он-то думал, Элиару доверяют гораздо больше. Выходит, Белка не сочла его надежным для того, чтобы рассказать правду? Даже говорила сейчас, как Белик! Почему? Если бы не узы, если бы Таррэн не видел своими глазами, то усомнился бы в ее словах... но такое невозможно подделать. Тогда она была искренна, а со светлым почему-то осторожничала и внимательно следила за речью.

— Откуда же у тебя мечи? — еще осторожнее спросил Элиар.

— Подобрали, когда уходили из сторожи. В лесу, на самой границе, — все так же неестественно ровно солгала Белка, заставив Таррэна нахмуриться. — Мы даже видели тело — ему сердце проткнули насквозь. Кто-то подстерег его и убил. В спину. Как он того и заслуживал. Именно поэтому он перед смертью призвал «Огонь жизни», от которого сгорела Малая сторожа, погибли мои родители и сестра. Только Литур и уцелел. Правда, случайно...

Она прерывисто вздохнула.

— В тот день я был там вместе с отцом. Очень близко и вместе с тем невероятно далеко. Мне не повезло пораниться возле клетки с хмерой, которую тот темный привез из Серых пределов. Траш почуяла запах крови и, будучи голодной, разломала прутья, затем нашла меня по следу, но убить не успела. Только поцарапала, а потом мы слились, и она уже не могла ничего сделать: в стае бывает лишь один ведущий, а я и тогда не любил уступать. Так и вышло, что «Огонь жизни» на меня почти не подействовал, а мы с малышкой оказались на тропе.

Элиар чуть вздрогнул.

— Но если он умер, откуда тогда у тебя...

— Он проклял нас, — печально ответила Белка. — Проклял всех, кто жил в стороже и рядом с ней. Все мои друзья и родные погибли в течение нескольких дней после пожара. Те, кто смог уехать из деревни, тоже прожили недолго: месяц, два, три... насколько я знаю, больше года не выдержал никто. Несчастные случаи, грабители, поваленное дерево в лесу... проклятие не пощадило никого. Только Литура, который был слишком далеко в тот день.

— И тебя.

— Увы, меня это тоже коснулось. Просто из-за Траш и ее нечувствительности к магии проклятие сработало несколько... по-другому. Оно не убило нас, не обожгло, не раздавило на тропе. Оно всего лишь сделало так, что рядом постоянно гибнут дорогие мне люди. И это худшее,

что только могло случиться. Иногда я даже начинаю думать, что было бы гораздо легче, если бы меня тогда убило на месте. Одним ударом, мгновенно... да даже медленно! Я бы не сожалел, потому что все проблемы были бы решены!

— Мне жаль, — неслышно прошептал светлый эльф, и это прозвучало на удивление искренне.

— Мне тоже, Элиар, — тяжело вздохнула Белка. — Ты даже не представляешь, как сильно я жалею, что все так сложилось. Даже Сар'ра поддался, даже его воля не устояла против этого дрянного колдовства. Я подозревал, догадывался, что что-то не так, но он не подавал виду и только перед смертью решил признаться. Однако даже это сделал так, чтобы я не мог ничего изменить и ни о чем не жалел... Мы попрощались с ним еще месяц назад, перед отъездом, потому что уже тогда знали, что ему не выжить. Знали, что, когда я вернусь, он станет другим. В Серых пределах такое часто случается. Настолько, что мы давно потеряли счет ушедшим. Скарн, Идеас, Волтер, Аддик... за двадцать лет ушли многие. Поверь, я давно привык терять друзей. Все мы привыкли, хотя легче от этого не становится. Но смерть так же естественна, как и жизнь. От нее не уйти, не спрятаться и не сбежать. Я хорошо это понимаю...

Белка на миг прервалась и зябко обхватила себя руками, а потом снова заговорила. Медленно, весомо и очень спокойно, будто давно ждала этого разговора.

— Может, тебе это покажется смешным, но мы верим, что у каждого Стража есть своя звезда в созвездии Дикого пса. Верим в то, что есть иная судьба. И когда кто-то уходит, в небе загорается новый огонек. Мы верим, что наши братья ушли в лучший мир, где не будет этой боли, страха и бесконечной войны на выживание... Сар'ра сейчас там, и, надеюсь, ему хорошо, потому что он наконец стал свободным. А когда мы снова увидимся, я обниму его так, как никогда не мог раньше. И он обнимет меня, потому что никакой магии между нами больше не будет, как не будет и навязанных ею чувств. Просто друзья... Пересмешнику никогда этого не понять. Он не умеет чувствовать, не умеет сострадать. Он не настоящий, какой бы облик ни украл и сколько бы крови ни выпил. Он просто нежить, вечно голодный вампир, умеющий читать мысли и проникающий в память жертв с тем, чтобы находить себе новое пропитание. Я убил его легко. Без жалости, как и надлежит поступать с тварями... но и без ненависти тоже. Я благодарен ему за то, что он в точности исполнил последнее желание моего друга. Поверь, для нашей жизни это очень много. Настолько, что за такой подарок я убил его быстро и безболезненно. Так, как он, может, и не

заслуживал. Правда, для этого мне пришлось подпустить его очень близко. Но он проиграл этот бой, Сар'ра спокойно ушел, а я... Я действительно ни о чем не жалею.

Она надолго замолчала, и Элиар больше не посмел ее тревожить. Бесшумно поднялся, отряхнул штаны и шагнул к молчаливым деревьям. Хватит бередить чужую душу. Она тоже заслужила покой. Пусть горечь потери уйдет и оставит после себя лишь хорошие воспоминания. Ведь Сар'ра умер так, как хотел, и это было действительно красиво. Не его вина, что так все сложилось. И не ее вина, что он всегда оставался просто другом. Это судьба. И никто не вправе оспаривать ее решения.

— Эй, ушастый!

Элиар, уже почти добравшийся до деревьев, непонимающе обернулся.

— Кажется, ты успел ко мне остыть?

Эльф пожевал губами, прислушиваясь к своим ощущениям, неосторожно взглянул на внимательно изучающую его Белку и... неожиданно улыбнулся.

— Не скажу, что совсем, но сейчас мне гораздо проще находиться рядом с тобой, чем пару дней назад. Это что, тоже магия? Разве ты можешь ее контролировать?

Она покачала головой.

— Просто у тебя наконец-то включился инстинкт самосохранения, который и заставляет держать некоторую дистанцию. Так со всеми происходит. Со временем.

— Почему?

— Потому что моя сущность слишком опасна, — спокойно пояснила Гончая. — И вчера ты это понял. Не чувствами понял, не скалься, а рассудком. Он мудрее и старше чувств. Его невозможно обмануть, мой ушастый друг. Он знает гораздо больше, чем ты можешь себе представить, и бережет тебя от глупостей. Он же гасит мою силу, чтобы ты смог вести себя разумно. Конечно, этого не всегда хватает, но я постараюсь, чтобы тебя больше не задевало.

Светлый немного нервно хмыкнул.

— Благодарю, это лишнее.

— Не смешно, ушастый! Ты, между прочим, даже сейчас оказался самым настойчивым и упрямым: заметь, за тобой не стоит толпа из желающих составить мне компанию!

— Они просто испугались...

— Правильно испугались! — сурово оборвала его Гончая. — Я несу с собой смерть, и это не преувеличение. Ко мне нельзя приближаться и

нельзя смотреть прямо в глаза! Понял?

Элиар небрежно прислонился плечом к ближайшему дереву и, внимательно взглянув на нее издали, вдруг покачал головой.

— Знаешь, мне вдруг пришла в голову одна мысль. Может, ты специально убил пересмешника у всех на виду? Для того чтобы все, так сказать, прочувствовали? Между прочим, отличный ход: и с кровососом разобраться, и остальным показать, что к тебе опасно приближаться. Ты ведь, я заметил, любишь быстрые решения?

Белка хмыкнула.

— Ишь какой умный... Нет, специально ничего не планировал. Но подыграть — малость подыграл. Можно сказать, одним ударом двух кроликов зашиб: и от нежити избавился, и... гм, от вас. В том смысле, что парни, кажется, до сих пор не отошли от потрясения.

— Я знал, — торжествующе улыбнулся эльф. — Ты и нежить использовал так, как посчитал нужным. Ты вообще используешь все, что только подворачивается под руку. Даже нашего темного друга.

— Ты проницателен, — слабо улыбнулась Белка. — Молодец. Хвалю.

— Значит ли это?..

— Нет. Иди куда шел и не оборачивайся, не то мне придется прибить еще кого-нибудь, чтобы твои инстинкты снова приняли правильное направление. Но про рассудок я не зря тебе говорю — верь ему, Элиар. Верь даже тогда, когда чувства кричат обратное. Верь, потому что он никогда не ошибается.

ГЛАВА 11

Это началось после полудня. В какой-то момент пробирающиеся по лесу воины вдруг ощутили, что им здесь не рады. Нет, им и раньше не особо демонстрировали приязнь, наглядно показывали, что терпят только ради хозяина, наблюдали, оценивали, скрипели потихоньку зубами, но все это было как-то далеко. В стороне, за надежной стеной из веток, листьев и всего остального.

А теперь все изменилось. Сперва потемнели небеса, а пышные кроны деревьев недовольно зашелестели. Солнце пугливо спряталось за тучи, и окружающий мир стремительно преобразился. Казалось, мирные рощи навсегда исчезли среди буреломов и непролазных чащоб, веселое щебетание на ветках прекратилось, пропали уютные овражки и полянки, напрочь испарились беззаботные мотыльки. И спустя всего несколько часов после рассвета вокруг на многие версты снова раскинулся непроходимый и недобрый кордон, непролазная чаща, где только ловкие Гончие умудрялись найти едва заметные даже эльфийскому взгляду проходы.

Создавалось впечатление, что присутствие Таррэна перестало действовать на местную живность. Людей провожали внимательными взглядами, уже не скрываясь. Мошки, комары, неподвижно сидящие на цветах бабочки, молчаливые птицы на ветках, поразительно крупные белки, барсуки... Обитатели леса словно готовились сообща накинуться на дерзких двуногих. Звери постепенно подбирались все ближе, сбиваясь в стаи и выразительно облизываясь.

Одно хорошо: хмер и других опасных тварей пока видно не было, но с каждой минутой Траш нервничала все больше. Карраш и вовсе начал пугливо жаться к хозяйке, а Гончие в конце концов окружили встревоженных людей и так, под плотным конвоем, повели дальше.

Таррэн, поддавшись общему настроению, тоже забеспокоился. И в который раз мысленно велел: «Назад!» Но впервые за последние дни не почувствовал отклика. Словно в пустоту крикнул, не ощутив в ответ ничего, и это было по-настоящему страшно.

В чем дело? Почему его больше не принимают здесь, как хозяина? Почему они молчат и смотрят все так же жутко?

Белка кинула быстрый взгляд по сторонам и неожиданно остановилась перед поваленным бревном толщиной в два обхвата. Ничего странного в нем не было — просто гигантский ствол, так некстати попавшийся на пути.

Но Гончая не только не пошла дальше, а даже отступила, после чего невероятно грациозным движением пригнулась к земле и тихо зашипела, умудрившись проделать это одновременно с оскалившейся Траш.

Сверху им в ответ сердито цокнула белка. В соседних кустах кто-то возмущенно зашуршал листьями, но шум быстро стих. А секундой позже старое бревно вдруг шевельнулось и превратилось в массивное змеиное тело, при виде которого люди невольно попятились.

Спрятавшийся среди листвы гигантский питон был воистину страшен. Умело укрывшись среди нагромождения листьев, шипов и зловещих колючек, он разместил громоздкое туловище так, что сторонний наблюдатель ни за что бы не догадался, что перед ним — не поваленный бурей сухостой, а самая что ни на есть змеюка.

Белка зашипела громче и опустилась на четвереньки, окончательно став похожей на хмеру. Она не шевелилась, не дрожала от напряжения и, кажется, совсем не боялась. Только глухо ворчала на одной низкой ноте и неотрывно смотрела вверх и влево, словно именно там чуяла смертельную угрозу.

Таррэн совсем встревожился, потому что больше не мог сказать, откуда исходит опасность. Даже не почуял проклятого змея, хотя должен был! Кажется, он внезапно утратил странное единение с этой природой. Но, что самое страшное, неожиданно понял, что больше не слышит Лабиринт. Совсем. Как отрезало. Он ослеп, оглох и лишился всех своих новых способностей. И это случилось так резко, что он на какое-то время даже растерялся и только потом заметил неестественное спокойствие подобранных Гончих.

Как оказалось, Шранк уже давно прикрыл его с левого бока, Крилл и Адвик незаметно пристроились справа. Волкодавы сторожили светлых, Урантар присматривал за нервничающими людьми. Но все они даже сейчас оставались нечеловечески спокойными. Даже за оружие пока не схватились. Не оцетинились стрелами и не подняли арбалеты, хотя угроза ощущалась буквально кожей!

Вот, значит, как они совершают свои рейды? И каждый день готовятся именно к этому? Зная, что в любую секунду сверху, снизу, сбоку, да откуда угодно на них может кинуться какая-нибудь ловкая тварь, и понимая, что, если она будет удачлива, то обязательно заберет кого-то из отряда.

Тогда неудивительно, что у Гончих такие глаза: бесстрастные, холодные, мертвые. Кажется, уходя в рейд, они готовы больше не вернуться. Каждый раз прощаются с домом навсегда. Каждый раз мысленно умирают для остальных. Каждый раз теряют здесь частичку

самих себя, а под конец, когда совсем ослабнут и станут чуть медленнее, чем здешние звери, теряют и жизнь. И это так же неизбежно, как восход и закат на здешней нерадостной земле.

Белка даже не вздрогнула, когда в нескольких шагах от нее вдруг зажглись два огромных желтых глаза с неподвижными вертикальными зрачками. Они были так велики, что люди непроизвольно шарахнулись прочь, но, спасибо Гончим, не сумели сделать ни шагу. Даже тогда, когда из густой листвы высунулась гигантская, со взрослую хмеру, голова черного питона и неторопливо мазнула воздух раздвоенным языком как раз возле лица хищно прищурившейся Гончей.

Питон неподвижно уставился на козлявку, которую мог проглотить без всяких усилий. Ненадолго задумался, будто не замечая беззащитных малявок, озадаченно мигнул и вдруг... исчез. Да так стремительно, что не ожидавшие от него такой скорости чужаки аж икнули. Тем временем громадное туловище подтянулось к кустам, а потом мощным рывком втянулось в чашу целиком, оставив на земле невероятный по размерам и глубине след, комья рыхлой земли и отвратительно пахнущую змеиную слизь.

Белка в последний раз рыкнула куда-то в сторону и, больше не обращая внимания на подозрительно колышущиеся ветви, уверенно сдвинулась с места.

— Хорошо, что на Белике надета новая броня, — перевел дух Адвик, одновременно подталкивая светлых в спину. — Видать, та самка была еще здоровее, раз самец так шустро убрался. Так, остроухие, давайте поживее, пока этот гад ползучий не передумал. Я не уверен, что он ушел далеко, и не хочу испытывать его терпение. По сторонам не глазейте — мелочь теперь не полезет, раз даже питон побоялся. Так что вперед и пошустрее, чтобы никого не дразнить.

Таррэн с трудом заставил одеревеневшие ноги двигаться и только спустя пару долгих минут сообразил, что изумительный по красоте доспех Белки, из-за которого со свистом вырывалось дыхание даже у самых стойких, был сделан из чешуи точно такого же здорового питона. Только из самки, готовой к кладке яиц. Иными словами, очень опасной и злой. Кажется, Белка обмолвилась, что пришибла ее «случайно». На дороге, мол, попалась, а настроение поганое было.

Темный еще подумал: какого же размера должна быть змеюка, чтобы из ее кожи можно было скроить столь удачный доспех? Вот и узнал.

— Х-хорошо, что у Белика доспех воняет медом на сто шагов окрест, — согласился рыжий, утирая со лба обильный пот.

— Точно, — с ленцой отозвался Шранк. — Но больше он нас не потревожит. Не рискнет.

— И п-правильно, а то ж я могу и зашибить с перепугу.

Гончие снисходительно переглянулись: глупец. Его-то как раз перекусят пополам и не подавятся. Может, только Белка и сумеет отстоять дурака, но никто другой не рискнул бы отбирать законную добычу у голодного питона. Впрочем, пес с ним, болтуном. Главное, что держит себя в руках и наконец-то осознал, куда именно пришел непрошеным гостем. Да и остальные, похоже, впечатлились. Даже темный, который в последнее время вел себя здесь как в родном лесу. Теперь присмирели, а то расслабились за эти два дня. Рты разинули и любовались местными красотами, как знаменитыми на всю Лиару Аккмальскими садами. Наивные! Наверняка подумали, что опасности Серых пределов сильно преувеличены. А тут наконец встряхнулись. К оружию, вон, потянулись, морды снова прикрыли, подумав про ядовитых бабочек и стрекоз. И запоздало вспомнили, что это не прогулочный парк, а Проклятый лес. Невероятно умный и опасный противник, привыкший нападать из засады. Так что, если они хотят выжить, то им придется стать быстрее, хитрее, умнее и выносливее, чем местные твари. Научиться чувствовать их настроение, вовремя реагировать на каждый шорох и ждать, ждать, ждать... Все время ждать подвоха, как на напичканной ловушками Тропе смертников.

К очередной поляне отряд вышел внезапно. Вот вроде бы стояли посреди непролазной чащобы. Только-только осматривали рукава и спины соседей в поисках дыр и мелких порезов. Едва сумели преодолеть одно зеленое препятствие, потом другое, затем еще и третье... а теперь будто на краю пропасти оказались: впереди простирался неестественно ровный круг свободного от деревьев пространства. То ли пожар тут когда-то случился, то ли просто место было такое, но не росли здесь деревья. Ни деревца, ни кустика, ни даже пенька, будто сосны и ели тут вовсе не приживались. Зато трава — роскошная, сочная, почти по пояс. Удивительно яркая, остро поблескивающая словно стальными лезвиями и невероятно густая. Из-под нее совершенно не видно земли. А в центре этого изобилия виднелся небольшой, почти незаметный холмик. И вокруг — тишина-а-а...

Таррэн непроизвольно замер, сморгнув выступившие от внезапного света слезы. Торк! Да как же это, если буквально в шаге за спиной — беспросветная темень?!

Эльф помотал головой, прищурился и, быстро отступив от ядовитых

зарослей, снова огляделся, одновременно прислушиваясь к себе. Нет, его чутье не восстановилось. Ощущение единения с лесом не вернулось, а мудрое сердце продолжало молчать. Но здесь, как ни странно, было светло, тепло, сухо и очень спокойно. Будто другой мир, в котором прежняя аура настороженности и недовольства едва ощущалась. А за поляной — уже знакомая стена ненависти и яростной злобы, от которой вскипает кровь.

Белка, не обращая ни на кого внимания, сняла с головы чешуйчатый капюшон и с наслаждением вдохнула свежий воздух. Затем подцепила с ближайшей травинки горсть крупной росы и с удовольствием отерла лицо, избавляясь от ниточек паутины, мелких спор, надоедливых листиков и прилипших иголок. После чего погладила тихо заурчавшую хмеру, потрепала мимикра и наконец обернулась.

— Раздевайтесь, чего встали? — усмехнулась она, увидев настороженно озирающийся отряд, укрытый доспехами и нашитыми на плащи костяными щитками. — Теперь уже можно. Тут они нас не достанут.

— Хочешь сказать, мы дошли? — осторожно уточнил Весельчак, не торопясь снимать броню.

— Почти. Пойдемте, тут уже недалеко. Таррэн, ты что-нибудь чувствуешь?

Темный эльф скинул надоевший капюшон и медленно покачал головой.

— Абсолютно ничего. Просто полный ноль, будто я не маг, а Торк знает что.

— Так и должно быть, — успокоила его Белка. — Пока не войдешь в Лабиринт, твоя магия бессильна. Здесь только светлые и людские маги могут творить заклятия. Так что даже не пытайся.

— Почему?

— Возможно, древние и здесь все продумали и избавили темных от соблазна сбежать в последний момент или, чего доброго, позариться на ключи и их силу. Утверждать, конечно, не берусь, но другого объяснения пока не вижу. Элиар, не вздумай проверять! Я не уверен, что мы одни! Лучше посмотри вторым зрением на эту полянку, а то вдруг орден успел раньше нас?

Элиар и Танарис, вспомнив об осторожности, одновременно вскинули головы, сузили глаза и несколько долгих мгновений сосредоточенно молчали.

— Нет, — наконец сказал Танарис. — Поляна пуста, как погреб у нерадивой хозяйки. Более того, за последние несколько дней здесь вообще никто не появлялся. Я уверен.

Элиар молча кивнул.

— Почему ты думаешь, что сюда мог пробраться кто-то из ордена? — нахмурился Сова. — Мы ведь добрались раньше каравана. Проход в горах — один-единственный, по тропе они за нами пройти не могли. Вы же сами говорили, что мы сэкономили целых три дня.

— Верно, — неспешно согласился воевода. — Но мы и выжидали почти трое суток, пока вы адаптируетесь. Это раз. Второе: они могли пойти сюда сразу. И, наконец, третье: я совсем не уверен, что на других заставах не найдется тех, кто предан ордену.

— Предатели-Стражи? — недоверчиво хмыкнул Весельчак.

— Почему нет? — так же спокойно возразил Урантар. — Орден существует почти девять тысячелетий и за все это время частенько нападал на таких же смертников, как мы. Причем, если почитать архивы, то становится ясно, что с каждым разом у них получается все лучше и лучше. Ты ведь слышал про гору Импала, где в прошлое тысячелетие полегли две сотни перворожденных и почти тысяча наших? Тогда походы были масштабнее, не чета нашему. Так вот, то сражение — тоже работа ордена. Они все так же хотят заполучить ключи и раз за разом все ближе к успеху. Жаль, что наше величество не соизволил поделиться сведениями, сколько раз кто-то или что-то пыталось влезть в его сокровищницу за третьей частью ключа. И сколько раз ту часть дворца восстанавливали, укрывали заклятиями и заново перестраивали. Думаешь, эльфийские сады там просто так растут?

Аркан приподнял смоляные брови, выражая удивление, а Весельчак озадаченно крикнул:

— А разве нет?

— Светлые не отдали бы нам на хранение ключ, если бы не были уверены в его безопасности, — насмешливо улыбнулся Седой. — Более того, тогдашний владыка Эллиараэль самолично вырастил эти сады, создавая магическую защиту, через которую не пробиться ни одному колдуну. И они, эти сады, между прочим, имеют немало общего с Проклятым лесом. И точно так же, как здешний кордон, изолируют артефакт от остального мира...

— Надо же... — задумчиво протянул Танарис. — Если ты прав, то ключ укрыт надежно: владыка Эллиараэль был хорошим магом. Тебе известно, где устроен тайник?

Воевода качнул головой.

— Нет. Об этом никто не знает, кроме короля и пары его доверенных лиц. Что же касается Стражей, то я не слишком удивлюсь, если и среди них найдутся приверженцы ордена. Деньги и власть портят даже лучших из

нас. А если к ним прилагается возможность пожить в свое удовольствие еще очень долгое время... Боюсь, перед таким соблазном трудно устоять.

Аркан обменялся со светлыми эльфами понимающим взглядом.

— Теперь я понимаю, какого Торка ты проверял нас на тропе.

— На нас нападали трижды, если считать оборотня, которому совершенно нечего было делать по ту сторону гор. И всегда поблизости были агинцы и маги ордена. Все время они знали, кто мы и куда направляемся, а за караваном следили от самого Аккмала. Но в то же время магических следов от отряда не было, мы с Беликом неоднократно проверяли. Значит, нас кто-то постоянно вел. Именно поэтому мы повернули к тропе, хотя небольшой шанс проскользнуть через переход на Драконьем хребте все же был. Да, был! И не смотрите на меня так: мы не вправе были рисковать сохранностью единственного безопасного прохода через горы. Если бы в то время кто-то из вас отказался, я бы не позволил ему уйти обратно.

— Что, прибил бы втихаря, пока никто не видит? — неуместно развеселился рыжий.

— Безусловно.

— Урантар...

— Да, — ровно подтвердил Страж. — Я убил бы на месте любого из вас, кого заподозрил бы в измене.

Элиар поджал губы, прекрасно помня свою вспышку у тропы. И прекрасно понимал, что этим «любым» мог оказаться он сам. К'саш! Кажется, они с Беликом проверяли их каждый день, в каждом слове и жесте. Наверняка и ссоры по пути были не просто ссорами, а тщательно спланированными акциями. И все это — только для того, чтобы быть уверенными в надежности спутников.

Таррэн с независимым видом изучал окрестности, почти не прислушиваясь к неприятному разговору. Все, что было сказано, он и так давно знал. Более того, считал, что риск был вполне оправданным, потому что жизнь на Лиаре того стоила. Ну и что, что лично ему досталось больше всех? Что с того, что Белка даже на узы решилась, лишь бы выведать правду?

Плевать, как говорит рыжий. На все плевать, потому что это не со зла, а лишь по суровой жизненной необходимости.

Темный эльф с поразительным хладнокровием выдержал понимающие взгляды соратников и равнодушно отвернулся. Вот она, правда. Хотели? Так получите. Если бы не острая нужда, чужих вообще бы не подпустили к ключам, сами бы все сделали. Но, в силу ряда причин, Стражам пришлось

мириться с присутствием чужаков, потратить без малого три недели, чтобы досконально проверить каждого, а уж потом только вести за собой.

— Идем, что ли? — будничным гоном осведомилась Белка, отряхнув испачканные в земле ладони. — Раз мы одни и никто на Лабиринт не покушается, надо топтать. Тут действительно недалеко. Только под ноги смотрите, не то переломаете к Торку. Траш, Карраш, вам тоже пора.

Хмеры неуверенно помялись.

— Пора-пора, мои хорошие. Не нужно мучиться больше чем необходимо. Идите, я вас потом найду где условились. — Белка крепко обняла своих кошек, ласково чмокнула каждую в нос, погладила жесткие холки и легонько подтолкнула к густым зарослям. — Все, хватит нежностей. Ступайте.

Карраш с досадой рыкнул, но послушно ушел. Траш слегка задержалась возле непонимающе озирающихся людей, лизнула кровную сестру в шею, внимательно всмотрелась в ее лицо, а затем с новым вздохом отвернулась и потрусила прочь. Ей было неуютно здесь, в самом скоплении мощи древнего светлого мага, чьими усилиями была создана эта неестественно ровная поляна. Их с Каррашем место — в родном лесу. Там, где нет магии перворожденных. И хозяйка хорошо это понимала. Вот только оставить ее одну, рядом с дурными самцами, на которых нет никакой надежи...

«Береги ее, темный! — строго посмотрела хмера на вздрогнувшего от неожиданности Таррэна. — Не вздумай обидеть! Не смей бросить! Иначе я тебя найду!»

«Все будет хорошо, Траш. Я присмотрю».

Хмера удовлетворенно рыкнула и наконец пропала среди темных стволов. А люди, повздыхав и скинув тяжелые плащи, перехватили поудобнее оружие и, больше ни на что не отвлекаясь, дружно шагнули в зеленые заросли.

ГЛАВА 12

Трава на поляне оказалась удивительно мягкой, гибкой и до того сочной на вид — хоть ешь! Она звонко хрустела и легко гнулась под пальцами, но при этом расступалась перед чужаками крайне неохотно, а приминаться и вовсе категорически отказывалась. Приходилось прорубаться с боем, отвоевывая у коварной растительности каждый пройденный шаг. Двигаться с черепашьей скоростью, беспрестанно ворча на здешних садоводов, не удосужившихся подстричь неопрятные газоны перед приходом важных гостей.

А еще от любого движения на воинов брызгал липкий сок, отчего полтора десятка бойцов моментально превратились в зеленоватых чудовищ. Весельчак, не сдержавшись, даже сплюнул под ноги, когда особенно высоко взлетевшая капля повисла на нижней губе. Но в этот момент еще одна плюхнулась ему на нос, а третья немедленно юркнула в рот.

— Тьфу! Гадость!

Он с завистью покосился на гибкую фигурку Белки, ловко ввинчивающуюся между высокими стеблями, и неслышно вздохнул: под ее легким шагом ни один из них не сломался, трава только гнулась и с тихим шелестом подавалась в стороны. Таррэна трава тоже старалась огибать, обоих светлых и вовсе почтительно пропускала, зато на остальных отыгрывалась как могла: мешалась, цеплялась за ноги, за руки и за одежду. Повисала тяжелыми снопами на локтях, порывалась облепить лицо, хлестнуть по щекам. Проклятая растительность вымахала в человеческий рост!

Дышать стало трудно. Воздух заметно потяжелел, стал неприятно влажным. Люди быстро начали задыхаться, их одежда мгновенно намокла, а лица заблестели от пота. Но никто не останавливался, воины с еще большим ожесточением принялись прорубаться вперед, используя мечи и сабли как обычные серпы и косы.

Спустя пару десятков шагов Таррэн споткнулся обо что-то твердое и, вполголоса ругнувшись, едва не упал. От удара неизвестный предмет глухо звякнул и откатился в сторону, с подозрительным грохотом столкнувшись с чем-то еще, таким же металлическим. Эльф быстро наклонился, пошарил вокруг, а когда выпрямился с непонятным предметом в руках, то с неудовольствием опознал старой работы эльфийский шлем с огромной

дырой на затылке. Рядом нашлись такие же ржавые доспехи, неведь каким образом пережившие девять эпох, затем — сломанный у рукояти меч, а чуть дальше, под слоем рыхлой и влажной земли, белели кости неведомого родича, которые отчего-то не собирались рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения.

— Ничего себе! — неприлично присвистнул Весельчак, разглядев находку. — Похоже, нас занесло на то самое поле!

— Это центр того места, где когда-то была Битва тысячи магов, — глухо отозвалась Белка. — Амулет Изииара поддерживает здесь заклятие остановленного времени, поэтому все выглядит так, будто прошло всего два десятка лет, а не девять тысяч. Тут много костей. Весь Проклятый лес, считай, растет на костях — человеческих, гномьих, эльфийских. Везде, где лилась кровь, теперь шумят деревья. Кстати, здесь, рядом с Лабиринтом, — низина, где время течет совсем иначе. Ее потому и назвали Ямой, что она все время идет под уклон, а еще чуть ли не до верха наполнена доспехами и костями. Так что смотрите не споткнитесь.

— А тут змей, случайно, не водится? — опасливо покосился по сторонам Ирбис.

— Тут вообще никто не водится. Мы со Шранком были здесь дважды и ни разу ничьих следов не видели, Траш тоже посторонних не учуяла, да и Танарис сказал, что вокруг чисто. Но на всякий случай все равно поглядывайте, мало ли чего.

Воины угрюмо кивнули и дальше двинулись еще осторожнее, стараясь не тревожить старые кости. Но, как и сказала Белка, их оказалось так много, что вскоре вся поляна была покрыта ими, как снегом. Тут были скелеты и эльфов, и гномов, и людей, и даже странные, изломанные непонятной магией кости поистине чудовищных размеров. Мелькали чьи-то гигантские клыки, вполне сравнимые с зубами недавно виденного питона. Пару раз попадались скелеты гигантских зверей. А еще были останки громадных ящеров и хмер. Скелетов оказалось так много, что разум упорно отказывался поверить в увиденное.

Их были тут десятки, сотни тысяч! Изрубленных до неузнаваемости и искалеченных. Тех, кто сначала с остервенением сражался друг с другом, а затем плечо к плечу встал против новой угрозы — тварей из Нижнего мира. Многих демонов объединенная армия сумела уничтожить, но скольких же жертв это потребовало? Сколько существ сложили здесь свои головы и остались гнить в неизвестности?

Под чьей-то ногой снова отвратительно громко хрустнуло, и воины мрачно переглянулись. Все. Дальше они пойдут по черепам и

полурассыпавшимся скелетам. Впереди, насколько хватало глаз, кости громоздились уже в несколько слоев, загораживали все доступное взгляду пространство. Возвышались целыми холмами, между которыми с трудом удавалось рассмотреть крохотные проходы, сделанные непонятно когда и непонятно кем. На фоне бесконечного белого поля почти терялись древние доспехи и ржавое от пролитой когда-то крови оружие, темными пятнышками мелькали сломанные наконечники копий, полуразложившиеся ножны и щиты. А между ними, бесцеремонно раздвинув мертвые останки, победно пробивалась все та же необычная трава, что уже взмывала вверх на полтора человеческих роста.

В какой-то момент незваные гости всей кожей почувствовали: там, внизу, под толстым слоем земли, костей не меньше. А то, может, и больше, чем наверху, потому что прошедшие века не могли не сказаться на этом страшном месте.

Впервые раздавив чей-то череп, Весельчак скривился и невольно замедлил шаг. Однако лучше не стало: отвратительный хруст доносился со всех сторон, перемешанный с доброй порцией ругательств, сдавленных проклятий и едва слышным шипением эльфов, которые находили кощунственным топтать прах своих предков грязными сапожищами.

Белка, по обыкновению, не обернулась ни разу. То ли чувствовала, что все живы и здоровы, то ли прислушивалась к чему-то еще, то ли просто размышляла. Таррэн не знал ответа. Он лишь старался не отстать, краешком глаза следил за остальными и внимательно посматривал по сторонам, выискивая вход в пресловутый Лабиринт. И в какой-то момент так увлекся, что едва не пропустил момент, когда Гончая отодвинула с пути очередную охапку зеленых стеблей, сделала пару шагов вперед и внезапно остановилась.

— В чем дело? — беспокоился Элиар, выходя следом за ней на маленькую площадку, лишенную растительности. — Что-то чуешь?

Белка встала на треугольном пяточке, со всех сторон окруженном костями, которые, словно страшноватая мозаика, возвышались над головами чужаков.

Ничего необычного в этом зрелище, на первый взгляд, не было — просто очередные кости, уложенные какой-то неведомой силой в правильные белые пирамиды: две — на востоке, разделенные черным провалом, еще одна — на севере и, наконец, последняя — строго на юге. Настораживало то, что рядом с ними не виднелось ни одного куска железа — ни доспехов, ни оружия, ни конской сбруи. Только белые ровные кости да густая трава, которая отчего-то не решилась переступить невидимых

границ треугольника и обогнула костяные пирамиды по широкой дуге.

— Белик? — нетерпеливо помялся Элиар.

— Нет, ничего не чувствую, — наконец отозвалась Гончая. — Но в этом-то и загвоздка. Таррэн, чего застрял? Иди сюда, ты мне нужен.

«Нужен?» — эхом повторил он, но быстро опомнился и послушно приблизился.

— Что-то не так?

— Все не так.

— Как я должен это понимать?! — озадаченно огляделся темный эльф.

— Да не туда смотришь, — с досадой сказала Белка и, цапнув его за руку, оттащила в самый центр образованного пирамидами треугольника. — Ну? Теперь понятно?

Таррэну потребовалось несколько секунд, чтобы стряхнуть знакомое оцепенение от ее близости. Лицо осталось совершенно невозмутимым, хотя сердце и заколотилось, а руки в перчатках вспотели. Он с некоторым трудом заставил себя смотреть на нерадостный пейзаж, а не в глаза Белки, еще раз внимательно оглядел пирамиды и мысленно пожал плечами.

— Куда дальше?

— Боги! — почти простонала она. Маленькие руки бесцеремонно рванули эльфа за подбородок и насильно повернули на восток. — До чего ж дурной! Ну? Ничего не видишь знакомого?!

Таррэн непонимающе моргнул, все еще разрываясь между ее волнующей близостью и остальным миром. Тяжело вздохнул, тряхнул черной гривой, прогоняя неуместные эмоции, и... в следующую секунду с его глаз словно пелена упала: возвышающиеся вокруг одного из проходов костяные горы внезапно сложились в совершенно отчетливую, до боли знакомую картинку — родовой герб правящего дома Л'аэртэ: гигантского дракона, держащего в пасти жемчужину древнего знания, которая на этот раз оказалась не изумрудом, хранящим бессмертие его рода, а зияющим входом в многоуровневое подземелье.

Ну конечно! Это же самый настоящий дракон! Вот и громадная морда, скалящая страшноватую пасть, вот и шея, и все остальное! За пирамидами легко угадывалось массивное тело, хвост пропадал где-то в необозримой дали... хотя нет, он обвивался вокруг поляны. Только был не из живой плоти, а искусно сложен из старых, слегка потемневших от времени, отполированных холодными ветрами костей. А врата, самые настоящие врата расположились между двумя восточными пирамидами, которые смутно напоминали драконьи зубы. И над ними, прячась среди беспорядочно накиданных, каким-то чудом держащихся на одном месте

обломков, неярко белело блеклое и почти незаметное изображение ясеня.

Темный эльф изумленно выдохнул и наконец нашел в себе силы отстраниться.

— Доррале! Краале вортан! Иттара!

Словно в ответ на слова древнего приветствия по земле пробежала дрожь, внутри пирамид что-то зазвенело, незрячие глаза костяного дракона полыхнули яркими огнями, доказав, что пришелец не ошибся в выборе заклятия. В тот же миг второе сердце эльфа дрогнуло и нехорошо заныло. Потом встрепенулась и мятущаяся в сомнениях душа, а в глубине заветного прохода внезапно появились и призывно мигнули красноватые огоньки, словно внятно обозначив приглашение зайти.

— Мать моя! — ахнул Весельчак, невольно попятившись.

— Врата, — зачарованно прошептал Танарис, чувствуя, как стремительно покидает его магия. — Я их чувствую... Но, Торк, почему они забирают мою силу? Элиар, я почти сух!

— Я тоже, — помрачнел Элиар. — Теперь Таррэну карты в руки, а нам дальше нельзя.

Белка кивнула.

— Ты прав. Яма находится почти в центре Проклятого леса, она — средоточие его мощи. А из-за амулета Изиара концентрация магии здесь самая большая. Потому-то вам и плохо сейчас. Колдовать не пытайтесь — все равно не получится ни у кого, кроме темного. Но щиты снимать даже не вздумайте: если их разрушит это поле, вам крышка. Таррэн, очнись и не стой столбом! Время, между прочим, не ждет, пора за дело!

Пока люди ошарашенно пялились на зияющий чернотой вход, из которого отчетливо потянуло мертвенным холодом, Волкодавы и Гончие бесшумно подались в стороны, ненавязчиво окружив чужаков широким полукругом. Мало ли. Вдруг кто притаился тут, за костяными кручами, да лишь ждет подходящего момента? Вдруг кто-то окажется не тем, за кого себя выдает? В этой жизни чего только не случается. Надо быть готовыми ко всему.

— Да, — неслышно вздохнул темный эльф. — Пора.

— Ты знаешь, что делать? — строго спросила Белка, краем глаза держа Гончих в поле зрения.

Таррэн только кивнул.

— Мне нужны ключи. Элиар? Урантар? Танарис, гномья кровь у тебя?

Элиар без колебаний полез за пазуху и достал ажурную золотую пластинку в форме треугольника. Неведомый мастер выточил ее с удивительным искусством, каким-то чудом превратив металл в тончайшее

кружево заклятий и невесомые узоры вплетенных туда древних рун. Сверху умело наложил защитный контур, да еще и поставил несколько мощнейших охранных заклятий. Танарис отдал колбочку с кровью наследника подгорного трона.

Таррэн, забрав и то и другое, благодарно кивнул светлым и вопросительно оглянулся на воеводу.

— Теперь ты. Отдашь ключ, Урантар? Доверишься мне?

— Нет, — безмятежно улыбнулся Страж, демонстративно убрав под ворот шнурок из кожи горной ящерицы, и невозмутимо сложил руки на груди.

Волкодавы усмехнулись, весело качнув в ладонях невесть откуда взявшиеся мечи, Гончие и вовсе заулыбались, на что светлые дружно скривились, Молот некрасиво ругнулся, Ирбис с Совой непонимающе нахмурились, а рыжий с Арканом неприлично разинули рты.

— Седой, ты в своем уме?! — возмущенно вскинулся Танарис.

Воевода усмехнулся.

— Я сказал это в прошлый раз и повторяю сейчас: я не сумасшедший. И я не могу вам его отдать.

— Ты же поклялся! Слово дал!

— Да. Но все равно не могу этого сделать.

На лице Таррэна проступило понимание. Он очень кстати припомнил слова короля Мирдаиса в тот памятный день в Аккмале, когда ему пообещали в проводники Гончую, а с ней — еще одного сопровождающего и целый воз неприятностей в придачу. Вспомнил также необычный вечер, когда познакомился с Белкой, едва не лишился правого уха и впервые узрел мимикра на одной из крыш столицы Интариса. После чего мысленно хмыкнул и... повернулся к загадочно улыбающейся Белке.

— Ключ ведь у тебя? Та часть, что перешла людям от светлого владыки... Он ведь у тебя, я прав?

Она забавно наклонила голову, словно не замечая искреннего недоумения спутников.

— Ведь так? — снова спросил темный эльф, осторожно подходя и пристально всматриваясь в ее непроницаемое лицо. — Мирдаис предупредил, что доверит его только одному человеку на Лиаре. Ты отдашь его мне, Белка? Доверишься, как он?

— Гм... А что я буду с этого иметь?

Рыжий неожиданно поперхнулся, Гончие улыбнулись шире, а Дядько вовсе хмыкнул в усы, но Таррэн не обратил внимания.

— А что ты хочешь?

— Я уже сказала: твою шкуру, прибитую над порогом.

Он наконец поймал в глубине зеленых радужек едва заметный теплый огонек и с облегчением улыбнулся.

— Хорошо, она будет твоей.

— Точно? — преувеличенно серьезно уточнила Белка. — А не обманешь?

— Нет. Она будет твоей целиком.

— Что, даже уши? — под нервное хихиканье ланнийца нагло уточнила Гончая.

— И уши, — хмыкнул эльф. — Ладно, отдай. Хватит уже издеваться.

— Я только во вкус вошла!

— Белка...

Она преувеличенно тяжело вздохнула и вытащила на свет божий свой нелепый неработающий «амулет». Ту самую штуквину, безобразное творение неведомого мастера, слепившего из куска глины бездарное нечто, на котором кто-то не постыдился шлепнуть личную печать верховного мага Интариса. Ни ауры, ни магии, ничего примечательного в этой на редкость некрасивой безделушке. Никакого намека на силу, которая исходила от ключа Элиара и даже под тройным слоем заклятий сияла так, что было больно глазам.

— На, вымогатель, — пробурчала Гончая, протягивая Таррэну свое сокровище. — Продаю, можно сказать, за бесценок, потому что твоя шкура этого не стоит. Но я соглашаюсь на эту наглую обдираловку только потому, что слишком давно охочусь за такой редкостью. Вот. Цени мою доброту и гордись теперь до самой смерти!

Никто не успел ни удивиться, ни возмущенно фыркнуть, а Белка уже сжала побрякушку в кулачке и с тихим хрустом раздавила, заставив слой глины осыпаться невесомым прахом. Но когда разжала пальцы...

У эльфов непроизвольно вырвалось восхищенное ругательство: это действительно был ключ. Положенный по статусу светлому владыке, но волею судьбы оказавшийся на хранении у смертных. И он лежал на ее маленькой ладошке, но не лучился магией, будто был абсолютно пуст.

Таррэн с понимающей улыбкой взял последний кусочек ключа и благодарно кивнул. Значит, все-таки верит. Признала его. Проверяла всю дорогу, испытывала, изучала. Но, видно, нашла в нем не только плохое, да еще и простила сходство со своим палачом. И это был самый дорогой, самый желанный подарок за его почти пятисотлетнюю жизнь.

Едва заветный ключик покинул хозяйку и отдалился на один невероятный трудный шаг, на который потребовалось почти все мужество

темного эльфа, все загадки и недоговоренности исчезли сами собой. Ведь на Белку не действовала наведенная магия — это они уже знали. Но рядом с ней также становились неактивными многие волшебные плетения, что и позволило ей безнаказанно пронести через половину Интариса драгоценный артефакт, ни разу не дав никому ни единого шанса догадаться, что он все это время был поблизости. Стоило только руку протянуть.

— Спасибо, — тихо сказал Таррэн, не имея сил оторвать взгляд от мягко мерцающих глаз Гончей.

«За все спасибо, Белка. За то, что поверила, не убила. Сдержалась. За то, что терпела и сохранила мне жизнь, хотя совсем не обязана была этого делать. За то, что простила, наконец. Для меня это важно».

— Иди уж, ушастый, — хмыкнула она. — У тебя еще много работы.

Он молча кивнул и быстрым шагом направился к воротам. С громко бьющимся сердцем остановился в десяти шагах от входа, нашел геометрический центр образованного пирамидами треугольника. Коротко поклонился, как младший — старшему. Затем припал на одно колено и, молниеносно выхватив нож, стряхнул несколько капелек из порезанного запястья на белые кости. Потом осторожно выложил обе части ключа, выудил из-под рубахи еще одну. Последнюю. Ту, которую так долго носил под самым сердцем и которая много веков до этого хранилась в сокровищнице Темного леса. Умело совместил все три, скрепив между собой беззвучно произнесенным заклятием. Терпеливо дождался третьего удара сердца. Раскупорил доставленную от гномов колбу и уронил крохотную алую капельку чужой крови на единый ключ.

Тот мягко вспыхнул и охотно втянул в себя подношение.

— Элиар, теперь ты.

Светлый обнажил запястье и быстро резанул, после чего капнул кровью на ключ, заставив золотой узор снова загореться. Таррэн благодарно кивнул, беззвучно продолжая шептать слова древнего наговора, и закрепил результат последней каплей крови — своей собственной.

Вот и все. Теперь ключ активен и его можно использовать. Три главные расы Лиары отдали свое главное сокровище, подарив древнему артефакту невиданную силу.

— Рыжий, Ирбис, Молот... ваша очередь.

Воины молча приблизились, покорно позволив уколоть себе пальцы, и от их крови ключ засиял еще ярче. Только сияние это стало гораздо спокойнее, чище и... ровнее, что ли?

Темный медленно поднялся с колен, держа в руке идеально правильный треугольник, пылающий сплавленной воедино мощью трех

сильнейших магов этого мира. Снова поклонился вратам и подошел к пасти костяного «дракона», у которого снова полыхнули глаза. Он мгновение помедлил, застыв между гигантскими «зубами» врат, быстро обернулся, безошибочно найдя глазами один-единственный взгляд, который был для него сейчас важен. Улыбнулся и поднес лучащийся ярким светом ключ к выбитому на костях изображению родового ясеня.

«Я пришел к тебе, моя судьба. Хорошая или плохая, но с этого момента я принадлежу лишь тебе. Всем телом. Мыслями. Моим сердцем и той частью души, что пойдет вместе со мной дальше. Лишь одного я тебе не отдам, только одного не смогу доверить, потому что вторая часть меня навсегда останется здесь, наверху, рядом с Гончей, которая когда-то сумела ее разбудить. Прощай, малыш», — подумал Таррэн, поднося ключ к вратам. В тот же миг левую половину груди эльфа ожгло, как огнем. По руке, сжавшей артефакт, прошла болезненная судорога. Площадку перед вратами осветило как днем, потому что ключ неожиданно ярко полыхнул, заставив всех присутствующих непроизвольно зажмуриться...

А потом угас так же внезапно, как и загорелся.

Когда Урантар смог открыть слезящиеся глаза, разрозненные пластины ключа лежали возле врат, развеивая прежние легенды о том, что ключ с помощью портала переправлял смертник. Гигантский «дракон» снова смежил костяные веки. Светлые судорожно хватали ртами тяжелый воздух, к которому примешивался едкий запах гари. Рыжий ошалело тряс головой, остальные только-только промаргивались, а Таррэн...

Темный эльф бесследно исчез, оставив после себя две выжженных дочерна проплешины от сапог, легкий аромат грозы, неуловимый привкус древней магии. А еще — прокопченные и дымящиеся ножны, в которых сиротливо торчали рукояти невероятно ценных родовых мечей.

— Теперь осталось только ждать, — внезапно охрипшим голосом сказал воевода, поворачиваясь к остальным и мысленно желая остроухому удачи. Ненадолго задумался о том, что без него на кордоне их наверняка примут не слишком приветливо. Затем взглянул на молчаливых Гончих, собираясь дать отмашку, и вдруг непонимающе замер. После чего обшарил глазами знакомые, одетые исключительно в черное фигуры, еще раз пересчитал присутствующих, проигнорировал вопросительные взгляды светлых и, стремительно холодея от страшной мысли, неслышно прошептал:

— Белик?

ГЛАВА 13

Таррэн вздрогнул и открыл глаза, пытаясь сообразить, что именно случилось и почему он лежит на холодном полу.

Нет, то, что он был жив и вполне здоров, весьма неплохо. Руки-ноги шевелились и никаких новых ран на теле не появилось. Но голова была совершенно пустой. Память словно подернута туманной дымкой. Смутно помнилось о доме, о роде, о предательстве брата, посмеявшего поднять на него руку. О гневных речах старейшин, с досадой воспринявших провал двухвековой давности. Почему-то привиделись уставшие глаза отца, когда под сенью родового ясеня впервые за много тысячелетий прозвучали слова отречения. Затем — изгнание. Длинная вереница незнакомых лиц, бесконечные ленты дорог, грязные улицы, десятки и сотни сражений, из которых он не всегда выходил победителем...

Темный эльф машинально коснулся груди и мгновенно понял, что больше не является хранителем: ключ, без спроса взятый два века назад из сокровищницы владыки, бесследно исчез. Остался где-то там, среди древних костей и мертвого праха. Вместе со светлыми, Стражами и смертными, которые даже не подозревали, зачем были нужны.

Гм, а ведь они не знают того, что Яма на самом деле отнюдь не пуста. И что с наступлением темноты древние призраки оживают, никому не давая ходу в сердце Проклятого леса. Так что если человечки хотят дожить до рассвета, им придется покинуть лес до того, как их накроет темнота. Впрочем, кажется, там был кто-то еще. Кто-то важный. Не эльф, не гном и... вроде не совсем человек? Таррэн не помнил, но чувствовал, что это имеет какое-то значение.

Таррэн неожиданно нахмурился.

«В чем дело? Почему я не помню всего? То, почему покинул род, еще кое-как вспоминается, дорога до Проклятого леса видится урывками, а все остальное как в бездонном омуте утонуло. Чужие лица — словно отражения в воде, все время меняются, не задерживаясь ни на миг в памяти. Но среди них без конца мелькают странно знакомые глаза. Зеленые глаза, которые я уже где-то видел! Бесконечно глубокие, манящие, изумрудные. Нет, они уже голубые, и от них сладко замирает сердце... Белка!» — новая мысль пронзила его, как молния, заставив вздрогнуть всем телом и до скрипа сжать зубы.

Эта мысль принесла с собой боль, грызущее чувство вины, сомнения,

но зато вернула в реальность. Эльф припомнил последние недели своей странной жизни, переворочил недавние события, которые будто специально спрятал от него кто-то могучий и равнодушный. С некоторым трудом назвал про себя имена других своих спутников. Убедился, что память больше не подводит, и окончательно встряхнулся.

«Так, где это я? Последнее, что помню, — это ключ и горящие глаза дракона... Торк! Да ведь я вошел!» — Таррэн живо вскочил на ноги. Немного постоял, давая глазам возможность привыкнуть к темноте, и быстро убедился, что магия Лабиринта перенесла его в небольшой зал.

Он был один, в кромешной тьме и без оружия. Магия даже содрала подаренную Седым кольчугу из чешуи огненной саламандры. Иными словами, он оказался абсолютно беззащитен и крайне уязвим. Темный эльф еще раз проверил карманы куртки, но все было верно: там не осталось даже гвоздя. С волос исчезла повязка, куда он самолично вшил тончайшую нить из гномьей стали, которой было удобно разрезать оковы, чужие шеи и легкие доспехи. Кажется, владыка Изиар заранее позаботился, чтобы его потомки не могли уклониться от возложенной на них задачи. Или это тоже одно из испытаний?

Он осторожно создал светящийся шарик, после чего окончательно уверился в том, что оказался заперт в склепе с глухими стенами и угрожающе низким потолком. Ни дверей, ни окон, ни намек на выход. Пол гладкий, словно отполированный. Мусора нет. Мебели — тем более. Ни единого значка, который подсказал бы, куда идти. Причем второе зрение, как назло, упорно твердило, что выхода тут не только никогда не было, но его даже не планировали при застройке.

Таррэн тряхнул головой и обошел странное помещение по кругу, где касаясь пальцами прохладного камня, где ненадолго задерживаясь. В одном месте даже присел на корточки, но снова — ничего. Ни запаха, ни дуновения ветерка, ни щелки. Везде — издевательски ровная и монолитная стена, которая с каждой минутой ощутимо давила на нервы. Да еще и показалось, что потолок немного опустился. Такого, конечно, не могло быть, однако эльф удвоил осторожность.

Проходя третий по счету круг, Таррэн поймал себя на мысли, что теряет драгоценное время, которого у его бывших товарищей осталось не так уж много: всего два дня, чтобы вернуться на заставу до того, как Проклятый лес очнется от навязанного хозяином покоя. Им незачем больше ждать у входа в Яму: ключ сработал, можно возвращаться обратно. Но если этот, с позволения сказать, «хозяин» погибнет раньше, чем сделает то, что нужно, на отряд нападут сразу, и, значит, Стражей ждет весьма неприятная

прогулка домой.

«С этим надо что-то делать, — мрачно подумал эльф, в очередной раз чиркнув макушкой по сухому камню. — Кажется, потолок и в самом деле опускается. Или поднимается пол? А если я проторчу тут еще час...»

Он вдруг почувствовал, что злится. Вернее, начинает впадать в тихое бешенство, потому что приперся сюда, как овца на заклание, позволил впихнуть себя в этот каменный гроб, бросил друзей, отказался от самого дорогого, что только было. Оставил Белку рядом с озабоченным Элиаром и целой толпой неприкаянных мужиков. А теперь топчется, как болван, на одном месте и не может найти какой-то дурацкий выход!

Зеленые глаза эльфа вспыхнули огнем и зло уставились прямо перед собой, словно пытаясь взглядом развалить проклятую стену по камешку. Какая разница, куда, в конце-то концов, идти?! Тут все равно одна дорога — в сердце Лабиринта!

Наследник Изиара хищно прищурился и выбросил вперед правую руку, уже объятую зеленоватым пламенем от плеча до кончиков изящных пальцев.

— Прочь! — рявкнул он, чувствуя, что еще немного, и просто взорвется от злости. А затем в каком-то наитии стряхнул на пол оставшиеся на запястье после ритуала капельки крови. — Тарте! Илле вао дирре! Тартурро!

Лабиринт задрожал до основания, когда его коснулась кровь темного мага, и поспешно открыл широкий проход. Мол, чего ругаться? Только и надо было, что подтвердить свое право. Зачем стены-то трясти и ломать внешнюю защиту? Милости просим...

Восточная стена с тихим шипением подалась в сторону.

Таррэн с нескрываемым подозрением уставился на зияющий коридор. Он был один, идеально прямой, вырубленный прямо в камне, с ровными плитами под ногами и все тем же низким потолком, вызывающим дискомфорт. Ни пылинки, ни грязи. Неужели ловушка?

— Иди, — вдруг прошептал Лабиринт и послушно подсветил дорогу несколькими десятками желтых огоньков. — Ты узнан и принят. Иди дальше.

Темный эльф, поколебавшись, загасил свой магический светильник и очень осторожно ступил внутрь, каждый миг ожидая подвоха. Но ничего не изменилось вокруг: потолок не рухнул, пол не провалился, ниоткуда не вылетело атакующее заклятие и даже ядом в воздухе не запахло. Все указывало на то, что Лабиринт действительно не станет мешать. А когда появилось чувство направления, эльф на мгновение замер и неверяще

вскинул голову.

Это ведь тот же самый зов, как и в Проклятом лесу, только гораздо сильнее, будто источник совсем рядом! И он ждал. Звал. Настойчиво манил к себе, подсказывая, куда идти, и обещая, что не позволит заблудиться, поможет, подскажет, где свернуть и где надо опасаться ловушек. Он проведет. Просто потому, что амулет Изиара должен подпитаться в последний, девятый раз, чтобы утомительная история завершилась.

Таррэн слегка расслабился и уверенно пошел на зов, не обратив внимания, что стена за его спиной бесшумно встала на место. Он больше не думал — просто шел, торопясь покончить с делами как можно скорее. Даже когда коридор впереди разветвился на несколько совершенно одинаковых тоннелей, эльф не остановился и не замедлился: без колебания вступил в средний, послушно следуя за неслышным шепотом в голове.

Таррэн не знал, сколько таких развилок будет на его пути. Не знал, что грозит оступившимся и тем идиотам, что рискнули бы свернуть в сторону. Вполне возможно, Лабиринт сам защищал себя от непрошенных гостей.

Темный эльф вступил в еще один зал — точную копию того, из которого недавно выбрался, — и нахмурился. С неудовольствием проводил глазами закрывающийся за спиной проход, оглядел громоздящийся со всех сторон камень, но не обеспокоился. Лишь с каким-то равнодушием подумал, что, похоже, ему еще не раз придется доказывать свою принадлежность к древнему роду Л'аэртэ, а то и полить собственной кровью всю дорогу к проклятому амулету.

Поморщившись, Таррэн царапнул ногтями запястье и мысленно ругнулся на отсутствие хотя бы ножа. Уронил несколько алых капелек на стену, подождал пару секунд и уверенно шагнул в бесшумно открывшийся проем, за которым темнел уже знакомый коридор. Судя по всему, Изиар не хотел, чтобы к амулету пробрались посторонние. Особенно те, у кого хватило бы ума запасть кровью его наследника в колбочках, как Танарис недавно проделал с наследником подгорного трона. Пройдет лишь тот, кто почувствует зов, но таких почти не осталось.

«Замечательно, — мрачно подумал Таррэн. — Если так пойдет дальше, меня выцедят до последней капли, как жертвенного агнца, и я буду не в состоянии вернуться. Сколько тут таких дверей? А сколько будет ловушек? А залы стихий, где, если верить хроникам, тоже предстоит постараться? А сколько потом придется потратить на амулет? Пожалуй, Литур прав — одного эльфа тут может не хватить. Но, наверное, в этом и есть разгадка — требуется слишком много нашей крови, и поэтому никто из моих предшественников не сумел выжить».

Эльф вступил в еще один круглый зал. Отсюда было целых три выхода — на восток, север и юг. Четвертый (тот, из которого он только что появился) мгновенно закрылся, отрезая путь к отступлению, зато три других озарились светом факелов и приветливо мигнули, словно приглашая войти.

«Ну слава владыке. А то я уж думал, придется снова царапать руку!»

Таррэн сверился с внутренним компасом и без колебаний повернул к северному коридору. Он уже почти пересек зал, как вдруг его второе сердце нервно затрепетало и глухо стукнуло. Эльф вздрогнул и застыл на месте как вкопанный. В груди снова что-то болезненно сжалось, заныло, будто предупреждая о чем-то, а затем сердце и вовсе зашло в диком галопе. Так, как всегда делало в моменты нешуточной опасности. А еще тогда, когда рядом была Белка.

Белка...

Таррэн с огромным трудом заставил себя не думать о ней. Все пройдено, все в прошлом. Для нее это была всего лишь работа, а он — всего лишь достойный противник, с которым было интересно поиграть. Но теперь ее клятва исполнена. Все мосты сожжены. Ничего не осталось, кроме долга, тоски и проклятой памяти, в которой каждую минуту всплывает ее лицо. Но почему же тогда стало так тревожно? И почему сердце буквально кричит, что умрет, если эльф сделает хотя бы шаг в сторону?

Таррэн тяжело вздохнул, пытаясь успокоиться, но мудрое сердце не желало слушать голос разума. Оно билось, рыдало и с неистовой силой тянуло его прочь — в сторону восточного тоннеля, где хозяйина наверняка поджидала смерть. А когда он упрямо качнулся на север, зов в ушах почти пропал, и темный с обреченным стоном остановился.

«Проклятье! Да что ж такое?! Что я делаю?!»

Он мысленно выругался, с каждой секундой чувствуя, как утекает бесценное время, но, не в силах сражаться с самим собой, все же двинулся на восток. Он сделал ровно двадцать три шага, прежде чем наткнулся на поворот. Бьющий оттуда приглушенный свет был ярче, чем в оставленном зале. А потому эльф ненадолго замер, прислушиваясь к себе и к тревожно бьющемуся сердцу. В последний раз вздохнул и осторожно выглянул за угол.

Первое, во что уткнулся его настороженный взгляд, — отлитая из черной бронзы статуя огромного дракона, свернувшегося кольцом вокруг могучего ясеня. Льющийся прямо из стен мягкий свет красиво играл на выточенных из металла чешуйках и отражался в незрячих глазах, которые

заменяли два на удивление крупных изумруда. Дракон казался абсолютно живым, исполненным странной мощи и величия. Так же как и могучее дерево, чьи листья неслышно подрагивали, словно от дуновения несуществующего ветерка. Сам ясень был точной копией виденного в «месте мира» гиганта, только еще массивнее и старше. А у его подножия, как раз возле опущенной драконьей морды, возвышался алтарь из белоснежного камня, на котором лежало бездыханное тело.

Таррэн сперва подумал, что видит мираж. Затем — что скульптура из бронзы была специально задумана так, чтобы поражать воображение. После чего решил, что это — хитроумная ловушка, где можно расстаться с жизнью во имя чего-то непонятного, но поистине страшного. Однако затем сердце снова зашло в бешеном галопе, и эльф неохотно шагнул внутрь. На нетвердых ногах приблизился к алтарю и невольно сглотнул, попав под невидящий взгляд гигантского дракона. А затем подошел почти вплотную, всей кожей ощущая неимоверную мощь бронзового исполина. После чего осторожно посмотрел вниз, на свернувшийся клубком силуэт, показавшийся ему сначала изваянным в камне, и снова вздрогнул, поняв, что смертельно ошибся.

— Нет, — сами собой шепнули губы, когда глаза наконец осознали, что именно видят. — Нет, такого не должно было! Это неправильно!

Таррэн словно окаменел, неверяще уставившись на тело, укрытое диковинным доспехом. На изящные кисти, беспомощно прижатые к груди. Густую копну каштановых волос, откинутый на спину чешуйчатый капюшон, который и ввел его в заблуждение... Белка лежала, сжавшись в комок, будто пыталась защититься от чего-то неведомого. Маленькая, безоружная, невероятно бледная. Она свернулась калачиком и, словно готовая к закланию жертва, терпеливо ждала, пока дракон соизволит разинуть пасть и подцепить ее на острые зубы.

А еще она не дышала.

— Нет! — простонал эльф, в мгновение ока сообразив, почему Лабиринт привел ее внутрь. Кровь Изиара. Проклятая кровь его проклятого рода, которой когда-то так щедро обмыли ее раны. — Ты не можешь ее забрать! Белка!

У него потемнело в глазах: находиться внутри подземелья мог лишь прямой потомок Изиара, тогда как остальным грозила неминуемая смерть. Или безумие, что немногим лучше. Но Белка не была эльфом! И она погибла... погибла еще при переходе! Из-за урода, по какому-то недоразумению считавшегося его братом, потому что человеку, пусть даже Гончей, ни за что не выдержать силы древнего Лабиринта!

Таррэн пошатнулся, не чувствуя под ногами опоры.

А она неожиданно вздохнула — тихо, почти неслышно, как дуновение летнего ветерка. Но эльф все равно различил и в безумной надежде упал возле алтаря на колени, бережно разворачивая к себе мертвенно-бледное лицо и старательно вглядываясь в знакомые черты.

Да, это была она — никакой ошибки. Слабая, измученная переходом, в который их затащило одновременно. Но живая. Таррэн через несколько гулких ударов сердца все же сумел уловить еще один легкий вздох и наконец вспомнил сам, как дышать. После чего посветлел лицом и измученно прижался холодным лбом к равнодушному камню.

Эльф с болью взглянул в ее лицо и очень бережно поднял на руки, стараясь не притронуться к коже. Промелькнула наваянная кем-то посторонним подленькая мысль, что здесь, на алтаре основателя рода, можно снискать благосклонность его покровителя — дракона, осеняющего крыльями этот несовершенный мир. Стоит отдать ему одну ненужную жизнь и попросить о милости, как Лабиринт безумия будет уже не страшен, а Лиара падет к ногам...

Таррэн упрямо прижал к себе Белку.

«Держись, малыш, только держись!» — Он быстро развернулся и почти бегом бросился вон, спиной ощущая недобрый взгляд дракона, у которого выкрали долгожданную жертву. Слегка взмок, когда послышался неясный шорох и невнятный шум, до ужаса напомнивший шелест крыльев. Но эльф не стал оборачиваться. Только ускорил шаг и быстрее молнии метнулся в сторону подозрительно быстро сужающегося выхода.

Второе сердце предупреждающе дрогнуло: бегом, хозяин, только бегом, да поскорее; пока не случилось нехорошее.

В этот момент за спиной раздался скрежет когтей по камню, и Таррэн судорожно сглотнул. Кажется, там действительно шевелилось что-то живое! Но смотреть он снова не стал: в старых хрониках упоминалось, что взгляд разгневанного дракона способен обращать в камень. А эльфу не хотелось умирать именно сейчас и именно так: вместе с измученной девушкой, которую еще можно было спасти.

Таррэн стремглав вылетел из тоннеля, в последний миг чудом втиснувшись в дверь и ободрав себе бока о края медленно смыкающихся створок. Еще быстрее проскочил знакомый зал с тремя выходами, которые тоже показались ему ненормально узкими, громадным прыжком скакнул к северному, уже чувствуя на коже жаркое дыхание массивного зверя, услышал отвратительный скрежет ломаемых перегородок, напрягся и... едва не взвыл от ударившей в спину струи жидкого огня.

Мудрое сердце в последний момент предупредило об опасности и заставило отпрыгнуть в сторону. Лишь поэтому извергнутый из пасти статуи огонь не спалил наглеца на месте. Только сапоги слегка поджег, спину подогрел да укоротил его роскошную шевелюру.

Новая волна почти настигла эльфа тогда, когда желанный северный проход начал неумолимо закрываться. Таррэн, уже не сдерживаясь, выругался вслух и гигантским прыжком достиг стремительно сужающейся щели, создавая по дороге самый мощный из пришедших на ум щитов. Затем перехватил Гончую поудобнее, оттолкнулся ногами и, едва успев миновать третью волну огня, рыбкой влетел в узкий каменный мешок. При падении сильно ударился плечом, до крови ободрал бедро, здорово приложился скулой о стену и заполучил нескромную дыру на штанах. Но бесценную ношу не выпустил — так и рухнул на прохладный камень, прижимая ее к себе, защищая от всего остального мира и судорожно хватая ртом горячий воздух.

В крохотную щелку в стене жадно сунулось алое пламя, но до беглецов не достало. До тяжело дышащего эльфа донесся мощный удар, будто кто-то огромный раздраженно ломился сквозь камень, затем — глухое ворчание, больше похожее на стон потревоженной горы. Снова мерзко царапнули пол громадные когти, после чего донесся звук удаляющихся шагов и наконец все стихло.

Таррэн измученно перекатился на бок и, опустив драгоценную ношу на пол, осторожно убрал руки. Белка так и не пришла в себя, зато заметно порозовела, задышала чаще. И окончательно расслабилась, перестав походить на выкованную из металла статую. Сейчас она была живой, теплой, настоящей. Ее лицо утратило жесткость, губы дрогнули в мягкой улыбке, а маленький нос глубоко зарылся в дымящуюся куртку эльфа, жадно вдыхая его запах. Она едва не мурлыкала, прижимаясь щекой к горячей и влажной рубашке — как раз напротив его громко бьющегося сердца. А пальцами доверчиво ухватилась за оплывший от жара ворот куртки и явно не собиралась выпускать.

— Бел? — неуверенно позвал Таррэн, но Гончая не ответила.

Тогда он так же осторожно сел, крепко обнял ее и, прислонившись спиной к подкопченной стене, устало прикрыл глаза.

Боги, что же теперь делать? Лабиринт едва не убил ее на переходе, чуть не поджарил их обоих. А если так пойдет и дальше, может совсем воспротивиться, и тогда дорогу к амулету придется искать самим, действовать методом проб и ошибок, а значит — терять драгоценное время, которого и так осталось немного.

Эльф жутковато скрипнул зубами.

«Что ж, значит, теперь мне придется извернуться и каким-то образом сделать так, чтобы убереечь Белку и вернуть ее обратно, к свету. Не знаю, как. Не знаю смогу ли. Тем более не знаю, чего это будет стоить, но я сделаю все, что в моих силах! Если мы выживем, я найду способ избавить тебя от этого проклятия, малыш. А если меня не станет, то это будет означать лишь одно: нашему роду пора исчезнуть с Лиары. Значит, ты была во всем права и наше время закончилось. В Темном лесу настанет время сменить династию, а мое место займет кто-то из оставшихся хранителей. Пусть не таких сильных, как мы, но у них хватит могущества, чтобы в следующее тысячелетие не оставить Лиару без очередного смертника».

Темный эльф еще раз взглянул в лицо той, которая никогда не станет его парой, подавил тяжелый вздох и повернулся в сторону зияющего пустотой коридора.

Что ж, пора. Зов, как ни странно, вернулся, будто Лабиринт решил не упорствовать, да еще и усилился, будто поторапливал и при этом молча говорил: «Это твой выбор, я не вправе вмешиваться».

— Я выбрал, — беззвучно шепнул в ответ Таррэн. И, поднявшись с пола, шагнул под неярко сияние загоревшихся под потолком светлячков.

ГЛАВА 14

— Какого Торка? — простонала Белка, открывая глаза. — Какая сволочь с такой силой треснула меня по башке?!

Она неуверенно села и, обхватив руками виски, зажмурилась, прогоняя немилосердную боль. А когда открыла глаза и внимательно изучила каменные стены, гладкий пол под собой, мягкое свечение магических огоньков, то резко переменялась в лице. Таррэн же мысленно порадовался, что пару минут назад внял предупреждению своего мудрого сердца и опустил ее на пол, а сам отошел к противоположной стене и ждал взрыва уже оттуда.

Пронзительные голубые глаза, безошибочно отыскав его в темноте, недобро загорелись.

— Как себя чувствуешь? — с некоторой опаской спросил эльф, следя за тем, как стремительно каменеет ее лицо, как появляются жесткие складки в уголках рта, а во взгляде проступает оценивающее выражение. Мол, зашибить тебя сразу или сперва позволить все объяснить?

— Паршиво я себя чувствую, — процедила Белка, нашаривая возле себя ножны. Однако искомого предмета не обнаружила и помрачнела. Затем коснулась обтянутого змеиной кожей плеча и внезапно поняла, что из всей одежды на ней остался лишь треклятый доспех. Ни куртки, ни перчаток, ни мягких кожаных штанов... Она подчеркнуто внимательно оглядела невысокий потолок, больше похожий на могильную плиту, коснулась ладонью камня под собой. А когда снова подняла голову и взглянула на замершего в нескольких шагах эльфа, тот мгновенно сообразил: сейчас его будут убивать.

— Где моя одежда? — процедила Гончая, сузив бешено вспыхнувшие глаза.

Он постарался выглядеть спокойным, чтобы не спровоцировать ее знаменитый бросок, после которого выживали единицы.

— Тебя перебросило уже в таком виде. Оружие здесь запрещено: мечи, ножи, копья, луки, даже заточки и простые гвозди остались наверху. Мою кольчугу испарило при переходе. Твоя, слава богам, уцелела, но, боюсь, нам придется обходиться своими силами.

— И давно я нахожусь в таком виде?

— Порядочно.

Белка сжала челюсти. Машинально провела рукой по животу, проверяя

целостность крохотных заклепок, а сама неотрывно следила за неподвижным нелюдем: Таррэн не сделал попытки подняться с пола, не пошевелился и, кажется, почти не дышал. Заклепки, как выяснилось, не трогал. Даже не попытался расстегнуть, потому что помнил предупреждение старой Греты и слишком хорошо знал, на что способна разъяренная Гончая. Он и сейчас мудро остался сидеть там, где сидел, и лишь неотрывно следил за спутницей, надеясь, что разорванное единение с хмерой позволит ей отстраниться от эмоций и правильно расценить факты.

— Вот, значит, как? — ядовито повторила Белка, перестав себя ощупывать и подобравшись, как перед прыжком. — Судя по тому что я снова вижу твою наглую рожу и тому, что мы заперты в каком-то Торковом подземелье, Лабиринт все-таки почуял во мне твоего братца?

— Похоже на то, — осторожно кивнул Таррэн.

— И его же стараниями меня перебросило сюда просто потому, что зеленоглазый урод имел наглость смешать нашу кровь?!

— Думаю, да.

— Значит, этим Торковым камням наплевать, что я не эльф?! Что я не мужчина и вовсе не потомок Изииара?! Что я вовсе не собиралась сюда лезть и не горю желанием осматривать местные достопримечательности?!

— Мне жаль. Но меня тоже не спрашивали, хочу ли я иметь компанию.

— Проклятье! — тихо взвыла Гончая и обхватила голову руками.

Она на несколько мгновений замерла, уткнув лицо в колени. Сжалась в комок, тяжело дыша и едва сдерживаясь, чтобы не обложить проклятого нелюдя, припомнив всех родственников вплоть до самого Изииара, а затем неожиданно ровно спросила:

— Выхода конечно же нет?

— Нет, — слегка успокоился Таррэн. — В наших хрониках говорится, что нам надо войти в залы забвения. Даже есть указания на имеющийся там портал, но куда он выведет, я не знаю. И что ждет нас в тех залах — тоже.

— А если попробовать обратно?

Эльф невесело улыбнулся.

— У нас нет обратной дороги: Лабиринт не позволит нам уйти.

— Иными словами, нас замуровали, — мрачно констатировала Гончая, медленно поднимая голову.

Таррэн взглянул в ее большие глаза и виновато опустил голову.

— Ты знаешь дорогу? — вдруг сухо осведомилась Белка, резким движением поднявшись. Эльф снова кивнул. — Тогда чего расселся? Я не собираюсь торчать тут целую вечность, ожидая конца света! Если можно двигаться вперед, значит, придется топтать до потери пульса, потому что у

меня нет никакого желания задерживаться в этой клоаке. Полагаю, и ты не особо рвешься помирать в этом склепе. Так что вставай и пошли.

Он опустил сведенные плечи. Кажется, поняла? Кажется, сумела сложить факты и справилась со своим отчаянием? Мало веселого в том, чтобы совершенно неожиданно очутиться в самом центре Ямы, в катакомбах, полностью зависимой от ушастого. Но она сдержала первый порыв и даже не стала убивать с ходу. Хотя наверняка ей хотелось.

— Ты остаешься здесь? — холодно осведомилась Гончая, заметив, что эльф не торопится покидать насиженное место.

Таррэн молча поднялся и почти с облегчением отвернулся. Этот проклятый доспех делал его ноги ватными и заставлял сердце биться быстрее. Нескромные холмики ее груди притягивали взгляд как магнитом, от вида стройных бедер перехватывало дыхание, да и двигалась она так, что впору сойти с ума. Но из-за спины, на ходу, не больно-то посмотришь.

Таррэн поправил обгорелую куртку и первым двинулся по заботливо освещенному тоннелю, глядя перед собой и старательно не замечая ее волнующей близости. Особенно того, что Гончая, как специально, пристроилась рядом с ним и как никогда одуряюще пахла эльфийским медом.

— Сколько у нас времени? — напряженно спросила Белка на ходу.

— До следующего полудня мы должны найти амулет. Если не сумеем, Лабиринт убьет нас обоих.

— А ребята?

— Им лучше покинуть Яму, — отозвался Таррэн, не поворачивая головы. — Там опасно находиться после заката. И станет еще опаснее, если мы не справимся.

— Нам с Траш тоже не понравилось это кладбище. Все время кажется, что ты там не один. Не волнуйся, я предупредила Дядько, он уведет людей.

— А Траш?

Белка неожиданно приотстала.

— Не знаю, — наконец тихо ответила она. — Отсюда я совсем ее не чувствую. И Карраша тоже... а ты?

— Нет, — неохотно отозвался эльф. — Я вообще ничего не чувствую, кроме амулета. Он как маяк, по которому мы найдем дорогу в залы забвения.

— А сколько идти?

— Не знаю. Могу определить только примерное направление. Если хроники не врут, Лабиринт похож на гигантскую спираль, уходящую на огромную глубину. Как винтовая лестница в Нижний мир, где нас ждут

девять витков — по числу ветвей древнего рода Изиара...

— Любите вы девятку!

— Да. Это хорошее число, — согласился эльф. — Девять родов правящего дома — основной и второстепенные. Девять ступеней познания для хранителей. Девять кругов жизни, после прохождения которых можно возродиться в том же теле, в каком умер... Легенда, конечно, но все остальное — чистая правда. Вот и здесь — девять витков, на каждом из которых нас ждет испытание.

— Какое еще испытание? — насторожилась Белка. — И что за витки?

— Первый — смирение: готовность отдать свою жизнь за жизнь нашего мира. Второй — решимость. Желание идти до конца, чем бы ни грозил тебе выбранный путь. Третий — стойкость, особенно если ты остался без воды и пищи, оружия и защиты, надежного плеча... Кстати, мы их почти прошли.

— Как это?! — Гончая аж подпрыгнула на месте и, забывшись, загородила ему дорогу. — А ну, стоять! Что еще за фокусы? С чего ты решил, что мы их прошли?! Что-то я ничего такого не помню...

Таррэн неловко отвел взгляд.

— Смирение проверяется у входа в Лабиринт. Ключом, если ты понимаешь, о чем я. Нужно быть готовым ранить себя и самому шагнуть на верную гибель. Ты не знала, что в обычных условиях соединенная кровь магов трех разумных рас приводит к возмущению магического поля?

Белка непонимающе вскинула голову, заставив его снова вздрогнуть.

— Так ты что... мог помереть еще на входе?!

— Мог, — тихо признался эльф. — Если бы рядом не было смертных, чья кровь, по иронии судьбы, сдерживает нашу объединенную мощь. Забавно, что вам дана такая сила. Не гномам, не троллям, не гоблинам, а именно людям. Рыжий зря ворчал и дулся на моих предков: вы — четвертая раса, которая по праву пришла в этот мир на исходе эпохи расовых войн. И вы — тот сдерживающий камешек, что удерживает Лиару от новой катастрофы. Ключ с кровью эльфов и гномов был нестабильным, я придал ему такую силу, что с ней можно было бы уничтожить половину мира. Но смертные уравнивали ее, их кровь забрала часть этой мощи, поэтому все так, как должно быть.

— И ты все время это знал?!

— Догадывался, — кротко произнес Таррэн. — Меня хорошо обучали. В том числе и тому, как усмирить магию ожившего ключа.

— То есть если бы ты захотел... — дрогнувшим голосом уточнила Белка, — если бы попытался использовать его...

— Меня разорвало бы на месте, — так же спокойно закончил эльф. — В свое время Изиару потребовалось два десятка могущественнейших магов, чтобы управиться с амулетом, да и то пришлось разделить артефакт на три части, чтобы хоть как-то усмирить эту мощь. А я не настолько силен, чтобы справиться в одиночку. И не настолько горд, чтобы не понимать разницы в классе. В этом и есть урок смирения.

— Ладно. А второй круг?

— Со вторым оказалось сложнее, — неожиданно признался он. — Не знаю, почему тебя приняли за эльфа, а частичку нашей крови в твоём теле посчитали достаточной... но нас с тобой выбросило по разные стороны от врат. Ты потеряла сознание. Я тоже, но пришел в себя чуть раньше в темном склепе без единой двери. Я проверил не раз — выхода не было, попробовал магией, обращался к Лабиринту, требуя открыть дверь... короче, наделал глупостей.

— Ты?! — удивилась Гончая, внимательно изучая его смущенное лицо.

Эльф только кивнул, но в глаза ей смотреть поостерегся.

— Я же не идеален.

— Гм, — странно кашлянула она. — И как же ты выбрался?

— Просто разозлился. И обратился к силе Изиара, которая и оказалась тем ключом, что открывает здесь любые дороги.

— Значит, из-за его силы меня и притащили в этот клоповник?

— Верно.

— А ты, значит, отыскал?

— Да, — неожиданно стал немногословным Таррэн, но, к его облегчению, Гончая больше не стала выпытывать подробности. — Решимость идти до конца позволила мне найти выход из первой ловушки, а потом позволила найти тебя. Третий круг — стойкость, и она началась...

— Не продолжай, — странно покосилась Белка. — Кажется, теперь я начинаю понимать, каким образом оказалась здесь. Думается, тот оживший дракон мне вовсе не приснился, а шагающее на корнях дерево не плод больного воображения, перегруженного впечатлениями от перехода. Я права? Чего глаза опускаешь? Ты меня оттуда вытащил?

Темный эльф заметно напрягся: ну вот, кажется, сейчас что-то будет.

— Да брось, — небрежно отмахнулась она. Вот только глаза оставались колючими, злыми. — Будем считать, что ты вернул мне долг, я тебе за это по гроб жизни благодарна и все такое прочее. В конце концов, сколько можно твою шкуру из дерьма вытаскивать? Надо же и тебе малость поработать на благо общества? Так сказать, ответный благородный жест,

хоть ваше племя на них не слишком-то гораздо. Ладно, расслабься, морду бить не буду за те лапанья, без которых наверняка не обошлось, пока я была в отключке. Спасибо, что под доспех не полез, а то от вашего брата всякого можно ожидать. Что уставился? Одна кровь, одна натура. Да и момент был отличный! И местечко подходящее — тепло, сухо, тихо, как в могиле, а жертва даже не сопротивляется...

Таррэн внутренне сжался. На душе внезапно стало холодно, пусто и на редкость мерзко, словно его только что помоями облили. Белка не только сравнила его с наследником трона, от которого в свое время досыта настрадалась, не только напомнила про ту пытку, но еще и нисколько не усомнилась, что он, Таррэн, сможет превзойти брата в умении презирать смертных. Почти впрямую подлецом назвала, похотливым чудовищем, который не погнушался бы воспользоваться ее слабостью. Решила, что от него можно всякого ждать. В том числе и того, что он набросится на беззащитную и ослабленную девушку, у которой просто не было возможности сопротивляться.

— Пожалуйста, — непривычно сухо отозвался Таррэн и, обогнув насмешливо хмыкнувшую Гончую, пошел вперед.

— Да ради бога, — донеслось ехидное в спину. — Эй, а ты, случаем, не евнух?

Он помрачнел еще больше и ускорил шаг.

Некоторое время шли в тишине. Таррэн старательно давил обиду, мысленно спорил и непроизвольно сжимал челюсти, откуда-то зная, что никогда не ответит тем же. Белка же едва не насвистывала под нос, словно не замечая напряженной спины своего спутника.

Ну что с ней сделаешь? Что скажешь, если она упорно не желает понимать очевидного? Если до сих пор сравнивает его с братом и не хочет видеть ничего, кроме плохого? Вот и сейчас задела. Снова. Да так больно, что хотелось волком выть и царапать когтями землю.

— Слышь, ушастый, ты ничего не чуешь?

— Нет, — устало отозвался Таррэн.

— А тебе не кажется, что воняет горелым?

— Нет.

— Странно. Мне Показалось, у тебя уши уже дымятся.

«Боги, это выше моих сил — без конца разрываться между ней и родом! — Таррэн еще плотнее сомкнул челюсти и лишь огромным усилием сдержался, чтобы не нагрубить в ответ. — Слишком трудно оставаться в стороне, молчать и на что-то надеяться, но и приблизиться тоже невозможно. Белка не подпускает к себе ни на шаг! Больно бьет по еще

кровоточащей ране. Да, она прекрасна. Я бы никого не пожелал видеть рядом и, несмотря ни на что, поклялся, что никогда не причиню ей боли. Но иногда... в редкие моменты, когда Гончая все-таки выводит из себя, готов задушить ее голыми руками».

И она прекрасно об этом знает! Играет на нервах, заставляя то успокоиться, то снова рычать от гнева. То идет на компромиссы, а то становится непримиримой, как свирепая хмера. Но никогда не бывает по-настоящему откровенной. Наверное, она уже никогда не изменится, не забудет прошлого. И каждый раз, каждый миг будет напоминать ему о сходстве с палачом, одновременно заставляя прятать боль. А потом отгораживаться и старательно делать вид, что все это не имеет никакого значения.

— Эй, ты чего? — неожиданно сменила тон Белка. — Надулся, что ли? Эльф раздраженно дернул щекой.

— Ущастии-и-к... Нет, правда? Выходит, я тебя наконец достала и ты действительно сердисься?

Он снова промолчал.

— Да погоди ты! — с досадой нагнала его Гончая и ухватила за рукав, но не вышло — эльф ловко скользнул в сторону, будто заимел еще одну пару глаз на затылке. — И почему вы такие дурные? Я же не это имела... Стой, ты куда? Таррэн!

Белка едва не сплюнула, когда рассерженный эльф ушел далеко вперед. Выругалась про себя, но не рискнула бросить его одного посреди напичканного неведомыми ловушками коридора. Легко нагнала, сперва бежала рядом, ненавязчиво привлекая внимание. В какой-то момент окончательно убедилась, что дело плохо, и, внезапно обогнав остроухого, загородила ему дорогу.

Таррэн качнулся вправо, влево — бесполезно: она уверенно перехватила его на полпути, обдавая умопомрачительным ароматом эльфийского меда. В голубые глаза эльф не смотрел. А остановился только тогда, когда она все-таки достала его бедром, оттеснила назад и властно цапнула его за ладонь. Без перчатки.

Эльф невольно замер, когда волна невероятного жара ураганом прокатилась по венам и с диким грохотом ударила в виски. В ушах отчаянно зазвенело, а все подобранные эпитеты моментально вылетели из головы, будто бы их и не было. Он едва не потерялся. На миг утратил способность слышать, дышать и видеть. И если бы не был так зол, то непременно бы поддался, шагнул навстречу и забыл обо всем остальном — о долге, брате, амулете, этом проклятом Лабиринте...

— Злость — плохой советчик, — тихо сказала Гончая, отпуская его руку. — Она туманит голову и затмевает чувства. Но иногда именно ненависть спасает нас от ошибок. Так что перестань делать глупости, эльф. И помни про наш уговор.

— Я помню. — Таррэн сжал челюсти и шагнул вперед, но она снова не позволила — кончиками пальцев коснулась его щеки, заставив замереть на месте. И этим простым движением остановила так же верно, как стальная преграда, потому что пройти мимо нее сил не хватило бы даже у самого стойкого. А затем вздохнула и, стремительно стащив свой чешуйчатый сапог, бросила вперед. Там тихо звякнуло, загудела невидимая пружина, что-то коротко свистнуло, и сапог буквально повис в воздухе, нанизанный сразу на три выскочивших из надежной с виду плиты копья. Какую-то секунду покачался на остриях, а затем с шорохом шмякнулся вниз — знаменитая гномья сталь не смогла прорубить голенище. После чего копьё так же быстро вернулись обратно, заскрипела взводимая пружина, и все стихло так же внезапно, как и началось.

— Теперь понял?

Таррэн скосил глаза на обманчиво пустой тоннель, в котором сиротливо валялась совершенно невредимая обувь, и коротко кивнул. Ловушка. А он ее прозевал, и кое-кто это наглядно сейчас продемонстрировал.

Эльф отстранился от ее теплой ладошки, заставив себя не обращать внимание на полыхнувшую жаром щеку, после чего обогнул настороженную Белку, присмотрелся, умело прыгнул, не задев невидимого спускового крючка, и уверенно выпрямился уже по другую сторону от ловушки.

Белка без лишних слов повторила его маневр, умудрившись по пути ловко подцепить пальцами упавший сапог. Приземлилась почти бесшумно, став в какой-то момент похожей на кровную сестру, после чего уселась прямо на холодные камни и принялась натягивать трофей обратно на ногу.

— Спасибо, — сухо бросил эльф, отворачиваясь.

— Ты все еще дуешься?

— Нет.

— Врешь.

— Нет.

— Врешь, — вдруг устало вздохнула Гончая, поднимаясь на ноги. — Мне казалось, ты умнее... но как хочешь. В конце концов, я хранила твою шкуру только потому, что поклялась это делать. И поэтому же не собираюсь ничего объяснять, не нанималась. Так что поступи как знаешь,

хоть на копья ложись и помирай, если охота, а я больше не буду тебе мешать.

— Разве обязательно было так поступать? — холодно осведомился он. — Получаешь удовольствие, делая другим больно? Унижая, предавая, подчиняя своей воле? Для этого вполне хватило бы Элиара, разве нет? Зачем тратить силы на меня?

Белка вздрогнула, как от пощечины, и неверяще замерла. Ее красивое лицо в мгновение ока посерело, а потом стало белым как полотно. Она скривилась, будто от боли, и до крови прикусила губу, но эльф уже не видел — быстрым шагом направился прочь. Высокий, гордый, надменный.

— Дурак, — неслышно шепнула она в широкую спину. — Как ты не понимаешь?!

«Мне нельзя по-другому! — Белка с усилием выпрямилась и на мгновение зажмурилась, прислонившись лбом к равнодушному камню. — И тебе тоже... нельзя!»

Если бы он знал, если бы он только решился, если бы хоть на секунду увидел... Она внезапно почувствована внимательный взгляд и, тряхнув головой, глубоко вздохнула. Нет. Раз он не сумел, значит, так суждено. Раз не видит и не чувствует до сих пор, значит, ошиблась. Впервые в жизни, зато вдвойне обидно. Ладно, плевать. Не в первый раз, в самом-то деле, доводится спасать этих дураков от них самих, ведь злость — самое лучшее оружие против боли. Казалось бы, даже глупый эльф должен это понимать, а он, дурачок, обиделся. Но пускай лучше злится, чем... Торк! У него слишком громкие мысли! Кажется, теперь не только он сходит с ума!

Гончая обреченно вздохнула и отправилась за Таррэнном, прекрасно зная, что дурной эльф не ушел далеко. Ждет где-нибудь за углом и мысленно костерит ее на все лады. Гм, а то и веревку с мылом готовит: разозлился он знатно.

Но она не спешила и не боялась ловушек — если бы таковые были, Таррэн уже активировал бы все до единой. А раз нет, то можно позволить себе крохотную слабость — задержаться на миг, чтобы привести растрепанные чувства в порядок. И заодно припрятать под кольчугой пойманный прямо в полете кинжал, выскочивший из очередной ловушки, которую наивный остроухий в порыве ярости не заметил.

«Забавно, — невесело подумала она, пристраивая покрытое желтыми капельками лезвие в чудом уцелевшие ножны на левой лодыжке. — Вот если бы он не был зол, непременно заметил. А так — глядишь, и обойдется. В конце концов, не будем же мы тут трое суток блуждать? Он ничего не узнает об этом кинжале. Я сделаю все, чтобы он не узнал. Боже,

до чего мы дожили? Берегу его, забочусь, а в ответ?»

— Заблудилась? — излишне резко осведомился эльф, едва Белка его нагнала.

Гончая спрятала за спину поцарапанную ладонь и отстала на полшага, давая ему возможность отыгаться за недавнее унижение. Но, главное, чтобы не видеть его лица. Да и свое не показывать.

Белка проводила глазами неестественно прямую спину эльфа и его растрепанную гриву, с которой так любила играть Траш. Немного обгорелую по краям, но все равно густую и красивую. Почему-то вспомнила, насколько мягки эти длинные пряди, как умеют ласкать кожу, как игриво щекочут ноздри...

Таррэн неожиданно нахмурился и покосился за спину, и Белка мысленно осеклась. А он с того момента стал непрерывно следить за ней краешком глаза, отчего-то ощущая смутное беспокойство, но пока не понимая причины.

Серые стены, безликие коридоры, десятки залов, галерей, тоннелей и снова залов, упрямо скручивающихся в тугую, поистине гигантскую спираль. Когда кажется, что бесконечно кружишь по одному и тому же маршруту, раз за разом минуя одни и те же места.

Гончая, свернув за какой-то угол, тоскливо вздохнула.

Эх, оставить бы где-нибудь перчатку, чтобы проверить: правда или обман зрения, но их нет, Лабиринт не пропустил. Сапоги жалко: босиком тут не походишь. Одежды не осталось, а жадный эльф своей не поделится.

Выбравшись в очередной безликий зал, Белка выразительно поморщилась (опять двадцать пять! замкнутый круг какой-то!), но вдруг не увидела привычных трех выходов, как бывало раньше, и слегка нахмурилась.

Что за дела? Выхода действительно нет. Так куда идти-то? Тупик? Обманка? Мираж? Неужели заблудились?!

Коридор за ее спиной бесшумно сомкнулся, отрезав все пути к отступлению, но Таррэна это не смутило. Подойдя к стене, из-за которой шел отчетливый зов, он привычным движением расцарапал запястье и сбросил несколько алых капелек на прохладный камень. Тот послушно разошелся в разные стороны, после чего эльф умело замотал израненную руку обрывком рукава и без колебаний шагнул в образовавшийся проем, где, как и раньше, услужливо зажглись крохотные магические светильники.

— И часто тебе приходится так делать? — осведомилась Гончая.

Эльф угрюмо промолчал, но, почувствовав, что его сейчас снова бесцеремонно дернут за рукав, неохотно разлепил губы:

— Пару раз понадобилось.

Она явно хотела спросить о чем-то еще, но Таррэн снова прибавил шагу и сухо повторил:

— Не отставай. Я не уверен, что проход не закроется сразу за моей спиной.

— А что будет, если я за тобой не успею? — хитро прищурилась Гончая, пытаясь расшевелить надутого остроухого индюка. Три часа без единого слова — не слишком ли много? Ну ладно, обиделся. Ладно, за дело. Но не молчать же из-за этого вечность?!

Но Таррэн не пожелал любезничать, угрюмо отвернулся.

— Эй! Так что будет, если я опоздаю?

— Значит, останешься тут, — отрезал он, и она мигом растеряла всякое желание ехидничать.

— Хочешь сказать, ты за мной не вернешься? — осторожно уточнила Белка. — Оставишь умирать голодной смертью и страдать от одиночества?

— У тебя есть другие предложения?

— Ну... ты мог бы снова открыть эту дверь...

— Они не открываются в обратную сторону.

— А если подумать?

Темный эльф ненадолго обернулся, Гончая поежилась, увидев его напряженное лицо. Секунду помолчала, а потом неожиданно отошла, не сказав больше ни единого слова. А когда он ушел вперед, зябко передернула плечами и, осторожненько двинувшись следом, пожалела, что задела его слишком сильно. Кажется, здесь дело гораздо серьезнее, чем простая обида, потому что глаза у Таррэна превратились в два беснующихся озера кипящей лавы и горели жутковатыми багровыми огнями, от которых каменела душа.

Белка виновато опустила голову. Но пусть лучше ему будет больно от ее слов, чем от магии ее проклятого тела, даже мимолетное прикосновение к которому приведет к безумию, если вспыхнут руны на ее спине. Она уже давно не хотела его гибели. Но если ценой за его жизнь будет боль — что ж, пускай. Ведь боль — это намного лучше, чем ненависть. И кому как не Гончей об этом знать?

ГЛАВА 15

— Что это? — негромко спросила Белка, когда очередной коридор вывел их к идеально круглой лужице абсолютно черной воды. Не слишком большой, с тележное колесо, но вместе с тем чувствовалось, что помимо цвета в этой водичке есть что-то еще. Что-то неуловимо опасное, заставляющее держаться подальше.

Таррэн привычно обошел зал по кругу, убедился, что не ошибся, и без лишних слов принялся стаскивать с себя сапоги.

— Таррэн?

— Это четвертый виток, — сухо просветил Гончую эльф. — Отсюда начинаются владения четырех основных стихий в нашей магии: воды, огня, воздуха и земли. После воды это пятый, шестой и седьмой витки соответственно. За ними будет Равнина боли, а потом последний круг — залы единения, после которых мы доберемся до залов забвения и амулета.

— Отлично. Значит, тебе осталось недолго меня терпеть!

Он словно не услышал: сняв обувь, умело перевязав голенища невесть откуда извлеченным шнурком, перекинул через шею и в таком виде прошлепал к воде.

«Да, недолго, — сухо ответил он про себя. — И все это время я должен держаться от тебя как можно дальше. Лучше — на другом конце света. В могиле. Под слоем прочного камня. Во льдах или где-нибудь еще, где не слышно твоего голоса, где нет этого запаха и где я больше никогда не увижу твоих глаз...»

— Эй, ты что задумал? — не на шутку обеспокоилась Белка, когда он наклонился и внимательно всмотрелся в черную муть. — Таррэн! Стой! Не надо!

Темный эльф с легким удивлением обернулся, и бешеный огонь в его глазах чуточку спал. Впрочем, не настолько, чтобы он изменил недавнему решению держаться подальше. Быть холодным и бесстрастным, чтобы больше не давать повода для злорадства. Просто сделать свое дело и освободиться от этой утомительной привязанности, с которой было так трудно примириться.

— В чем дело? — как можно более сухим тоном спросил Таррэн.

— Ты что, собрался туда лезть? — нервно поежилась она. Затем осторожно зачерпнула ладошкой воду, подержала немного и под внимательным взглядом эльфа медленно пропустила сквозь пальцы. —

Неужели отсюда нет другого выхода?

— Нам придется пройти сквозь все стихии, начиная с воды и заканчивая огнем.

— Ты уверен? А если попробовать по-другому?

— Другие двери не появятся, даже если я залью тут все кровью до потолка. Это путь, женщина. И я чувствую его так же хорошо, как тебя сейчас.

— Если бы ты меня чувствовал, то не стоял бы сейчас как идиот! — неожиданно рявкнула она и сердито отвернулась. — Лезь быстрее, раз надо! А я за тобой! Ну!

Таррэн наклонил голову, странным образом ощущая ее неуверенность, но промолчал, не совсем понимая, в чем дело. Но, кажется, лютое пламя в его глазах еще немного поутихло, будто тоже задумалось. Он тряхнул головой, свесил ноги в черную воду, набрал побольше воздуха в грудь и без всплеска исчез.

Белка, как ужаленная, повернулась.

— Таррэн! — ахнула она, сообразив, что он не только не шутил, а действительно сиганул в эту дрянь с головой. — Вот дурак! Да откуда ж ты такой взялся?! Стой, подожди, я сейчас...

Гончая лихорадочно содрала свои сапоги, торопливо запихала их под доспех, намертво застегнула заклепки, мигом превратившись в беременную гусыню. Затем сердито сплюнула (на пол, а не в воду!) и тоже нырнула, искусно матеря проклятого остроухого гордеца, который и не подумал предупредить, что дрянная водица не просто холодная, а ледяная!

От дикого холода у нее перехватило дыхание, из горла сам собой вырвался беззвучный вопль, грудь сдавило, а вверх поднялось несколько пузырьков. Но Белка быстро опомнилась и решительно заработала руками и ногами, вовремя сообразив, что если не будет двигаться — заледенеет, а в ее чешуйчатом доспехе это верная смерть.

Она торопливо огляделась, понимая, что колодец на самом деле — не колодец вовсе, а нечто вроде полыньи, прикрытой сверху каменной плитой. И вода здесь не совсем черная, а скорее серая, с хлопьями сажки или чего-то, дико похожего на сажу, которая у поверхности сбивалась плотными клочками, что придавали воде зловещий оттенок. А здесь, снизу, очень даже ничего. И прозрачность кое-какая имеется. Вон, и эльф вдалеке дрыгает лапками, придурок ушастый!

Гончая зло сморщилась и активнее двинулась в сторону проклятого остроухого мерзавца, который заставил ее нервничать. Гад! Негодяй! Хоть бы предупредил! Остроухий тюлень без крылышек! Чтоб ему подавиться

на середине пути и запутаться в собственных штанах!

Она едва не задохнулась от обилия приходящих на ум эпитетов, но упорно плыла дальше, сверля бешеным взглядом едва не закипевшую от ее злости воду и мысленно продолжая ругаться. Конца и края серому морю было не видно, мутная тень остроухого то исчезала, то снова появлялась, будто его заносило в разные стороны, но надолго он не пропадал. А Белка, в очередной раз с облегчением заметив его сильную фигуру неподалеку, начинала материться с новой силой.

Сперва у нее кончились человеческие слова, затем — эльфийские, за ними настал черед гномьей брани, потом троллей, гоблинской... пока она не сообразила, что слишком уж долго длится этот дурацкий подземный бассейн. Сверху по-прежнему давила тяжелая плита, воздуха в груди осталось маловато для такого заплыва, и вскоре в ее голову начали закрадываться первые проблески приближающейся паники.

Гончая лихорадочно завертела головой и неожиданно не увидела нигде стремительного пловца. Что, уже?! Утонул? Покалечился? Сдуру башкой приложился о камень и теперь падает в эту бездну? Белка окончательно перетрусилась, чуть не в первый раз в жизни боясь за кого-то настолько сильно, что едва справлялась с собой. И не позвать его, не выловить, не тряхнуть, чтобы пришел себя.

«Таррэ-э-эн! Ну где ты, дурачок? Куда тебя понесла нелегкая? — внезапно взвыла она про себя. — Отзовись, нелюдь ушастая-а-а! Отзовись немедленно или, клянусь богом, так тебя отделаю...»

Словно в ответ сверху и немного левее раздался гулкий звук, похожий на удар молота по наковальне. Звук шел волнами, то накатывал, заставляя сердце испуганно трепетать, то снова отдалялся. Так неистово колотят в запертую дверь на сильном морозе. Или выбивают дурь из нерадивого ученика, заставляя монотонно долбить окровавленными кулаками в неподатливое дерево до тех пор, пока несчастное не рухнет на землю. И точно так же бьется запертое в груди сердце, когда ему становится нечем дышать.

Почувствовав нестерпимую резь в горле, Белка что было сил рванула вверх, пытаясь разглядеть в помутневшей воде хоть что-нибудь знакомое. Бесплезно: словно в крошечной тьме пытаешься на ощупь отыскать оброненный орешек. Глупо тычешься во все подряд и не знаешь, чем тебя заденет в следующий раз... Она скривилась и, схватившись за гудящую от удара макушку, выдохнула остатки воздуха. Перед глазами на миг поплыло, в ушах раздался дикий звон, а ноги безвольно повисли. Боги! Ну надо же было так треснуться о ледяную крышку! Совсем... стоп! А почему

ледяную?!!

Гончая мигом передумала тонуть и не без труда вернулась к непонятной преграде, старательно не обращая внимания на покалывание в подмерзающих конечностях. Затем подняла руки, торопливо ощупала непонятную плиту и вздрогнула: это же обычный лед! Вода-то холоднющая, неудивительно, что сверху целую корку наморозило! Только слой толстый, зараза, как та плита, но все же это не камень! А значит, его можно разбить!

Она со всего маху впечатала маленький кулачок в ледяную крышку, грозящую стать крышкой самого настоящего гроба. Затем еще и еще раз, воспроизводя уже слышимый пару минут назад шум. Быстро сообразила, что ушастый тоже жив и где-то неподалеку. Наверное, как раз пытается раздолбить эту проклятую корку. А значит, и выход совсем рядом. Надо только добраться, суметь, прогрызть себе путь к спасению.

Белка поджала губы и, стараясь не обращать внимания на боль в груди, обрушила на неподатливую даже для ее силы корку целый град ударов. Знала, что может не справиться. Знала, что надо бы найти темного и попытаться сделать это вместе, но в глазах уже плавали разноцветные круги, пальцы на руках и ногах (эх, зря сапоги сняла!) превратились в ледышки, а она все била и била. До тех пор, пока не ощутила на губах соленое, а к черному мареву не примешалась отвратительная розовая пелена.

Кажется, она отбила руки... но и лед начал ощутимо подрагивать! Еще немного, малость напрячься — и все получится...

Когда звон в ушах стало невозможно игнорировать, а суставы окончательно заледенели, Белка безвольно уронила занемевшие руки и медленно поплыла вниз, с бессильной яростью провожая глазами удаляющееся черно-красное облако, над которым мелькнула смазанная тень. Проклятье! Она ведь почти успела, почти справилась и так обидно проиграла Ледяной богине! Смерть всегда отставала от Гончей на шаг, всегда не дотягивалась самую малость, да видно, пришла наконец и ее очередь праздновать победу.

«Жаль, — с тоской подумала Белка, будучи не в силах сопротивляться холоду. — Траш, наверное, с ума сойдет, Дядько ужасно расстроится, да и Каррашик будет горевать... Ох, малыши, как же вы без меня?»

Она прикрыла веки, не имея больше ни сил, ни желания шевелиться. Но затем вода вокруг заметно побледнела, а откуда-то издалека донесся еще один гулкий удар. Кажется, сверху. Может, даже снаружи этого ледяного плена, который уже сковал по рукам и ногам. Потом вдруг

блеснул свет, заставив Гончую невольно зажмуриться. А потом за руку что-то цапнуло и, больно сдавив, стремительно потащило наверх. К холодной плите из чистого льда. Вернее, к внушительных размеров дыре в ней, откуда пробивался слабый отблеск магических огоньков.

Оглушенную Белку бесцеремонно обхватили, сдавили уже со всех сторон. Затем приподняли и одним могучим рывком выдернули на сушу, заставив выплюнуть все, чего она успела наглотаться. С нее текло в три ручья, броня противно скрипела, покрывшись мелкими кристалликами льда, пальцы скрючились. Но потом к незащитной шее прижалось что-то твердое и восхитительно горячее, и Гончая начала постепенно оттаивать. Еще через пару минут живительное тепло стало сильнее, приятнее, осторожно охватило ее уже со всех сторон и закутало в замечательно теплые объятия, как в пуховую перину. В ушах загудело невесть откуда взявшееся пламя, запахло паленым и даже жареным, что-то осторожно лизнуло пятки шершавым языком, но все это было не важно, потому что ей снова стало тепло.

Огонь, огонь, огонь... боги, как же она любит огонь!

Белка бездумно обмякла и почти провалилась в забытие, но ее сразу сильно встряхнули, а чей-то голос грубо разбил накатившую дремоту.

— Белка! Бел, да очнись же!!

Она вяло пошевелила губами.

— Отстань...

— Да приди же в себя, дурная Гончая! — почти взвыл на ухо знакомый до отвращения голос. — И поживее, пока нас не зажарили заживо!

Белка неохотно приоткрыла один глаз.

Ну что там еще? Но уши мгновенно заложило, во рту стало жарко и сухо, как в пустыне. Влажные капельки на ее лбу испарились, а чешуя доспеха нагрелась.

Почувствовав на талии чужие руки, Гончая моментально распахнула веки, но уткнулась в дымящуюся от жара рубаху эльфа, шарахнулась прочь и едва не взвыла, когда голая пятка проехала по тлеющим углям. Боже! Из огня да в полымя!

— Тихо! Да не шевелись, пока сапоги натяну! Все, поднимайся! Если помедлим, сгорим заживо! Давай, давай же! Ну?! Неужели решила помереть на полпути?! Не смей! Открой глаза! Смотри на меня, сказал!

Белка, все еще ошарашенная столь резким переходом от холода к бешеной жаре, непонимающе хлопнула ресницами, но ее уже бесцеремонно толкнули, поставили на подгибающиеся ноги и властно потащили за собой, не обращая внимания на вялое сопротивление.

«Таррэн, — запоздало сообразила она, чувствуя, как на теле высыхают последние капельки влаги. — Он все-таки выбрался наружу, нашел меня по следам крови, пробил лед и выдернул в этот ад. А теперь тащит за собой, как козу на веревке, надеясь, что я не упаду по пути...»

Белка оторопело помотала головой, прогоняя остатки сонной одури, и поежилась от нового неприятного ощущения, потому что неистовая жара уже ощутимо мешала. Горячий ветер рвал мгновенно высохшие волосы эльфа, свирепыми порывами бил его по лицу, вынуждая идти медленно, осторожно, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Казалось, ветер ополчился на двух козляков, осмелившихся переступить порог этого негостеприимного дома. Сухой жар нещадно жег кожу на лице, с бешеным ревом скручивался вокруг в тугие воронки. Земля под ногами буквально горела.

Таррэн с тоской огляделся по сторонам и, к собственному ужасу, не нашел даже следов выхода. Как выжить? Как не опустить руки? Но надо идти: у него за спиной — беспомощная Гончая в своем неуместном доспехе. И то, что она до сих не спеклась тут, как громадный рак в кастрюле с кипятком, было большой удачей.

Таррэн не мог оглянуться, чтобы проверить, как она. Не мог себе позволить отвлечься даже на мгновение, потому что неистовая стихия забирала все его внимание. Она играла с ним, как играют громадные кошки с упавшим листком. Восторженно ревела и прыгала вокруг хищным зверем, ища хоть одну крохотную брешь в его наспех выставленной защите. Она свирепо кусалась, царапалась и разочарованно отступала, когда не получалось взять верх. А затем с удвоенной силой набрасывалась вновь. И с каждым шагом делала это все яростнее и жестче.

Неожиданно на спину Таррэна легли две узкие ладошки. Маленькие, невероятно горячие, но темный эльф растянул потрескавшиеся губы в улыбке: живая! Пришла в себя и показывает, что справится и будет бороться до последнего. Умница, хорошая Гончая, замечательная моя, смелая девочка!

Однако цепкие пальцы Белки, вопреки здравому смыслу, не стали останавливаться на достигнутом. Отбросив ложный стыд, они бесцеремонно пробежались по его поясу, крепко обняли. К нему прильнуло покрытое жесткой чешуей тело, от одного прикосновения к которому кожаная куртка на спине едва не вспыхнула. Но эльф даже не пикнул, потому что Белка прижалась к нему целиком, поймала его ритм, как когда-то на тропе, и теперь ступала след в след, став его частью, его половинкой, его новым сердцем и его... да, настоящей парой! Будто так и надо! Будто

она чувствовала разорванные узы! Будто понимала его, как никто в целом мире! Мысли читала и жмурилась от удовольствия!

Ее щека спокойно легла у него между лопаток, легчайшее дыхание ощущалось даже сквозь свирепое завывание горячего ветра. Она зарылась лицом в густые черные волосы, жадно вдыхая их аромат. А от пальчиков, что доверчиво ухватили его за рубаху, словно дополнительные силы вливались. Она обняла его! Впервые! И это было до того неожиданно, но так похоже на правду, что измученное бесконечными сомнениями сердце не выдержало: гулко стукнуло и сдалось — сладко заныло, затрепетало, а затем, устав от неопределенности, с готовностью рванулось навстречу. К ней. Не задумываясь и даже не сомневаясь, что так правильно, словно так должно было быть!

Таррэн неверяще вздрогнул, потому что вдруг почувствовал ее каждой клеточкой своего тела, услышал каждый ее вздох, каждое движение и слегка взволнованное биение ее сердца. Напрочь позабыл, что совсем недавно сердился. Даже не вспомнил о том, что сердилась она. Обо всем забыл, кроме того, что она рядом. Настолько близко, что и мечтать было нельзя. Настоящее, недостижимое, невозможное чудо... однако сейчас это чудо почему-то было, и все остальное потеряло значение.

«Значит, вот как оно бывает, — с щемящей нежностью подумал он, накрывая своей ладонью ее изящные кисти, чтобы их не ранило ветром. — Вокруг бушует ад, защита едва держится, дышать уже нечем, а я... боги, как же мне хорошо! Конечно, это магия, ее кровь и проклятие, но... Торк! Да какая разница?! Наверное, я сумасшедший».

Белка, как услышала, обняла его крепче, несильно сжала в ответ его руку и, зарывшись лицом в потрескивающие от жара пряди, тихонько подтолкнула носом. Словно сказала: «Эй, хватит мечтать! Топай давай, пока жив, а я за тобой!» На что Таррэн снова улыбнулся и, пригнув голову, упрямо пошел вперед, сквозь свирепую стихию, закрывая от огня доверчиво прижавшуюся Гончую.

В этот момент он неожиданно осознал, что простил ей все — и резкость, перетекающую в откровенную грубость, и пренебрежение, и потрясающее умение уколоть в больное место, растравить душу. Ее нескончаемые придирки. Ее ненависть, боль, ее слабость и одновременно силу. Ее прошлое, легшее на его плечи тяжким грузом вины. Многочисленные маски, в которых она всегда была невероятно органична. Все подставы на этом долгом и трудном пути. Все ядовитые уколы, которые она нанесла намеренно или случайно. Горечь, что пришлось испытать по ее вине, и тоску, которая без устали глодала нутро вот уже который час. Даже

ее проклятую магию, которая сводила с ума и заставляла зубами грызть голый камень... Он простил ей все. И лишь тогда наконец почувствовал себя свободным.

Таррэн благодарно прикрыл глаза.

Какая разница, что с ними будет дальше? Ему не нужны были ни слава, ни деньги, ни трон. Ничего больше не нужно, кроме нее. Даже безграничное могущество меркло по сравнению с мигом неожиданного откровения. Все потеряло значение: и нескончаемая выжженная равнина, и боль в обожженных веках, и хрустящие под ногами угли, и плавящаяся кожа, его память, сила и навязанный родом долг. Абсолютно все.

«Даже смерть, — улыбнулся про себя Таррэн. — Все не важно, если тебя нет рядом, Белка. Прости, что я так поздно это понял, малыш. Прости, потому что, кажется, я очень тебя...»

Гончая вдруг подняла голову и толкнулась, словно пыталась о чем-то предупредить. А он сделал последний шаг, набрал в грудь воздуха и... приглушенно взвыл, со всего маху ткнувшись носом в дымящуюся от неистового жара каменную поверхность.

— Иррадэ!

От удара из носа брызнула алая юшка, щедро оросив каменную преграду, которая так нагло и без предупреждения выскочила навстречу. Будто в ответ в глубине скалы что-то глухо заворчало и буркнуло нечто непонятное в адрес дурных нелюдей, не видящих дальше собственного пятака, хотя специально для них на плите черным по черному написано: «Открывается внутрь!» Правда, на мертвом и давно забытом языке, но не в этом суть!

Следом донесся приглушенный рокот, тяжелая створка огромных ворот, на которую в наитии наткнулся полуослепший, полуоглохший и измученный до предела эльф, неторопливо поползла в сторону, едва не стукнув эльфа по носу во второй раз и чуть не придавив наполовину расплавленный сапог вместе со ступней. Только вмешательство Белки спасло эльфа и позволило вовремя отойти на безопасное расстояние.

Спустя долгий миг они с облегчением осознали, что одолели четвертый виток и остались живы. Теперь им было чем похвастать. А едва впереди пахло прохладой, оба бездумно ринулись вперед, стремясь вырваться из местного чистилища как можно скорее. Но закономерно споткнулись о высокий порожек, одновременно запнулись и с проклятиями рухнули на что-то холодное, мягкое, восхитительно пахнущее свежескошенной травой. Упали, машинально обхватив друг друга и так застыли. Но лишь для того, чтобы уткнуться носами в мягкий травяной

ворс, жадно вдохнуть аромат свободы, а затем мгновенно провалиться в крепкий, целительный сон, в котором не бывает тревог.

Просыпаться мучительно не хотелось. Веки нещадно горели. Губы потрескались и при каждом движении начинали кровоточить, обгоревшие уши нещадно саднили, а ушибленный нос и не подумал перестать болеть. Да еще и опух, раздувшись до неприемлемых размеров.

Таррэн осторожно поднял правую руку, ощупал пострадавший кончик, отозвавшийся на прикосновение болью, и досадливо сморщился. Затем проверил резервы, поразмыслил, прикинул все за и против, но все-таки решил потратить их часть на то, чтобы убрать с лица следы недавнего позора.

Повинуясь его силе, несчастный нос стремительно сдулся, кости и хрящи торопливо срослись, отек мигом спал, а громадный кровоподтек на пол-лица посинел, пожелтел, затем побледнел и исчез. Тело налилось былой силой. Только после этого эльф смог приподняться.

— Жаль, — притворно вздохнула Белка откуда-то сбоку. — Такой натюрморт испортил! Между прочим, эта синяя слива была гораздо симпатичнее. И она прекрасно подходила к цвету твоих волос. Зря ты ее убрал, мне понравилось. Как себя чувствуешь, герой?

— Живой, — коротко ответил Таррэн, с сожалением признав, что больших трат никак не может себе позволить: накопленный за века резерв таял здесь чересчур быстро, а они до сих пор не знали, с чем еще придется столкнуться в Лабиринте.

Белка сидела на одном из беспорядочно разбросанных валунов и с интересом следила, как морщится от неловких движений ее остроухий спутник. Измученное лицо, обгоревшие уши, посветлевшие и потрескавшиеся от жара волосы, наполовину сожженная одежда, полуразвалившиеся сапоги...

— Хорош, — удовлетворенно кивнула она, и Таррэн снова сморщился, но на этот раз от «похвалы».

— Ты как?

— Нормально. — Она беззаботно качнула ножкой. — А ты случайно не знаешь, куда нас занесло? Откуда тут трава, питьевая вода и плоды на кустах?

Темный эльф поднялся и, качнувшись от слабости, огляделся. Но Гончая оказалась права: вокруг простирался совершенно неприемлемый для подземелий пейзаж — изумрудная трава, игривый ручеек в десяти шагах левее, за ним — узкая полоска густых кустов. На верхних ветках —

заманчиво-красные и весьма аппетитные с виду плоды... тут и пространства-то — десять на пятнадцать шагов! Под травой очень хорошо ощущается каменная твердость, по краям полянки возвышаются уже знакомые стены без единой трещинки и рисунка, а потолок все такой же низкий, как и везде. Но живая природа в центре Лабиринта?! Невозможно!

— Вот и я так думаю, — кивнула Белка, легко угадав мысли напарника. — Однако вода свежая, вкусная. Плоды неядовитые. Стены теплые, пол мягкий, а вон там, в сторонке, неплохие лопухи виднеются...

Таррэн смущенно шевельнул ушами и, стараясь не думать, что всего пару минут назад Гончая была потрясающе близко, первым делом отправился в указанную сторону. Лопухи, не лопухи, но туда ему действительно было нужно. Вернувшись, сбросил пропыленную и пропахшую гарью одежду, тщательно вымылся, прополоскал рубаху, вычистил сапоги, одновременно напряженно размышляя над происходящим. Однако дойдя до штанов, вдруг опомнился и неловко замер. А затем нерешительно обернулся.

Белка вопросительно приподняла бровь.

— Что?

— Ты не хочешь отвернуться?

— Нет, — дерзко улыбнулась она, нахально изучая полуголового эльфа.

А тот просто пожал мокрыми плечами и взялся за ремень.

— Как знаешь.

Оборачиваться и смотреть за спину Таррэн больше не стал: в самом деле, не маленькая, наверняка не раз раны перевязывала у своих Гончих. Да и чего теперь стесняться?

— С ума сошел?! — ошеломленно кашлянула Белка. — Это тебе не Аккмал и не дом развлечений, чтобы демонстрировать свои прелести!

— У вас говорят, что в лесу и в бане не стесняются, — ровно заметил эльф, мысленно ухмыльнувшись. Ха! А говорила, что ничем ее не проймешь! — Мне надо вымыться, но заставить тебя завязать глаза я не могу. Только попросить отвернуться. Ты, кстати, не захотела, так что без обид.

— Видела бы тебя тетушка Арва!

— Думаю, ей бы понравилось, — невозмутимо отозвался наглый нелюдь.

Белка непроизвольно представила и зябко передернула плечами. Брр, получилось даже слишком правдоподобно. Мог бы и прикрыться, наглец! Лопухом, к примеру! Не очень эстетично, зато гораздо лучше, чем сверкать тем, чем он там сверкает! Хотя, надо признать, посмотреть было на что.

Ее глаза поневоле скосились на широкую спину, на которой гуляли натруженные мышцы, на сильные ноги, перевитые жилами руки, неторопливо волнующуюся от неловких движений черную гриву. Торк, ведь и правда хорош! Недаром мужчины его рода никогда не знали отказа — слава красивейших существ за потомками Изииара закрепились очень не зря!

— На чучело таких надо, — оскорбленно фыркнула Белка, сердито отворачиваясь, но эльф не обратил внимания: намурлыкивая что-то тихое под исцелившийся нос, он с удовольствием наплескался. После чего натянул свежевывстиранные штаны и только тогда вернулся, на ходу отжимая волосы и отфыркиваясь, как кот.

— А ты не слишком расслабился, остроухий? — ядовито осведомилась она, когда наглый нелюдь стряхнул на нее капельки воды. — Мы все-таки не на увеселительной прогулке. И не на балу, между прочим. Что-то совсем страх потерял — скоро серенады петь начнешь, а то и стихами баловаться!

Таррэн с удовлетворенным вздохом растянулся на прежнем месте.

— Не начну. Просто у нас есть немного времени на отдых. Советую и тебе воспользоваться моментом.

— Что ты имеешь в виду?

— Гм. — Эльф ненадолго задумался. — Мне кажется, вернее, я чувствую, что Лабиринт не совсем то, чем мы его считали. Он вполне разумен, а в чем-то даже проницателен. Да, он должен охранять амулет от чужаков, но ему невыгодно убивать претендентов, потому что он тоже зависит от их силы. Думаю, если не станет амулета, Лабиринт наверняка исчезнет. И каждый раз, когда он слабеет, становится зависим от нового хозяина. Он должен отобрать достойных, только и всего, но для этого использует все, что может. В том числе и магию. В нашем же случае Лабиринт решил изменить структуру и всего в двух витках подсунул нам четыре стихии, а не две, как положено. Сперва это была вода, которую он запер аурой льда и земли, а затем без всякого перерыва выбросил нас в огонь, смешанный с воздухом. Помнишь ветер? Так вот, его там быть не должно. Как не должно быть преграды на выходе из воды. По крайней мере, в хрониках об этом ничего не писали, а стихийные залы (которых всегда было четыре) описывались как череда наполненных магией помещений, между которыми есть небольшие площадки для отдыха и восстановления резерва.

— Хочешь сказать, дрянной Лабиринт нас подставил?! — гневно выдохнула Белка.

Эльф забросил руки за голову и блаженно сощурился.

— Что, не нравится?

— Нет! — рывкнула она, мигом слетев с удобного насеста. — Какого Торка все пошло не так? Нас же чуть не изжарило! Почти сдуло, едва не утопило...

— Скорее всего, это часть испытания. Но я, признаюсь, тоже не ожидал.

— Какого еще испытания?!

— Того самого. Или ты думала, что пройти к амулету легко? — Зеленый глаз на мгновение приоткрылся. — Даже темному магу с кровью Изиара в жилах нелегко одолеть здешние ловушки. Но это оправданно — нас проверили на жадность, решимость, стойкость, упорство, умение действовать сообща и позволили идти дальше. Такова цена за возможность прикоснуться к чуду: все или ничего. Либо ты окажешься достойным и сумеешь его увидеть, либо сгинешь на пути к нему.

Гончая неприязненно покосилась на молчаливые стены маленького оазиса и сердито нахохлилась.

— Знаешь, ушастый, мне кажется, я начинаю искренне и очень глубоко ненавидеть это место.

— За что? За то, что нас услышали и разрешили сократить путь? Неужели ты не поняла? — удивился эльф и даже приподнялся на локте. — Лабиринт — почти живое существо. Он был создан для защиты амулета. Это огромный артефакт, но артефакт разумный, поэтому Изараэль и сделал его таким... непостоянным. Лабиринт, как и Проклятый лес, меняется каждую эпоху. Подстраивается под претендентов. Изучает их. Он тоже учится, Белка. Нам с тобой еще повезло: нас признали достойными противниками. Да, это было нелегко, зато мы преодолели большую часть пути всего за несколько часов, хотя обычно для этого требуются полные сутки. Направляясь сюда, я даже не рассчитывал на такую удачу! Но теперь твои друзья и Урантар без препятствий доберутся до ближайшего «места мира». Мы дадим им этот шанс, понимаешь?

— Ты так уверен, что вернешься? — скептически фыркнула Гончая.

Таррэн пожал плечами и снова улегся.

— Начало, согласись, неплохое. Больше половины пути уже пройдено, мы остались живы, а теперь можем отдохнуть и восстановиться перед оставшимися двумя залами.

— Двумя?! Неужели мы так здорово срезали?

— Мы сэкономили целые сутки. Ложись, отдыхай теперь, — сонно велел эльф. — Лабиринт разбудит нас, когда придет время для следующего испытания. Я чувствую. Так что надо набраться сил и, если получится,

подготовиться.

— Подготовиться... Вижу я, как ты собрался готовиться! — проворчала Гончая. — Эй, не спи!

— Почему нет? — пробормотал он. — Что я, не заслужил? Дай же покоя, я действительно устал.

— Да что ж такое-то?! — внезапно взорвалась она. — Что вы за народ, мужики?! То обижаетесь не по делу, то морды воротите, то целоваться лезете, когда не надо, а когда надо — храпите беспробудным сном! Беспредел какой-то! Форменное безобразие!

Таррэн изумленно распахнул глаза и в полнейшей оторопи воззрился на угрюмо нахохлившуюся Гончую. Белка только что не зашипела в ответ.

— А ты не перегрелась, случаем?

— Это ты перегрелся, ушибленный ты наш, — огрызнулась она. — Да еще и мордой хорошенько приложился. Да так, что в ушах до сих пор звенит и слышится... всякое! И нечего на меня тарашиться, как блаженный — на ожившую статую богини Линнет! Отвернись, сказала! Все, разговор окончен!

Белка умчалась так резво, что Таррэн не успел и рта раскрыть. Только приподнялся на локтях, а она уже исчезла среди пышных кустов. Чем-то ужасно раздосадованная и разочарованная его скудоумием. Пришлось пожать плечами в третий раз и улечься обратно, размышляя об особенностях женской логики и стечении обстоятельств, приведших его к этой необычной, суровой, но невероятно притягательной женщине. Но ее близость, как ни парадоксально, больше не доставляла ему особого беспокойства. Скорее напротив — он бы охотно поддался ее магии, с удовольствием рискнул, если бы был уверен в том, что выживет сегодня. И если, конечно, она бы позволила. А до тех пор...

Коварный сон незаметно подкрался и решительно оглушил усталого эльфа пуховой подушкой, оборвав важную мысль ровно на середине.

ГЛАВА 16

Крохотный оазис Таррэн покидал с сожалением. Но время отдыха закончилось, и спустя час после того, как эльф уснул, Лабиринт красноречиво дал понять: хватит прохлаждаться. И распахнул для гостей новую дверь, откуда на них повеяло прохладным ветерком.

— Знаешь, что-то мне это не нравится, — призналась Белка, едва ступив в услужливо открывшийся коридор. Эльф шагнул тоже, опередив ее буквально на секунду, заглянул в прохладный тоннель, но поежился от встречного ветра, с тихим хрустом раздавил сапогом крохотные белые кристаллики, в изобилии усеивающие пол, и наконец нерешительно остановился.

Что за... лед? Откуда тут быть льду?! Они же миновали воду, разве нет? Тогда что за напасть? Торк! Но делать нечего — путь назад уже перекрыт, дорога впереди одна-единственная, свернуть некуда, потому что Лабиринт заранее об этом позаботился. Вокруг ощутимо похолодало, изо рта стали вырываться белые облачка пара, обдало невесть откуда взявшимся сквозняком, а под ногами со зловещим хрустом начали ломаться тонкие пластинки льда. Более того, тоннель впереди самым бессовестным образом изгибался! Да так круто, что не было никакой возможности выяснить, что же за каверзу решил подбросить им Лабиринт.

— Ты уверен, что мы движемся правильно? — снова подала голос Гончая, у которой всего через пару десятков шагов начали замерзать руки.

Эльф скосил на нее глаза и с беспокойством отметил, что змеиная чешуя на ней стремительно покрывается изморосью. Вокруг, кажется, стало еще холоднее. Настолько, что он без всякого стеснения закутался бы в теплое одеяло и с удовольствием напялил меховую шапку. Однако ничего похожего поблизости не оказалось. И если у него на плечах висела кожаная куртка в довесок к рубахе, то клацающая зубами Гончая щеголяла в одной лишь чешуйчатой броне. И тонкий доспех явно не защищал ее от мороза.

— Оставь, — поморщилась Белка, когда его руки дернулись к вороту. — Твоя куртка меня не спасет, а тебе еще пригодится. Потому как, думается мне, ветер определенно крепчает.

— И что?

— А то! Ты ж у нас герой! С собой прикроешь, защитишь слабых и накормишь сырых... сп-паситель! Стой, кому сказала! Не трогай куртку! Вот продует тебя на таком морозе, сам будешь виноват, — буркнула она. —

Иди вперед, ушастый, а я, так и быть, сзади пристроюсь. Так и теплее, и удобнее будет, потому что я вовсе не уверена, что нас в скором времени не сдует. А ты и потолще, и потяжелее... какое-никакое, но все-таки укрытие.

Таррэн скрепя сердце признал, что она права. Но решения все равно не изменил — упрямо стянул куртку и быстро накинул ее на Гончую, пока та не вздумала отказаться. Закутал, как младенца, застегнул на все пуговицы и с сожалением подумал, что больше ничего сделать не может, потому что шляпы у него не было, от рубахи проку никакого, а по поводу штанов лучше даже не заикаться. Оставалось пожертвовать тем, чем мог, и надеяться на то, что этого будет достаточно, чтобы она не замерзла.

— Таррэн!

Эльф быстро отвернулся и, не слушая возражений, пошагал вперед. Белка посопела, побурчала для приличия, а потом подвернула чересчур длинные рукава восхитительно теплой куртки и поспешила следом, пока глупый нелюдь не вляпался во что-нибудь серьезное. Быстро нагнала, пристроилась сзади и, ступая след в след, посеменила по еще теплым следам, старательно наступая на его широкие отпечатки, из которых не успело выдуть тепло.

Словно дожидаясь неудачливых путников, из-за угла хищным зверем набросился свирепый ветер, заставивший обоих плотно зажмуриться и непроизвольно задержать дыхание.

Гончую тут же передернуло. По лицу немедленно забарабанили маленькие градины, вокруг завывла самая настоящая метель. Температура в тоннеле снова понизилась, да так резко, что это казалось невозможным. Под ногами появились первые маленькие сугробы, которые приходилось месить сапогами, а затем, низко пригнувшись, буквально проламываться вперед сквозь быстро крепчающую вьюгу.

Скажи кому, что из адского пекла они снова попали в зимнее царство, не поверят же! А так оно и было! Лабиринт словно издевался над своими жертвами, нарочно подсовывая неодетым гостям именно то, чего они меньше всего ожидали встретить.

Таррэн уверенно шел вперед, принимая на себя удары разбушевавшейся стихии. Его ноги тонули в рыхлом снегу сперва по щиколотку, но вскоре стали проваливаться уже до середины голеней. Волосы покрылись инеем. Ресницы обледенели, на щеках появился нездоровый румянец. От горячего дыхания на вороте рубахи повисли острые сосульки. Сильные плечи напряглись, пытаясь удержать стремительно убегающее тепло, зубы до скрипа сжались. Одной рукой ему приходилось прикрывать глаза от ветра, а второй нащупывать перед собой

стену. Да еще и ноги ставить крайне осторожно, чтобы не споткнуться или не поранить онемевшие от мороза пальцы о невидимые камни, так как он был совсем не уверен в том, что сумеет вовремя почувствовать неладное.

А тоннель все не кончался. Он, как специально, продолжал издевательски тянуться вдаль, непрерывно изгибался, путал и уводил стремительно замерзающих путников куда-то вниз, на самое дно. Ни одного прямого участка по пути, ни единой развилки, ни даже крохотного уступчика, за которым можно было переждать непогоду или хотя бы передохнуть. Лабиринт насмехался, вынуждая гостей цедить страшные проклятия, и виток за витком уводил их все ниже.

Через какое-то время эльф отчетливо понял, что не сможет бесконечно бороться с лютым холодом: его буквально вымораживало изнутри. Потом был вынужден признать, что переоценил свои силы и что ничего не видит впереди, но внутренним зрением ощущает, что дрянной коридор заканчивается, и там есть еще один зал. Быть может, в нем станет теплее?

Позже эльф сообразил, что уже стоит в том самом зале, но тепла в нем не только не прибавилось, а стало еще хуже. Белоснежные сугробы возвышались уже до колен, и сквозь них приходилось идти, как в свирепую пургу на самой окраине мира. Пальцы на руках почти перестали гнуться и скрючились некрасивыми клешнями. Ноги он перестал чувствовать раньше, однако интуиция подсказывала, что внизу под слоем рыхлого снега лежит сплошной покров из грубо смерзшегося льда. Причем с очень острыми кромками, которых его пострадавшие сапоги явно не выдержат.

Единственный выход был в скорости: чем быстрее им удастся покинуть виток, тем лучше. Но ветер, как назло, усилился и тормозил их движения.

Таррэн пригнулся, упрямо ломаясь сквозь бурю, которая все стремительнее набирала обороты, и с беспокойством подумал о маленькой Гончей, что ухватилась сейчас за его пояс и едва сдерживала дробный стук собственных зубов.

Как она? Справится? Дойдет?

Внезапно в спину что-то с силой ткнулось, и эльфа даже через рубаху обожгло прикосновением.

— Н-не подумай плохого, ушастый, — клацая зубами, предупредила поскользнувшаяся Белка, неохотно отстраняясь. — Я н-не специально. Это в-вынужденная мера. Чтобы ты не окошел от холода, ясно?

Таррэн покосился на ее побледневшее лицо, заметил отчетливую дрожь, которую она уже не могла скрыть, и с тревогой поджал губы. А затем неожиданно решил, что Белка, как ни хорохорилась, все же немало

отличается от коренных обитателей Серых пределов. Хотя бы потому, что местное зверье весьма равнодушно относилось к холоду, ужасно не любило огонь и старательно избегало приближаться к нему даже на сотню шагов. А Белка, напротив, оказалась не готова к морозам.

Вон как трясется, хоть и пытается выглядеть невозмутимой. Губы посинели, а доспех, способный уберечь от жара саламандры, стал жестким и неподатливым. Будто сковал ее нерушимой броней, заключил в ледяные объятия, покрылся белоснежной коркой и начал определенно ее тяготить.

Белка неожиданно покачнулась и с невероятным усилием сделала новый шаг, цепляясь онемевшими пальцами за эльфа как за поводыря. Неуверенно шагнула раз, другой, третий. Но все медленнее и неохотнее, будто передвигалась на несмазанных шарнирах. В какой-то момент она странно дрогнула и почти застыла, словно окончательно влипла в гигантскую паутину. А через пару шагов остановилась полностью, прекрасно понимая, что больше не сдвинется.

От этой мысли в ее глазах метнулся настоящий ужас, лицо напряглось, но тело даже не дрогнуло. Только натужно хрустнул обледенелый доспех, негромко скрипнули примороженные чешуйки, и все. Могучая Гончая окончательно примерзла, провожая тоскливым взглядом медленно удаляющийся силуэт эльфа.

«Иди, — подумала она, пошатнувшись от очередного порыва ветра. — Ты важнее. Ты должен».

Доспех издал пронзительный скрежещущий звук и, словно в отместку, давил грудь ледяными тисками.

Таррэн обернулся на шум, вовремя углядел беспомощную Гончую и, прыгнув обратно, едва успел схватить ее на руки. Мышцы протестующе заныли, потому что никак не собирались тащить обледенелую статую, но все-таки справились. Он успел ее поймать, а затем до боли сжал челюсти и пошел дальше, один, прижав неподвижную Белку к груди и старательно отогревая ее своим дыханием.

— Дурак, — неслышно прошептала она, едва губы смогли шевелиться. — Ты важнее... брось!

Он упрямо мотнул головой.

— Нет.

— Таррэн, пожалуйста!

— Нет! — свирепо выдохнул эльф.

Теперь, когда его руки оказались заняты, он больше не мог уберечь лицо от неистовствующей стихии. Бешеный ветер с воем стегал его кожу, безжалостно выворачивал веки, холодной змеей пробирался под ворот,

толстой коркой льда покрыл волосы, щеки, нещадно морозил нутро. Метель внезапно закутилась так плотно, что перед шатающимся эльфом встала сплошная стена: снизу — слипшаяся, отвратительно плотная масса до самых бедер, сверху — колючая вьюга. Каждый шаг теперь давался с огромным трудом. Руки как обняли неровно дышащую Гончую, так и примерзли, не способные ни защитить ее больше, ни отпустить. Сердце и вовсе превратилось в кровавую сосульку, но слезящиеся глаза ни на миг не отрывались от искаженного лица Гончей, которая продолжала беззвучно что-то шептать.

— Пусти... пусти... брось сейчас же, придурок!..

Таррэн лишь рычал сквозь плотно сомкнутые губы.

Он не смог бы ее выронить, даже если бы захотел: пальцы просто не гнулись. Зря она просила, умоляла. Но даже если бы руки могли шевелиться, он бы сделал лишь одно движение — перехватил ее поудобнее, чтобы не потерять по дороге, и прижал к себе так крепко, как только позволила совесть. Он не мог ее оставить, потому что это значило бы оставить свою душу. А потому упорно тащил на себе, боясь только одного: что ледяной плен скует ее слишком сильно и в один прекрасный момент уже не позволит сделать вдох.

Весь окружающий мир сузился для него до крохотного островка длиной в один неимоверно долгий шаг. Спереди, казалось, намело целые горы снега, громоздящиеся одна над другой так плотно, словно готовились погрести под собой дерзкого нелюдя с головой. И с каждой минутой они становились все выше, круче и неприступнее. Только в паре шагов за спиной еще виднелась проторенная им дорожка, но и она стремительно исчезала за густыми белыми облаками.

Отчаявшись разглядеть хоть что-то, Таррэн в конце концов прижался лбом к холодной щеке Белки, закрыл глаза и лишь пытался уловить ее дыхание, которое опять стало ненормально редким. Прочная чешуя сжималась вокруг нее подобно смертельной удавке, и очень скоро должна была прекратить мучения.

По щеке Белки скользнула крохотная слезинка, но мигом застыла блестящей драгоценностью, заставив эльфа несильно вздрогнуть и поднять голову: Гончая прекрасно понимала, что происходит.

«Уходи! — молча кричали ее глаза. — Ты еще можешь! Не трать силы!»

«Нет, — подумал он, остро жалея, что не может даже пошевелить губами. — Ни за что».

«Болван!»

«Ну и пусть».

«Таррэн!..» — Белка едва не взвыла, но смогла лишь судорожно вдохнуть и с каким-то злым удовлетворением констатировать, что ее время все-таки закончилось. Не слишком-то его оказалось много, не слишком оно было хорошим. Зато теперь ей больше не придется мучиться ни с узами, ни с проклятием своим, ни с дурным нелюдем, который так мало ценит столь редкую в наши дни изиаровскую шкуру. К тому же Крикун, сам того не зная, оказал остроухому услугу, потому что упрямому идиоту все равно придется ее бросить: тащить труп, шагая по грудь в обледенелом сугробе, мог только безумец. Но тут уже нечего жалеть и не на что надеяться. Придется ему смириться и дальше идти одному.

«Я больше... не могу... дышать... брось!»

Она на мгновение замерла, во второй раз за последние сутки ощущая дыхание Ледяной богини, сделала еще один долгий выдох и наконец застыла, невидяще уставившись перед собой. Какое-то время ее сердце еще трепетало, отчаянно не желая сдаваться, но потом веки плавно опустились, зрачки резко сузились, а затем начали медленно расширяться. Перед глазами у Белки все поплыло, сознание помутилось, куда-то исчез страшный холод. Пришло мягкое, живое, долгожданное тепло. Блаженное тепло, которого она почти не знала.

Таррэн, почуяв неладное, тоже остановился и с тревогой всмотрелся в припорошенное снегом лицо, затем приложил ухо к груди, к губам. И внутренне похолодел: Гончая действительно не дышала.

— Белка? — хрипло прошептал он. — Белка! Очнись! Ты меня слышишь?! Белка!!!

Она не пошевелилась. Казалось, она просто уснула, но у эльфа что-то оборвалось внутри: не умела она сдаваться, не могла просто так забыться и оставить его умирать одного. Нет, только не она!

— Белка!

И снова тишина. Ни шороха, ни вдоха, ни мимолетной улыбки на посиневших губах. Только еще одна слезинка скользнула по щеке да медленно угасли голубые радужки, красноречиво свидетельствуя: все закончилось, и это совсем не сон.

Она не вздрогнула даже тогда, когда он со стоном прижался к ее губам в безумной надежде вдохнуть в нее жизнь. Не почувствовав тепла, Таррэн содрогнулся от ощущения непоправимого: перед ним была статуя — холодная, неподвижная и... мертвая.

Таррэн застонал уже вслух, шаря по равнодушному снегу полубезумным взглядом. Он стоял, опасно пошатываясь, в самом центре

бушующей бури. Не чувствуя колючих льдинок, впивающихся в щеки. Не видя ничего вокруг. Не замечая, как из многочисленных порезов сочится кровь. Только на душе вдруг стало оглушительно пусто и почти так же холодно, как в проклятом Лабиринте.

Белик... Белка... малыш...

Лабиринт пугливо притих, ощущая отголоски горя хозяина, но Таррэн уже ничего не видел: упав на колени, он вжался лицом в заледенелый доспех Гончей и тихо застонал, понимая лишь одно: он опоздал.

«Белка...»

Где-то неподалеку злорадно расхохоталась извечная тоска.

— Будь ты проклят! — неистово выдохнул темный эльф, вдруг вскинув запорошенное снегом лицо к потолку. Внутри него шевельнулась потревоженная сила. И послушный «Огонь» заструился по венам, с ревом выжигая поселившийся там холод.

— Будь ты проклят! — раненым зверем взревел наследник Изиара, горестно прижимая к себе неподвижное тело, и мир мгновенно потонул в пламени его ненависти — к проклятому прошлому, к жестокому настоящему и к будущему, которого не будет. К этому небу, что никогда больше не засияет восхитительной синевой ее глаз. К проклятому долгу. К сотни и тысячи раз проклятой крови темного эльфа, позволившей Лабиринту забрать еще одну жизнь.

Таррэн крепко зажмурился, позволяя магии вырвать изнутри все, что еще жило. Зачем ему теперь? Он вздрогнул, когда в тело вонзились миллионы иголок, захрипел от боли в изувеченных ногах и жадно глотнул резко потеплевший воздух. Ничего, ему уже недолго осталось — огонь, как известно, не щадит живущих. А посмертное проклятие мага и вовсе живет лишь за счет призвавшего его безумца — «Огонь жизни» полыхает недолго, зато очень мощно. Как раз что ему нужно.

Поднявшееся до самого потолка пламя мгновенно испарило наметенные возле эльфа сугробы. Окаатило расплавленной лавой весь зал, плеснуло горячей волной на стены. А затем с бешеным ревом ударилось во что-то твердое, взвыло в последний раз, разочарованно откатилось и вернулось к хозяину.

По телу эльфа прокатилась вторая волна неистового жара. Таррэн разом взмок, ощутил стремительные ручейки, бегущие по разгоряченному телу. Почувствовал талый снег на холодных щеках, судорожно сглотнул, смутно дивясь его соленому привкусу. Надолго застыл, горестно зажмурившись и пытаясь уйти следом за Белкой. Но не смог: Лабиринт в последний момент остановил бешеную пляску огня. Просто задул

гигантскую свечу чужой ненависти и оставил измученного эльфа в горестном одиночестве. Живым. Полностью опустошенным. И снова проклятым.

Когда Таррэн открыл глаза, то обнаружил себя стоящим посреди выжженной дотла пустыни, на расплавленных от жара камнях. С заметно полегчавшей ношей на отчаянно ноющих руках, с которых тоже капало, будто с деревьев по весне. А в нескольких десятках шагов впереди, за широкой просекой из оплавленных стен, до сих пор искрила покореженная и нещадно оплавленная дверь.

Перехватив обмякшее тело Белки, он как в бреду доковылял до спасительного выхода, который сам же и сотворил. С каким-то поразительным равнодушием констатировал, что почти выпустил на волю «Огонь жизни», что мог уничтожить разумный Лабиринт и амулет. С сожалением подумал, что именно это послужило причиной столь резкой перемены климата. А затем с накатившим ожесточением решил закончить начатое. Сегодня же. Сейчас. Сразу после того, как найдет подходящее место для могилы.

Он не стал оборачиваться, услышав тихий звук закрывшегося прохода за спиной: это уже не имело значения. Ничто больше не имело значения. Даже жизнь.

Эльф прошлепал босыми ногами в угол небольшого оазиса — точь-в-точь такого же, как оставленный им немногим ранее. Затем некстати вспомнил, что в то время Белка была еще жива и, не сдержавшись, застонал, потому что в отличие от нее все еще мог чувствовать и пока еще мог страдать. После чего с величайшей осторожностью положил Гончую на траву, бережно отер ее осунувшееся лицо, на котором блестели прозрачные капельки, подозрительно похожие на слезы. А затем измученно прижался щекой к ее лбу и так замер, не в силах поверить, что не смог ее защитить.

— Белка...

Таррэн не знал, зачем продолжает гладить ее лицо, зачем ждет чего-то и все еще надеется на чудо. Почему не может отпустить и бездумно перебирает каштановые пряди, по которым от каждого прикосновения проскакивали крохотные серебристые искорки. Все внутри него омертвело и утратило всякий смысл. То, что горело, угасло. А он просто сидел, закрыв глаза, и терпеливо ждал, пока до разума наконец дойдет ужасающая правда.

Он не сразу сообразил, почему в груди снова разгорелся пожар, там что-то неровно стукнуло, а по телу пробежала знакомая горячая волна. Словно ураган прокатился по позвоночнику, с шумом ворвался в сердце и рассыпался обжигающими искрами, от которых стало хорошо и спокойно.

Как-то правильно, что ли? Он не мог объяснить. Просто в какой-то момент мир изменился снова, став понятным, ясным, как его собственные чувства, и именно это понимание вдруг принесло измученному эльфу долгожданный покой.

— А ты упрямый, — вдруг хрипло прошептала Белка, не открывая глаз. — И еще более настойчивый, чем Элиар. Думаешь, я нанималась замерзнуть рядом с тобой только для того, чтобы потом едва не сгореть?!

Таррэн растерянно замер, испуганно зарывшись ладонью в ее густые волосы. Да как же это... Неужели? Ведь такого не бывает, не может быть, потому что это невозможно! Белка? Живая?

В ответ на него снизу вверх уставились два знакомых до боли голубых озерца, от одного взгляда которых глупое сердце ухнуло куда-то вниз. А потом загрохотало так, как никогда в жизни себе не позволяло.

— Как тебе только в голову пришло выпустить «Огонь жизни»? — простонала Гончая и наконец вяло пошевелилась. — Сам едва не сгорел! Совсем дурак! Ты о чем думал, когда собирался развалить это капище по камешку?! Я, между прочим, еще домой намереваюсь вернуться. Вот была бы у тебя на руках жалкая, обугленная, противно воняющая...

— Белка!

— Точно, — притворно вздохнула она, пытаясь повернуться на бок, но смогла лишь чуть приподнять лицо и уткнуться ему в грудь. — Я же говорила, что меня сложно убить! Так что не надейся — не помру вам на радость. Тебе придется еще помучиться, и немало... ох, как жжется! Между прочим, это все братец твой виноват! По его же вине мою шкуру не каждой стрелой проткнешь и далеко не каждым мечом поранишь! Этот некоронованный урод, чтобы ты знал...

Темный эльф, внезапно ожив, с тихим стоном наклонился и обнял ее так крепко, как только смог.

Боги, боги, боги... Она все-таки живая! Почти невредима и снова, как водится, язвит из последних сил! Кажется, Лабиринт не смог ее забрать! Не сумел сломать возведенные наследником трона барьеры! Не смог переломить его волю и его защиту вокруг этой маленькой, двуличной, но совершенно замечательной Гончей, от присутствия которой можно действительно сойти с ума.

О владыка! Что же Талларен вложил в свою лучшую игрушку?! Какой невероятной силой наделил эту измученную девчонку, которая сумела в который раз вырваться с того света?! Какие же руны на ней горят, если она способна делать такие потрясающие вещи?!

— Белка...

— А?

— Ты правда живая? — простонал Таррэн, бережно держа ее на руках и жадно вдыхая запах ее пышных волос. Боги, как она пахла! Как умопомрачительно пахла медом и угрозой! Век бы сидел и наслаждался, даже если бы это грозило страшными муками! Но какое же это счастье — просто быть рядом и знать, что с ней все в порядке! Чувствовать, как колотится суматошное сердце, слышать неповторимую музыку ее голоса, привычно сдерживать желание приникнуть к ее губам и жадно пить, пить, пить ее вкус, ее запах, вбирая в себя всем существом.

Нет. Кажется, это он умер и только что воскрес! Кажется, это он сейчас не дышал, это он пропадал в темноте и угасал на глазах. И пусть это никогда не станет настоящим, пусть она никогда его не примет... ничего, лишь бы не прогнала. Лишь бы осталась рядом еще на мгновение. Хотя бы на краткий миг, и этого хватит.

Таррэн, забывшись, коснулся губами ее волос и снова с наслаждением вдохнул их запах.

Живая...

Белка сердито фыркнула, но брыкаться не стала: устала. Вместо ответа она по-хозяйски пристроила голову на его плече и блаженно замерла, словно не замечая, что его пальцы нежно перебирают короткие пряди одну за другой, а временами и вовсе легонько гладят кожу на щеках. Его глаза горели непонятным красновато-зеленым светом. От них шло осязаемое тепло, и ей было хорошо. Спокойно, уютно, просто замечательно. И в этот момент она не пожелала разрушить чужую, искреннюю и нескрываемую радость. Потому что хотя бы раз, один-единственный раз в жизни можно было позволить себе эту крохотную слабость.

— Живая, — промурлыкала Гончая, сладко жмурясь, как самая настоящая кошка. — Я умею на время отключаться и играть в жука-притворяшку, имитирующего смерть. Это позволяет не тратить силы и переждать даже такую гадость, как метель и обледеневшая чешуя на боках. Но кто бы мог подумать, что питоны окажутся настолько уязвимы к холоду?

— Но как, Бел? — прошептал темный эльф, тихонько потеревшись носом о ее макушку.

— Ты ведь видел, что со мной сделали?

— Да, — тихо вздохнул Таррэн, все еще не в силах поверить.

— Твой брат не хотел, чтобы кто-нибудь испортил его любимую игрушку. И выложил так, как, наверное, никогда в жизни, так что теперь на мне горит много рун, ушастый. В том числе и те, которые защищают от

вашей магии. Более того, на меня вообще ни один маг не способен воздействовать: ни во вред, ни на благо. И только для наследников Изиара я более открыта. Правда, лишь тогда, когда мне не желают причинить боль. То есть ты можешь вылечить мне маленькую ранку, как это случилось на заставе, помочь вправить сломанную руку, даже восполнить мои силы, если приспичит, но не более. Если вздумаешь ударить, руны отторжения вернут этот удар, усилив его в несколько раз. Решишь наложить чары, и они просто соскользнут. Соберешься поранить, и ничего из этого не выйдет. Думаю, Талларен опасался мести от «дорогих» родственников за такую подставу. Но в то же время не хотел, чтобы я бездарно погибла. Потому и выбрал такое странное решение: избавил меня от магии людей, гномов и перворожденных, но оставил небольшую лазейку для единокровных родичей, которые хоть и не смогли бы причинить мне вред, вполне способны оказать посильную помощь.

— Хочешь сказать... — странно дрогнул эльф, — кровь Изиара позволяет мне быть с тобой рядом?

— Ну ты ведь здесь? И еще живой. Даже успешно сопротивляешься, хотя любого другого на твоём месте уже скорчило бы от боли. Здорово, да?

Таррэн прикусил губу, неожиданно поняв истинную причину, по которой смог нащупать узы единения, связывающие ее с грозной хмерой. Почему сумел вылечить рану от зубов саламандры. Почему, наконец, Белка выжила после ее бешеного огня — кажется, она просто защищена от любой угрозы так, как ни одно существо на Лиаре!

— Да, — словно подслушала она его мысли. — Твой дерьмовый братец не хотел меня потерять — я досталась ему слишком дорогой ценой. Он почти три века искал сочетание знаков, позволивших бы изменить человека так, чтобы вы... чтобы твоя раса жила. Ему был нужен не просто наследник, не просто женщина, которая была бы вернее рабыни и подарила бы этого наследника... Ему было нужно живое оружие, способное дарить смерть одним взглядом или касанием. Убивающее по его приказу. Бездумное, покорное, совершенное оружие, которое принесло бы ему сумасшедшую власть, открыло бы любые двери и даже расчистило бы дорогу к трону. Но я не хочу сейчас об этом вспоминать.

Белка прикрыла глаза и умолкла, заново переживая свое страшное прошлое. Таррэн молчал тоже, потому что не находил слов, чтобы помочь ей исцелить израненную душу. Он лишь хотел, чтобы эта часть ее жизни никогда больше не возвращалась. Чтобы Белка избавилась от боли. Воскресла. Ожила по-настоящему. Ради этого он был готов на все. Даже на то, чтобы и дальше держать ее на руках, рискуя лишиться последних крох

рассудка, и тихонько гладить мягкие волосы, страстно надеясь, что это поможет ей успокоиться.

— Твой брат наложил на меня руны защиты, — неожиданно призналась Гончая. — Это ты уже знаешь. Но, если честно, он использовал не только их. Ты меня слушаешь?

— Да, — тихо шепнул темный эльф, наслаждаясь каждым мгновением и мечтая о том, чтобы этот миг никогда не закончился.

— На мне еще есть руны сродства, отторжения, влечения, изменения. Талларен использовал все свои знания, чтобы закрыть меня от существующих и еще не созданных ядов. Он придал моей коже крепость камня. Он дал мне новое лицо, новое тело и невероятно долгую жизнь, чтобы я скрашивала его бессонные ночи. Можно даже сказать, что он создал меня заново, но за это...

Белка прерывисто вздохнула.

— Он отнял у меня возможность самой жизни. Он уничтожил мое прошлое, будущее, стер меня из этого мира, как стирают рисунок на мокром песке. А взамен нанес свой собственный — тот, который изменил меня навсегда. Из-за этого я перестала быть Белкой. Я больше не человек, Таррэн. Я... я даже не знаю, кто я! Наверное, чудовище? Может, перемешник был прав?

— Мне жаль, если ты так думаешь, — прошептал Таррэн, прижимаясь щекой к ее макушке. — Потому что для меня ты все равно останешься Белкой.

— Жаль? — горько улыбнулась она. — У меня на спине вырезаны руны полного подчинения, эльф, а ты говоришь, что тебе жаль?! Неужели ты не понимаешь?! Неужели не слышишь? Я убью тебя, если ты только сглупишь! Уничтожу твою личность полностью! А ты говоришь — жаль!

Он устало прикрыл глаза. Так вот в чем дело! И вот почему старая Грета велела ему не смотреть! Руны подчинения! Руны, способные уничтожить саму суть живого существа, если на активный рисунок бросить даже мимолетный взгляд! Прежний вожак Гончих не сумел удержаться и пропал! Руны, вот где ответ!

— О боги... сколько же их у тебя? — в ужасе прошептал Таррэн.

— Четыре. Для тела, души, сердца и духа, — неестественно ровно сообщила Белка. — Тем, кто увидит их целиком, грозят безумие и смерть. Полное подчинение, если ты понимаешь. А тем, кому повезет рассмотреть первые две, — вечная каторга чувств, от которых не спасет ни время, ни расстояние, ни магия. Запомни, ушастый: я живая приманка. Ходячий афродизиак, на котором с одной стороны выжжены руны, заставляющие

вас кидаться навстречу. А на другой — руны подчинения, от которых вы сходите с ума и теряете себя прежних. Спереди — сладкая начинка, сзади — смертоносный капкан. Если я оплошаю, не догляжу, кто-то из вас может погибнуть. Нет, он не умрет, не забудет прошлого, не утратит силы, но он никогда больше не будет прежним, понимаешь? Хоть король, хоть бродяга; эльф, гном или человек — никому не будет спасения, а я этого не хочу. Даже для тебя.

— Неужели нет никого способа?..

— Нет. Только смерть.

— Это наша вина. Прости.

— Тебе не за что извиняться, — покачала она головой. — Ты другой. И не спорь, я знаю, о чем говорю. Ты настолько отличаешься от брага, насколько я сама отличаюсь от обычной девчонки. Тебя даже ненавидеть не получается как следует, и я уже сомневаюсь в том, что ты вообще темный!

— Почему же? Я чистокровный темный, — горько усмехнулся эльф. — Чище просто не бывает.

— Да, в вас с братом течет одна кровь, но и во мне ее хватает. Так что, можно сказать, мы все прокляты: я, он, ты... Пусть вы и родичи, но теперь это не имеет никакого значения. По крайней мере, для меня.

— Знаешь, почему я отрекся? — неожиданно спросил Таррэн. — Знаешь, почему ушел из леса? Почему бросил род и семью вопреки воле совета? Именно из-за того, о чем ты говорила. Ты ведь помнишь многое из того, что знал Талларен? Он поделился с тобой памятью?

— Да. Он хотел, чтобы я знала, зачем он так поступает.

— Ты была права, — измученно вздохнул эльф. — И он тоже не обманул, когда накладывал узы, потому что мы на самом деле вымираем как раса. Ты была права во всем: мы теряем себя. Нас становится все меньше, словно идет война.

— А это и есть война, — невесело хмыкнула Гончая. — Ваша персональная война на выживание, в которой, как известно, все средства хороши.

Таррэн внезапно напрягся.

— Ты... видела?

— Да, — не стала отрицать Белка, и глаза ее холодно блеснули. — Я знаю, что была не единственной, кому выжгли эти проклятые руны на коже. Талларен хотел, чтобы я это знала. Прониклась теми «жертвами», которые он принес ради меня. Хотел, чтобы я помнила, сколько времени он потратил, чтобы подобрать правильную комбинацию рун. Я все знаю. Даже то, что никто, кроме меня, после такого не выжил.

Таррэн внутренне похолодел. Да, он предвидел это. Чувствовал, что причина ее ненависти крылась не только в брате, но и в том, что ему в свое время не помешали. Если она видела то, что сотворил наследник трона, то, значит, знает и все остальное.

Эльф прерывисто вздохнул и медленно отнял руку, не зная, имеет ли право прикоснуться к ней после всего, что сделали его родичи.

— Ты был там в тот день, — сухо сообщила Белка. Без злости, без раздражения, просто констатировала факт. — Ты смотрел, как они умирали. Я видела твое лицо в его памяти. Ведь так?

— Да, — неслышно согласился Таррэн.

— Ты знал, что происходит?

У эльфа по лицу пробежала болезненная судорога.

— Их было двадцать, — тихо сказал он, с трудом заставляя себя вспоминать. — Два десятка девушек — красивых, невинных... чужих невест, оторванных от семьи и родного дома. У них не спрашивали согласия. Темный лес никогда не ценил смертных. Их презирают, ненавидят и даже убивают... охотно. Перворожденные не утруждают себя этическими нормами в отношении короткоживущих. Мы правили на Лиаре много тысячелетий, мы еще помним, как зарождалась ваша раса. Как мы помогали ей родиться из грязи и отбросов, из боли и пепла. Как выводили к свету и делились знаниями. Вы казались нам слабыми, беззащитными птенцами, которые вскоре после рождения попытались укунить кормящую их руку. Негодными к сотрудничеству дикарями. Должен признать, что в этом есть какая-то доля правды.

— Я знаю, — неестественно ровно сказала Белка и умолкла, но он хорошо почувствовал, как она напряглась.

— Два века назад мой народ осознал истину, — печально улыбнулся эльф. — Мы наконец-то поняли, как дорого обошлась нам эпоха расовых войн. И то, что в этих войнах было утрачено самое дорогое, чем можно гордиться, — наше будущее, потому что в тех боях мы потеряли почти всю молодежь.

— Не продолжай. Я знаю эту историю. Как и то, что два века назад вы попытались исправить свою ошибку. Правда, за чужой счет.

— Темный владыка разрешил своему сыну попробовать кровосмешение — в глубокой тайне, в глубине священной рощи, куда заказан ход непосвященным. Он привлек к этому хранителей знаний, и все они согласились, что вопрос выживания расы стоит жизней нескольких смертных. Они работали много дней, пытаясь соотнести руны изменения так, чтобы люди могли дать нам новых перворожденных. Руны смешивали,

меняли, наносили на кожу магией, краской, а затем и кровью. Их вытравливали и выжигали до тех пор, пока не стало казаться, что все получается... — Таррэн крепко зажмурился, как наяву видя вереницу искаженных мукой лиц. — Они изувечили двадцать невинных жизней! Ради того, чтобы уничтожить их, когда выяснилось, что родившиеся малыши были всего лишь полукровками!

— Талларен был в бешенстве, — обронила Гончая, сжав кулаки. — Я видела это, помню его ярость. Помню, как он убивал их. Сам, коротким ударом в сердце, одну за другой.

У нее вдруг расширились глаза, а перед внутренним взором пронеслись стремительно меняющиеся картинки: неподвижные тела, бесстрастные лица, перекошенная злобой физиономия палача, с досадой отвернувшийся владыка, скорбные физиономии старейшин. А затем еще одно, белое как снег лицо. Молодое, дико знакомое, но искаженное ужасом и внезапным пониманием.

— Таррэн!

— Я опоздал, — горестно кивнул эльф. — Я узнал слишком поздно и не успел спасти этих девочек. Меня не было в то время в священной роще, я учился управлять своей кровью в подземельях Иллаэра, потому что выпускать силу Изиара опасно даже для его прямого потомка. Мне так сказали. Меня заранее отправили подальше, потому что знали, что я буду против, — единственный дурак, кто имел голос в совете, но кого никогда не стали бы слушать. Я не давал им сделать этого прежде, и они не хотели, чтобы я узнал до того, как все закончится. Но я вышел наверх немного раньше и услышал крики...

Он устало прикрыл веки.

— Я сделал все, что мог, малыш. Я обвинил совет в ереси, я ранил четверых из тех семи, что стояли и смотрели, как убивают невинных. Я пошел против самого владыки, но этого оказалось недостаточно, потому что Талларен не забыл о своих планах. Лишь затих на время! чтобы через двести лет попробовать снова. И снова никто его не остановил.

— Ты пытался его убить! — тихо охнула Белка, внезапно увидев короткий поединок между братьями. — Тогда, два века назад, в священной роще, ты поднял мечи на наследника престола! Таррэн!

— Он заслужил.

— Но ведь ты...

— Ну и что, что темный? Разве это оправдание?! Он уничтожал детей как расходный материал. И он собирался сделать это снова, понимаешь? И сделал, будь он проклят! С тобой и Литой! А может, и с кем еще, я не знаю!

И никто не знает, скольких он успел убить за эти два века! А тогда я надеялся, что справлюсь и наш лес никогда не узнает такого владыки. Но у меня не вышло: Талларен никогда не любил рисковать, а потому привел с собой пару прихвостней, которые, едва я сумел его ранить, помешали нам закончить поединок.

Эльф тяжело вздохнул и тряхнул головой, отгоняя подбирающуюся усталость.

— Потом был суд, обвинение. Мне назначили даже наказание. Глупо, да? Наказывать того, кому на роду написано умереть. Но я не дал им возможности позлорадствовать: произнес слова отречения, снял родовой перстень, срубил свою ветвь на родовом ясене и ушел.

— Предварительно стащив из сокровищницы владыки ключ?

— Было дело, — слегка смутился он. — Шум, конечно, поднялся страшный, меня долго искали и травили, как дикого пса... но не мог же я оставить его там, если знал, что он все равно понадобится? Конечно, я ушел! Правда, для этого пришлось забыть о магии, чтобы меня не опознали. Так я и стал обычным бродягой, у которого нет дома. Остальное ты знаешь.

Белка хмыкнула и вдруг самым бессовестным образом улеглась обратно, подтолкнув его замершую в нерешительности руку макушкой и сладко зевнув.

— Спасибо, что рассказал, — сонно пробормотала она, потершись щекой о его ладонь. — Я не все увидела тогда, потому что слишком уж это отвратительно. Все думала, как и что, пыталась сообразить, почему ты оказался там в этот день, но ничего не сделал. А теперь все встало на свои места. И я рада, что не прибила тебя по пути: ты действительно уникальный экземпляр.

— Ты не сердись?

— Нет, — мурлыкнула она. — Более того, рискну попросить тебя об услуге. Не возражаешь?

— Нет, конечно, — с нескрываемым облегчением улыбнулся Таррэн.

— Тогда не мог бы ты... только не вздумай ржать!.. не мог бы еще немного погладить мои волосы?

Эльф вздрогнул так, что она заметила и внезапно смутилась.

— Это совсем не то, что ты думаешь, ушастый. Мне просто нужно! Очень нужно, честное слово!

— Хорошо, — ошарашенно согласился Таррэн, бережно коснувшись слегка вьющихся прядей, легонько пощекотавших ему подбородок. От них пахло медом и чем-то неуловимо знакомым. Его рука сама собой

пробежалась по влажной макушке, погладила, чувствуя, как тихонько покалывает пальцы, будто иголками. Затем осмелела и погладила уже увереннее — так, как давно хотелось. Наконец он совсем обнаглел и, зарывшись в каштановое море всей пятерней, блаженно прикрыл глаза. Едва не заурчал диким зверем, потому что никогда прежде ему не было так удивительно, бессовестно хорошо. В глухом подземелье, замерзший и слегка обгорелый, замученный, истощенный до предела, он сидел и улыбался, твердо зная, что ничего лучше в его жизни еще не случилось. Это была маленькая победа. Крохотный кусочек счастья, которого он никогда прежде не знал.

— Таррэн? — вдруг сонно встрепенулась Гончая. — У тебя что, резерв пустой? Чего так волосы искрятся?

— Мм, наверное. «Огонь жизни» должен был забрать все мои силы. Не знаю, я не проверял.

— Так чего ты молчишь, гад?! — гневно вскинулась Белка, упершись кулачками в его грудь.

Она возмущенно приподнялась, сверкнула позеленевшими радужками, набрала воздуха в грудь, собираясь все высказать этому дурному нелюду, что думает по поводу его глупых геройств, неоформленных желаний, намерений, мыслей и вообще... но мельком глянула на пол и вдруг ахнула в неприятном ужасе: к ним от самой двери тянулись щедрые кровавые разводы. Как раз там, где он недавно прошел.

— Таррэн!

Эльф подтянул изрезанные стопы, чтобы она не увидела, насколько страшными они стали, но Гончая уже развернулась и с неожиданной силой ударила его в грудь.

— Дурак! Ты почему молчишь, что не можешь даже вылечить себя?! Обними меня! Сейчас же! Или, небом клянусь, так врежу, что...

Таррэн вздохнул и послушно обхватил ее за талию. До чего же непредсказуемая! Только что лежала как лапушка, а теперь снова готова разорвать его на куски. Настоящая хмера! Куда там Траш!

— Да не так! Ты что, никогда девушку не держал на руках?! — окончательно взъярилась Белка. — Крепче! Держи так, словно я бриллиант с тебя ростом, который у тебя собираются отнять! Как подругу или... А, Торк! Откуда у тебя только лапы растут?! Совсем кривые и неумелые! Срам один, а не эльф! Кто вас только развратными назвал?! Ни Торка не можешь...

Эльф покорно обвил ее талию двумя руками и с силой притянул к груди, оборвав возмущенный поток слов, после чего с наслаждением

прижался щекой к ее макушке и зарылся пальцами в пышные волосы.

«Все, я сдаюсь: я больше не могу тебе сопротивляться и отрицать очевидное! Я признаю свое поражение!»

Его ладони снова тихонько закололо, в груди приятно потеплело, а по жилам разлилось ощущение неги и стремительно возвращающихся сил. Измученное тело ожило, встрепенулось. Израненные стопы зажгло и задергало, будто кто-то расщедрился на хорошую порцию исцеляющего заклятия. А затем неприятные ощущения исчезли, оставив лишь восхитительное чувство покоя и изумительный замах меда, от которого снова начинала кружиться голова.

Таррэн несколько минут сидел неподвижно, каждый миг ожидая возмущенного вопля, свидетельствующего о том, что короткое счастье закончилось. Но Белка почему-то молчала. А потом с готовностью прижалась, немного поспела и ожесточенно потерла нос о чужой ворот, словно он страшно зудел. В конце концов успокоилась и снова зевнула.

— Ну как? Тебе стало легче?

Таррэн оторопело моргнул и ощутил, что действительно чувствует себя гораздо лучше. Что стопы перестали нещадно ныть, многочисленные ранки подсохли и почти зажили. Сердце билось ровно и мощно, будто и не помирало недавно от перегрузок. А резерв...

— Бел! — ахнул эльф, внезапно обнаружив, что его истощенный организм стремительно восстанавливается. Да еще с такой скоростью, будто подключен к мощному источнику.

Белка хитро прищурилась.

— Ты не смотри, что я маленькая, ушастый. Сар'ра как-то сказал, что моих резервов на троих хватит. Правда, здорово?

— Это твоя работа?!

— Я, если ты еще не понял, живой накопитель магической силы. Сама пользоваться не могу, но вот кого другого подлатать — пожалуйста. Она в меня отовсюду впитывается, как в губку, безо всякого моего желания. Зато и выходит тоже сама — через волосы и кожу, и тогда они начинают искриться, как сейчас. Да ты гладь, не бойся: мне только легче станет — здесь же силы разлиты... хоть утопись на радостях. Представляешь, Талларен для себя такой подарок готовил! Смаковал, предвкушал, как будет поживать на лаврах, вкушать плоды заслуженной победы, а тут... гм, ты сидишь и незаслуженно блаженствуешь. Вот бы он взбесился, если бы узнал!

— Белка! — почти простонал Таррэн, уже устав изумляться и восхищаться этой маленькой женщиной. — Ты чудо, честное слово, я тебя

обожаю! Он что, еще и эти руны на тебя нанес?!

— Он много чего нанес, чтоб ему в гробу перевернуться. Но ты лежи, лежи. Дыши глубже. И не вздумай руки распускать, не то оборву!

— Да я не собирался, — с сожалением вздохнул он. — Мне и так хорошо.

— Любишь довольствоваться малым? — недоверчиво хмыкнула Гончая. — Похвально. А теперь заткнись и не мешай мне спать — отдавать тебе силы хлопотно. А я всегда... а-у-у... вернее, почти всегда засыпаю в таких случаях. Разбуди, когда насытишься, ладно?

Эльф с чувством погладил ее волосы и, зарывшись лицом в каштановые пряди, с нескрываемым удовольствием вдохнул их легкий, но такой знакомый аромат, который столько времени сводил его с ума — запах свежей, бьющей ключом магической силы, что так долго скрывалась под защитой ее необычной ауры.

Удивительная женщина. Прекрасная и совершенно неповторимая. Настоящий шедевр. Никто и никогда бы не догадался, что за сокровище пряталось внутри ее ладного тела! Ни один маг не разглядел бы этот сокровенный бриллиант! Никому она не доверилась, никому не открылась! Только Сар'ра знал эту тайну. А теперь вот и Таррэну повезло встретить настоящее чудо там, где совсем не ожидал.

«Моя маленькая Гончая, — с чувством подумал эльф, с щемящей нежностью увидев на ее лице слабую улыбку. — Спи, малыш. Отдыхай и ни о чем не думай, потому что я никому не позволю причинить тебе боль!»

ГЛАВА 17

Едва Гончая пошевелилась, Таррэн немедленно отстранился. Он слишком хорошо знал внезапные перепады ее настроения, чтобы не понимать: едва исчезнет жизненная необходимость, Белка тут же станет холодной и невозмутимой, как прежде. И мгновенно забудет все, что было сделано или сказано вчера. Да, для него самого не изменится решительным образом ничего — она навсегда останется для него самой удивительной и желанной. Но рисковать вызвать ее гнев неуместной навязчивостью он не стал: опасно дергать хмеру за усы, поэтому эльф поспешно убрал руку с ее плеча и отодвинулся.

— Что, уже? — сонно пробормотала она, потершись щекой об измятую рубаху. — Сколько у нас осталось времени?

— До полудня, — осторожно ответил эльф.

— А сейчас сколько?

— Час назад рассвело.

— А-а-а... — Белка сладко зевнула и протерла глаза. — Ох, я чуть не забыла, где мы. А ты чего такой напряженный? Боишься укушу? Забудь. Ты жесткий и невкусный. Я лучше сухарик поищу. У тебя, случайно, с собой нет?

Таррэн молча порылся в карманах и протянул небольшой, чудом уцелевший эльфийский хлебец, до которого вчера просто не дошли руки. Белка обрадованно взвизгнула и, разломив сухарик на две части, с удовольствием сунула в рот.

— Мм... на, доедай. Я не жадная, так что лопай, пока дают. — Белка торопливо прожевала свою порцию, с удовлетворенным вздохом откинулась на траву и, кинув настороженно взирающего эльфа ехидный взгляд, незаметно проверила резервы. Интересно, сколько в него вошло? — Ого! Ты сколько взял?! Я ж почти сухая!

Он неловко отвел взгляд. Ну не говорить же, что до самого утра баюкал ее на руках, напрочь позабыв про магию, Лабиринт, амулет и все остальное. Просто наслаждался ее присутствием и не думал, что может вычерпать накопленную ею силу до дна. Забылся, это правда, но на то были веские причины.

Как ни странно, в эту долгую ночь нескромные мысли его почти не тревожили. Волнующие картинки, от которых прежде горели уши, неожиданно ушли в тень, хотя, казалось бы — вот он, твой шанс. Бери и

пользуясь: темно, сухо, уютно, красивая девушка, нуждающаяся в защите и опеке... Таррэн без колебаний отогнал эти мысли. А вместо них пришло чувство восхитительного покоя, ощущение правильности происходящего и постепенное понимание того, что суровая Гончая была создана для такого, как он. И идеально подходит именно для него, темного, хотя это и казалось невероятным.

— Извини, — все еще неловко кашлянул эльф. — Я плохо чувствую твои границы.

— Так чувствуй хорошо! — буркнула Белка. — Кто тебе не дает? Что, всегда надо разжевывать? И куда в тебя только влезло?

Таррэн совсем смешался, не зная, как ему реагировать на вполне справедливый упрек, но неожиданно понял, что ворчала Белка совершенно беззлобно. Просто констатировала факт и, похоже, не собиралась ругаться или спорить по-настоящему. Она просто не злилась.

— Что-то не так? — вдруг нахмурилась Гончая. Эльф мотнул головой и поспешно сунул в рот хлебец, чтобы сгладить неловкость. — Тогда пошли. Пес знает, что там еще твой Лабиринт уготовил, а мне бы не хотелось проторчать тут остаток жизни. С тобой, конечно, весело, но не настолько, чтобы я окончательно сошла с ума или забыла о деле. Все, подъем. Что там у нас на очереди?

— Залы единения, — хрипло ответил эльф, поднимаясь на ноги.

— Какая-то очередная гадость? — подозрительно уточнила она.

— Не знаю. Хроники об этом ничего не сообщают.

— Жаль. Как твои ноги?

— Нормально.

— Тогда чего тормозишь? Дверь открывай и идем!

Таррэн против воли улыбнулся, когда Белка демонстративно сложила руки на груди и нетерпеливо топнула ножкой. Снова — без раздражения, но с какой-то детской непосредственностью, которая в ней всегда проявлялась в личине Белика.

Он снял с себя обрывки изодранных голенищ, босиком прошел к ближайшей стене и привычным способом открыл новый коридор. После чего проследил за быстро исчезающей ранкой на запястье, с чувством поблагодарил спутницу за восстановленные силы и первым шагнул внутрь.

— Таррэн? — немедленно нагнала его Гончая и ужом протиснулась в открывшуюся щель. — А ты никогда не думал, почему Литур пошел с нами? Почему Диур отправил именно его? И почему сказал именно те слова? Ну я имею в виду, про двух темных эльфов, которым надо войти в Лабиринт? Ведь мы с тобой хорошо помним текст хроник, и там ничего

подобного не было!

Таррэн надолго задумался.

— Таких слов там точно не было, но меня все время беспокоили строки, в которых говорится про кровного родственника, — ответил эльф. — Возможно, соль именно в них?

— Но ведь в прошлые восемь раз все было в порядке, — возразила Белка. — И амулету всегда хватало одного темного, чтобы активироваться. Правда, твои предки никогда отсюда не возвращались, но дело-то было сделано. Почему же теперь стало иначе? Почему Дииур так обеспокоился перед смертью?

— Ты знала его?

— Сколько себя помню, он всегда жил в хижине на отшибе. Старый молчун. Высокий, как столб, сухой, будто палка, но стро-о-огий... — Гончая вдруг хихикнула. — Мы у него однажды яблоки пытались украсть из сада, так он нас с Литуром так отчитал, что я потом за версту не решалась приближаться! Целых три дня! Зато наши отцы к нему нередко заглядывали: он был хорошим целителем.

— Возможно, — медленно проговорил эльф, внимательно смотря по сторонам и пытаясь не проворонить ловушку. — Быть может, маг он был неплохой. Но меня тревожит другое: откуда он знал текст наших хроник? И гномьих? Литур сказал, что у него были разные копии: и наши, и светлых, и гномов. Откуда?!

Белка озадаченно почесала нос.

— Ну про гномов не знаю, а ваши он мог узнать от Талларена.

— Почему от него? — Таррэн несильно вздрогнул.

— Этот урод тоже захаживал к нему в хижину, и часто, вот только я не помню, о чем они говорили. Кажется, Дииур знал, кто именно зачистил в Малую сторожу, но думал, что из-за Стражей...

— Погоди, погоди. А если Талларен интересовался не ими? Он ведь не зря отправился туда инкогнито.

— Думаешь, что-то знал?

— Возможно. После первого поражения орден каким-то образом сумел возродиться, а за последующие восемь эпох не раз поднимал голову, хотя казалось, что его полностью уничтожили. Причем с каждым веком его маги становились все сильнее и все ближе подбирались к ключам. Да и основали орден, кстати, именно маги — те самые, уцелевшие после первого прорыва.

— Полагаешь, Дииур...

— Мог быть потомком кого-то из них, — кивнул Таррэн. — Жизнь смертного коротка. Жизнь мага длится чуть дольше, но даже ее

недостаточно, чтобы пережить целую эпоху. Пока не настанет конец тысячелетия, им незачем открывать свои возможности, поэтому все остальное время они прячутся среди обычных людей. В конце концов, кто-то должен передавать знания новому поколению, а заодно следить за ключами и хранить сведения о них и об амулете. Почему бы не Дииур? Место у сторожи было глухое, малолюдное, а близость гор скрывала всплески магии не хуже, чем охранные амулеты. Собственно, думаю, именно поэтому в Темном лесу до сих пор не знают, где и как погиб их наследник.

— Допустим, ты прав, — задумалась Белка, ловко перепрыгнув через какую-то ямку. — Предположим, Талларен действительно вычитал что-то в архивах и явился в сторожу из-за ордена, затем нашел Дииура и попытался отыскать другую трактовку пророчества, а экспериментами занимался постольку-поскольку... Допустим, у Дииура на самом деле были какие-то дела с орденом. Но откуда наследнику престола об этом знать?

— А что говорит твоя память?

Белка отрицательно покачала головой.

— Я бы рада заявить, что все зло идет от вас, начиная с Изиара, и даже рискнула предположить, что некоторые из твоих сородичей могли бы многое рассказать об истории ордена... но я не помню, занимался ли когда-нибудь Талларен его организацией. И тем более не знаю, открывал ли он человеческим магам ваши заклятия, так как в эти подробности он меня не посвятил. Единственное, что я знаю, — это то, что после провала с полукровками он стал одержим идеей создания новой расы и очень надолго заперся в ваших архивах, досконально изучая древние хроники. А потом исчез, прихватив мечи, любимую флейту и копию пророчества Девяти, о котором говорил Литур. И объявился спустя полтора десятилетия в окрестностях сторожи — один, с копией хроник и с маленькой хмерой под мышкой.

— Иными словами, ты ни в чем не уверена.

— Думаю, какое-то время он провел в пределах, потому что нашел Траш. Возможно, успел переговорить с магами на заставе. Не исключено, что побывал в Интарисе, потому что слишком хорошо знал подробности дворцовой жизни. Но если бы твой брат участвовал в заговоре, вряд ли он помчался бы искать того, кто смог бы трактовать пророчество не так, как хранители. Тем более если кто-то из них снабжал магов заклятиями уже в прошлую эпоху. Гору Импала помнишь?

Таррэн пожевал губами и ловко увернулся от острого выступа, едва не пробившего ему висок.

— Насчет остальных не уверен, но Талларен слишком презирал людей, чтобы участвовать вместе с ними в каком бы то ни было заговоре. Он был горд, заносчив и абсолютно безжалостен, и я не могу себе представить, чтобы он согласился терпеть возле себя смертных даже ради абсолютной власти. Потому что это значило бы поступиться принципами, а он на это был неспособен.

— Пожалуй, — неохотно согласилась Белка. — Он даже от Стражей воротил нос, а с Диууром вел себя так, словно тот — мальчик на побегушках. Но старик был так увлечен работой с хрониками, что не обращал внимания... Я видела это в памяти Талларена. Как думаешь, у твоего брата могли быть другие копии?

— Если уж он сумел вынести из сокровищницы нашу, то что помешало бы ему обратиться к светлым или к гномам под предлогом налаживания отношений? Вряд ли он платил за эти тексты, хотя и такое возможно, но, вероятнее всего, просто уговорил кого-то поделиться: мой брат, к сожалению, владел редким даром убеждения. Что же касается ордена, я не удивлюсь, если кто-то из наших приложил к этому руку. На моей памяти даже среди хранителей находилось немало безумцев, готовых прославлять Изиара за то, что он сделал, так что все может быть. В том числе и то, что кто-то из них сейчас ждет снаружи, чтобы закончить это дело одним махом.

— Думаешь, орден мог пробраться к Яме? — заметно обеспокоилась Белка.

— Поблизости находятся сразу две заставы с эльфами и неплохими магами. Если кто-то из них причастен, то идти в Проклятый лес, которому я велел никого не трогать... лучше ситуации не придумашь.

— Тогда надо выбираться, — твердо сказала Гончая, ускоряя шаг. — У нас там люди без защиты остались, Каррашик беспокоится, а Траш сходит с ума, потому что я оборвала узы. Если еще и орден нагрянет не вовремя...

— Эй, эй, эй. — Таррэн осторожно придержал ее за локоть. — Все будет хорошо. Ты чего взвилась?

— Не знаю, — виновато потупилась Гончая. — Я и так всю дорогу подозревала всех до единого. Проверяла, испытывала. Элиара, вон, рискнула коснуться, тебе узы навязала. Рыжего до бешенства пару раз довела, потому что у него амулетик на груди больно дорогой для обычного наемника. Молота вроде насквозь видать, да что-то он слишком уж простой для Бортворских головорезов, Сова вообще темная лошадка, до сих пор не знаю, каков он на самом деле. В своих я уверена, и вроде бы все нормально, никто не сболтнул лишнего, никуда не отлучался и ни от кого магией не

тянуло на сторону... Но, Торк, за нами все равно следили от самого Аккмала! Вели как неразумных младенцев и отстали только на тропе. А я... наверное, я просто устала, Таррэн. Мне тревожно и неуютно оттого, что они там, наверху, одни.

— Они хорошие воины, я знаю. А если орден все-таки рискнет напасть, то Траш и Карраш с Гончими прикроют. Да и Элиар с Танарисом в стороне не останутся, а таких магов, что сумеют справиться с хранителями трона, еще поискать надо.

— Да, наверное, — вздохнула она. — Прости, что-то нервы расшалились. Совсем я издержалась с этими ключами и амулетами, скоро себя подозревать начну бог знает в чем. Пойдем, а?

Эльф улыбнулся.

— Пойдем. Нам немного осталось, я чувствую.

— Таррэн? А ты не думал, что я могу быть тем кровным родственником из пророчества? — напряженно спросила Белка. — Ну если принять трактовку Дииура как верную? Все-таки он не был дураком, и наверняка в этом есть рациональное зерно, иначе он не велел бы Литуру бежать в пределы и спешно искать Стражей.

Таррэн покачал головой.

— Женщинам неподвластна магия Изиара.

— Но ведь я не человек, и руны изменения вполне могли...

— Я не уверен, что Дииур расшифровал пророчество полностью и сделал это правильно, — ровно произнес он. — Ясно только то, что если мы не справимся, граница рухнет, а из портала выйдет владыка Нижнего мира со своими демонами. Вполне возможно, речь идет лишь о том, что для правильной активации амулета потребуются больше усилий, чем может выдержать один эльф. И, возможно, именно поэтому мои родичи не возвращались обратно: им просто не хватило сил выбраться.

— Но Литура говорил, что для этого нужна кровь!

Он бросил за спину быстрый взгляд и странно улыбнулся.

— Литура? Знаешь, а ты ему очень нравишься.

— Я всем нравлюсь, — мигом помрачнела Белка. — Даже Элиару и Крикуну.

— Я не это имел в виду. Похоже, ты нравишься ему с самого детства.

— Какая разница? У него все равно нет ни единого шанса.

— А если бы был?

— Нет! — резко вскинулась Гончая.

Таррэн неслышно вздохнул и умолк, а она так же резко отвернулась. Некоторое время шли молча, провожая глазами одинаковые стены,

лишенные указателей залы и думая каждый о своем. На них никто не набрасывался, не пытался подцепить на острые копыта, не норовил заморозить, а потом снова зажарить, как в стихийных залах. И вообще ничего подозрительного вокруг молча идущей пары не происходило. Только ровные стены, гладкий пол, из-за которого у Таррэна начали подмерзать пятки, крохотные светильники под потолком. И тишина. Неестественная, почти мертвая тишина, в которой слышались лишь их собственное дыхание да шорох одежды.

Часа через два в одном из залов нашелся бассейн с прозрачной и невероятно холодной водой. В другом впервые за все время пути появились наполовину стертые, а потому практически нечитаемые надписи на стенах. В третьем обнаружилась прекрасно исполненная и очень древняя статуя из белого мрамора, изображающая упавшего на колени эльфа, который умоляет невидимого противника о пощаде. Странная, красивая, но какая-то очень уж живая статуя, возле которой они невольно задержались.

Белка с любопытством оглядела скульптуру и мысленно согласилась, что эльф был невероятно хорош собой, затем заметила узнаваемые узоры на браслетах и понимающе кивнула: светлый. Только каким ветром эту скульптуру занесло на такую глубину? Да еще там, куда посторонним не было хода?

Она покачала головой, обошла выточенного из камня эльфа по кругу, но ничего нового не обнаружила. Таррэн, напротив, помрачнел и внутренне содрогнулся: ему не надо было объяснять, что означает окаменевший силуэт посреди безмолвного Лабиринта. Родовой перстень на левой руке эльфа все еще светится крохотной искоркой жизни. Кажется, в один из походов кто-то из хранителей трона не удержался и все-таки сумел войти в Лабиринт безумия. Погибнуть не погиб, потому что, пока теплится жизнь в родовом перстне, душа тоже жива, однако он уже не тот, каким был раньше, — многовековое заключение способно превратить в сумасшедшего даже самого стойкого из эльфов. Когда это случилось? Тысячу лет назад? Две? Три? Кто знает. Ясно одно: несчастного уже не спасти. Остается только милосердно разбить перстень, позволив измученной душе обрести покой.

Темный эльф на мгновение заглянул в затянутые белесой пленкой глаза, легонько коснулся собрата вторым зрением и едва не отшатнулся: в них до сих пор стояла мука пополам с настоящим безумием. Незнакомый эльф все еще жил! Страдал! И до сих пор существовал на грани жизни и смерти!

— Ты чего там застрял? Любимого родича встретил? — насмешливо

хмыкнула Белка.

— Погоди, я сейчас, — хрипло отозвался Таррэн и коснулся пальцами потеплевшего перстня. — Прости, брат, но большего я не могу для тебя сделать.

Он стремительным движением сдвинул в кулаке крохотную голубую искорку и произнес слово разрушения. Камень в оправе хрустнул и осыпался синеватыми осколками, а вместе с ним в глазах светлого потухла и едва заметная искорка. Мелькнула с невероятным облегчением, а потом окончательно угасла. Навсегда.

— Что-то не так? — настороженно встретила вернувшегося эльфа Белка.

Тот молча покачал головой и нырнул в следующий коридор. Она проследила, как стремительно осыпается статуя, наконец-то заметила осколки разбитого перстня на холодном полу и, до боли прикусив губу, поспешила покинуть могилу.

— Прости, — шепнула Гончая, осторожно сжав напряженную ладонь Таррэна и стараясь не смотреть на его потемневшее лицо.

Кажется, теперь ей стал понятен истинный смысл испытания на стойкость. Видимо, Лабиринт не в первый раз забирает чужие жизни. И не в первый раз ставит незваных гостей перед страшным и жестоким выбором, разменивая страдания одного на облегчение жизни другого. Похоже, Лабиринт убивал одного из пришедших с темным эльфом спутников лишь для того, чтобы будущему пришельцу было проще отыскать заветный артефакт. И кто-то много веков назад решил, что чужая гибель того стоит.

Гончая настороженно покосилась на идущего рядом эльфа, который свой выбор уже сделал. Не зная, не желая слушать голоса разума, он не стал разменивать ее жизнь на свое бессмертие. Не позволил ей стать такой же статуей у подножия покровителя своего рода. Он просто взял ее на руки, закрыл собой и уже тогда твердо знал, что другого быть не может. Что она стоит таких жертв и такого упорства. Всего стоит, даже долгой жизни бессмертного.

От этой мысли Белка остановилась так резко, что невольно заставила и Таррэна замереть на месте, а затем обернуться и вздрогнуть от пронзительного взгляда голубых глаз, в которых горел всего один важный вопрос. Тот самый вопрос, от которого многие всеми силами пытаются уклониться. Всего три слова, от которых даже закаленных бойцов, бывало, бросало в дрожь.

Он лишь мельком увидел ее искаженное лицо и сразу все понял, а

потом шагнул обратно и крепко обнял, с нежностью глядя мягкие волосы и прижимаясь щекой к ее макушке. Да, он выбрал. Не позволил. Пошел наперекор всему и ничуть об этом не жалел. Все было просто, как истина, которую он познал совсем недавно. В тот самый момент, когда решил, что потерял ее навсегда.

Ведь что значит жизнь, если она пуста, как ножны без меча? Что значит смерть, если в ее величии познается внезапное откровение? Если не способен смириться и понять, что есть нечто выше долга? Нечто, перед чем открываются любые двери и ломаются любые запреты. Нечто, что сильнее даже магии, что может зажигать погасшие души и соединять разбитые сердца.

«Я люблю тебя, малыш, — тихо вздохнул эльф, закрывая глаза. — И я никому тебя не отдам: ни богам, ни Лабиринту, ни даже судьбе. Я знаю это, чувствую, вижу. Потому что ты моя пара, которую я неожиданно нашел. Ты моя настоящая жизнь, которую я раньше не понимал и не видел. Ты мое предназначение, Белка. Моя душа. Мое второе сердце. Все это принадлежит тебе. Отныне и навсегда. Слышишь? Только тебе одной...»

Гончая сжалась, словно испугавшись такой опасной близости, какое-то время чего-то напряженно ждала, но, так и не дождавшись, осторожно высвободилась. А у него снова болезненно сжалось сердце, напоминая о том, что ответа на свой собственный вопрос он никогда уже не получит.

— Надо спешить, — напомнила Белка внезапно севшим голосом.

Таррэн неохотно отступил, мрачно кивнул. Да, надо.

Наверху их по-прежнему ждут. И простые воины, и Стражи, и светлые. Их нельзя подвести. Нельзя предать память тех, кто приходил сюда до них. Даже того несчастного светлого, наконец-то обретшего долгожданный покой.

Эльф в последний раз погладил Белку по теплой щеке, привычно задержал дыхание от пронесшейся по телу волны сумасшедшего жара. Слабо улыбнулся на мелькнувшее в ее глазах удивление и без лишних слов шагнул вперед. В новый безликий коридор, в конце которого мелькнул приветливым огоньком ровный квадрат выхода.

Новый зал казался странным оттого, что имел поистине гигантские размеры, а высокий потолок совсем не действовал на нервы. На полу имелся вплавленный прямо в камень огромный сверкающий диск, словно однажды великан пролил на него расплавленное серебро и то растеклось по залу безупречно круглой каплей. Да так и застыло навек, образовав в центре едва заметное углубление.

Одна из стен оказалась покрыта густым черным налетом — то ли сажей от бушевавшего здесь когда-то пожара, то ли просто была так покрашена. А еще на ней висело громадных размеров зеркало, высеченное, казалось, из цельного изумруда. А под ним — крохотный уступчик из зеленоватого камня.

Сверху лился все тот же мягкий свет, как в пещере, хотя ни ламп, ни факелов, ни даже магических огоньков не было заметно. Казалось, светились сам потолок и шершавые стены, на которых медленно проступили какие-то письмена.

— Мне что-то не по себе, — поежилась Белка, следом за эльфом зайдя внутрь. — Тут холодно и как-то жутко. Ты не считаешь?

Таррэн не ответил. Он вдруг замер на пороге неподвижной статуей и уставился прямо перед собой, будто наткнулся на нечто, чего совсем не ожидал увидеть.

Гончая приподнялась на цыпочках и осторожно выглянула из-за его плеча, намереваясь выяснить, отчего остроухий застыл и ощутимо напрягся. Окинула взглядом необычайно высокий, чем-то похожий на купол храма, потолок. Оглядела стены, на которых все ярче проступали надписи на эльфийском. Безошибочно узнала искусно выбитые буквы и, машинально прочитав первые строки, как-то разом осела. Она знала эти слова!

Это будет, но лишь если тени след
Снова ляжет на земли цветущие,
Если мраком подменится солнца свет
И уснет осторожность идущего.
Коль отринет он сердца веление,
Не сумеет воспринять его полностью,
Или веру погубит сомненьями,
Перепутав уверенность с гордостью,
Коль не бросит ценить то подложное,
Что когда-то считали все святостью,
Не отделит простое от сложного,
Растеряв свою силу на малости,
То не слышать ему ровный сердца бой,
Не понять всю опасность беспечности,
Не раскрыть силы памяти родовой
Вместе с замыслом, скрытым под вечностью...^[1]

Белка непроизвольно замерла, словно превратившись в скульптуру вместе с Таррэнном, который только сейчас перестал слышать зов Лабиринта. Просто потому, что в нем больше не было нужды! И этот ритм! Неповторимый ритм древнего пророчества, который было невозможно с чем-либо спутать!

Восемь раз вам отмерено судьбами.
Восемь раз попытаться дозволено.
Восемь жизней останутся судьями,
Пред его алтарем ненамоленным.

Гончая медленно обвела глазами гигантский зал, но повсюду натыкалась на неповторимый текст хроник, строчка за строчкой описывающих произошедшие на Лиаре события. Ровно с тех самых пор, как на месте Битвы тысячи магов разверзлись врата в Нижний мир. О том, как содрогнулись небеса от тяжелой поступи существ, рекой хлынувших сквозь портал. О том, как в одночасье погасло солнце, а на истерзанной земле воцарился ад. И лишь за миг до того, как тучи окончательно затянули кричащий от боли небосвод, под стоны и крики умирающих был создан невиданной мощи артефакт — единственное спасение для миллионов живущих и уже погибающих существ.

— Зал забвения, — зачарованно прошептал Таррэн, безостановочно шаря глазами по искрящимся магией стенам.

Да, да! Он не мог ошибиться, не мог не увидеть и не почувствовать этой неповторимой силы. Это действительно были хроники! Самые первые, нанесенные невесть кем и невесть когда!

Белка до боли вцепилась в плечи эльфа. От жутковатой магии этого места у нее едва не трещали волосы. Мурашки бежали по коже и стремительно немели ноги, будто наследие древнего владыки постепенно отнимало жизнь у дерзких пришельцев.

— Ты же говорил, что еще рано, — испуганно прошептала она. — Ты же говорил про залы единения. Разве мы не должны были пройти сначала их?

— Не знаю, — потрясенно отозвался эльф. — Разве что Лабиринт снова решил изменить путь... Но, Белка, мы дошли! Это то самое место, я чувствую! Осталось совсем немного!

— А где тогда амулет? Где этот чертов камень, который нам надо достать и зарядить?

Таррэн быстро огляделся, все еще не решаясь переступить порог священного для его народа зала. Наконец уперся взглядом в зеркало, опустил глаза вниз...

— Что? Где? — забеспокоилась Белка, клещом вцепившись в рукав сдавленно охнувшего эльфа.

— Взгляни на алтарь!

— Какой еще... А, там что-то блестит, — нахмурилась она.

Таррэн возбужденно раздул ноздри и качнулся вперед. Он уже видел разгадку, знал, что могло там лежать и многие века ждать своего часа. Уже понимал, как и из чего Изиар мог создать артефакт такой мощи.

Конечно, ведь ничего другого у него под рукой просто не было! Ибо силы страшнее магии крови на Лиаре не существовало! Ох! Надо было раньше догадаться, почему амулета мог коснуться лишь прямой потомок Изиара!

Эльф чуть ли не бегом ринулся к призывно мерцающему зеркалу, в котором как наяву отразилось его встревоженное, но вместе с тем и сияющее лицо. Вот же он, амулет! Только и ждет, когда его возьмут родные руки, а голос родича произнесет нужные заклятия!

— Родовой перстень... — прошептал Таррэн, остановившись перед низеньким алтарем. Его глаза расширились, жадно уставившись на до боли знакомый ободок в виде свернувшегося кольцом дракона, держащего в пасти крупный изумруд. На желтые точки глаз, хищно прищуренных и изучающих, как в прицел арбалета, пошатнувшегося от неожиданного открытия сородича. На восемь вплавленных в кольцо более мелких камней вдоль изогнутого тела, каждый из которых излучал такую мощь, какую пораженный эльф никогда и ни у кого не встречал.

Прекрасные камни, полные сил и неповторимой магии владыки темных эльфов, оставившего это сокровище потомкам. Здесь были сосредоточены его мощь, его жизнь, его стремление к победе — все, что составляло саму его суть. Квинтэссенция его души! Само сердце, если на то пошло! То самое бессмертное сердце, которое Изиар оставил как залог, гарантию того, что больше никогда и никто не посмеет обрушить этот мир в бездну.

— Таррэн, не надо, — занервничала Гончая, видя, как потянулись его руки к заветному амулету, но эльф уже ничего не слышал.

Кажется, он вообще выпал из этого мира. А подняв-таки заветное кольцо на уровень глаз, и вовсе окаменел, пронзенный одной внезапной мимолетной догадкой. Но вскоре и она потускнела, поблекла, истаяла под обрушившимися на него чужими воспоминаниями.

— Таррэн!

Эльф даже не вздрогнул, когда маленькие сильные руки рванули его за плечи и попытались развернуть. Он словно вмерз в пол, странно застыл и неподвижным взором смотрел на амулет своего давнего предка, с каждой секундой утрачивая связь с реальностью. Какое-то время упорная мысль все еще билась в одурманенном сознании, таящийся в зеркале подвох бередил душу, но тоже недолго. Хищные драконьи глаза не отпускали его ни на миг. А вскоре даже пронзительный крик над ухом перестал его доносить.

— Таррэн! Да очнись же!

Он опасно пошатнулся, чувствуя, как падает в бездонную пропасть, в глазах потемнело, все тело пронзила сильнейшая боль, а затем дракон, злорадно оскалившись, мигнул и очередного смертника унесла стремительная река времени.

ГЛАВА 18

...Он стоял на невысоком пригорке и смотрел, как в центре истоптанного тысячами сапог поля разгорается крохотная алая искорка. Он знал, что почти достиг своей цели. Чувствовал, как рвется с той стороны неведомая сила, настойчиво проламывая ткань между мирами и грубо разрывая нити с реальностью. Знал и с нетерпением ждал этого.

Внизу кипела страшная битва — последняя битва обреченного мира, после которой должна была остаться только одна раса. И у этой расы мог быть только один бог.

Крики умирающих ничуть его не тревожили. Смешиваясь с лязгом сталкивающихся мечей, с нескончаемым треньканьем спускаемых тетив и глухим звяканьем кольчуг, наполненные запахами смерти и крови, они нежной музыкой ласкали его слух и приводили почти в священный трепет.

Сколько жизней, загубленных душ и изуродованных судеб. Сколько боли и страха витало сейчас в воздухе. Как много ран, как ужасающе много стонов, от которых по коже бегут волнующие мурашки. Сколько ненависти разлито в воздухе. Настоящий конец света. Истинный апокалипсис, и причина этому — он сам!

Он с нескрываемым удовольствием втянул ноздрями влажный воздух. Какой божественный нектар. Запах силы, крови. Чарующий аромат смерти, от которого хочется смеяться и плакать одновременно.

Кровавые реки, в которых по колено тонули отчаянно сражающиеся эльфы, гномы, люди, превратили гигантское поле в настоящее море. Багровые брызги летели во все стороны. Сочно чавкала под ногами трава. Кровью пропиталась земля, соленый запах настойчиво забивался в ноздри, наполняя душу восторгом и нетерпением. Скоро. Скоро крови станет достаточно для его задумки. Совсем скоро с таким трудом организованная битва достигнет своего апогея, и его уже никто не остановит.

Воины четырех рас давно перемешались друг с другом. Одинаково уставшие, покрытые ранами, вымазанные в своей и чужой крови, они стали удивительно похожими. Как никогда казались близкими, почти семьей, в которой вдруг все ополчились на каждого.

Вот один из эльфов со звериным криком вонзил меч в грудь гнома. Тот покачнулся, взревел, но, перед тем как рухнуть на залитую кровью землю, успел раскроить череп своему убийце. Чуть дальше двое темных с ожесточением добивали светлого собрата. Бок о бок с ними группа людей

отчаянно рубилась с десятком своих же сородичей, а сразу за ними гномы добивали потрепанный и полностью дезорганизованный полк одного из человеческих королей. Кто-то кричал, выл раненым волком, кто-то мог только стонать, а кому-то было уже все равно.

Громадные горы трупов на истерзанном поле. Гигантские воронки от разорвавшихся заклятий. Клубы густого дыма, за которыми не видно солнца. Ядовитый ветер, срывающий защитные покровы с магов и несущий с собой мгновенную смерть. Тучи воронья, со всех сторон слетающиеся на кровавый пир. Пробитые доспехи, разломанные мечи, разрубленные тела... Хаос, один только хаос кругом. Пустота в сердцах и душах. А еще — ненависть. Лютая ненависть ко всему живому затопила мир черной пеленой. И только алая искра открывающегося портала победно сияет в этом непроглядном мраке.

— Владыка Изараэль! — внезапно донесся со спины чей-то срывающийся голос.

Темный эльф медленно обернулся и буквально вонзил потемневший взгляд в подбежавшего хранителя.

— Владыка... Из... и... ар... — Перворожденный поскользнулся на влажной траве и неловко упал на одно колено.

— А, это ты, Брего, — поморщился правитель. — Что случилось?

— Там, на поле, что-то происходит, владыка! — срывающимся голосом сообщил эльф. — Что-то чужое рвется сюда! Наш мир дрожит и больше не может сопротивляться! Наши маги испуганы, они не могут сдержать это!

— Я знаю. Что-то еще?

— Господин! — Хранитель осекся и испуганно сглотнул, когда в глазах владыки разгорелись бешеные алые огни, которых там никогда прежде не было. Точно такие же, как пугающе яркая искра на поле боя, в которое, казалось, превратился весь мир. — Господин, что с вами?!

Владыка Изараэль хрипло рассмеялся, а когда сородич отшатнулся, легко догнал его и схватил за шею. После чего приблизил к нему свое искаженное лицо и прошипел:

— Куда же ты, Брего? Самое интересное только начинается!

— Что вы наделали?! — прохрипел темный эльф, тщетно сиюсь высвободиться из удушающего захвата.

— То, что задумал! Этот мир будет моим!

— Вы его... уничтожите!

— Болван, я его спасу! Пшел прочь, дурак, — брезгливо сморщился повелитель Темного леса, когда из раздавленного сильными пальцами

горла щедро брызнуло алым. Хранитель захрипел, в его груди что-то заклокотало, по дорожному доспеху заструилась свежая кровь. — Глупец! Я буду властелином мира! Богом! Как только откроются врата, меня никто не остановит! Отныне в этом мире останется лишь одна раса — наша! Никаких недомерков, смертных и белобрысых слюнтяев, что выискивают выгоду до последнего! Трусы! Они даже сюда пришли последними! Даже здесь ищут, где бы пожить! Но этого больше не будет, потому что на Лиаре останемся лишь мы и те, кого я призвал! Все, время пришло. Мое время! Мой триумф! Моя победа! Они поймут потом, для чего я решился, поймут и скажут, что это — единственный выход, потому что я видел будущее и знаю, во что мы превратимся. Человечеству нельзя позволить разрастись, потому что иначе оно уничтожит нас. Люди станут слишком сильны, как и гномы и светлые, а значит, иного пути нет, — лихорадочно зашептал владыка, позабыв про умирающего собрата и неотрывно глядя на стремительно расширяющийся портал. — Только так, здесь и сейчас, пока еще есть время. А потом они не оправятся, никто уже не оправится. Я сумею их подчинить, заставлю повиноваться, потому что сам позвал их сюда. По своей воле и своей силой. Своей кровью! И этого уже не изменишь! Кто меня остановит? Кто встанет у меня на пути?!

Безумный шепот вдруг сорвался на крик, но за шумом кипящей схватки его никто не услышал.

— Я... — вдруг прохрипел со спины изломанный болью голос, и владыка Изараэль, как ужаленный, обернулся. Он не успел чуть-чуть, всего лишь крохотную долю секунды, и родовые клинки предателя до упора вошли в его бок. Правитель взвыл от осознания ошибки и тут же исправился — зажав рану рукой, он в два шага настиг шатающегося от слабости хранителя и резким движением свернул ему шею.

— Будь ты проклят, Брего!

Изувеченное тело мешком свалилось на землю, а рядом опустился и сам владыка, цедя сквозь зубы проклятия. Так глупо. Так неудачно. Так бездарно упустить момент! Всего шаг оставался до исполнения грандиозного плана, а этот болван...

Изараэль проследил за распахнувшимся во всю ширь порталом — как раз настолько, чтобы туда мог пройти человек, приметил, как приостановилась безумная сеча внизу, и глухо застонал.

— Нет, не сейчас, это неправильно! Они должны быть моими! И только мне должны отдать свою силу! Проклятье!

Он до крови прикусил губу, а затем с огромным трудом поднялся, сдерживая недостойный истинного повелителя стон. Бок горел огнем, по

богатому одеянию струилась кровь, под пальцами что-то пульсировало. Кажется, этот везучий придурок сумел задеть важную жилу!

Владыка проследил за невероятно быстрыми тенями, пришедшими сквозь портал на его зов, поморщился от вопля ужаса, ураганом пронесшегося над полем, увидел расширенные глаза подданных, из которых только старший, так нелепо погибший сын сумел бы понять его замысел, а затем неожиданно понял, что надо делать...

Таррэн вздрогнул всем телом и выронил из похолодевших пальцев чужой перстень. В тот же миг его отшвырнуло от зеркала, по которому пробежала тревожная рябь, и со всего маха приложило спиной о серебряный диск. Точно по центру идеально ровного круга. После чего буквально вмяло во внезапно размягчившийся металл. На запястьях и лодыжках со зловещим щелчком сомкнулись браслеты из знаменитого гномьего аконита, которому не страшны никакие чары. А снизу с оглушительным лязгом выскочили отточенные до блеска острия эльфийских копий. Треугольные наконечники легко прошли тело насквозь, вышли из груди, живота и бедер двумя ровными рядами, а затем немного опустились, повторно раня зазубренными гранями и намертво прижимая беспомощную жертву к полу.

Темный эльф содрогнулся от раздавшегося хруста и не сразу почувствовал, что оказался пришпилен к полу, как попавший в ловушку мотылек. Дернулся раз, другой, попытался сползти с неудобного ложа, но все было бесполезно. Аконит не разрубишь, не сломаешь и не наложишь разрушительные чары — этот необычный сплав не брало даже время!

А потом пришла боль, и он уже не смог думать о чем-то еще.

— Таррэ-э-эн! — откуда-то издалека донесся до него горестный вскрик.

Эльф судорожно сглотнул и внезапно ощутил, как вместе с кровью из многочисленных ран его стремительно покидает магия. Вот только боль не давала сосредоточиться, стремительно утягивая в черный колодец забвения. Лишала воли, туманила разум. И мгновенно превратила его в безвольного истукана, обмякшего, словно мошка, в густой паутине заклятий, и совершенно утратившего смысл жизни. Зачем? Для чего сопротивляться?.

— Таррэн!

Алые ручейки побежали по специально выбитым в серебре канавкам. Мигом расползлись вокруг распятого тела, сложившись в причудливые узоры, юркими змейками заструились сперва по полу, затем перекинулись

на стены, раскрасив строки хроник кровавыми разводами. За считанные минуты достигли куполообразного потолка и заставили его ощутимо дрогнуть. А затем и прогнуться в центре, вытянуться внутрь длинной иглой и, нацелившись точно в тяжело вздымающуюся грудь, начать медленно, но неумолимо опускаться.

— Таррэн! Скотина, да сделай же что-нибудь! — взывала во весь голос Белка, но эльф этого уже не слышал: его снова затянуло в водоворот чужих воспоминаний.

— Вы все поняли? — сурово спросил владыка Изараэль, медленно оглядывая белые, как полотно, лица напротив и старательно сдерживая гримасу боли, которая могла все испортить.

Это всего лишь люди — слабые глупые люди, до сих пор не понимающие, что происходит. Надо, чтобы они поверили и добровольно отдали свои силы, помогли ему преодолеть последний барьер и сделать то, чему так не вовремя помешал дурак Брего.

Над головой темного эльфа свирепо взвыл холодный ветер, и следом за этим на исходящее страшными криками поле упала тьма. В ней стремительными тенями замелькали жуткие силуэты, завывали неведомые звери, зашипели невидимые змеи, а в небеса черными стрелами взмыли крылатые пришельцы.

— Пора, — онемевшими губами прошептал Изараэль и сжал левую руку в кулак, одновременно взывая к силе родового перстня.

Вместе с ним ровно две дюжины человеческих магов закрыли глаза и, стараясь не обращать внимания на шум продолжающейся схватки, потянулись к темному владыке. Он один предложил выход из обрушившегося на Лиару кошмара. Великий маг, у которого должно хватить сил, чтобы перекрыть этот чудовищный по мощи портал, и который, отринув давнюю неприязнь, не погнушался обратиться за помощью к обычным смертным. В нем — их спасение. В нем — спасение всего мира. Хоть и темный, но он не мог не понимать, что Лиара обречена, если ничего не сделать прямо сейчас. Пусть же у нее будет хотя бы такой спаситель...

— Мы готовы, — прошептал седобородый старец в нелепом остроконечном колпаке.

Темный эльф скривился, но промолчал. А когда в его руки хлынула щедро отдаваемая сила, даже мимолетно удивился: надо же, он не ожидал от слизняков такой самоотдачи. Кажется, к ним стоило присмотреться раньше. Он принял верное решение, потому что еще пара-тройка веков, и

эти недоумки могли бы сравниться по мощи с перворожденными, а этого допустить нельзя.

Он легко забрал чужую силу, щедро восполнив собственные оскудевшие резервы, остатки влил в раскалившийся добела перстень, золотое навершие которого прямо здесь же и расплавил, сотворив три золотые пластинки, в которые заключил объединенную силу людей и эльфов. К несчастью, ее чуть-чуть не хватило, но темный не расстроился: пошарив глазами по полю, легко вычленил приземистый силуэт, отыскал светлую гриву еще одного перворожденного, безошибочно признал в них наследников правящей династии и без колебания протянул в ту сторону невидимые щупальца.

Золотые пластинки дрогнули от магии, щедро вырванной из еще живых тел, снизу почти одновременно донеслось два полных ужаса крика, следом упали два опустошенных тела. У стоящих рядом людей исказились лица от страха, но темный владыка даже не поморщился. Закончив с будущим амулетом и ключом к нему, он хладнокровно вытянул жизни из двадцати четырех глупцов, решивших доверить ему судьбу своего народа, и насмешливо хмыкнул.

Эльф хладнокровно проследил за грузно осевшими телами магов, небрежно пожал плечами, не собираясь ни сожалеть, ни менять что-либо. С досадой покосился на отчаянно ноющий бок, который уже словно углями жгли, и, понимая, что время на исходе, шагнул сквозь загустевший воздух прямо к распахнутому порталу.

— Вот теперь силы должно хватить, — пробормотал он, обходя неподвижные тела, и брезгливо приподнял полы роскошного облачения, чтобы не запачкаться. — Правда, мне придется подождать, но для настоящего мага время не имеет значения. Всего-то девять раз. Сила того стоит. А месть за Итарэля стоит еще больше. Пусть это будет немного не так, как я планировал, зато когда вернусь, здесь будет ждать целая армия существ, послушных каждому моему слову. И никто больше не сможет меня остановить... Пожалуй, это стоит даже долгих тысячелетий забвения.

Темный эльф проводил глазами стремительную тень, укрытую от макушки до копчика прочными костяными пластинками. С удовлетворением услышал полный боли крик, когда ловкая тварь подцепила кого-то когтями. С еще большим удовольствием рассмотрел, как одного из гномов душит громадная змея, а кого-то из бывших собратьев уносит в когтях летучая крыса, больше похожая на здорового пса. Равнодушно пожал плечами и отвернулся. О чем тут сожалеть? Темные, светлые, гномы... какие могут быть привязанности у бога?

Он потрянул левой рукой, уронил что-то блестящее в землю, поймал несколько ошарашенных взглядов оказавшихся поблизости перворожденных, шепнул последние слова заклинаний, которые так долго готовил, и, выпрямившись, бросил в сторону изящное полукружие только что сотворенного ключа. А второе утопил в основании ревущего и воющего на все голоса портала.

«Все, надо уходить, а то не поверят, — подумал он, скривившись от нового приступа боли. — Жаль, что приходится бросать все на полпути, но я скоро вернусь. Только оставлю парочку советов. А чтобы эти придурки ничего не испортили... пожалуй, стоит их припугнуть».

Владыка зычным голосом прокричал несколько длинных фраз, обменялся долгим взглядом с единственным оставшимся в живых сыном, затем пафосно кивнул и исчез в мареве распахнутых врат. Растворился в несуществующем воздухе иного мира и словно сгорел, выхватив напоследок радующую взор картину эпохальных разрушений и вездесущей, несущейся на крыльях призванных из иного мира существ смерти...

Таррэн захрипел от боли в израненных запястьях и снова обнаружил себя в каменном склепе, прикованным к полу, опустошенным и абсолютно беспомощным. Обманутым во всем, даже в том, что когда-то наивно считал своим долгом.

— Таррэн! — отчаянно громко всхлипнула Белка, упорно пытаясь вырвать из него хотя бы один наконечник. Но тщетно: даже ее силы не хватало, чтобы одолеть проклятый аконит.

Гончая, не стесняясь, плакала и размазывала по щекам злые слезы. Она изранила себе руки об острые грани эльфийских копий, в кровь изорвала кожу на ладонях, у нее наверняка затекли ноги и страшно ныли натруженные плечи, но она не сдавалась — больно прикусив губу, продолжала терзать себя и его.

— Оставь, — прошептал Таррэн, видя ее мучения, но маленькая женщина не услышала, и эльф снова обмяк. В отличие от Белки он уже видел, что потолок опускается, хоть и плавно, но все равно слишком быстро для ее усталых пальцев. Длинная игла не промахнется — вонзится точно в его сердце, а затем волеет его силу в злобно щерящийся на алтаре родовой перстень проклятого владыки. Оборвет его жизнь точно так же, как и восемь раз до этого. Именно так, как было задумано. А потом он наконец вернется...

Таррэн судорожно вздохнул, внезапно осознав еще одну страшную

истину. Девять! Вот о чем говорил Диур! Девять эпох, девять тысячелетий, девять кругов жизни и восемь жертв, принадлежащих к единой крови. Восемь невинных душ, загубленных на одном и том же алтаре! Восемь тел, восемь сердец, вырванных заживо! А он станет девятым! Последним! Именно он завершит этот долгий цикл, замкнет девятый круг и тем самым довершит дело, начатое его далеким предком.

Боги! Да как же вы допустили такое?! Как позволили такой страшный обман?! Ведь в тот день Изиар уже умирал. Он не смог исцелить себя сам, потому что слишком много сил потратил на поддержание портала. Он почти отчаялся и обезумел окончательно, но в последний момент все же сумел найти выход. Девять кругов жизни... Это же его рукой было описано в старых архивах таинство возрождения! Это его усилиями придуманы те полубезумные заклятия! Он уже тогда мечтал об изменении и невероятно долго шел к победе, которая лишь сейчас, спустя девять эпох, оказалась поразительно близка!

Говорят, если найти девять безумцев и заставить их добровольно расстаться с жизнью, если забрать их волю и силу, сумеешь объединить эту мощь в один крепкий кулак... говорят, тогда можно стать подобным богу и обрести такую мощь, что противостоять ей не смогут ни люди, ни эльфы, ни гномы...

И Изиар... Изараэль... решил рискнуть.

Это он впустил в умирающий мир голодных демонов, чтобы отвлечь внимание светлых магов и собственных сородичей. Он начал ту войну. Его усилиями на поле опустилась тьма настоящего безумия, которой поддались все без исключения! Он обманул бдительных хранителей. Он, великий оратор, убедил людей в том, что способен остановить армию тьмы, тогда как на самом деле сам позволил ей закрепиться на Лиаре...

Да, он ушел, закрыл портал и остановил безудержный поток тварей, сжирающих и убивающих все на своем пути, он не стал рисковать своим будущим и затворил распахнутую настезь дверь между мирами. Но лишь потому, что твари уже пришли! Изиар не запер их, как считалось раньше. Напротив, дал волю и под покровом темноты заронил в щедро напоенную кровью землю готовые к росту семена, которые выудил из межмирья перед тем, как исчезнуть в нем самому!

Таррэн горестно застонал.

Столько веков все считали Проклятый лес страшным наследием той кровавой битвы! Сколько веков связывали его происхождение с магией амулета и наивно полагали, что на века защищены от этой угрозы, а граница надежно стережет сон демонов, оставшихся по ту сторону!

Глупцы! Да вот же они, демоны! Свободно разгуливают по пределам! Расплодились за прошедшие девять тысячелетий и, если бы не заставы, заполнили бы все вокруг. Тогда безумному владыке вообще не пришлось бы ничего делать! Твари Проклятого леса уничтожили бы все живое на Лиаре за пару веков!

Не зря граница выглядела такой безжизненной и слабой! Это же просто фарс! Приманка для дурачков! Дешевая бутафория, которая только и может, что отводить глаза! Она никогда не сдерживала призванных Изиаром демонов. Просто потому, что эти самые демоны все время были свободны и безнаказанно занимали пустующие земли.

Гигантские богомолы, хмеры, зверги, громадные питоны, ядовитая и доселе невиданная мелочь, ползучие гады, карадумы, летучие крысы и ящеры, даже Траш с Каррашиком, — все они и есть те самые демоны, которых так боялись и прихода которых с ужасом ждали! Та армия, что все долгие века лишь дожидалась возвращения хозяина! Вот отчего они послушны крови Изиара! Вот отчего разумны и умеют действовать сообща! Вот откуда узы взялись, которым среди зверья совсем не место! Это приспособившиеся, изменившиеся чужие твари из чужого мира, связанные чужой магией и чужой силой.

И все это время они ждали здесь, на месте некогда существовавшего портала. С ними, не зная о том, что это демоны, вполне сносно справлялись простые Стражи. А проклятая граница лишь обозначала место последней битвы четырех рас, которую тоже спровоцировал и затеял Изиар.

Боги, как же все были слепы!

«Мне не нужно было идти в пределы, — тоскливо подумал эльф, чувствуя, как быстро из него утекает жизнь. — И вообще никому не нужно, потому что этот поход изначально был придуман лишь для того, чтобы Изиар смог возродиться. Мы девять тысячелетий лили здесь свою кровь, отдавая родовому перстню последние силы, нашу магию... Все отдавали, думая, что делаем это во имя спасения Лиары! А он использовал нас всех, и темных, и светлых, даже гномов. Изиар придумал отличный способ заставить нас действовать сообща и глупостью своей век от века приближать миг его триумфа! Воистину, на это способен лишь настоящий безумец, ведь можно было обойтись без сложностей — стоило лишь велеть своему сыну... Но нет, он хотел, чтобы мы сами вернули его. Добровольно легли на алтарь и отдали то, чего он не мог получить иным способом. Воистину, только темный мог изобрести этот дьявольский план! А мои предки... мои обманутые братья точно так же, как я сейчас, понимали это в самый последний момент, но были не в силах ничего изменить. Но тогда

выходит, что орден Отверженных, тот самый первый орден, который мы с такой легкостью уничтожили, что-то предвидел? Откуда-то почуял беду? Или кто-то из смертных смог разгадать замысел Изиара? Может, поэтому они так настойчиво пытались нас остановить? Да вот беда — им никто не поверил, а теперь... прости меня, Белка... теперь его уже ничто не остановит».

Таррэн устало уронил голову, с трудом борясь с накатывающей слабостью, а затем с нескрываемой ненавистью уставился на горящее изумрудными огнями зеркало. Оно было неправильным, оно оживало буквально на глазах. Наливалось вытекающей из его тела силой. Питалось его жизнью! Это был тот самый портал, в котором, как из-под толщи мутной воды, медленно проступал расплывчатый силуэт.

Кажется, последний круг уже завершен. Осталась лишь пара минут, один короткий удар, последняя капля крови, брызнувшая на замороженный много веков назад портал, а потом Изиар возродится. Пройдет свой путь в обратную сторону и обретет такую мощь, что будет страшно представить. Безумный бог...

Выходит, хроники — это всего лишь предупреждение? Красочное, доступно излагающее глупцам, чего можно ждать от наследия Изиара. Их читали все посвященные, их видели ученые, их знали наизусть владыки, но никто так и не понял лежащий на поверхности смысл. Даже хранители, своими руками отправляющие на заклятие молодых наследников престола. Глупцы. Обманутые дети, возомнившие себя великими магами. Это они уничтожили в архивах то, чего в упор не хотели видеть, и веками упорно подводили Лиару к неминуемой катастрофе!

Замутненный взгляд Таррэна скользнул по ободку изящного кольца и на мгновение замер, наткнувшись на победно горящие глаза дракона. Точно такие же глаза смотрели на него в подземелье сторожи в том страшном сне, когда он побывал в шкуре Белки. Они точно так же горели торжеством. Пылали ненавистью. И были так же соблазнительно близки, но при этом абсолютно недоступны!

Эльф вдруг задрожал, во второй раз пересчитав изумруды, вплавленные в длинный хвост чешуйчатой гадины, и дернулся.

«Бел! Перстень! — молча взвыл он, понимая, что не способен больше ни на что иное. — Его родовой перстень!»

Гончая нахмурилась и наклонилась.

«Разбей его, Белка! — взмолился эльф. — В нем наше истинное могущество! В нем наша жизнь, бессмертие! Только в нем Изиар мог копить свою силу! Пожалуйста, услышь меня, Белка! Пожалуйста...»

Таррэн в отчаянии показал ей глазами на медленно истаивающую пленку натужно открывающегося портала, успел разглядеть искаженное злобной радостью лицо по ту сторону, перевел умоляющий взгляд на закатившийся под алтарь перстень, где щерился чешуйчатый покровитель всего его рода, и глухо застонал. Она должна увидеть, понять! Она тоже через это прошла и когда-то сумела вырваться! Сейчас все повторяется в точности, только не с ней! Но она не могла не заметить жуткого сходства! Потому что время — лишь гигантская спираль, раз за разом накручивающая свои витки на долгий стержень угасающих судеб!

Гончая на секунду замерла, уже догадываясь, что происходит что-то непонятное. Быстро оглянулась, вздрогнула от одного вида прильнувшего к обратной стороне зеркала чужого и вместе с тем ужасающе знакомого лица, машинально оглянулась на мечущегося в бреду второго эльфа и, внезапно подобравшись, невероятно быстрым прыжком рванулась к алтарю.

— Убей... уничтожь, — простонал Таррэн, уже не видя и не понимая ничего. — Только так его еще можно... Скорее, малыш, пока я еще жив... Давай же, прошу тебя, Белка... Уничтожь, иначе станет поздно!

Гончая рванула доспех на левой лодыжке, выхватив из ножен припрятанный клинок, о котором до сих пор не решилась сказать, и, цапнув с пола мгновенно нагретый перстень, со всего маху воткнула пропитанное ядом лезвие прямо в драконий глаз.

Лабиринт содрогнулся, будто в агонии.

— До чего же я вас всех ненавижу! — яростно прошипела Белка, торопливо выковыривая из предателя-змея крохотный изумруд. — Весь твой род, твою поганую рожу! Этого гада, что опять щерится своей пастью! Твоих детей, веками приперавшихся сюда, как овцы на закланье! Этих придурков, которые готовы костями лечь, но вернуть тебя обратно!

Проклятый камень глухо стукнулся о разукрашенный кровавыми разводами серебристый диск и погас. А до рычащей Гончей, как из-под земли, донесся полный ярости и нерастраченного бешенства вой.

Она кинула быстрый взгляд наверх, уткнулась в люто горящие глаза в мареве не до конца открытого портала, разглядела белеющее внутри обнаженное тело, от вида которого могла сойти с ума добрая половина женского населения Лиары. Но почти сразу презрительно сплюнула и, поняв, что Изиар пока еще не может ворваться, принялась лихорадочно отколупывать остальные камешки.

«Умница, — устало подумал Таррэн, заслышав, как упал второй, а затем и третий изумруд. — Я так тебя люблю, малыш. Только поспеши, моя хорошая, потому что, если я умру, он сумеет вырваться...»

— Таррэн! — рыкнула она, не отрываясь от своего занятия. В тот же миг острие соскользнуло и рассекло большой палец чуть не до кости. — Собака какая... Таррэн, не вздумай сдохнуть! Ты обещал свою шкуру мне! И уши, помнишь?! А я, между прочим, намереваюсь получить обещанное, наглый эльф! Но если ты тут помрешь, все это богатство достанется вон тому голому мужику, у которого на тебя определенно есть виды! Видал, как зырит, извращенец ушастый! Неужели ты променяешь меня на него? Таррэн!

— Н-нет, — из последних сил прохрипел эльф.

— Тогда живи, гад! Живи, чтобы я потом смогла сама тебя прибить! Я сейчас, я скоро... Ты погоди еще малость, ладно?

Он слабо улыбнулся и потерял сознание.

Белка скосила глаза на поблекшее зеркало, из которого на нее с нескрываемой ненавистью смотрело безумное лицо древнего владыки эльфов — правильное, настолько совершенное, что на него было больно глядеть. Оно до ужаса напоминало ей другое лицо — то, которое лишь совсем недавно перестало являться в кошмарах: лицо Талларена илле Л'аэртэ — старшего наследника темного трона. И еще одного эльфа. Того, что медленно умирал сейчас на красных от крови камнях.

— Что б ты сдох! — прошептала Гончая, отбрасывая в сторону два последних камешка и с радостью видя, как неумолимо гаснет теряющий подпитку портал. — Что б все вы сдохли, уроды ушастые! Ненавижу вас! Проклинаю! Чтоб вам пусто было!

Она мстительно наступила на освобожденные изумруды, понимая, что оказывает их бывшим владельцам неоплатную услугу, как недавно Таррэн — тому светлому эльфу. С удовлетворением услышала хруст под каблуком, для верности притопнула еще разок, раздробив даже мельчайшие осколки, и только тогда облегченно вздохнула.

Ну вот, теперь можно не бояться, что проклятый владыка вдруг зайдет на огонек. Смотреть — пускай смотрит, но без магии и восьми остальных претендентов (это ж каким надо быть уродом, чтобы даже из другого мира убивать своих внуков и правнуков!) не сможет преодолеть барьер. Если, конечно, здесь не случится очередное убийство.

Гончая вздрогнула, внезапно не услышав дыхания истекающего кровью напарника, быстро обернулась и побелела — темный не шевелился.

— Таррэн! — Она стремглав кинулась обратно, обняла его, подняла безвольно качнувшуюся голову, страшно боясь опоздать. Наконец просто прильнула всем телом, торопливо отдавая ему остатки собственных сил, и замерла, встревоженно косясь на заерзавшего в своем изумрудном плену

Изиара. — Ну же, бери сколько нужно. Давай, хватит ломаться! Ты ж не девица, в самом-то деле, чтобы сцену оскорбленной невинности тут устраивать! Таррэн! Да очнись же, нелюдь ушастый! Гляди, какой есть шанс поиздеваться и похвастаться перед Элиаром! Я даже ему такого не позволяла! Представляешь, какая у него морда будет, если ты проболтаешься? Рыжий же на слюни изойдет! Давай, ты не можешь ему уступить!

Эльф вяло мотнул головой и снова обмяк.

— Господи, да что ж такое-то? — в отчаянии застонала она, лихорадочно озираясь. — Почему у тебя все не как у людей, а? Где надо, так нет тебя, а где не надо — там ты первый! Сплошное недоразумение, а не эльф! Не зря тебя из леса выгнали!

— Я сам ушел... — вдруг просипел полузадушенный эльф, и она радостно вздрогнула.

— Так и знала, что не удержишься и вернешься, чтобы ляпнуть какую-нибудь бредятину в оправдание!

— Это ненадолго...

— Ничего, мы успеем. Таррэн, я разбила все изумруды, но этот урод никуда не делся! Так и зырит с той стороны. И, знаешь, он как-то странно на меня поглядывает... Влюбился, что ли? Что мне с ним делать?!

— Разбей, — прошелестел он, едва не утонув в облаке ее мягких волос. — Разбей зеркало. Это портал, и он не должен быть открыт никогда больше...

— А ты не помрешь без меня? — серьезно спросила Белка, настойчиво заглядывая в его затуманенные глаза. — Вдруг я уйду, а ты гадость-то и подстроишь? Знаю я ваше племя — никому верить нельзя. Эй, не помирай, я сказала! Таррэн, я серьезно!

— Поста...ра...юсь...

Гончая закусила губу.

— Врешь ведь, гад.

— Вру...

Она сжала губы так плотно, что они превратились в идеально прямую линию. Затем снова взглянула в быстро угасающие глаза, где почти не осталось жизни, проследила за густеющими ручейками, в которые превратилась его выцеженная по каплям кровь. Поняла, что его резервы уже на исходе, а потом зло прошептала в белое как снег, но все еще невыносимо прекрасное лицо:

— Только попробуй кому-нибудь брякнуть! Удавлю на месте, понял?

«О чем?» — хотел он спросить, но не успел: она низко наклонилась и

мягко поцеловала, обдав умопомрачительным запахом меда, а потом тихонько выдохнула:

— Забирай!

Таррэн машинально вдохнул теплый воздух, дразняще пощекотавший его шумно раздувшиеся ноздри. В тот же миг его будто молния пронзила от макушки до самых пяток. Его изогнуло дугой, подбросило, буквально сорвав с металлических наконечников. По жилам бешеным ураганом пробежался жидкий огонь, наполнив тело невероятной мощью. Все тело почти сожгло неистовым пламенем. В глазах полыхнул настоящий пожар, а с губ сорвался хриплый стон. На бесконечно долгую секунду эльф утратил собственное «я», которое так долго держал в жесткой узде, и бездумно рванулся навстречу — к ней, к подаренному ею теплу, к ее силе, на ее чарующий запах, на неслышный зов ее измененного тела, которому не мог противиться даже в таком состоянии.

Он яростно дернулся, затем еще раз, с сожалением сознавая, что какая-то сволочь не пускает и крепко держит за руки и за ноги какими-то дурацкими зажимами. Затем дернулся уже всей мощью, напрягся, едва не разрывая жилы, потому что Белка была важнее и сильнее даже боли, а потом под звонкий щелчок разорванных оков грузным мешком свалился на холодный пол.

Белка торопливо подползла и осторожно перевернула бездыханного эльфа на спину. Поспешно отерла покрытое потом лицо, погладила лоб, убрала с него мокрые волосы. Но когда увидела громадные рваные раны на груди и животе, тягучие алые разводы вокруг, окровавленные острия торчащих из пола копий, лишившиеся такой славной добычи, судорожно сглотнула.

— Эк оно как... Ну хоть не пришлось вырезать по-живому. Таррэн, ты цел? Э-эй, я больше не буду! Слышишь? Ушасты-и-ик? — Она приложила ухо к его губам и на пару секунд снова застыла. — Таррэн?

Эльф судорожно вдохнул и часто задышал.

— Ну слава богу. А теперь очнись, пожалуйста, и постарайся больше не умирать, ладно? Я попробую раздолбить это проклятое зеркало, пока еще могу ползать. А ты лежи, ушастый. Переваривай и набирайся сил. Главное, раны заживи, не то мне потом придется тебя на руках нести, а я, знаешь ли, не нанималась.

Белка, бережно погладив его щеку и с нескрываемым облегчением подметив разумную искорку в широко распахнутых глазах, с трудом поднялась, а затем поковыляла в сторону портала.

Кажется, этот нелюдь забрал все, до чего смог дотянуться. Выдоил, как

корову, налопался магии от пуза, а теперь спешно лечится. Гад! Она едва ходит, ноги трясутся, да тут еще сторонние наблюдатели присутствуют и молча комментируют происходящее.

— Чё уставился? — огрызнулась она на сверкающего глазами владыку, который так и висел внутри застывшего зеркала, как примороженный. Ни сюда войти, ни обратно дернуться. Просто влип, как муха в патоку, и теперь мог лишь бессильно смотреть, как какая-то паршивка портит ему все планы.

— А пошел бы ты! — измученно пошатнулась она. — Завидно стало, да, что не тебя поцеловала? Вон как зашевелился... Вот тебе, уродище! Неча на меня свои причиндалы нацеливать, я и получше видела! Наврал всем с три короба, шиш показал, обвел вокруг пальца и думаешь, тебе это с рук сойдет?

Гончая вяло размахнулась и стукнула по переливающейся огнями поверхности зеркала отравленным кинжалом. Торк, даже не поцарапала! Вот до чего довели дрянные эльфы!

Она размахнулась посильнее и ударила снова, но немного перестаралась и вместо портала едва не ткнулась носом в наполовину ожившего эльфа. Как раз возле мускулистого бедра, от которого даже тепло почти ощутила. После чего шарахнулась прочь, подметила язвительную насмешку в зеленых глазах и мгновенно расвирепела: на зеркале снова не осталось ни единого следа.

— Думаешь, самый умный?! — зашипела Белка, от души вдарив рукояткой точнехонько в пах.

Изиар инстинктивно дрогнул, порываясь прикрыть уязвимое место, но не смог, и как-то разом сдулся. Особенно после того, как напротив указанного места пробежала тоненькая сеточка трещин. Правда, на большее Белку не хватило: слишком ослабла. В раскосых глазах эльфа проступило откровенное злорадство, но затем беспокойство в них разгорелось с новой силой, потому что Белка мстительно прищурилась и негромко зарычала. А потом от души замахнулась и...

Ее рука утонула в широкой ладони.

— Давай я попробую, — ровно сказал поднявшийся Таррэн, отобрал у нее нож, отбросил пропитанное подозрительными капельками лезвие, и, переведя тяжелый взгляд на зеркало, на мгновение встретился глазами со своим прародителем.

Белка улыбнулась, с нескрываемым облегчением оглядев остроухого напарника и найдя вместо страшных ран лишь безобразные, совсем свежие рубцы. Большого он себе не позволил, хотя кости наверняка ломило,

суставы ныли, разорванные мышцы зудели и отчаянно просили об исцелении. Он был истощен, с головы до ног покрыт засохшей кровавой коркой. Невероятно уставший и очень, очень злой. Но все равно нашел в себе силы подняться, встал рядом с Гончей плечом к плечу, всмотрелся в ненавистное лицо темного владыки — свое собственное лицо, от которого его порой мутило. Покачнулся от внезапно накотившей слабости, плотно поджал губы, немного помолчал. Повторил про себя то, что увидел и сумел понять недавно. Затем перевел взгляд на пылающие тексты хроник, победно горящих его собственной кровью. Мысленно извинился перед орденом. Подцепил дрожащими от слабости пальцами тускло светящееся кольцо Изииара, перехватил прямо в воздухе... а затем со всего маха ударил им по пугливо задрожавшему отражению.

Говорят, родовой перстень эльфа непросто уничтожить. Только слово разрушения способно раздробить не просто камень, а кольцо в целом — вместилище духа перворожденного. Да и то если было произнесено эльфом не меньшей силы и только при том условии, что убийца страстно желает гибели своего собрата. Это закон, преступить который не под силу никому из живущих.

И сейчас Таррэн неистово желал этого — настолько, что был готов на убийство собственного прародителя. Он ненавидел его сейчас, хотел видеть его смерть собственными глазами, имел достаточно сил. И, повинувшись воле хозяина, древняя магия сорвавшихся с его губ слов с легкостью вошла в изувеченный Гончей перстень.

Лабиринт задрожал так, словно его трясла великанская рука. Он застонал, почти заплакал, когда в его недрах закрутился гигантский вихрь внезапно высвободившейся силы. Мгновенно почувствовал, как исчезают навязанные много веков назад узы и как страшно кричит прежний хозяин, корчась и умирая миллионы раз каждую бесконечно долгую секунду.

Лабиринт прекрасно видел, как бывший повелитель мучительно умирает, заживо растворяясь среди холодной пустоты между мирами — того, который он уже успел покинуть, и того, откуда его так бесцеремонно вышвырнули собственные потомки. Знал, какой ценой ему досталось это странное существование. Помнил, сколько крови было пролито у подножия портала. Чувствовал боль каждого погибшего здесь эльфа и уже много тысячелетий скорбел по загубленным душам.

Это была не его вина, нет. Он был вынужден подчиняться, ведь только хозяин удерживал его разум бодрствующим — волей своей, желанием и жестокой уздой наложенных уз. Он не мог противиться. И так было очень долго. Ровно до тех пор, пока не явился тот единственный, кто прошел

испытание до конца.

Лабиринт внимательно взглянул на замерших друг напротив друга эльфов, на разделившую их женщину, в которой смешалась кровь сразу двух рас, на древний портал, что еще держался только его силой, и неожиданно вздохнул, принимая решение.

— Я с тобой, хозяин.

Портал жалобно звякнул и поблек, едва связывающие его с Лиарой нити порвались. Вмороженный в лед владыка беззвучно закричал, сообразив, кто оборвал эту последнюю ниточку. С ненавистью взглянул в спокойное лицо собственного отпрыска, бешено выдохнул в сторону обнявшей его женщины с чертами настоящей эльфийки. С еще большей яростью покосился на обреченно загоревшийся потолок и, исходя беззвучным воем, бесследно растворился в бездонной черноте потускневшего зеркала.

В ту же секунду его поверхность покрылась миллионами трещин, само зеркало пошатнулось, словно лишилось опоры, и вдруг осыпалось изумрудной крошкой, усыпав весь пол тончайшим слоем невесомого порошка, от которого мгновенно зачесался нос и появилось нестерпимое желание чихнуть. Спустя мгновение камни под ногами Таррэна и Белки перестали ходить ходуном, потолок вернулся на прежнее место, кровавые надписи на стенах медленно угасли, словно показали все, что было нужно. Гигантский Лабиринт пугливо примолк, ожидая окончания этого долгого дня, а двое пошатывающихся, вцепившихся друг в друга пришельцев неверяще смотрели на исчезнувший портал, за которым оказалась лишь пыльная ниша.

— Круто! — внезапно выдохнула Белка. — Кажись, он помер? Больше никаких владык, сумасшедших богов, орденов и всего остального? Мы победили, да?

Темный эльф без сил опустился на пол и, уронив потяжелевшие руки, невидяще уставился в пустоту. Казалось, из него внезапно ушла жизнь, будто вместе с гибелью Изараэля и того, что он успел понять, в душе что-то надломилось. А может, просто пришло запоздалое понимание произошедшего. Или растерянность от того, что теперь непонятно, как быть. Когда-то он готовился к смерти и был готов умереть. Когда-то в его жизни все было ясно и понятно. Заранее predetermined. А сейчас...

Белка испуганно заглянула в его неподвижное лицо:

— Таррэн? Эй, ты чего?

Он чуть вздрогнул, когда его ласково погладили по щеке, и машинально потянулся навстречу.

— Все хорошо, ты справился. Ты все сделал как надо.

Эльф, тяжело вздохнув, растерянно опустил голову.

— Не знаю.

— Чего не знаешь? — не поняла Гончая. — Все закончилось, мы живы, почти здоровы, скоро пойдем домой...

«Домой? — эхом отозвался он. — А у меня нет дома. У меня больше ничего нет — ни дома, ни семьи, ни друзей, ни даже долга. Я пуст и холоден, как ограбленный склеп. Кажется, я даже чувствовать разучился...»

— Да что с тобой происходит? — нахмурилась Белка и решительно тряхнула напарника за плечи. — Таррэн! Да приди же в себя, дурачок! Ау-у-у! Ты вообще меня слышишь? Нам пора уходить, там ребята ждут! Знаешь, как разозлится Траш, если поймет, что из-за тебя она лишний час переживала? Я Каррашика попрошу тебя цапнуть за что-нибудь важное, если ты сейчас же не поднимешься и не сотворишь для нас портал! Или... поцелую, чтоб ты окончательно спятил и перестал смотреть на меня как на пустое место!

Эльф вздрогнул и внезапно пришел в себя.

— Ага, испугался? — удовлетворенно кивнула Белка. — Все, хватит кукусься. Пора топать домой. Я есть хочу, между прочим, и спать. Давай, прояви благородство и помоги даме выбраться.

Таррэн глубоко вздохнул и стряхнул накотившее оцепенение. Чего это он, в самом деле? Растекся тут безвольным киселем, а ведь еще столько дел надо завершить: разобраться с Проклятым лесом, вернуть ключ Мирдаису, добраться до родного леса и набить морду хранителям знаний за то, что так гнусно подставили весь род...

Эльф окончательно пришел в себя и поднялся на ноги. Его заметно качнуло, повело, но ненадолго. Выпрямившись огромным усилием воли и старательно отгоняя противную слабость, Таррэн сотворил требуемый портал, истратив на него остатки сил, мысленно велел Лабиринту открыть точку выхода в каком-нибудь тихом и спокойном месте. Наконец шагнул вперед сам и увлек за собой нетерпеливо приплясывающую Гончую.

— Идем, — хрипло бросил он, исчезая в зеленоватом мареве, а мгновением спустя уверенно ступил на мягкую траву. Но, видимо, все-таки не рассчитал силы и слишком много потратил на переход, потому что, оказавшись под кронами деревьев и вдохнув чистый лесной воздух, вдруг сильно покачнулся.

Белка торопливо его поддержала, не дав упасть.

— Ого! А здорово тебя потрепало, ушастый!

Таррэн не ответил, только виновато улыбнулся и измученно обмяк,

успев напоследок подумать, что совсем не ожидал такой развязки, не собирался выживать. Не знал, что придется когда-нибудь бороться с главой своего рода. А сейчас, к собственному удивлению, совершенно не представляет, что делать и как быть дальше. Пожалуй, если бы не Белка, он бы еще не скоро сообразил, что можно вернуться назад, к свету, к небу, к неповторимому запаху лесных трав. Ко всему тому, что он так любил и к чему всегда испытывал удивительную, несвойственную темному перворожденному нежность.

Но вот он здесь, живой и растерянный. И, как ни странно, чувствует себя младенцем, которого без предупреждения окунули в холодную воду. Странное ощущение для бессмертного, непонятное, но волнующее. И Белка тоже волнующая...

На этой мысли его сознание властно вышвырнули из тела и позволили наконец провалиться в спасительное забытие. Будто кто велел милосердно: спи! И он покорно уснул, уткнувшись лицом в зеленую траву, слыша над головой пение птиц и с легкой улыбкой вдыхая чудесные запахи, смутно напомнившие аромат родного дома.

Гончая немного посидела, разглядывая его изможденное лицо, нерешительно помялась. Но потом рассудила, что один жалкий час ничего не изменит, и осторожно улеглась рядом. Кажется, она правильно поступила, заставив его уснуть, — пережитое потрясение оказалось чересчур сильным для эльфа, который слишком долго жил внутри рода и привык цепляться за него как за спасительную ниточку. Отец, брат, остальная семья... да, он отбросил их, но этот поступок не прошел без последствий. В душе темного эльфа до сих пор зияла кровоточащая рана и царил пустота, которую было нечем заполнить.

Она тяжело вздохнула: эх, если бы можно было все изменить! Если бы все сложилось по-другому! Но когда Таррэн инстинктивно обхватил ее руками, зарываясь лицом в искрящиеся силой волосы, невольно улыбнулась. Быстро же этот нахал понял, откуда можно подпитаться! Еще ничего не соображает, а все равно безошибочно нашел источник магии и даже во сне жадно пьет, как дорвавшийся до крови пересмешник.

До чего смешной, право! Оказывается, когда сильный мужчина не боится показаться беззащитным или смешным, это мило. И иногда можно позволить ему эту слабость. Особенно если он только что спас целый мир и закрыл собой любимую женщину.

— Спи, — тихо шепнула Белка в остроконечное ухо. — Спи спокойно, эльф, и помни: я все еще тебя жду.

Он улыбнулся во сне, будто действительно услышал, а она бережно

поправила спутанную прядку, пристроилась у темного под боком и умиротворенно уснула, твердо веря, что завтра все будет по-другому. Хотя бы потому, что все самое страшное и плохое осталось позади, а впереди их ждут только радость, гордость за хорошо выполненную работу и неожиданные, но весьма приятные сюрпризы.

ГЛАВА 19

Пробуждение выдалось на редкость мерзким, тяжелым, наполненным чувством тревоги и подспудным ощущением беды. Таррэн с трудом поднял тяжелые веки, попытался перевернуться и вдруг понял, что не может пошевелиться. Более того: почему-то сидит, накрепко привязанный к родовому ясеню. Тугая веревка безжалостно впиалась в запястья, а вторая петля надежно захлестнула горло, мешая дышать. Ноги кто-то предусмотрительно примотал к вбитым в землю колышкам. Грудь и живот нещадно ломило, в затылке поселилась тупая боль, красноречиво свидетельствующая, что кто-то воспользовался возможностью и от души огрел беспомощного эльфа по голове. Но, что самое поганое, спасительной магии, пару часов назад позаимствованной у Гончей, осталось на самом доньшке, потому что проклятое дерево успело высосать ее до дна!

Темный эльф с досадой понял, что его предали во второй раз. Он бездарно упустил из виду что-то важное, но что? Кто сумел их подстеречь и предал в самый последний момент, когда уже казалось, что все закончилось?

Таррэн скосил глаза, чтобы убедиться, что все еще находится в «месте мира», и мгновенно понял: плохо дело. На него с усмешкой взглянули две пары глаз, сильные руки недвусмысленно качнули в ладонях отточенные до бритвенной остроты клинки, а на хорошо знакомых лицах промелькнуло торжество.

— Живучий гад, — с сожалением констатировал Аркан, подходя к пленнику. — Жаль, что тебя не велено убивать, а то я бы повеселился напоследок.

Таррэн поджал губы и глянул на второго: Адвик насмешливо улыбнулся и дурашливо раскланялся.

— Дошло, наконец?

Эльф мысленно выругался. Торк! Неужели все-таки орден? Но как же вышло, что один из Бешеных лис оказался порченным? Как мог рыжий посмотреть? Или он тоже? А Адвик? Что могло прельстить этого мальчишку? Сила? Слава? Деньги? Что пообещал ему орден за предательство родной заставы и того дела, которому Стражи были преданы душой и телом? И разве мог он предать Белку?

Таррэн вздрогнул от последней мысли и тревожно огляделся снова. Где же Белка?! Жива? Может, успела сбежать?

— О! Вот и наш темненький очнулся! — пропел над ухом Таррэна еще один голос, и эльф нервно дернулся. — Ну-ну, не надо резких движений, не то это милое семечко прорастет гораздо быстрее, чем мне бы хотелось.

Из-за могучего ствола вынырнула стройная фигура и с нескрываемым интересом взглянула на пленника двумя изумрудами глаз.

— Танарис...

Светлый эльф пару долгих мгновений смотрел на пораженного собрата, затем присел на корточки и осторожно положил на землю возле его ног крохотное зернышко эльфийской розы.

Таррэн до боли сжал челюсти, хорошо помня, с какой скоростью растут ее колючие ветви и как любит она обвиваться вокруг всего, что подвернется под руку. Даже если это — беспомощное и лишенное силы живое существо.

Он обреченно прикрыл глаза.

Говорят, когда-то так казнили преступников: колючая роза в считанные часы оплетала несчастного с ног до головы и равнодушно втыкала шипы в еще живое тело, расползаясь по нему змеиным клубком. А когда напитывалась кровью жертвы, расцветала крупными багровыми бутонами, с кончиков которых медленно падали ярко-алые капли.

Таррэн судорожно вздохнул, понимая, что его ждет, но вслух прохрипел только одно слово:

— Почему?!

Танарис мягко улыбнулся.

— А ты не знаешь? Неужели забыл, как сам когда-то говорил: дескать, простые люди не смогли бы воспользоваться нашими заклятиями? И неужели не подумал, что для бессмертных одна эпоха — всего лишь небольшая веха на долгом пути? — Светлый улыбнулся шире, подметив в глазах сородича искренний ужас. — Верно. Орден тут ни при чем. Вернее, та его часть, которую контролируют смертные. Они, как ты помнишь, были потомками магов, случайно подсмотревших тексты хроник в Лабиринте. Кажется, тогда он еще не был глухим подземельем... кстати, их видели все — люди, эльфы, гномы. Но, как водится, в спешке каждый узрел лишь краешек придуманной Изитаром головоломки. Именно поэтому наши хроники неполны и поэтому же столь сильно отличаются. Конечно, со временем нашлись те, кто сложил эти кусочки воедино, но и тогда многое осталось неясным. Те же, кто сумел докопаться до истины, как раз и организовали первый орден... Вижу, что ты уже понимаешь зачем.

Таррэн судорожно сглотнул. Да, он понимал. Пожалуй, даже слишком хорошо.

— Ты прав, — легко согласился Танарис, с любопытством следя за тем, как стремительно выползает из-под рыхлой земли крохотный зеленый стебелек. Как неуверенно качается, словно в раздумье, а затем безошибочно тянется в сторону не способной к сопротивлению жертвы. — Ты прав, друг мой: тот орден был уничтожен много веков назад, когда еще жив был король Миррд. Правда, кое-кому все же удалось уцелеть, а их дети и внуки наверняка дожили до наших дней. Но, увы, никакой силы в них больше нет. Уже... хм... примерно восемь с половиной тысячелетий.

Темный эльф невольно подумал про мага, много лет проведенного в раздумьях возле Малой сторожи, припомнил слова Литура и горестно прикрыл глаза.

— Что вы сделали с Белкой? — прохрипел Таррэн, безуспешно рванувшись в нутрах.

— Терпение, мой друг, — беззвучно рассмеялся светлый. — Твоя красавица здесь. Отдыхает во-о-он там, рядом с моими новыми напарниками. Надеюсь, ты не возражаешь против их компании?

Таррэн покосился на Аркана и Адвика и заметил лежащее в стороне туго спеленатое тело, почти скрывшееся в густой траве. Белка. Кажется, живая, иначе не было бы нужды связывать ее по рукам и ногам. Он разглядел медленное движение ее чешуйчатого доспеха на груди, неуловимо затрепетавшие веки и почувствовал невероятное облегчение, но в этот момент его бедра коснулась острая иголка.

— К твоему сведению... — невозмутимо продолжил Танарис, словно не заметив, как напряглось лицо сородича, в которого вонзилась первая проросшая ветка. Как роза оплела его лодыжку и, продолжая стремительно расти, начала взбираться выше, раня его все чаще и отмечая свой путь мельчайшими капельками крови. — К твоему сведению, наш орден возник давно, примерно две тысячи лет назад, когда Лабиринт утянул следом за твоим... наверное, прадедом?.. одного из наших. Хранителя, если точнее. А чтобы тебе стало еще понятнее, добавлю, что это был кузен моего отца.

Таррэн прикусил губу, когда проклятая лоза перебралась с бедра на живот и мгновенно расцветила его кожу кровавыми отметинами. Он умел терпеть боль, ему не раз приходилось испытывать и худшее, но сейчас, под испытующим взглядом собрата, приходилось делать это без единого звука.

— Как ты знаешь, хранители всегда связаны друг с другом кровными узами, — с разочарованием встретил его молчание светлый. — И в тот день, когда отряд достиг Лабиринта, мой отец был все еще связан с братом. Так что, когда того утянуло заклятие вызова, сумел увидеть, что именно случилось. В том числе и то, как твой прадед принес хранителя трона в

жертву, едва завидел возможность попасть к амулету без испытания.

Танарис ненадолго умолк, бесстрастно следя за тем, как расползается по телу темного эльфа зеленая плеть, и равнодушно заметил:

— В конце концов узы свели с ума их обоих: дядю, оказавшегося запертым в каменной клетке, и моего отца, который пережил предательство вместе с братом. Безумие настигало их медленно, день за днем, год за годом. И это длилось до тех пор, пока отец не сдался и не рассказал обо всем мне — единственному, кому мог довериться. И единственному, кто мог бы избавить его от страданий. Думаю, он был благодарен мне за этот последний дар. И считаю, что он поступил правильно, основав наш собственный орден, чтобы твой проклятый род перестал властвовать на Лиаре. Кстати, однажды мне довелось встретиться с одним твоим собратом, когда он искал в Светлом лесу нашу копию хроник, и этого разговора хватило, чтобы понять, что он безумен. Он спятил, Таррэн, и, кажется, это фамильная черта правящего рода. Поэтому я согласен с отцом: род Л'аэртэ должен быть уничтожен. Ради этого я вступил в орден, продолжил его дело и согласился терпеть твое присутствие долгие три с половиной недели. Не знаю, как ты вырвался из подземелий, но теперь я тебя уничтожу.

— Ты затеял все это ради меня? — неверяще просипел темный эльф. — Предал Стражей, Белку и всех остальных... чтобы отомстить за родича, который погиб не по моей вине?! И после этого ты меня называешь сумасшедшим?!

— Не ради тебя! — жестко прищурился Танарис. — Я хочу, чтобы с лица Лиары исчезли все вы, весь ваш проклятый лес!

Таррэн обреченно опустил плечи.

— Зачем было впутывать в это смертных?

— Почему бы и нет? — пожал плечами светлый. — Считаю, что первый орден подал прекрасную идею — создать братство тех, кому ваше присутствие встало поперек горла. Да, сперва это казалось невозможным, потому что в вашу ценность верили слишком многие. Приходилось действовать осторожно, выходя из тени только раз в тысячу лет... Неудивительно, что орден терпел поражения. Но когда за дело взялся мой отец, дело пошло гораздо веселее.

Танарис холодно улыбнулся.

— Отец создал орден заново. Привлек к этому делу окружение владыки. Кого-то уговорил, кого-то заманил, обманул... он был неплохим оратором, это правда. И скоро подвел остальных к мысли, что причина наших проблем — вы. Ему поверили. Ты не представляешь, как легко оказалось привлечь на свою сторону смертных. Деньги, власть, месть...

казалось бы, так банально! Но в последние столетия даже этого не требуется, потому что люди, как ни странно, служат нам добровольно. Ты удивишься, узнав, как яростно они вас ненавидят, и все до единого желают, чтобы Темный лес был уничтожен. Я долго к этому шел, темный. И, поверь, все бы закончилось гораздо раньше, если бы Седой со своей тропой не испортил нам все планы.

— Что с остальными?

— Ничего, — снова пожал плечами Танарис. — Кого-то оглушили, парочку Стражей пришлось убить — они оказались слишком агрессивны. Особенно те Волкодавы и... как его? Шранк?

Таррэн похолодел, неверяще обернувшись к людям, а перехвативший его взгляд Адвик самодовольно улыбнулся.

— Да, это я его убил. Торк! До чего же это было приятно — обвести его вокруг пальца! Жаль, что у меня не вышло тогда с остролистом, но теперь все в полном порядке.

Парень гулко расхохотался, а Таррэн тяжело вздохнул. Проглядели... Ну как же так вышло, что даже Гончие проглядели подлеца?!

— Тебе больно? — с интересом спросил Танарис, заметив, как вздрогнул темный, когда ему под кожу вонзились сразу несколько шипов. — Хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты страдал и мучился. И прочувствовал все, что довелось пережить моему отцу по вине твоего прадеда.

— Что с Седым? — словно не услышал темный.

— Пока живой, — скупое уронил Аркан, играя ножом. — И рыжий — тоже. Если, конечно, Зессу не надоело терпеть его длинный язык.

Таррэн невольно испытал невероятное облегчение, когда понял, что задира с огненными патлами оказался ни при чем. Значит, их трое? Адвик, Аркан и Зесс? Кто там еще? Рыжий и Дядько живы, Шранк наверняка первым почуял неладное, за что и был убит собственным напарником, кто-то из сопровождающих его Волкодавов тоже погиб. Остаются Ирбис, Сова и Молот? Торк! А Элиар?! Он ведь тоже хранитель!

— Верно, — спокойно кивнул Танарис, без труда угадав ход его мыслей. — Элиар присматривает за твоими дружками, пока я не решил, куда их деть. Он хоть и молод, умеет быть жестоким. Я хорошо его научил. Правда, твоя девка успела его подпортить, но скоро он забудет о ней и вернется к себе прежнему. Кстати, как думаешь, если я предложу Седому жизнь, он проведет нас через лес обратно?

Таррэн презрительно скривился.

— Пожалуй, ты прав, — без слов понял его светлый. — Урантар

заигрался в благородство, что для человека его возраста и положения — непростительная роскошь. И потом, он чересчур привязан к своей воспитаннице. А значит, для меня бесполезен... почти. Аркан, как там девка?

— Очнулась, — с ленцой отозвался предатель, на мгновение оглянувшись. — Хочешь взглянуть?

— Нет, — покачал головой эльф. — Я закончил. Проследите, чтобы лоза довела дело до конца, а потом добейте.

— А с ней что?

— Что хотите, а когда наиграетесь — тоже избавьтесь. Только не затягивайте, чтобы хмера не явилась, и дважды убедитесь, что эта стерва уже не воскреснет.

— С удовольствием, — мстительно улыбнулся Адвик.

Танарис упруго поднялся и свысока взглянул на тяжело дышащего собрата, у которого лицо исказилось при виде плотоядной усмешки Гончей. Пару секунд светлый изучал его, словно подопытную крысу, спокойно проследил, как заметно разросшаяся роза тычет колючками в незащищенную шею, брезгливо осмотрел кровавые разводы под дрожащими от возбуждения листочками, что уже скрыли израненный торс почти целиком, и удовлетворенно кивнул.

— Вот и все, темный. Теперь ты знаешь, почему вам всем придется умереть. Магия тебе сейчас недоступна, так что даже не пытайся. Эту парочку специально оставляю, чтобы ничего не упустить. Жаль, что не могу досмотреть до конца, но надо успеть разобраться с остальными до того, как ваши бешеные кошки сообразят, где нас искать. Ну и еще кое-что... Отдай мне перстень.

— Пошел... к Торку! — выплюнул темный эльф, с ненавистью глядя на палача.

— Фу, как грубо. Куда ты его спрятал? И почему я не чувствую его силы? Впрочем, если тебя целых двести лет не мог найти даже темный владыка...

Таррэн сжал челюсти и остро пожалел, что оказался привязан именно к ясеню, который вытягивал из него последние капли магии, превратив в беспомощного сопляка. Если бы не это, Танарис не ушел бы живым — «Огонь жизни», как правильно заметила Белка, плавит даже камни.

— Адвик, ты хорошо просмотрел его сумки? — повернул голову Танарис.

— А то! До самого дна распотрошил! Там пусто.

— И рядом с мечами его нет, — задумчиво произнес светлый. — Жаль.

Тогда сделаем так: проследите, чтобы он сдох как можно мучительнее, затем обыщите и принесите мне перстень. Он пригодятся, когда потребуется предлог заглянуть в Темный лес во главе объединенного войска, которое уже собирается со всех концов Лиары. Слышишь, Таррэн? Ты остался единственным, кто в полной мере владеет магией огня, поэтому без тебя они обречены. Даже владыка не устоит против двух десятков наших магов!

— Ты не посмеешь! — прохрипел Таррэн, нутром почуяв, что светлый не лжет. — Тебе никто не поверит! Светлый владыка не решится развязать новую войну!

— А если я приведу ему неопровержимые доказательства существования нового заговора? Если он узнает, что за время похода ты убил ни в чем не повинного наследника подгорного трона, чтобы завладеть его кровью? А заодно использовал силу Проклятого леса, чтобы уничтожить человеческую заставу?

Темный эльф неверяще вскинул голову.

— Танарис...

— Почему нет? — гадко улыбнулся светлый. — Гномы — несносный народец, так что мне показалось невозможным терпеть одного чванливого его представителя рядом с собой на протяжении целого месяца. Нам вполне хватило его крови, поэтому... Да, ты прав: я его убил, пока Элиар прохлаждался в сторонке. Но этого никто и никогда не узнает, а моих слов хватит, чтобы вызвать недовольство глупых карликов и их искреннее желание избавить Лиару от вашего присутствия. Думаю, подгорный владыка сам предложит нам союз против Темного леса, чтобы отомстить за убитого наследника.

— Ты убил старшего наследника трона?!

Улыбка Танариса стала шире и теперь походила на зловещий оскал.

— Нет. Его убил ты. Мои смертные друзья охотно подтвердят, что видели все своими глазами, а нашей с Элиаром магии хватит, чтобы даже совет старейшин в это поверил.

— Ты сошел с ума! — прошептал Таррэн, запоздало осознавая, что маленький народец в действительности не отказал в помощи Интарису и с готовностью отправил в поход не младшего, а старшего сына правящего дома. И его убийство ляжет на плечи рода Л'аэртэ, который хоть и был виновен во многих прегрешениях, но все же не заслужил такой чудовищной лжи. А если начнется новая война, на Лиаре вскоре останется один победитель — светлые! Если уж хранители трона решились на такой обман, то что помешает им избавиться от неудобных союзников вроде

гномов и смертных?!

Танарис мелодично рассмеялся.

— Что ж, не буду вам мешать. Прощай, Таррэн, и передай от меня привет Изияру. Вместе с пожеланиями сдохнуть в третий раз и больше никогда не возрождаться. Адвик, не забудьте про перстень.

Светлый эльф тряхнул шелковистой гривой и, бросив прощальный взгляд в сторону извивающейся Белки, со вздохом покинул «место мира». За его спиной бесшумно сомкнулись густые ветви, донеслись звуки быстро удаляющихся шагов, но затем стихли и они, оставив беспомощного и истощенного темного, обездвиженную Гончую и двоих плотоядно облизнувшихся мужчин, один из которых не мог оторвать от нее горящего взгляда.

— Ну что, малыш? Поиграем? — хищно улыбнулся Адвик и, наклонившись, резким движением поставил своего жожака на ноги.

Белка хрипло зарычала, но атаковать предателя ей не позволили тугие веревки. Опутанная ими с ног до головы, она лишь сверлила лицо парня бешеным взглядом и лихорадочно размышляла.

— Умная девочка, — прошептал Адвик, окидывая ее плотоядным взглядом. — Хорошая. Ладная... Я давно за тобой наблюдаю. Все гадал, что же в тебе такого особенного, что все вокруг сходят с ума. Я знаю о тебе все. Даже то, что лишь аконит может тебя поранить. То, что ты не поддаешься магии, на тебя не действуют яды и почему именно сейчас твоя драная кошка нас, как бы ты ни хотела, не услышит. В «местах мира» вы становитесь слабее, да?

Гончая яростно зашипела.

— Да, — возбужденно втянул ноздрями ее запах Адвик. — А знаешь, почему я принял предложение нашего остроухого друга? Знаешь, почему Шранк мертв, а я стою здесь и все еще не даю тебе умереть? Он пообещал мне тебя, моя радость. Дал слово, что не тронет тебя и позволит сделать все, что я захочу. Я слишком долго об этом мечтал, чтобы не рискнуть, когда появилась такая возможность. Ты была близка с нашим славным Сар'рой... не спорь, я знаю! Ты так нежно смотрела на Шранка, что я не мог не отомстить ему за это. Ты играла с Криллом, ты издевалась над Бромом, ты шутила и смеялась над всеми остальными, прекрасно зная, что это ранит меня, но теперь тебе некуда деваться. Теперь ты моя!

Гончая гордо вскинула голову, словно не заметив лютого взгляда Таррэна, брошенного на обезумевшего мальчишку из-под опущенных век.

— Надо было свернуть тебе шею еще тогда, когда ты надумал припереться ко мне той ночью. Жаль, Шранк отговорил.

Адвик вдруг хрипло рассмеялся.

— Ты ведь не знаешь, кто я, верно?

— Разве я должна была?

— Помнить мальчишку, который бросился со Стрелковой башни много лет назад? Помнишь, как он кричал сверху, что любит, а ты назвала его глупым щенком, потерявшим разум от похоти?

Белка едва заметно вздрогнула.

— Аддик...

— Да, — жестко сказал Адвик, глядя на нее в упор. Его лицо внезапно исказилось, словно от боли. — Он был моим сыном, Белка. Единственным сыном, которого я десять лет искал по всему Интарису, а нашел здесь. В Серых пределах.

— Что?! — неслышно прошептала Гончая, во все глаза рассматривая парня, которому едва стукнуло двадцать пять. — Аддику едва исполнилось двадцать! Он сам сказал, он не мог обмануть!

— Неужели думаешь, ты одна не стареешь? И неужели считаешь, что на Лиаре не найдется мага, у которого можно купить эликсир долголетия? Глупая девочка! Не думай, что я не знаю твоей тайны! Понятия не имею, как и где ты его достала, но когда-то и у меня были средства на него.

Она широко распахнула глаза.

— Ты...

— Мне больше полувека, если тебе интересно, — зло прищурился Адвик, с удовлетворением глядя на ее потрясенное лицо. — Пятьдесят три, если точнее, так что на самом деле я старше даже нашего воеводы. Я принял эликсир в двадцать три, но до сих пор, как видишь, неплохо выгляжу. Меня много помотало по свету. Я всегда был бродягой, Белка. И не мог усидеть дома больше месяца даже тогда, когда узнал, что на далеком севере у меня родился сын. Я долго откладывал этот день, выжидал, когда мальчишка станет старше и сможет меня понять. Нашел и для него способ остаться таким же молодым, как и я когда-то, хотя денег не всегда хватало даже на хлеб и воду, но кровь перворожденных в смеси с порошком из костей хмеры, пропитанных соком храмовника и слюной карадума, творит чудеса. А деньги всегда можно украсть. Или убить кого побогаче. Я потратил много времени, чтобы накопить достаточную сумму, а когда нашел подходящего мага и отыскал старый дом в богом забытом городе, оказалось, что мальчишка решил стать Стражем и ушел в Серые пределы! И вот я прибыл за ним сюда, взял его след, добрался до заставы...

Белка угрюмо насупилась: пояснять что-либо стало излишне.

— В его смерти не было моей вины. Он хотел лишь меня напугать, но

не удержался на шпиле. Даже Велимир не смог его спасти.

— Может быть, — усмехнулся Адвик. — Но я не только поэтому выпросил у светлого твою жизнь. Видит бог, он хотел бы сделать это сам, но поклялся, что не тронет тебя. И такая цена за смерть сына меня вполне устроит.

— Что? Решил со мной позабавиться? — презрительно усмехнулась Гончая.

— Почему нет? Ты всегда мне нравилась, и мне интересно, каково это — попробовать такую недотрогу, как ты.

— Смотри слюнями только не захлебнись!

Аркан сально улыбнулся, нашарил что-то на поясе и, зайдя за спину, резким движением набросил Белке на шею удавку. Гончая дернулась, захрипела, но вырваться не смогла. Тончайшая нить из знаменитого гномьего аконита глубоко врезалась в кожу, пережала важные жилы, но спустя пару секунд чуть ослабла.

— Как видишь, я подготовился, — довольно улыбнулся Адвик. — Аркан, держи ее, пока я перетяну веревки! Да хорошо держи, чтобы не дернулась! У нее хватит силы, чтобы уложить нас обоих, но через аконит не переступить даже ей.

— Уверен, что справишься?

— Да. Только придуши немного, чтобы не брыкалась.

Аркан пожал плечами и затянул удавку, отчего Белка пошатнулась и обмякла. Его напарник, убедившись, что она потеряла сознание, споро развязал путы, завел безвольно повисшие руки за спину, накрепко стянул. Да так, что плечи жестоко вывернулись в суставах, а под доспехом проступила маленькая грудь. Затем ловко распутал ноги, расстегнул заклепки на лодыжках, безжалостно вспорол таким же ножом из аконита чешую питона и умело связал лодыжки. Незаметно перевел дух (ох, как опасно играть с этой дикой кошкой!), упруго поднялся, после чего кивнул Аркану и уже гораздо спокойнее принялся стаскивать остальное.

— Ну вот, а ты говорил, не получится. Главное, в глаза ей долго не смотреть, — пробормотал Адвик, ловко управляясь с чужой одеждой. Он стремительно расстегнул крохотные заклепки на поясе, прошелся по бокам, что-то нажал, куда-то надавил, где-то надрезал. После чего потянул образовавшиеся лоскуты и оставил обвисшую на руках Аркана Гончую почти раздетой. — Прекрасно. Полдела сделано.

Таррэн бешено выдохнул сквозь намертво сомкнутые губы. Если бы мог, то вырвал бы проклятую розу с корнем, насквозь бы протащил через себя ее колючие ветви, но увы — Танарис знал, как обездвижить даже его

могучее тело. И теперь Таррэн мог только беззвучно рычать и в бессильной ярости смотреть, как два похотливых уroda деловито ощупывают беспомощную жертву.

Белка неожиданно вздрогнула и, придя в себя, выгнулась всем телом.

— Тихи, тихо, девочка, — покровительственно похлопал ее по обнажившемуся плечу Адвик, снимая остатки черной чешуи с лодыжек, голеней и бедер. При виде белоснежной кожи сочно причмокнул и, облизнувшись, потянул отрезанные лоскуты уже с живота. Под его жадными руками мелькнули причудливые узоры, небольшая крепкая грудь, изящная шея, красивые руки...

Адвик удовлетворенно улыбнулся и отступил на шаг, чтобы вдоволь налюбоваться.

— Хороша девка!

Таррэн глухо застонал, искренне ненавидя себя за эту унижительную беспомощность. За то, что не может прыгнуть и свернуть этим уroдам шеи. За эльфийскую кровавую розу, что до сих пор скользила холодной змеей по его телу, в клочья разрывая кожу и вспарывая мышцы, из которых, подобно вампиру, вытягивала все соки. Но даже сейчас, когда в глазах темнело от боли, а из горла вырывался лишь сдавленный хрип, он не мог не восхищаться Белкой.

Казалось, он никогда не видел ее прежде. Не знал, что бывает такая ослепительная женская красота. Не подозревал, что хоть кто-то мог соперничать с несомненным превосходством женщин его расы, но Белка действительно была совершенной.

Ее тело будто вылепил из белого мрамора гениальный скульптор. Каждую черточку, каждый изгиб, от тонких лодыжек до гневно раздувающихся ноздрей и бешено горящих глаз, в которых сверкала бездна ненависти. Изыщные голени, переходящие в стройные бедра совершенно умопомрачительной формы. Гибкая талия, на которой так естественно смотрелись бы мужские руки. Восхитительно тонкая шея, бархатная кожа. А сверху, накрывая все это великолепие роскошным покрывалом, сиял безупречно выверенный, нанесенный с поразительной точностью рисунок. Алая нить, причудливо вплетенная в белоснежный мрамор. Эльфийская кровь, пропитавшая эту дивную кожу и навечно оставившая там глубокий след. Он тянулся, как и предполагал Таррэн, от кончиков пальцев на правой кисти, через плечи, волнуящую своими формами грудь, вниз, на живот, где складывался в невероятно сложный узор из полукружий, колец, крохотных листьев и изумительной формы бутонов, над которыми, как капельки росы, виднелись едва заметные черточки рун. Затем плавно спускался на левое

бедро, колено, голень и только у левой лодыжки обрывался неоконченной линией, в которой знающий безошибочно разглядел бы начатое когда-то, но так и не нанесенное имя — имя ее повелителя и господина, которому предназначалась эта невероятная красота.

Талларен илле Л'аэртэ.

Вот только вместо полного имени там блистали алыми огнями лишь две первые буквы: палач действительно не успел закончить. Он сделал Белку совершенной, неотразимой. И она даже сейчас не казалась обнаженной, потому что придуманный им рисунок, превративший женское тело в настоящее произведение искусства, укрывал ее стыдливым брачным покровом. Но в то же время безумно манил, просто умолял к себе прикоснуться — легко, с трепетом, с восторгом.

Как гурман пригубляет драгоценное вино, как страстный коллекционер проводит дрожащими пальцами по внезапно обретенному сокровищу, так же хотелось прикоснуться и к ней. Всем своим существом. Лишь для того, чтобы больше никогда не отпускать. Закрыть собой, защитить. А эти нелюди, эти похотливые твари собирались осквернить такое чудо. Хотели разрушить хрупкую гармонию, загубить волшебную мелодию тела.

Они хотели ее уничтожить.

«Убью! — свирепо подумал Таррэн. — Попробую призвать „Огонь жизни“, а там будь что будет!»

Белка, поймав его взгляд, на мгновение замерла и вдруг прекратила вырываться. А потом неожиданно выпрямилась, словно позволяя Стражу вдоволь насладиться открывшимся зрелищем, и с поразительным хладнокровием осведомилась:

— Ну как, нравится?

Аркан не отказал себе в удовольствии обхватить ее одной рукой за талию, притянув к собственному, едва заметно напрягшемуся телу.

Адвик восхищенно прищелкнул языком.

— Да-а-а... Знал я, куда руки тянул! Оно действительно того стоило!

— Хочешь меня? — неестественно ровно спросила Белка, пристально изучая его лицо холодными голубыми глазами. — Тогда я предлагаю сделку.

— Какую?

— Уберите отсюда темного, и я не буду сопротивляться.

— Что такое?! — У обоих мужчин брови взлетели высоко вверх.

— Моя покорность в обмен на этого уроды. Идет? — сухо повторила Гончая, и на ее щеках загуляли желваки. — Я все сделаю. На все

соглашусь. Но я не желаю, чтобы какой-то нелюдь получал от этого удовольствие.

Аркан поперхнулся. Неужели согласится? Позволит им творить что вздумается и даже не станет вырываться?! Покорная, послушная, сдавшаяся на их милость?

— Заманчиво, — наконец признал и Адвик. — Но, к сожалению, невыполнимо: я слишком хорошо тебя изучил, чтобы поверить, что ты смиришься с поражением. Лучше я немного повожусь, чем останусь без головы.

— Тогда хоть глаза ему завяжите.

— Зачем? — жарко выдохнул ей на ухо Аркан. — Пускай смотрит. Нам не жалко. Или он уже успел тебя оприходовать? А что? Одни, наедине, в темноте подземелий, а он весьма недурен... Да, Белка? Ты его тоже приласкала? А сколько их было раньше? Скольких ты уже соблазнила?

— Ни одного.

— Неужели? Такая красивая, такая сочная, мягкая... — По ее груди скользнули жадные пальцы, а дыхание за спиной стало прерывистым. — Торк! Адвик, хватит тянуть! Я не хочу смотреть, как ты получаешь удовольствие в одиночку!

— Уберите от меня темного! — вдруг во весь голос рявкнула Белка, при этом сверкнув глазами так, что качнувшийся навстречу Адвик нерешительно замер. Показалось на миг, что там засветились нехорошие зеленые огни, подозрительно похожие на бешеные зрачки Траш, и это заставило его занервничать. — Пусть отвернется! Сделайте что хотите, только пускай... пускай не видит!

У нее голос едва не сорвался, пальцы скрючились, словно когти, а на лице вдруг проступила такая ненависть, что Адвик даже задумался.

— Адвик, клянусь, что не стану сопротивляться! Слышишь?! Только убери его от меня! Я все сделаю! Все, что захочешь! Только не здесь, не рядом с ним, чтобы больше никогда... Меня никто раньше не касался, понял? Ни один человек до тебя! Только раз... всего лишь раз... такой же нелюдь... Отвернись, урод ушастый! И глаза свои поганые закрой! Выжгите их! Выбейте! Выколите! Пусть он навсегда перестанет видеть хоть что-либо! Всех их ненавижу!

Гончая внезапно содрогнулась всем телом и глухо застонала.

— Уберите... я и так слишком долго терпела, но теперь... не могу больше. Они сделали меня такой. Они изрезали мне всю кожу, потому что это якобы смотрится красиво. Мне восемь лет было, когда один из этих уродов ко мне прикоснулся, восемь! Он убил мою сестру! Он едва не убил

меня! Я не могу быть рядом с этим... чудовищем! Уберите... что угодно, только не снова!

Она обессиленно обмякла и уронила голову.

— Ого, — неприлично присвистнул Аркан, не позволяя ей упасть. — Кажись, наша красавица не врет?

Адвик озадаченно покосился на потемневшее лицо эльфа, поймал его отчаянный взгляд и понял: правда. Она не притворялась и действительно ненавидела его всей душой.

Он медленно покачал головой:

— Прости, дорогая, но ему еще рано умирать. Танарис не хотел, чтобы это случилось слишком быстро, а я не настолько обезумел, чтобы вставать на пути перворожденных. Даже ради тебя.

На ее глазах неожиданно заблестели слезы, которых никто и никогда из Стражей в жизни не видел. Она всегда сдерживалась, всегда терпела. Но такого позора просто не могла вынести: близость эльфа превратила ее из суровой Гончей в измученную, убитую прошлым девчонку, на все готовую ради того, чтобы давний кошмар никогда не повторился.

— Уберите его... ради бога, пусть отвернется... пусть сдохнет, только бы больше не смотрел... пожалуйста... Адвик, я тебя умоляю!

Адвик пожевал губами, еще раз оглянулся на эльфа, перевел взгляд на давящуюся рыданиями девушку, переглянулся с напарником. После чего быстро отошел и вдруг со всего маха пнул неподвижного темного по лицу. Рукой погнушался — много чести. Поэтому пнул, чем получилось, — тяжелым, подбитым стальными пластинами сапогом, стараясь как можно сильнее разбить губы.

Таррэн только вздрогнул и уронил голову, а молодой предатель вопросительно обернулся.

— Так достаточно?

— Да, спасибо, — облегченно вздохнула Белка. — А теперь дайте встать... нет, я сама... мне больше ничего не надо. Только дайте вздохнуть поглубже, и я ваша.

— Не вздумай делать глупости! Мы за тобой следим!

— Не буду, — покорно кивнула она. — Я помню, как ты кидаешь ножи. А с такого расстояния даже мне не увернуться, так что не волнуйся: умирать в мои планы сегодня не входит.

— Умница. — Адвик сделал незаметный знак, и Аркан неохотно разжал руки, медленно отступая на шаг, а затем осторожно обогнул ее по широкой дуге. — У тебя ровно три секунды.

Они неторопливо разошлись в стороны, оставив хрипло дышащую

девушку в одиночестве. Связанную, беспомощную, обнаженную, с бессильно катящимися по щекам слезами, с намертво связанными запястьями и лодыжками. Веревки не ослабить, не порвать. А еще — дрожащую от холода и грядущего позора, на который только что обрекла себя сама.

Адвик нетерпеливо сбросил куртку и деловито потянулся к ремню брюк. А Белка вскинула залитое слезами лицо к равнодушным небесам. Пару раз глубоко вздохнула. Затем легонько повела плечами, позволяя остаткам чешуйчатой брони с тихим шелестом соскользнуть на траву, и осталась перед мужчинами полностью обнаженной. После чего открыла ядовито-зеленые глаза и медленно повернулась к ним спиной.

— Я готова...

ГЛАВА 20

Таррэн внутренне сжался, стараясь не думать о рассеченной скуле, сломанной челюсти и о том, что проклятая роза почти добралась до его горла. Он крепко зажмурился, отвернулся, насколько позволяла удавка, и заметно напрягся, потому что не был уверен, что понял ее правильно.

Он ждал чего угодно: грома и молний, дрожи земли, обвалов, землетрясений, проливных дождей и даже того, что яшень за его спиной вдруг рухнет ему на голову. Ждал криков, горестного воя, болезненного стона, от которого заранее сжалось сердце, и чего-то совсем страшного, но... все оказалось совсем не так.

Он не увидел, как вспыхнули неестественной зеленью ее глаза словно перед началом нового единения. Как мгновенно выцвели причудливые линии на ее безупречном теле. Как вскоре они загорелись сочным изумрудным пламенем, на мгновение превратив ее в полупрозрачную статую грозной красавицы Линнет — в ожившую богиню, от гнева которой содрогалась сама земная твердь.

Это длилось короткое мгновение, в течение которого Белка стояла к несостоявшимся насильникам спиной. Один-единственный миг, когда ее кожа вспыхнула светом древних рун, ловко вплетенных в узор на ее нежной коже. Тот самый, что чередой крохотных рун пролег от затылка до манящей ямки над ягодицами. Тайное оружие погибшего эльфа, его законная гордость и главная загадка, которой наследник рода Л'аэртэ мог бы по праву гордиться.

Вот загорелась лаконичная «арда» — руна, повелевающая телом. Следом за ней «аттава» — изящное полукружие, отвечающее за чувства. Потом пришел черед «уррды» — руны-ключа для духа, способной убить даже самую сильную волю. А под конец вспыхнула «иллара» — руна души, что с легкостью стирала старые привязанности и одним махом перечеркивала прошлую жизнь.

Полное подчинение...

Отголоски эльфийской магии зеленой волной пробежали вдоль позвоночника Гончей. Рисунок слегка мигнул, коротко высветив четыре страшные руны. А потом так же быстро погас. После чего в «месте мира» воцарилась неестественная, гнетущая, почти мертвая тишина, в которой гулко бились четыре сердца.

— Развяжите меня, — тихо уронила Белка. До Таррэна донесся

двойной вздох, шорох неуверенных шагов и оглушительно громкий звук рвущихся веревок.

— На колени, — так же ровно велела она, освободившись, и до эльфа донесся тихий шелест одежд, красноречиво возвестивший, что приказ был выполнен без промедления.

Впрочем, Таррэн не стал рисковать и открывать глаза, чтобы в этом убедиться. Он даже не шевельнулся, но не оттого, что боялся ее силы, а потому, что в голове до сих пор звучал голос старой Греты: «Не смотри!» — и он понимал, что мгновение назад чудом избежал смерти.

— Раздевайтесь. И молчите, пока я не велю.

Эльф мудро ждал, чувствуя, что еще не время. Только слышал, как шуршит торопливо скидываемая одежда. Всем нутром ощущал, что разумного в двух стоящих на коленях мужчинах осталось мало: теперь они принадлежали ей телом и душой. У них больше не было мыслей, желаний, стремлений, памяти. Для них потеряли значение прежние привязанности, планы, цели. Не существовали друзья и любимые женщины. Ничего больше не было важным, кроме ее глаз, голоса и огнем горящих рун, которые всего за мгновение превратили молодых, полных сил и отчаянной дерзости наглецов в безвольных кукол, не способных самостоятельно мыслить.

— Дай мне нож, — сухо велела Гончая, и один из мужчин протянул ей зажатую в ладони рукоять. — Благодарю. Свободен.

Таррэн поежился от раздавшегося чавкающего звука. А Белка что-то шепнула на ухо второму, удовлетворенно выслушала такой же тихий, но сбивчивый шепот. Упруго поднялась и, отойдя в сторонку, холодно бросила:

— Умри.

О том, что случилось дальше, Таррэн догадался по легкому вздоху и шуму медленно оседающего тела. Но глаз мудро не открыл.

Белка пару раз глубоко вздохнула. Сноровисто натянула загодя сброшенную мертвецами одежду, неловко подвернув длинные рукава и закатав штанины, и только после этого неслышным шагом приблизилась к распятому, истощенному, задыхающемуся под тяжестью разросшейся розы эльфу.

Ну вот и пришла пора для выяснения отношений. Именно сейчас настало время для правды, потому что добыть ее хладнокровной и безжалостной Гончей не составит труда. Интересно, что она решит? Что из сказанных ею слов было правдой? Там, в Лабиринте, на заставе, пару минут назад? Изучая и присматриваясь к Белке целый месяц, Таррэн и

сейчас затруднился бы с ответом. Кажется, Адвик был прав: она слишком изменчива и абсолютно непредсказуема. А еще она, кажется, не умеет прощать.

— Живой, ушастый? — тихонько шмыгнула носом Гончая, присев рядом с эльфом на корточки, и Таррэн неожиданно осознал, что некоторое время не дышал.

— Не очень.

— Хорошо, — облегченно вздохнула она. — Можешь открывать глаза, я одета. Повезло тебе, что вспомнил про руны, не то здесь было бы три свежих трупа, а не два. Правда, еще не вечер и все может измениться... но я пока не решила, что с тобой делать.

— Это радует. — Эльф осторожно приоткрыл одно веко, но быстро убедился, что опасность действительно миновала. Затем открыл уже оба глаза — распухшие от недавнего удара, и выжидательно уставился на Гончую.

— Вот ты и попался, — с невеселой улыбкой сообщила она, качая в ладони нож Адвика. Тот самый, из гномьего аконита, который так легко мог разрезать даже чешую питона. — Беспомощный. Обездвиженный. Израненный и полностью в моей власти... Что-нибудь скажешь?

— Зачем? — невесело улыбнулся эльф, хорошо понимая, что суровая Гончая слишком долго ждала этого момента. Теперь все позади, больше нет необходимости скрывать свои чувства и можно сделать все, чего ей так долго хотелось.

Белка странно хмыкнула.

— Ну сделай мне приятное.

— А ты попроси, — неожиданно даже для себя прохрипел эльф, глядя на ее безупречное лицо снизу вверх.

— Хам. Лабиринт плохо на тебя подействовал, — задумчиво протянула Гончая, рассеянно изучая шевелящийся зеленый ковер на его истерзанном теле. — Слушай, может, тебя прибить от греха подальше и избавить от дальнейших мучений?

— Ты же раздумала меня убивать.

— Вдруг я солгала?

— А ты солгала? — устало переспросил эльф, стараясь дышать пореже, чтобы колючки меньше врезались в кожу.

Белка тяжело вздохнула.

— Если я тебя попрошу, ты завопишь как резаный?

— Нет.

— А если ударю?

— Нет.

— Врешь, — не поверила она, осторожно касаясь одной из веток у его изуродованного бедра. Затем ее пальцы скользнули к его груди и животу, породив в теле мага мучительную судорогу, но Белка этого словно не заметила. Лишь задумчиво гладила острые шипы и никак не могла прийти к какому-то решению.

— Нет, — твердо повторил Таррэн, даже не собираясь гадать о причине, по которой она не захотела ему помочь.

Это было ее право. Решит помочь, он будет только за. Если же нет, то и это — благо. По крайней мере, больше не будет ни боли, ни сомнений, ни ненужных переживаний. Она избавит его и от того и от другого всего одним взмахом острого клинка.

— Действительно не врешь, — со вздохом осознала Гончая и передвинулась ближе. — А почему, интересно?

«Потому что я люблю тебя, малыш. Но никогда не скажу об этом вслух. Незачем тебе знать такую правду и незачем проблемы с еще одним дураком, которых и так вокруг пруд пруди».

— Не скажешь? — нахмурилась она.

— Нет.

— Плохо. Значит, мне придется тебя заставить. Ты готов?

Таррэн сглотнул, когда заметил, куда направлено острие клинка. Мысленно похвалил ее за правильный выбор, который позволит ему не ломать голову над целой кучей разных проблем, но все равно не проронил ни звука. Пускай... наверное, так будет лучше для всех. Не зря же говорят, что она никогда не ошибается.

— Я готов, малыш. Давай.

Ее занесенная рука качнулась, будто примериваясь, а затем резко опустилась вниз. Коротко свистнул распоротый воздух, Белка хищно прищурилась, довершая стремительный и точный удар, а эльф распахнул глаза и вздрогнул, когда блестящее острие с отвратительным хрустом вошло куда-то вниз по самую рукоять.

— Чт-то это? — нервно икнул Весельчак, когда над Проклятым лесом пронесся долгий, полный безумной боли крик.

— Кажется, на Лиаре стало одним темным эльфом меньше, — скупое заметил Танарис.

Урантар неловко отер окровавленное лицо, пошевелил связанными руками, силясь найти в путах хоть какую-то слабинку, но безуспешно — узлы светлые твари умели вязать на совесть.

Сова и Ирбис, покрытые кровоподтеками с ног до головы, мрачно сжали челюсти, а Молот глухо зарычал. Их застали врасплох, предали и обманули. И кто? Свои же товарищи, верные, казалось бы, спутники, которым они всю дорогу спину доверяли и сражались бок о бок!

Перворожденные — ладно. Для них человека убить все равно что сморкнуться. Но кто ж знал, что один из белобрысых уродов подмешает в общий котелок сонное зелье? Или что один из Стражей окажется предателем?!

Рыжий сдавленно ругнулся про себя.

А ведь он еще смеялся над Арканом. Но кто же мог подумать, что этот гаденыш действительно окажется предателем?! И разве можно было предположить, что десять лет службы будут забыты в одночасье?!

И что с того, что Сторм и Урис не пили предложенного эльфами напитка?! Что они могли против своего же товарища, ударившего в спину?! Адвик оказался последней паскудой — своего же напарника предал, голову размозжил рукояткой... Чудо, что Шранк еще живой! Но в сознание до сих пор не пришел. Остальных почему-то увечить не стали. Только избили, веревками опутали так, что лишний раз не вздохнуть, а теперь еще предлагают компромисс. И на Таррэна надежи тоже никакой, потому что он первый попался на эту приманку и уже славно почивает на небесах, поплеывая на своих убийц откуда-то сверху. Везунчик...

Элиар неожиданно нахмурился.

— Что ты с ним сделал?

Танарис подул на красивые ногти.

— Просто познакомил с нашей усовершенствованной розочкой. Надеюсь, ты рад, что проклятая кровь больше никогда нас не потревожит? Без него Темный лес обречен.

— Ты же обещал обойтись без пыток! — помрачнел Элиар.

— Ну и что?

— Достаточно было связать и оставить его там. Ему не выбраться из Проклятого леса в одиночку: к завтрашнему утру тут все будет кишеть тварями, и наша совесть была бы чиста. Тебе не следовало его убивать, да еще так!

Танарис оторвал взгляд от окровавленного лица воеводы и развернулся к брату.

— Ты собрался указывать мне, что делать? Я не ослышался?

— Ты обещал его не убивать, — упрямо повторил Элиар. — Ты дал мне слово!

Светлый скривился, будто глотнул уксуса, и презрительно сплюнул.

— Кажется, ты забыл, кому мы служим? А может, решил переметнуться на другую сторону? Мы убили врага, брат! Кровного врага, чьи предки много веков пытались нас истребить! Забыл?!

— Нет. Но ты солгал!

— Конечно, а как иначе? — зло процедил Танарис, поняв, что сородич упорствует не без причины. — Ты слишком близко подпустил к себе голубоглазую дрянь, а это было неправильно. Но теперь все. Она больше тебя не потревожит.

Элиар внезапно побледнел.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего. Но там остались наши смертные друзья, которым повезло немного больше, чем тебе недавно.

— Танарис!

— Что не так? — притворно удивился эльф. — Это всего лишь смертная, брат. Она недостойна тебя и меня, а то, что мы оба почувствовали, — всего лишь магия рун. Когда она умрет, это противоестественное влечение исчезнет, и больше ничто не будет тебя волновать.

Урантар глухо застонал, прекрасно помня, как отчаянно в свое время добивался Белки молодой напарник Шранка. Как много когда-то с ним было проблем. Как ярилась его воспитанница, как рычали остальные Гончие, как бунтовал молодой парень, раз за разом получавший отказ и едва не перешедший к решительным действиям. Только когда морду рассекли поперек, едва не лишив глаза, он немного поутих. А поняв, что Белка никому не отдает предпочтения, и вовсе успокоился. Да видно, не совсем.

Воевода горестно опустил голову, понимая, что не в силах ни помочь, ни защитить ее от похотливых рук. Таррэн, похоже, тоже не ожидал предательства. А Белка осталась совершенно одна против готовых ко всему наемников. Его маленькая, грозная, но такая уязвимая девочка, которой больше некому помочь.

Элиар с хрустом сжал кулаки и, развернувшись, молча направился прочь, провожаемый изумленными взглядами Зесса, надежно связанных пленников и светлого собрата, которого привык считать разумным и рассудительным.

Танарис сузил глаза и раздраженно окликнул брата, но тот не отреагировал — целеустремленно кинулся в самую гущу леса, намереваясь исправить то, что еще было можно. Он уже коснулся тесного переплетения ветвей, надежно укрывающих «место мира» от остального леса, раздвинул

зеленые лапы, лихорадочно раздумывая, как будет потом оправдываться перед главой ордена, и поэтому не увидел, как сзади что-то коротко блеснуло, с чавкающим звуком вонзилось ему между лопаток и, вылетев из груди, распалось на тысячи изумрудных искорок.

От удара Элиар вздрогнул всем телом и рухнул на колени.

— Брат... что ты делаешь?!

— То, что должен! — зло рявкнул Танарис, опустив мерцающую зеленоватым светом руку. — Жаль, что ты оказался сопляком! Жаль, что я взял тебя, а не Ларасса! Ты меня предал, Элиар! Предал ради какой-то... Тьфу! Как ты мог?!!

Элиар с трудом повернул голову и закашлялся, чувствуя, как под судорожно сжатыми пальцами упруго толкается что-то горячее. Он неловко прислонился к ближайшему стволу и все еще недоуменно взглянул на приблизившегося собрата, который только что ударил его в спину.

— Ты ударил меня?! — неверяще прошептал он, подняв руку и увидев свои окровавленные пальцы. — Танарис? Ты ранил меня магией?!

— Нет, брат. Я тебя убил, — жестко ответил хранитель трона.

— Но мы же... связаны!

— Заткнись, — грубо оборвал его кровный брат. — Ты стал мягкотелым. Ты променял меня на какую-то смертную и предал все, к чему мы шли два долгих тысячелетия. Волею совета ордена я исключаю тебя из наших рядов, Элиар, и разрываю узы крови. Ты больше не принадлежишь этому миру и Светлому лесу. Ты мертв.

Элиар уронил руку обратно на грудь, прислушиваясь к раздающемуся оттуда клокотанию. С трудом сделал новый вдох. Проверил внезапно опустевшие резервы, откуда непрерывным потоком утекала его сила. Мгновенно сообразил, что Танарис и здесь все продумал, и невесело хмыкнул.

— Кажется, ты возомнил себя создателем, брат? Думаешь, владыка простит, когда узнает?

— Не волнуйся, я об этом позабочусь, — хищно усмехнулся Танарис, с удовольствием забирая чужую магию. — В конце концов, не ты первый, не ты последний, кто пытается встать у меня на пути.

Элиар обессиленно сполз на землю и замер, чувствуя, как стремительно покидает его жизнь. Кажется, его сразили «Зеленым листом»? Только он умел мгновенно разрезать живую плоть, не оставляя жертве ни единого шанса. Танарис владел этим заклинанием мастерски.

Элиар устало прикрыл глаза, мысленно посетовал на собственную невезучесть, но улыбнуться напоследок все же сумел. И так, подставив

полуденному солнцу белое от боли лицо, неслышно прошептал:

— Рыжий, кажется, ты был прав: никомушный из меня попутчик...

Весельчак зыркнул исподлобья, но смолчал: грешно добивать умирающего. А глупый эльф хоть и выпендривается, дольше десяти минут не продержится — вон как из него хлещет! Гад он, конечно, шакал паршивый, но именно его стараниями их еще не перебили как кур. Именно Элиар настоял, чтобы им сохранили жизни якобы ради того, чтобы без помех миновать заставы. А потом за Белку вступился, да, как водится, забыл спину прикрыть. Видно, все же зацепила она его, дурака, сумела слегка очеловечить, за что, собственно, он теперь и расплачивался.

— Урантар, ты не передумал? — вкрадчиво поинтересовался Танарис, неуловимо быстро скользнув к напрягшемуся воеводе. — А то смотри, мне уже надоело с вами играть. Ты проведешь нас мимо заставы?

— Пошел к Торку!

— Зря. Я надеялся на другой ответ.

Дядько смачно сплюнул, поразительно точно попав на щегольские сапоги светлого. Да пошел он, в самом деле! Пусть хоть режет на куски, а из Проклятого леса его никто из присутствующих не выведет! Разве что Зесс попробует? Но тот всего лишь Волкодав и не знает лес так, как Гончие. Еще остался Адвик, но тот отчего-то не спешил возвращаться. Видно, все насытиться не мог, похоть свою тешил, урод озабоченный!

— Эй, ушастый, а может, я тебе сгожусь? — негромко мурлыкнул из-за ветвей нежный голосок. И в этот миг в глазах у воеводы промелькнула безумная надежда.

Танарис подпрыгнул как ужаленный и быстро огляделся. Зесс тоже не подвел: молниеносно поднял заряженный арбалет и спустил гулко звякнувшую тетиву в мешанину из листьев и колючих веток.

— Фу, как некрасиво, — холодно отозвалась Белка. — В даму из арбалета? Да еще мимо? А ты, оказывается, грубиян, Зесс. Танарис, тебе еще нужен этот неудачник?

Эльф стремительно отступил под прикрытие могучего ясеня, подобрался и торопливо обшарил пространство магическим взором.

Где она? Как вырвалась? Откуда нападет? И почему до сих пор не накинулась? Чего-то выжидает? Не решается атаковать вблизи друзей? Может, просто ищет подходящее местечко? Торк! Как же плохо, что она не видна магическим взором!

— Танари-и-ис? Не молчи, ушастый, я от этого нервничаю. Я спросила: тебе еще нужен этот мерзкий предатель? Если нет, то скажи, и я его прихлопну. У меня тут такая позиция замечательная...

Зесс снова натянул тетиву, прижался к ясеню с другого бока и прицелился в пустоту.

Где она? Ну пусть только покажется! Никогда он не любил эту стерву, хоть и хотелось порой отодрать ее как положено.

— Танарис?

— В общем-то нет, — наконец ответил эльф. В тот же миг мимо него просвистело что-то блестящее и по самую рукоять вошло в глазницу неудачливого Волкодава. Зесс только вздрогнул и, уже оседая на землю, выпустил из рук ставший бесполезным арбалет, а у эльфа вырвался невольный вздох, потому что это было очень быстро.

— Благодарю, — холодно сказала Белка, бесстрашно появляясь с другой стороны. Одна, в нелепо висящей чужой одежде, босая и безоружная. Она мельком оглядела окаменевшие лица связанных попутчиков, от пытливого взгляда опекуна раздраженно отвернулась, тяжело дышащего Шранка едва заметила, а при виде вяло шевельнувшегося Элиара растянула губы в неестественной улыбке. — За что ты так беднягу, Танарис? В спину, подло? Нет, ты не подумай, я не возражаю. Честно говоря, он мне никогда не нравился. Просто интересно, что тут у вас произошло, пока я развлекалась с твоими друзьями.

Танарис вместо ответа направил туго сжатый, уже звенящий от магии кулак в сторону пленников, и угрожающе оскалился:

— Где Адвик и Аркан?

— Неужели ты думаешь, что я оставила их в живых?

— А темный?

— А ты как думаешь? — кокетливо улыбнулась Белка, и светлый, призвав свою древнюю магию рода, мгновенно окутался ревушим зеленым пламенем с головы до ног. Под ним почернела и пожухла трава, над головой взвился дымок, а в напряженно застывшей руке появился огненный шар, который недвусмысленно качнулся в сторону Стражей.

— Стой на месте, или они умрут, — предупредил эльф. — Оружие брось. Только дернись, и я превращу их в фарш... Живее, сказал! Я не намерен с тобой играть! Так что отойди по-хорошему и не думай, что я не найду способа тебя убить!

Белка улыбнулась еще шире и, отступив на шаг, медленно подняла пустые ладони.

— Я пришла без оружия, болван, а единственным ножом поразила Зесса. И пока не собираюсь на тебя нападать. К тому же я могла бы сделать это раньше, но не сделала. Как думаешь почему?

Эльф подозрительно прищурился:

— С моей смертью они умрут — посмертное проклятие не перебороть даже тебе. Так что если хоть на волосок сдвинешься, не обессудь — похороню рядом с твоими дружками. Что тебе надо? Зачем этот глупый блеф? Я не дурак и прекрасно понимаю, что ты не питаешь ко мне дружеских чувств.

— Да, я рассердилась, когда ты отдал меня этим похотливым уродам, — промурлыкала Белка, с преувеличенным вниманием изучая свои коротко подпиленные ногти. — Даже хотела тебя порвать, посмотреть, как ты просишь пощады и как льется твоя кровушка. Но потом я подумала: а ведь мы могли бы сработаться.

— Что за бред?

— Почему сразу бред? — удивилась Гончая. — Жизнь за жизнь. Ты отдал мне темного, а я помогу тебе выбраться из леса, раз уж мои парни заупрямились. Траш и Карраш никого не тронут, даю слово. Если хочешь, они вообще ничего не узнают, пока ты не покинешь пределы. Рыжего можешь прибить — он мне до смерти надоел. С Ирбисом и Совой поступай как знаешь, они мне не друзья. Шранка не спасти, это понятно. Элиар тоже не жилец, но тут я совершенно ни при чем. Разве что дядьку не хочется трогать, но я надеюсь выторговать у тебя его жизнь. Как насчет обмена?

Танарис хищно прищурился и усмехнулся.

— А что ты можешь мне предложить?

— Жизнь, ушастый, и возможность выбраться из Проклятого леса. Сам посуди: убить магией ты меня не можешь, от ножа я увернусь. Деться тебе одному некуда. А если мы окончательно рассоримся, можем погибнуть оба. Может, поищем компромисс, раз уж так все сложилось?

— Думаешь, я тебе поверю?

— Думаешь, ты выберешься отсюда в одиночку? — дерзко ухмыльнулась Гончая. — У тебя осталась всего пара часов до того, как здешние зверушки выйдут на охоту: без темного они снова станут теми, кем были. Не думай, что «место мира» тебя спасет — сюда часто навевываются пересмешники и другие создания, которые с превеликим удовольствием высосут твою жизнь. Тебе нужен проводник, ушастый, хочешь ты того или нет. И я, как ни странно, могу им стать. Тем более твоя магия для меня — форменный пшик.

— Зато твоим друзьям не поздоровится!

— Ой, только пугать меня не надо, — выразительно поморщилась Гончая. — Я знакома с этим сбродом всего пару недель, и этого совершенно недостаточно, чтобы рвать из-за них жилы. За Уриса и Сторма я бы еще поборолась, а так... Оставь в покое Дядько, и мы квиты. Что скажешь? Ты

не трогаешь нас, я не стану мстить за Волкодавов, а затем мы оба помогаем тебе выбраться из пределов и расходимся, как в море корабли.

— Белка! — приглушенно ахнул воевода. — Ты что делаешь?

— Спасая твою шкуру! — огрызнулась она. — И свою заодно!

— Ты...

— Не лезь, дурак! Без нас он погибнет!

— Да пускай сдохнет! — бешено взвыл Урантар. — Хоть на суку повесится, урод, но я его отсюда не выведу!

— Зато выведу я, если тебе жить надоело! Без него в одиночку нам тоже не пройти, седая твоя башка! Он маг! И он поможет нам выиграть время, когда зверги и хмеры опомнятся! Я не для того столько времени в пределах пахала, чтобы сыграть в ящик там, где можно этого не делать! Ни один чужак этого не стоит! И уж тем более темный!

Седой окончательно вызверился на племянницу, собиравшуюся променять его жизнь на жалкую шкуру предателя, и зло выдохнул:

— Знаешь что... Если решила ему помогать, то делай это без меня!

— Идиот!

— А ты... Кажется, я в тебе ошибался.

— Ты вообще склонен ошибаться, — ядовито отозвалась она. — И самой главной ошибкой было то, что ты решил довериться темному! Правда, теперь это не важно. Мы уйдем отсюда, Дядько. И выведем этого остроухого прочь.

Урантар медленно покачал головой.

— Без меня.

— С чего бы мне доверять Гончей? — прервал их отчаянную перебранку Танарис, сверля Белку подозрительным взглядом.

— Ты оказал мне услугу, эльф, — холодно уронила она, демонстративно сложив руки на груди и подчеркнуто не глядя в сторону пленников. — Ты отдал мне темного, и за это я готова простить тебе даже Адвика с Арканом. Поверь, я умею ценить широкие жесты, а ты, сам того не ведая, оказал мне поистине неоценимую услугу. Ты ведь догадываешься, насколько я не люблю его род? Просто раньше у меня не было возможности рассчитаться. И я полностью согласна с тобой: темные достойны смерти. А наш ушастый друг к тому же так славно кричал... Ей богу, я даже пожалела, что его нельзя убить дважды.

— Так это ты его убила? — приглушенно ахнул Весельчак, но Гончая словно не услышала.

— Что ты с ним сделала? — все с тем же подозрением спросил Танарис.

Белка жестко усмехнулась.

— Думаешь, вру? — Она подняла правую руку и продемонстрировала перстень. Тот самый, который он так долго искал. Тонкий ободок потемневшего от времени кольца в виде свернувшегося дракона, держащего в пасти крупный изумруд. Родовой перстень. Средоточие жизни и силы любого эльфа. Его единственное уязвимое место. Его второе сердце. Его душа, которую она хищно сжимала в ладонях, с наслаждением растирая по разбитому камню свежую кровь.

— Как думаешь, откуда он у меня?

Танарис недоверчиво хмыкнул. Но ошибиться невозможно: это был тот самый перстень, за которым он так долго охотился. Таррэн не мог отдать его добровольно: такие вещи хранят как зеницу ока, потому что в этом кольце заключен источник бессмертия перворожденных. И Таррэн не отдал бы его, если бы был жив.

— Где ты его взяла? — хрипло прошептал светлый.

— Вырвала с мясом.

— А Таррэн?

— Ты не слышал крика? — довольно усмехнулась Гончая. — Представляешь, как долго я этого ждала, надеясь, что когда-нибудь смогу отомстить за сестру? Сотни и тысячи раз представляла себе этот день... Да, с Волкодавами вышло неприятно. Со Шранком — еще хуже, потому что он, как ни крути, был мне хорошим напарником. Но за возможность поквитаться с темными я прощу тебе даже это. А чтобы ты не сомневался...

Белка сжала в ладони проклятое кольцо, шагнула к ближайшему дереву, примерилась и с силой ударила перстнем о шершавый ствол.

— Бел, нет! — одновременно вскрикнули рыжий с Ирбисом.

— Вот так! — яростно прошептала она, услышав хруст. — Хорошо, что у меня такие способности: никакое слово разрушения не нужно — одной силой управилась. Знал бы тот ушастый урод... Зато теперь все они мертвы! И, клянусь богом, они заслужили эту боль до последнего мига!

Гончая с трудом отдышалась и опустила руки, с видимым усилием заставив себя не терзать несчастное дерево дальше. Затем брезгливо сплюнула и швырнула разбитый перстень светлomu, чтобы тот тоже мог проверить.

Танарис ловко поймал родовой перстень Л'аэртэ, убедился, что в том действительно не осталось жизни, и неуверенно улыбнулся. А потом поднял взгляд на ухмыльнувшуюся Белку и, погасив смертоносное заклятие, растянул губы в зловещей усмешке: не обманула, стервочка.

Может, они и правда с ней сработаются?

ГЛАВА 21

Какое-то время на поляне парила гнетущая тишина. Гончая стояла все на том же месте, давая светлому возможность привыкнуть к тому, что роли немного сменились. Пленники буравили ее тяжелыми взглядами и мысленно проклинали почти так же, как Адвика и Аркана недавно. Сам остроухий предусмотрительно держался поодаль, мудро не доверяя неожиданной союзнице до конца. Урантар скрипел зубами, отвернувшись, чтобы не видеть ее жестокого лица. Рыжий тихо ругался.

Умиравший Элиар едва слышно простонал:

— Зачем ты так, Бел?!

Белка окинула его быстрым взглядом и уважительно прицелкнула языком, разглядев широкую рану в груди. С видом знатока оценила потеки крови на безупречно белой рубашке. Затем еще немного подумала и вопросительно оглянулась на настороженно взирающего на нее Танариса.

— Не возражаешь, если я гляну?

— Да ради бога.

Она хмыкнула и, стараясь не поворачиваться к эльфу спиной, приблизилась к умирающему.

Танарис не стал протестовать. Действительно, зачем? Элиару ничто не поможет. Ну разве что у нее в кармане случайно завалялся амулет-накопитель невероятной мощи. А так ему было даже проще, потому что двуличная и смертоносная девка оказалась еще немного дальше, чем раньше. И это успокаивало: желай она поквитаться, нашла бы способ подобраться вплотную.

— Чем ты его? «Листом»? — осведомилась Гончая, присмотревшись к умирающему. — А кровь специально заставил не сворачиваться? Вот уж не думала, что кто-то еще владеет этим ударом, кроме вашего владыки! Молодец. Случаем, не собираешься сменить статус?

Эльф непроизвольно кивнул и расслабился: какая догадливая девочка. А Белка присела возле хрипло дышащего Элиара, коснулась краев жутковатой раны, будто хотела сдвинуть их, но почти сразу сморщилась и торопливо вытерла руку.

— Извини, но я не люблю вида крови. Меня от нее выворачивает. Поэтому, боюсь, ты зря играл в благородного героя, Элиар. Благородство крайне редко вознаграждается, а большинство дураков подышает так же поганно, как ты сейчас, — от подлого удара в спину. Не думала, правда, что

ты на это способен, но... мне действительно жаль. Ты умираешь, Элиар. Этого ничто не изменит, потому что от «Зеленого листа» не бывает спасения — он истощил тебя так, что даже внешний источник уже не поможет, а твоя сила полностью перейдет к Танарису, сделав его еще могущественнее, чем раньше. Единственное, что я могу, это немного ускорить процесс и избавить тебя от мучений... Надеюсь, возражений не последует?

Не дождавшись ответа, она быстро наклонилась и впиалась болезненным поцелуем в его плотно сомкнутые губы. Смертельно раненный эльф дернулся всем телом, выгнулся и захрипел, словно его надвое разрывало могучими вихрями. Однако Гончая держала его крепко, зажав стальными пальцами подбородок. А выпустила лишь тогда, когда с его губ слетел последний мучительный вздох.

— Уф! Прости, дорогой. Знаю, что больно. Но, во-первых, ты сам предлагал попробовать, хотя я предупреждала, что это тебя убьет. Во-вторых, тебе уже все равно, а мне вдруг до ужаса хотелось узнать, каково это, когда тебя целует эльф. Как оказалось, неплохо, хотя цена за удовольствие и высоковата: один ушастый за крохотный поцелуй. Согласись, это чересчур? Наконец, в-третьих, я больше не собираюсь давать никому надежд и хочу, чтобы остальные усвоили этот урок: рядом со мной любого ждет смерть. Жаль, что пришлось продемонстрировать это именно на тебе.

Элиар вместо ответа только обмяк и невидящим взором уставился в пустоту.

— Готов, — со смешком констатировала Белка, поднимаясь на ноги. Бесцеремонно похлопала еще теплое тело и почти весело взглянула на Танариса. Тот сглотнул, когда его на миг коснулся быстрый взгляд ядовитозеленых глаз, и на мгновение потерялся, потому что даже предположить не мог, что эта дрянь настолько опасна. Еще успел подумать, что ее непременно надо будет убить. О том, что очень правильно запасся аконитом, способным распороть ее от паха до подбородка, а еще о том, что ему по-настоящему жаль портить такое красивое тело, которое прекрасно бы смотрелось в постели самого владыки...

Светлый не сразу понял, что стоит, почти не дыша, и неотрывно смотрит на ее лицо, будто пораженный неведомой магией. Не сразу осознал себя замешкавшимся в тот самый момент, когда оказался уязвим. Он будто выпал на мгновение из реальности. А когда опомнился, то обнаружил опасную соперницу всего в двух шагах — летящую в гигантском, потрясающе быстром и просто невероятном прыжке. Хищно

оскалившуюся и целящуюся внезапно отросшими ногтями ему точно в горло. Свирепую, полную сил, угрожающе близко подобравшуюся к тому, кого сейчас ненавидела всей душой.

Танарис успел только вскрикнуть от внезапного понимания и потянуться к поясу с ножнами. Зло выдохнул активирующее заклятие для охранного контура, чтобы хотя бы смертью пленников подпортить грядущий триумф двуличной девки, которой не следовало доверять. С удовлетворением услышал болезненный вскрик, перешедший в настоящий вопль. Мстительно подумал, что все-таки переиграл ее, а затем вздрогнул от удара в грудь, услышал хруст ломающихся ребер и легкий хлопок от несработавшего магического щита. И с поразительной легкостью оказался отброшен сразу на десяток шагов.

Мгновение короткого и страшного полета эльф даже не почувствовал. Он только глаза ее видел, которые, казалось, заполнили собой весь мир. Огромные, бешено горящие глаза, в которых вместо привычного ясного неба горело зеленое пламя ненависти. Всего доля секунды, и целый мир сжался для него до этих изумрудных огней, а затем потонул в бесконечном океане боли, которая заживо пожирала его изнутри.

Белка, с хрустом проломив его грудь и впечатав глубоко в землю, нащарила свободной рукой холодную ладонь и безжалостно содрала родовой перстень с голубым бриллиантом, который и стиснула в кулаке, одновременно следя за гаснущими зрачками бессмертного. Какое-то время смотрела ему прямо в лицо, ожидая подвоха и даже того, что светлый гад внезапно воскреснет. Хрипло дышала, сжимая ногами изуродованное тело, ломая родовой перстень и забирая его бессмертие. Наконец выхватила из его ослабевших пальцев тот самый нож из аконита и с размаху вогнала прямо в сердце, чтобы уже больше не было проблем и недоразумений.

— Вот так, — устало прошептала Гончая, когда эльф окончательно обмяк. — Как говорится, хороший эльф — мертвый эльф... Всегда любила шутки нашего славного короля Миррда. Правда, только сейчас понимаю всю глубину его странного юмора. Надеюсь, ты тоже... тупица!

— Белка! — ахнули у нее за спиной сразу несколько голосов.

Гончая неловко сползла на землю, вытащив из трупа бесценный клинок. Мстительно пнула Танариса в бок. Убедилась, что поквиталась окончательно, а затем измученно привалилась к ближайшему дереву и, подтянув ноги к груди, слабо улыбнулась. Спешно выпутывающиеся из веревок друзья со злым восхищением смотрели на нее и как всегда бормотали какие-то глупости.

— Ну Белка...

— Ну ты даешь...

— Это ж надо было так сыграть!

— Здорово я вас надула? А? — слабо улыбнулась она.

— Бел, я тебя убью! — с чувством простонал Весельчак, растирая онемевшие конечности. — Честное слово, расцелую, а потом убью... это ж надо было так истрепать мои несчастные нервы!

— Целовать меня — смертельно опасно, — совсем неслышно шепнула она, устало откинув голову назад. — Ты и минуты не продержишься. Да, Элиар?

— У-у-у... — согласно промычал очнувшийся эльф, вынудив слегка привставших людей пораженно рухнуть обратно на землю. — Раз уж даже меня приплющило... До чего ты вредная, Белка! Любишь поиздеваться над умирающим! Хоть бы предупредила, зараза двуличная!

Элиар, которому было давно положено красиво испустить дух, как-то весьма живо дернул ногами, уперся ладонями в землю и, скрипнув зубами, с невероятным трудом перевернулся. После чего глубоко вдохнул, сияясь хоть как-то справиться с тем богатством, которое она обрушила на его несчастную голову пару минут назад. И вдруг, вызвав новый изумленный вздох, сел, обеспокоенно ощупывая руками грудь, на которой уже срастались ребра и с поразительной скоростью светлея совершенно целая кожа.

Эльф с чувством взглянул на дерзко хмыкнувшую Гончую и благодарно прикрыл веки.

Умница. Коварная, бесподобная, совершенно замечательная женщина, которая умудрилась провести даже его. Сколько же сил могло вместить ее хрупкое тело! Едва не утопила его, хранителя трона! Но если бы не накопленная ею в Лабиринте магия, он бы не выжил после «Зеленого листа»!

— Ты ж меня, хмера зубастая, едва не прибила окончательно! Кто только научил... Откуда узнала, что через двойной вдох можно впихнуть такую Торкову прорву сил?!

— И это вместо спасибо?! — измученно огрызнулась она, все еще тяжело дыша и не имея ни возможности, ни желания оторваться от спасительного ствола. — Таррэн, ты слышал? Прибей его сейчас же, пока я сама не встала! Пусть знает, как говорить гадости красивым девушкам!

— Таррэн? — неверяще вскинул голову Весельчак. — Но он же... ты же сама сказала...

Белка только хмыкнула.

— Разве мне можно верить? Не повторяй ошибок Танариса, рыжий:

это может плохо кончиться.

Урантар хрипло закашлялся и наконец сумел подняться, хотя затекшие ноги умоляли дать им еще пару минут, чтобы восстановиться. Но он не послушал — сделал два неуверенных шага, собираясь надрать племяннице ее упругий зад, но вдруг споткнулся, оторопело уставившись на что-то за спиной Молота, и едва не рухнул лицом вниз, прямо под ноги вынырнувшему из-за деревьев темному эльфу.

Остроухий хоть и выглядел страшнее войны, оказался живым и очень даже неплохо смотрелся для того, чей родовой перстень только что безжалостно расколошматили. Исхудавший, покрытый рваными ранами с головы до пят, в корке запекшейся крови. Но все равно живой! Хотя один пес знает, как у него получилось, ведь всем было известно — эльф, у которого разбили родовой перстень, навсегда останется в царстве Ледяной богини! А он...

— Живой! — неверяще прошептал Урантар. — Живой, паршивец... Бог мой, как же я рад тебя видеть, ушастый!

Таррэн растянул разбитые губы в жутковатой усмешке.

— Что, соскучились? Или поминки собрались справлять? Тогда прошу прощения, что испортил гулянку.

— Ты чего так долго, черепаха? — из последних сил рыкнула Белка. — Я весь язык отбила, пока зубы этому козлу заговаривала. Ждала тебя, ждала, изворачивалась как могла, а ты... гад! Где ты был так долго?!

— Заклятие его снимал, — устало мотнул головой Таррэн. — Если бы не успел, от вас бы кучка пепла осталась, да и то не уверен. Хорошо, что яшень его ослабил, иначе тут разразился бы конец света, после которого Проклятый лес пришлось бы выращивать заново. Эй, вы как там? Все живые? Бел?

Она вяло отмахнулась:

— Отстань, я на тебя злюсь.

— Почему я не удивлен? Элиар?

— Чего ж ты орешь, изверг? — простонал светлый. — У меня башка чугунная, а ты мало того, что топаешь, так еще и вопишь как недорезанный крысюк! Да не смотри на меня такими глазами! Живой я, живой! Только поцарапанный... слегка.

— Уверен? — Таррэн придирчиво изучил его, безошибочно распознал следы безусловно смертельного заклятия, после чего разочарованно вздохнул. — Эх, а я надеялся, что больше тебя не увижу.

— Сволочь, — откликнулся на насмешку Элиар, но попыток подняться не предпринял — не было сил, хотя раны у него закрылись почти

полностью.

Видно, не зря говорят, что в целительстве светлым нет равных. Впрочем, для того чтобы в считанные минуты оправиться сразу от двух мощнейших ударов, надо быть очень хорошим магом. Возможно даже, лучшим в Светлом лесу. Потому что себя, как известно, лечить гораздо труднее, чем кого бы то ни было, ведь чужую боль можно отключить, а вот от своей никуда не денешься.

«Кажется, я его недооценил, — с нескрываемым уважением подумал Таррэн. — Элиар действительно молодец, да еще и зубы скалит, паразит ушастый. Похоже, нахватался от некоторых дурных привычек».

Так, кто там еще остался? Сова уже может стоять и не без интереса поглядывает на изогнутую рукоять ножа в глазнице Зесса. Воевода до сих пор пытается принять вертикальное положение. Небезуспешно, надо признать, но лучше бы ему обождать с этим делом хотя бы пару минут.

И только неугомонному рыжему все нипочем — вон, уже пихает недоразвязавшегося Ирбиса в бок и откровенно напрашивается на очередной тумак. Тот, правда, еще не способен на подобный подвиг, потому что застрял на особенно тугом узле, о чем Весельчак, разумеется, прекрасно знает. Однако с другой стороны к задире уже подтягивается Молот, да с таким кровожадным выражением лица, что скоро поляну огласит славный вопль восторжествовавшей справедливости.

— Идиот, ты совсем спятил?! Я тебе что, кот, чтобы меня тянули за...

— Молот, я твой должник! — донесся следом злорадный голос Ирбиса, а потом новый вопль ланнийца. — погоди, я тебе сейчас помогу.

— Сговорились! А ну, уберите руки! А! Вон пошли, извращенцы! Чтоб вам всю жизнь на озабоченных эльфах наткаться! Тьфу! Ничего святого у вас нет!

Таррэн непроизвольно хохотнул и наконец поверил, что все закончилось благополучно. Танарис мертв, его подельники — тоже, с остальными светлыми еще будет время разобраться, ключи не потеряны (вон из мешка Седого торчат!), родовые клинки он тоже подобрал, друзья почти все в порядке...

— Чё ржешь? — вдруг сердито рыкнула на него Белка. — Иди Шранку помоги, а то он совсем плох! Пока вы тут развлекаетесь, он у меня совсем помрет!

Таррэн мигом посерьезнел и, отыскав глазами неподвижного Стража, торопливо присел на корточки. Рана на его левом виске выглядела отвратительно — здоровенная неровная дыра, покрытая коркой запекшейся крови, из-под которой то и дело вытекали новые багровые струйки, когда

воину удавалось глубоко вдохнуть. Он дышал хрипло, тяжело. Похоже, Адвик сделал все, чтобы отыграться за годы вынужденного подчинения. Но, слава богам, Шранк оказался слишком крепким и до сих пор еще каким-то чудом держался.

Таррэн коснулся пальцами его висков и несильно надавил.

— Стой, — неожиданно встрепенулся Элиар. — Не так. Надо... ах, Торково семья... иллада ларраре... аттуил на саре... сота имлен. Иисса?

— Дер, — отозвался темный тоже на эльфийском. — А ты уверен?

— Делай, я помогу.

— Кому ты сможешь, лебедь умирающий? У тебя сил осталось...

— Делай, что говорят! — внезапно вспыхнул Элиар. — Рыжий, иди сюда и помоги мне дойти, пока этот болван все не испортил! Темных только за смертью посылать — ни Торка в ранах не разбираются! Стой, я сказал! Таррэн, шеттарэ ано... помогать мне будешь, и на большее не рассчитывай!

Весельчак с сомнением покосился на светлого.

— Да брось, — поморщился Элиар. — Вам нужна помощь, а Таррэн не владеет теми умениями, что доступны мне. Если Шранку не помочь, он умрет, и «Огонь Изияра» здесь бессилён. Тут нужен другой вектор, но из всех присутствующих только я умею с ним обращаться.

— Он прав, — неохотно подтвердил Таррэн. — У меня не хватит знаний. Даже светлому придется полностью выложиться, чтобы Шранк выжил.

— С чего я должен ему верить? — хмуро осведомился лис.

— С того, что ему верю я! — сухо отозвалась Белка. — Таррэн, помоги ему. Пусть исправляется, коли натворил таких дел. Рыжий, делай что говорят!

Элиар коротко взглянул на усталую Гончую, которая все еще была подозрительно бледна и пока не соизволила отлепиться от могучего ясеня. Даже позу не поменяла — сидела, поджав ноги к груди и бессильно уронив руки на живот и грудь. Но дышала спокойно, ровно. И глаза у нее снова горели прозрачной синевой — красивые, теплые, все понимающие глаза, в которых медленно угасали отголоски недавней силы.

— Я не подведу, — тихо сказал светлый, без страха глядя в эти бездонные озера.

Белка слабо улыбнулась.

— Прости, что влезла в башку твою без спроса. Такой был соблазн... Но, Таррэн, если этот тип сомлеет у тебя на руках, не вздумай его целовать, как я недавно! Это вредно скажется на твоём самочувствии, потому что

Элиар — еще худший вампир, чем ты! Вычерпал меня до дна и даже спасибо не сказал!

Таррэн покосился на сородича и спокойно отвернулся, потому что успел увидеть почти все, что тут случилось. В том числе и поцелуй, от которого Элиар еще не пришел в себя. Он не собирался ни говорить об этом, ни тем более осуждать или упрекать кого-то. Выбор — добровольное дело каждого, а он свой уже сделал и не вправе требовать того же от остальных.

Рыжий, пересилив неприязнь, все-таки помог изможденному эльфу доковылять до раненого. Неприятно, конечно, но если уж Гончая говорит, что этому смазливому гаду можно верить... Он тяжело вздохнул и подавил желание пырнуть наглого нелюдя в бок. Ладно, пусть врачует, раз умеет. А потом разберемся, что он за птица такая да с какого перепугу Белка вдруг сменила гнев на милость и готова поверить ему снова.

Элиар осторожно коснулся бескровного лица умирающего, переглянулся с Таррэном, зачем-то подозвал всех остальных, велел им взяться за руки, как босоногая детвора во время праздника весеннего урожая. Затем как-то по-особенному взмахнул рукой и, побледнев аж до синевы, принялся колдовать над неподвижным телом.

Белка устало прикрыла глаза.

А он молодец — решил позаимствовать чужие силы, чтобы попытаться вернуть Шранка к жизни. Ох и трудно же ему будет. Но он должен справиться, иначе и быть не может — в него было вложено слишком многое, когда затевалась вся эта история с подложным орденом.

Оказывается, светлые уже не первый век пытались добраться до ключей и спрятанной в них силы. То один, то другой. И хранители трона тут успели замараться, и кое-кто попроще... да кто только не охотился за наследием Изиара за прошедшие девять эпох! И ведь все оказалось до безобразия просто! Потому что, как выяснилось, человеческий орден был истреблен еще во времена короля Миррда и долгое время не мог оправиться от поражения. Они утратили все, что имели. Почти исчезли в бездне веков, но сумели зародить сомнение в душах бессмертных. Помогли задуматься о том, чего могли бы достичь светлые, если бы им удалось заполучить драгоценные артефакты. Вскоре появились первые отщепенцы, в одиночку пытавшиеся заполучить артефакт в свои жадные ручки. Потом таких «умников» стало больше, но лишь два тысячелетия назад безумие одного из хранителей подтолкнуло светлых к заговору.

Белка облизнула сухие губы и с какой-то невеселой улыбкой взглянула на темного эльфа, склонившегося над ее напарником. Таррэн, Таррэн... Кто

бы мог подумать, что он окажется именно таким? Необычным, удивительно непохожим ни на одного из своих сородичей. Гордым, но не высокомерным. Рисковым, но ничуть не боящимся смерти. Понимающим, умеющим сочувствовать, что для темных по меньшей мере странно. Очень выносливым, надежным во всем и невероятно, невозможно, немыслимо сдержанным. Он оказался совершенно не тем, кем она когда-то считала. Почти идеальным... Да видно, все же не судьба.

Белка закашлялась и с новой силой обхватила руками живот.

— Иррадэ...

— Бел? — неожиданно вскинул голову Таррэн и обеспокоенно обернулся. — Ты в порядке?

— Еще как, — хрипло прошептала она, кривясь, будто отхлебнула горькой гномьей настойки.

— Белка-а-а... — Таррэн дернулся, нутром чуя, что что-то не так. Совсем встревожился и уже собрался окликнуть Элиара, чтобы поторопился со Шранком. Но в этот момент его второе сердце похолодело от нехорошей догадки.

Боги, да почему же она не шевелится?! Почему сидит так, словно боится даже крохотное движение сделать, а живот зажимает уже обеими руками, будто из последних сил сдерживает... боль?

Белка, поймав его взгляд, слабо улыбнулась. Но так виновато, что его сердце вдруг ухнуло куда-то вниз. Таррэн ахнул, справедливо заподозрив подвох, и громадным прыжком оказался рядом. С ходу поднял ее на руки, ощущая под пальцами что-то мокрое, горячее и отвратительно липкое. Поразился неестественной белизне ее кожи. Тому, как безвольно она обмякла и до скрипа сжала зубы, чтобы не вскрикнуть. Бережно уложил на траву, отвел ладони в сторону... и глухо застонал, увидев то, что она так долго от них скрывала.

— Белка! Темная бездна... что же ты наделала?!

Гончая стыдливо опустила ресницы. Да и о чем говорить? Для чего тратить время? Она достаточно понимала в ранах, чтобы сознавать, что от такого ей уже не оправиться: гномий аконит оказался достойным оружием, у которого хватило сил разрубить даже ее дубленую шкуру. Не зря Танарис первым делом схватился именно за него. И Белка тоже это знала. Просто уворачиваться — значило испортить прекрасный прыжок и подарить светлomu лишний миг для активации смертельного заклятия. А рисковать чужими жизнями она до сих пор так и не научилась. Своя — что? Свою не жалко: мало кому понравится быть дорогим, но ненужным клинком в красивых ножнах. Еще меньше найдется тех, кто сумеет справиться с

прошлым, от которого не было спасения ни наяву, ни даже во сне. А потому она не стала мудрить — ударила так, как умела: быстро, сильно, не жалея ни себя, ни тем более врага. Ударила и, как всегда, попала — Танарис не успел больше никого убить. А значит, оно того стоило.

Ее позаимствованная у Аркана рубашка промокла насквозь, широкая рана внизу живота выглядела скверно, но, что самое мерзкое, клинок задел важные органы внутри. Проклятого ножа там уже не было — Белка вытащила его почти сразу, но никому не решилась об этом сказать. Посчитала, что сумеет утаить свою оплошность, но недоглядела: проклятый темный все равно почуял. А теперь смотрел на нее так, будто это его сейчас убивали.

— Забавно, да? — прошептала она, подметив искренний ужас, проступивший на его всегда невозмутимом лице. — Видно, мне на роду написано спасти твою шкуру, ушастый. Не в первый, но, похоже, в последний раз. Нет, не трогай. Это все бесполезно — у меня внутри уже целое море плещется, скоро захлебнусь. Перевязывать тут без толку, а ваша магия на меня не действует.

— Враждебная — нет, — немеющими губами прошептал он. — Но ты говорила, что лечить я могу.

— Ничего ты не можешь, дурачок. Ты и в прошлый раз едва сумел подтолкнуть мои раны к заживлению, да и то лишь потому, что они были неопасны. Но это истощило тебя как недельная голодовка. А теперь все гораздо серьезнее. Ты просто не пробьешь мою защиту. И Элиар — тоже. Только продлите агонию... не надо. К тому же руны никуда не делись, и они убьют любого, кто попытается вмешаться. Так что оставь. Я не хочу, чтобы пострадал кто-то еще.

— Нет! — Таррэн решительно взялся за мокрую ткань и потянул в сторону, одновременно накладывая горячие ладони поверх ее холодеющих пальцев.

Нет, не может быть, чтобы она погибла! Она справится, она еще сможет... У нее всегда получалось возвращаться, даже когда казалось, что смерть неизбежна! Она просто не может умереть! Не здесь, не сейчас, не у него на руках!

Он мысленно воззвал к своему второму сердцу и той мощи, которое оно хранило. Уверенно потянулся навстречу, чувствуя, как знакомое пламя с ревом прокатилось по венам. Умело призвал его снова. Собрал все, что смог, сосредоточился на пульсирующей боли в кистях, где уже появилось знакомое жжение, а затем с легким вздохом отпустил. Как тогда, на заставе, когда решил, что уже потерял ее. Как в Лабиринте недавно, когда снова за

нее испугался. Как в зале забвения, когда понял, что иного пути нет. Но в тот раз им двигала ненависть — к себе, к обстоятельствам, к проклятому року, наконец. Да, тогда он умел лишь ненавидеть. Но сейчас...

Сейчас от той ненависти ничего не осталось.

— Белик! — ахнул издали Урантар, наконец-то подметив неладное. Следом за ним вскочили со своих мест остальные, пытаясь сообразить, какого Торка Гончая все еще лежит возле старого ясеня, а Таррэн стоит на коленях и будто усиленно молится. А может, просит о чем-то? Они сразу не разобрали, хотя, судя по его лицу, процесс проходил не слишком успешно. Но все же не совсем безнадежно, раз Гончая еще ни разу не огрызнулась, не хохотнула и даже не съязвила, как раньше. Напротив, в кои-то веки позволяла держать себя на руках и гладить свои темные волосы. А эльф безостановочно что-то шептал, то ли пытаясь убедить ее, то ли оправдывая себя.

За долгие несколько секунд, что воины наблюдали за ними со стороны, неожиданно стало понятно, что в мрачных подземельях Лабиринта между этими двумя случилось нечто такое, из-за чего они сейчас позабыли обо всем. И как никогда казались половинками единого целого. Настолько гармонично смотрящимися вместе, что вконец обеспокоившийся Урантар отодвинулся от Шранка и решительно приподнялся.

Рыжий и Ирбис тоже дернулись. Элиар, обернувшись, лишь понимающе покачал головой, а Урантар сумел-таки встать на ноги и сделал неуверенный шаг в сторону племянницы. Но в этот момент вокруг наследника Изиара полыхнуло пламя, обдав его таким жаром, что пришлось спешно шарахнуться прочь и закрыть лицо руками.

Правда, огонь бушевал недолго. Не успели люди как следует испугаться, как он бессильно опал, словно повинуюсь неслышному приказу. Пару мгновений еще плясал вокруг хозяина и его погибающей нары, а потом потух, оставив после себя слабый запах гари и отчетливый привкус отчаяния, которое темный эльф даже не скрывал.

— Нет, — ровно повторила Белка, когда охвативший эльфа огонь окончательно сдался. — Не делай так больше. Это убьет нас обоих.

Таррэн в панике взглянул в тускнеющие голубые глаза. А когда понял, что щедро льющаяся в ее тело магия бесцельно ушла в никуда, едва не взвыл от отчаяния. Для тех рун, что горели на ее теле, его силы оказалось слишком мало, хотя он использовал даже те резервы, которых много лет назад вообще зарекся касаться!

— Перестань, — устало повторила Белка. — Все было честно. Я довела тебя до Лабиринта, ты вытащил меня оттуда живой. Мы квиты,

ушастый, понял? Никаких больше долгов ни у меня, ни у тебя, ни у Траш.

— Я тебя вытащу, слышишь?

— Оглох? Я сказала: не вздумай! — неожиданно рассердилась она. — Это мой выбор и мое решение! Я его приняла, и мне теперь отвечать!

«Да как же ты не понимаешь?! Неужели не видишь, что мне без тебя не жить?! Неужели не знаешь?! Не чувствуешь?!»

— Сам ты... слепой, — простионала она. — Глухой и головой ушибленный! Надо было тебя в Лабиринте бросить — меньше бы стало проблем!

Урантар, шатаясь от слабости, наконец добрался до измученной племянницы и, завидев причину отчаяния эльфа, буквально упал рядом с ним.

— Малыш, да как же ты... Что же ты с собой творишь?

Она хотела улыбнуться, но не смогла. В глазах стремительно потемнело, чужие голоса истончились. Кто-то вроде бы вскрикнул, ахнул, у кого-то вырвался невольный стон, но потом исчезло даже это и наступила блаженная тишина.

Таррэн едва не взвыл, шаря полубезумным взглядом по ее посеревшему лицу. Затем его взор метнулся от родового ясеня к мирно уснувшему Шранку, страшная рана которого затянулась. Затем — к неподвижному телу светлого, по вине которого она тихо умирала у него на руках. На проклятый нож, покрытый кровью по самую рукоятку... Дурацкий, бесценный, сотни раз проклятый нож, который забрал ее жизнь, выменяв на чужие. А потом на мгновение упал на тускло светящийся ободок в виде свернувшегося кольцом дракона, который до сих пор сжимал в пасти разбитый изумруд наследника дома Л'аэртэ. Тот самый, который сковал ее по рукам и ногам почти двадцать лет назад, в то время как его хозяин завершал свое кровавое дело...

У Таррэна внезапно дико расширились глаза, а из горла вырвался странный звук. Ну, конечно! Вот где была лазейка, о которой говорила Белка! Неужели вот он — ответ?!

Он на мгновение замер, неверяще уставившись на родовой перстень брата, зачем-то сохраненный ею после той страшной ночи. Вздогнул от промелькнувшей как молния догадки, а потом стремительно обернулся.

— Белка, очнись!

Гончая только тихо вздохнула.

— Очнись, пожалуйста! Милая моя, хорошая, я прошу тебя, очнись! Давай же, девочка, ты сильная, — торопливо забормотал он, настойчиво тербя ее за плечи. — Белка, Бел, ну давай же, я тебя умоляю, приди в себя!

Элиар непонимающе нахмурился, а остальные быстро переглянулись, но темный уже не обращал на них внимания. Он перехватил безжизненное тело Гончей повыше, прислушался к редкому дыханию. А затем, не замечая, как из раны вялыми толчками вытекают последние капли крови, нетерпеливо потряс.

— Белка! Я знаю, что ты слышишь! Ты же не можешь умереть, не сделав напоследок очередной гадости! Ты же меня ненавидишь, Бел! Ты просто должна сейчас очнуться и не дать мне повода позлорадствовать! Ну же, давай! Давай, девочка...

«Господи, как же мне заставить тебя очнуться?! Белка, радость моя, солнышко, моя хорошая и самая замечательная, я прошу тебя: вернись. Ненадолго, совсем на чуть-чуть, чтобы я мог тебе помочь. Вернись, любимая, ты нужна мне!»

— Белка!

— Вот же гад, — вдруг судорожно вздохнула она, приоткрыв правое веко. — Даже помереть не дает спокойно, сволочь ушастая... Элиар, прибей его потом за меня... буду должна.

— Бел! — с невыразимым облегчением прижался к ней Таррэн. — Подожди, не уходи! Я знаю, что все плохо и толку от нас не будет, что с твоей раной не справиться даже Элиару, что никому нельзя к тебе прикасаться... Но у тебя есть такой прекрасный шанс испортить мне напоследок настроение, что я просто не мог тебе не сказать! Это самый замечательный, чудесный, неповторимый шанс, который ты никак не можешь упустить! И будешь страшно сожалеть, если не воспользуешься им сейчас! Клянусь, это правда! Ты можешь славно отомстить, как давно хотела!

— Какой еще... шанс?

— Редкостная гадость, — доверительно шепнул эльф, до крови закусив губу. — Просто фантастическая. Невероятная. Куда там Крикуну с его дурацким доспехом! Ни у кого больше не получится так меня оскорбить и унижить. Представляешь? Это настолько ужасно, что просто нет слов. Но если ты сейчас умрешь, другой возможности не будет. Никогда, честное слово. Хочешь попробовать? Хочешь сделать мне больно, малыш?

— Как заманчиво, — из последних сил прошептала Гончая и тихо застонала. — Искуситель. Я даже помирать расхотела... А что надо сделать?

— Просто возьми одну вещь, и это будет самой большой подлостью с твоей стороны.

— А тебя это сильно оскорбит? — слегка оживилась она.

Таррэн торопливо кивнул и проникновенно зашептал ей в самое ухо:

— Смертельно. Для меня это будет кошмар, и его единственной причиной станешь ты. Неужели ты упустишь такой шанс отыгаться?!

— Нет, — слабо улыбнулась Белка. — Отыгаться — это чудесная идея. Похоже, я просто не могу не согласиться? Давай сюда, наглый нелюдь, пока не передумала!

Темный эльф, не глядя, цапнул окровавленный клинок, уже успевший от души хлебнуть крови Танариса и Белки. На секунду отпустил вялую руку Гончей, рванул рубаху на своей груди и без замаха ударил ножом точно в сердце.

Элиар беззвучно ахнул, увидев, как темный недрогнувшей рукой вспорол кожу и мышцы прямо по старому, подозрительно ровному шраму. Как, отбросив нож, Таррэн приложил правую ладонь к груди и, слегка поморщившись, вытащил наружу что-то круглое, покрытое отвратительными багровыми сгустками. Ритмично пульсирующее, определенно живое и мерцающее на свету зеленоватыми бликами. Что-то невероятно ценное, раз его так тщательно хранили на протяжении почти двух веков. Умело прятали под живым сердцем и только теперь, когда другого выхода не было, позволили увидеть дневной свет.

Таррэн осторожно вложил горячий комок в ладонь умирающей Гончей, а затем бережно сжал, чтобы ее пальцы обняли его дар со всех сторон. Убедился, что она еще в сознании, а потом наклонился к самому ее лицу и тихонько прошептал:

— Белка? Ты примешь его?

— А тебе будет плохо? — с подозрением уточнила она.

— Очень, — сглотнул эльф, а на его лице проступило настоящее отчаяние.

«Пожалуйста, возьми! У меня так мало времени! А у тебя его еще меньше! Умоляю, Бел...»

— Что, так просто? Если забрать эту штуку, то ты страшно опозоришься?

Гончая пристально посмотрела на него своими удивительными глазами, и Таррэн невольно затаил дыхание.

Ее слово решало сейчас все: судьбу этого мига, его будущее, ее собственную жизнь и даже жизнь Серых пределов, у которых недавно появился новый повелитель. Но он не мог ее заставить. Только попросить принять, потому что иного пути не было. Потому что он ни за что не посмел бы ее ранить. Все бы отдал ради того, чтобы она забыла о прошлом и перестала себя ненавидеть. И согласился бы сейчас на все, даже на руны

подчинения, лишь бы быть с ней рядом, иметь возможность иногда, изредка, издалека, но чувствовать ее всем сердцем и знать, что с ней все в порядке.

— Белка? — выдохнул он в маленькое ухо Гончей. — Ты возьмешь мою душу?

Она сумела только слабо кивнуть и даже не съязвила, как хотела: мол, давай-давай, раз сам напрашиваешься на неприятности. А ему этого было достаточно: Таррэн облегченно перевел дух, мельком покосился на остолбеневшего Элиара, на туго соображающих смертных. И на мгновение прикрыл нещадно горящие глаза.

— Тогда ты должна кое-что знать, девочка... обо мне и моем брате.

— Я знаю. — Гончая улыбнулась. — Я все знаю о тебе, Торриэль илле Л'аэртэ!

И только потом перестала дышать.

ГЛАВА 22

Над заставой медленно занималась заря. Неяркое утреннее солнце позолотило пушистые кроны Проклятого леса, игриво подмигнуло Сторожевым башням и с любопытством заглянуло на полупустой двор. Оно не несло с собой изнуряющей жары и не доставляло неприятных ощущений. И это было настолько непривычно, что суровые Стражи только растерянно разводили руками: на их памяти ничего подобного еще не было.

Да и Проклятый лес стал другим. Он больше не исходил многовековой ненавистью, не ждал удобного момента для атаки и не походил на обезумевшего от бешенства зверя, которого хозяева когда-то вышвырнули из дома. Теперь он больше напоминал могучего пса, с гордостью принявшего над собой руку нового вожака. Спрятал оскаленные зубы, опустил вздыбленную шерсть и, свернувшись на пороге вновь обретенного дома, тихонько задремал, терпеливо дожидаясь возвращения того, кому покорился сам, добровольно. И был несказанно горд своим новым положением, потому что служить такому хозяину — великая честь...

Зажмурившись от бьющего прямо в лицо яркого света, Белка сладко потянулась и неохотно открыла глаза.

— Эй, малыш, ты как? — немедленно раздалось рядом.

Она улыбнулась. Урантар с нескрываемой нежностью смотрел на любимую племянницу и искренне радовался, что она пришла в себя.

— Дядько?

— Тихо лежи. — Он поспешил придержать Гончую, едва та сделала попытку приподняться. — Тебе еще рано вставать.

— Пожалуй, что так. — Белка обессиленно упала обратно, чувствуя себя словно после трехдневного марафона по пересеченной местности, да еще с громадным заплечным мешком, в кандалах, при полном рыцарском доспехе и в дурацком шлеме, от которого до сих пор гудела голова.

Одно хорошо: она была дома. В своей маленькой комнатке, обитой бесценной эльфийской лиственницей, лежала в собственной кровати, на куче пышных одеял, как и положено смертельно раненному бойцу, которого верные друзья каким-то чудом сумели донести до родной заставы.

— Что случилось?

— Ты жива, — с широкой улыбкой сообщил очевидное Урантар.

— Это мне как раз понятно. Насколько я помню, мне недавно брюхо

продырявили. Славным таким ножом из гномьего аконита... разве нет?

Воевода неожиданно посуровел.

— Да. Но при этом оказалось, что кто-то где-то когда-то... умудрился влезть своей наглой пятерней в пчелиный яд! И из-за этого едва не помер быстрее, чем от сквозной раны в животе, из которой кровяца хлестала, как из пороса. Более того, этот кто-то не соизволил известить об этом даже меня и тем самым доставил немало неприятных минут всем остальным! Я ничего не забыл?

Гончая опустила длинные ресницы.

Ой-ой! Кажется, дядюшка осерчал, что она не сказала про тот нож, который перехватила в Лабиринте прямо под носом у темного. Разумеется, оцарапалась, потому как спешила, была раздражена и растеряна свалившимися на нее откровениями. Эльфу, конечно же, докладывать не стала. А потом просто забыла, попав в водоворот неприятных событий, о которых совершенно не хотелось сейчас вспоминать.

Белка коснулась тугой повязки на животе и непонимающе потрогала: боли, на удивление, не было. Странно, да? Ведь никакая магия не смогла бы залечить эту рану. Но с виду все в полном порядке, рана почти затянулась, даже крови вокруг не видно, потому что кто-то совсем недавно заботливо ее перевязал.

Гончая аж приподнялась от внезапной мысли.

— Дядько! Сколько же я?..

— Сегодня неделя как мы вернулись.

— Сколько?!

Урантар неслышно вздохнул и присел на краешек постели.

— Ты была совсем плоха, — невесело взглянул он на ошарашенную племянницу. — И мы спешили как могли, пока Траш бегала забрать твои мечи. Карраша мы вперед отправили, чтобы он предупредил Велимира.

Белка нахмурилась.

— Зачем? На меня же не действует магия.

— На тебя — нет, а вот Таррэну понадобилась помощь. Если бы на ноже не было яда, все оказалось бы проще, но пик действия яда выпал именно на то время, когда тебя ранил Танарис. Поэтому они втроем тебя тащили: Таррэн, ибо кроме него, никто не мог тебя коснуться, и Элиар с Велимиром в качестве внешних источников силы. Не знаю, как светлый выдержал, но после этого даже рыжий перестал на него дуться, а твои Гончие и вовсе уважали. Ушастые трое суток мучились, Таррэн отсюда вообще не выходил — все стерег, чтобы рана не открылась, а Элиар снаружи торчал бледным призраком, пока Велимир не прогнал.

— Таррэн? — странным голосом переспросила она. — Он был здесь все это время?

Воевода осторожно кивнул.

— Да, малыш. На самом деле, это он тебя вытащил. Не знаю как, но он сумел обойти твою защиту, иначе ты не дожила бы до дома. Я никогда не думал, что он на такое способен и что кто-нибудь однажды сумеет преодолеть твою магию.

Белка поджала губы.

— Просто он темный, как и его брат.

— Он говорил что-то про магию крови и, кажется, сумел найти какой-то выход.

— Выход? — Она вздрогнула, припоминая подробности.

Неловким движением отерла внезапно вспотевший лоб, но за что-то зацепилась и в немом изумлении уставилась на левую руку, на которой появилось что-то неправильное. То, чего еще неделю назад там не было, — изящное колечко в виде свернувшегося дракона с крупными желтыми глазами. А в распахнутой пасти он держал искусно ограненный, поразительно яркий изумруд — до боли знакомый изумруд рода Л'аэртэ.

Родовой дракон, уютно устроившись на ее безымянном пальце так, будто для него и был предназначен, смущенно мигнул желтыми глазами. А Белка содрогнулась всем телом.

Этот перстень... этот проклятый перстень, который до сих пор ей снился в кошмарах! Заставлял просыпаться от собственного крика, потому что раз за разом, как и двадцать лет назад, мучительно давил на грудь и мешал вздохнуть, заставляя бессильно метаться в клетке собственного тела, как волчицу в темном каменном подземелье.

Он так долго приносил ей боль! Так издевательски подмигивал и упорно держал в сознании все время, пока Талларен илле Л'аэртэ наносил свои проклятые руны!

И вот теперь снова?!

— Нет! — Белка хрипло вскрикнула, рванулась прочь и кубарем скатилась с постели, едва не снеся по пути оторопевшего дядюшку. Вскочила и заметалась по комнате. Она очень смутно помнила, как Таррэн о чем-то ее просил. Напрочь позабыла, что согласилась с его выбором и какое-то время даже собиралась поинтересоваться его самочувствием. Подозревала, что что-то неладно и что темный эльф не зря так боялся, но это...

На какой-то миг она позабыла обо всем, кроме того, что однажды точно с помощью такого же перстня пытались сломить ее волю. Мучили.

Убивали. И по каплям выцеживали жизнь, не слыша ни криков, ни слез, ни мольбы.

— Бел! — придушенно ахнул Воевода, когда она зашарила глазами по комнате, намереваясь от всей души шарахнуть проклятый перстень о что-нибудь тяжелое. Прекрасно понимая, что племянница не в себе, он сбил ее с ног и молниеносно перехватил бешено сопротивляющуюся руку, поражаясь про себя, откуда у нее вдруг взялось столько сил. — Стой! Белка, это же кольцо Таррэна!

В ответ донесся лишь полный глухой ярости рык.

— Не смей! Так нельзя! Он же сам его тебе отдал! И ты согласилась! Это его кольцо!

— Что? — внезапно замерла она, безвольно повиснув в руках опекуна.

— Это кольцо Таррэна! — в сердцах воскликнул Урантар. — Он только так сумел обойти твою защиту! Сказал, что это единственный способ избежать магии рун! Талларен заставил защиту слушаться лишь родового перстня Л'аэртэ, но не подумал о том, что у них с Таррэном они одинаковые! Если бы не кольцо, мы не донесли бы тебя до заставы! Белка! Он жизнь тебе спас, и ты не имеешь права так с ним поступать!

Но она и сама уже поняла, что ошиблась и видит перед собой совсем другое кольцо. Не разбитое, не сломанное в том проклятом подземелье. Да, с ободка на нее смотрел желтыми глазами самый настоящий дракон. Изящный, до боли похожий и выполненный столь же великолепно, как тот, другой. Но в отличие от первого в глубине желтых глаз светилось что-то иное. Пережитый ужас, смешанный с облегчением оттого, что новая хозяйка жива. А еще — терпеливое ожидание и робкая надежда, будто он знал, что творится сейчас у нее на душе, молча просил прощения и обещал, что не станет противиться ее выбору, каким бы он ни оказался.

Да, родовой перстень — это средоточие жизни перворожденного, часть души, источник бессмертия. Такой перстень нельзя украсть, продать или подделать, потому что скрытая магия этого не позволит. Такой перстень можно только отдать добровольно и лишь тому, кому по-настоящему веришь.

Но что же наделал этот дурак? Знал ведь, на что идет! И все равно оставил в залог свою душу, сердце, саму жизнь! Он... он... Боги, что же он натворил?!

Золотой дракон печально сверкнул и уставился на Белку желтыми глазами, словно понимая, за что его так ненавидят. Если бы не острая необходимость, он никогда бы не покинул свою тюрьму, не стал бы напоминать о прошлом, но случилась беда, и он не смог остаться в стороне.

Белка неслышно застонала и опустила занесенную руку, словно у нее не осталось на это сил. Это было хуже, чем смерть. Страшнее, чем ненависть. Ужаснее, чем война, потому что если бы речь шла только о мести, она бы справилась. Но едва глаза дракона на миг ожили, став невероятно похожими на настоящие, его глаза, у нее просто не хватило духу ударить. А когда Дядько осторожно разжал объятия, она закрыла лицо ладонями и надолго застыла, раскачиваясь то ли от отчаяния, то ли от осознания безвыходного положения, в котором оказалась по вине проклятого эльфа.

— Где он? — спросила Белка помертвевшим голосом, и Урантар отвел потемневший взгляд. — Где этот мерзавец?!

— Ушел.

— Что значит, ушел?! — неверяще переспросила Гончая, резко вскинув голову, и воевода виновато вздохнул.

— Вот так, малыш. Его больше нет в Серых пределах.

Урантар внутренне сжался в ожидании взрыва, но Гончая, как ни странно, не вскочила и не заметалась по комнате, раздражаясь всеми известными ругательствами. Только глаза на смертельно побледневшем лице стали совсем страшными да взгляд окончательно помертвел.

— Давно?

— Три дня назад. А тебя усыпил, чтобы побыстрее восстановилась.

— Где остальные? — бесцветным голосом уточнила она.

— Ушли с ним, — неохотно признался воевода. — Здесь им больше нечего делать, ключи необходимо вернуть, гномам — сообщить о гибели их наследника, затем завернуть в Светлый лес и отыскать заговорщиков... Элиар обещал помочь. Но я с ними еще и Шранка отправил, чтобы помог, если прижмет. И еще Брока с Итаром для полной гарантии. В компании Гончих Элиару будет проще разговаривать со своим владыкой, и он по крайней мере может быть уверенным, что его выслушают.

— Значит, ты отдал ключи эльфу? — сухо уточнила Гончая, оглядываясь по сторонам, словно что-то настойчиво искала. — Доверил ему? Ведь мы обещали доставить их обратно сами!

— Да.

— Все три?

— Они должны быть возвращены как можно скорее, чтобы не было больше соблазна для ордена и всяких там... магов. Но ты была плоха, и я не рискнул оставлять тебя одну, поэтому попросил Таррэна.

— Ясно, — кивнула она, а затем присела на краешек кровати и, морщась от боли, принялась натягивать сапоги. — Присмотри за моими

парнями, ладно? И не отправляй их в лес поодиночке. Не думаю, конечно, что у нас будут проблемы со зверушками, но чем Торк не шутит... Пусть держатся настороже. Велимиру скажи спасибо за помощь и вели пару недель не соваться наружу — боюсь, какое-то время его еще будут воспринимать как врага. Убить уже вряд ли захотят, но силы высосут подчистую. Позаботься о том, чтобы наши не узнали, как погибли Урис и Сторм, но на остальные заставы весточку отошли. Полагаю, с воеводами орден связываться не рискнул, а потому у нас есть шанс успеть выловить предателей поодиночке. Элиар ведь тебе все рассказал, что знал?

Урантар переменялся в лице, когда Белка схватила одежду и потянулась к новому доспеху, скроенному заботливым Крикуном за несколько дней отлучки.

— Ты куда собралась?!

— Прогуляюсь немного, — бесстрастно отозвалась Гончая, собираясь в дальнюю дорогу.

— Какие прогулки?! Ты же еле дышишь!

— Ничего, проветрюсь, подышу вольным воздухом, развеюсь...

— Белик!

Она коротко сверкнула бешено горящими глазами, и воевода осекся: оттуда на него смотрела не измученная болью девушка, а смертельно оскорбленная хмера, намеревающаяся во что бы то ни стало достать своего обидчика.

Она действительно была сейчас в бешенстве. Злая оттого, что проклятый нелюдь удрал, вынудив ее оставить себе дурацкий перстень. Оставил так, словно бесконечно доверял или же ему было все равно. Но теперь она не остановится, пока не найдет его и не припрет к стенке, требуя ответа. Она пойдет по следу, словно Гончая на охоте — быстро, ловко, неумолимо. Не передумает и не повернет назад, потому что действительно не умеет прощать. А родовой перстень Л'эртэ с легкостью укажет правильное направление к нему — к темному, которому она теперь ничем не обязана.

— Мальш, ты же не станешь... — прошептал Дядько, понимая, что не сумеет остановить племянницу, не причиняя ей вреда. — Обещай, что не убьешь его! Он спас тебе жизнь, и ты не можешь так поступить!

Белка зло сузила глаза, рывком затянула ремень, накинула новую куртку и, грохнув напоследок дверью, ушла.

Король Мирдаис долго молчал, напряженно анализируя принесенные с окраины вести. В его голове роились десятки мыслей, сотни

предположений, миллионы сомнений и почти столько же вопросов, потому что новости оказались действительно ошеломляющими.

— Ты привез ключ? — наконец спросил король, испытующе взглянув на старого друга.

Таррэн кивнул и протянул кожаный шнурок с ажурной золотой пластинкой.

— Теперь в нем нет необходимости. Амулет уничтожен, Лабиринт опустел, а Проклятый лес со временем перестанет быть тем, чем являлся раньше. Отныне нет нужды ни в походах, ни в смертниках, ни в хранителях. Серые пределы теперь безопасны.

Его величество удивленно обернулся.

— Ну не совсем, конечно, — тут же поправился эльф. — И не для всех, но проблем заставам от него не будет. Разумеется, за ним еще долго придется присматривать, и Стражи не останутся невостребованными. Но такой плотной осады, как прежде, не будет. Обещаю. А ключ пускай хранится где всегда, — в трех самых защищенных сокровищницах Лиары. В этих пластинках скопилось слишком много сил, чтобы оставлять их без присмотра.

Король Мирдаис взял предложенный ключ, убрал под богато расшитую тунику и вопросительно вскинул брови.

— А как же граница?

— Ее больше нет, — признался Таррэн. — Я уничтожил ее перед тем, как уйти из леса. Поскольку она всегда служила лишь завесой и не имела никакой важности, то я решил: хватит ей уродовать небо своей паутиной. И уничтожил, чтобы больше никого не вводить в заблуждение.

— Хочешь сказать, там теперь свободный проход? — недоверчиво переспросил его величество.

— Не знаю, не видел.

— Неужели ты даже не посмотрел?!

— Да как-то времени не хватило, да и дел еще полно... — не очень уверенно ответил Таррэн, отводя глаза, и король покачал головой.

— Мне бы хотелось знать, зачем Изитар закрыл эту часть леса от посторонних. Раз уж никаких демонов за границей не было, а сама она висела исключительно как декорация... какого Торка он туда ее поместил?! Что прятал за ней столько веков?!

— Без понятия. Но, как только вернусь, непременно выясню.

Владыка Интариса внезапно поперхнулся.

— Ты собираешься вернуться в пределы?!

— Обязательно, — согласился эльф. — Там на удивление легко

дышится и вообще...

— Гм. Сдается мне, дело не только в климате и целительном горном воздухе! И, как мне кажется, даже не в любопытстве, — вдруг хмыкнул король, разглядевший мелькнувшую на тонких губах перворожденного улыбку. — Никогда не поверю, что тебя прельстили исключительно местные красоты.

Таррэн засмотрелся на узоры роскошного ковра под ногами и выразительно промолчал. Но Мирдаис и так догадался, по какой причине остроухий изъявил иррациональное желание провести остаток жизни пес знает где. Под прицелом тысяч любопытных глаз, ехидных шепотков и пристального внимания леса, к которому никто в здравом уме старался не подходить ближе чем на тысячу шагов. Но раз бессмертный собрался рисковать шкурой, значит, причина того стоила. Вернее, она стоила всего, чего угодно. Если, конечно, еще не разозлилась настолько, что зашибет его сгоряча, едва снова увидит.

Эльф тяжело вздохнул: «Эх, Белка, Белка, никуда мне от тебя не деться. Это судьба, наверное? Проклятый рок, нависший над нами обоими. Нелепая шутка природы, потому что ты единственная из женщин, которая мне нужна и подходит именно для меня так, как никто в целом мире. В нас с тобой одна магия, одна сила и одна кровь. Твоя защита отныне бесполезна против меня, а я, в свою очередь, стал нечувствителен к рунам подчинения. Ты удивительная, Белка. Уже то, что просто терпишь меня рядом, — невероятное достижение, одолжение, которого, возможно, я не достоин».

— Почему ты вернулся один? — неожиданно вырвал его из задумчивости король.

— В Лунные горы завернул, к гномам. Людям там нечего делать, а Элиару и вовсе какое-то время там лучше не показываться. Конечно, разозлились гномы знатно: был бы со мной хоть один светлый, зашибли бы сгоряча. А меня выслушали и даже соизволили проводить до ворот.

— На их месте и я бы зашиб, — усмехнулся король. — Как тебя живым-то выпустили?

— Я не убивал наследника трона. Их маг тоже подтвердил, что это — всецело вина Танариса. Так что они поорали, с кем-то посоветовались... кажется, у них неожиданно еще один наследник объявился... да и отпустили по высочайшему соизволению правителя, потребовав клятву молчать о том, что увидел в подземных чертогах. Разумеется, пришлось магию использовать, чтобы они не считали, что моя жизнь им дешево обойдется, но гномы такие упрямые... Вот уж не думал, что буду когда-нибудь отстаивать интересы Светлого леса и пытаться предотвратить

новую войну!

— Да уж, — хмыкнул Мирдаис. — Много народу перебили у светлых?

— Ты уже в курсе? — удивился Таррэн.

— Мои люди вернулись два дня назад.

— А-а-а... Кажется, рыжему в кои-то веки удалось от души потрепать языком. Нет, убили немногих — только тех, на кого указал Элиар, их оказалось ровно семнадцать. Причем все — из высшего общества, самая что ни на есть знать. Они смотрели на нас как на червяков, вздумавших указывать лебедям, где жить. А уж как возмущались, пока Элиар произносил перед советом обвинительную речь...

— Вы что, прямо на совете?..

— Зато всех достали за один раз. Вой, конечно, потом поднялся... Особенно из-за того, что большую часть бессмертных прикончили обычные люди. Но, слава вашим богам, Элиар дал нам возможность закончить. Оказалось, он в совете тоже не последнюю роль играет. Мы только владыку не застали на месте. Жаль, что свита его тоже отсутствовала, а то трупов было бы еще на три больше. Но это лишь вопрос времени.

Король неожиданно хмыкнул.

— Конечно, не застали, потому что он уже здесь. В левом крыле — отдыхает после долгого пути, как и представители подгорного народа и даже твои сородичи.

— Правда? — подозрительно прищурился эльф. — Значит, это твои гонцы сдернули его с трона в такие сжатые сроки, что он даже Элиару не успел весточку послать, и мы промахнулись с верхушкой ордена? Похоже, ты решил собрать их на нейтральной территории?

Мирдаис благосклонно кивнул.

— Можно и так сказать. Но ты сам посуди: после того, что недавно выяснилось, никто не останется в стороне. Если не объяснить ситуацию гномам, светлым грозит война на истребление. Если не поставить в известность Темный лес, его владыка наверняка оскорбится, и тогда уже мне придется думать, каким образом избежать неприятностей. Я бы не возражал, если бы эти проблемы разрешились где-нибудь вдалеке от Интариса. Но боюсь, одна война непременно потянет за собой вторую, а то и третью. Мы окажемся между двух огней, и рано или поздно придется выбирать чью-то сторону, а я этого не хочу. Мы долго живем в мире и относительном согласии с соседями, но так будет длиться лишь до тех пор, пока остаются спокойными наши границы.

— И ты решил предупредить события — собрать трех владык здесь, в

Аккмале, — уверенно закончил Таррэн. — Потому что светлые никогда не согласятся прийти в наш лес, темные, в свою очередь, откажутся от переговоров у сородичей Элиара, а гномы взбунтуются, если в таком важном деле их интересы поставят под сомнение. Но в подземелья к ним конечно же не полезут ни светлые, ни темные, так что остается лишь один выход.

Владыка Интариса загадочно улыбнулся.

— Верно.

— Значит, они все согласились? — скрупулезно уточнил темный эльф, мысленно поаплодировав человеческому гению.

— Да. Завтра к вечеру созываем общий совет, где сможем обсудить новые условия мира между нашими расами — без оглядки на прошлое, наследие Изиара и даже орден. А чтобы все выглядело достойным, я рискнул пригласить непосредственных участников последнего похода. Не откажешься помочь? Желаящим проверить ваши слова мы дадим возможность использовать «Слово правды», и это будет в интересах всех рас. Нашей — потому что я не желаю видеть, как горят вокруг моей страны леса, светлых — потому что из-за них мы едва не потеряли ключи, темных — потому что Изиар первым заварил эту кашу. Наконец, гномов — за то, что добровольно отстранились от этих проблем, практически не поддерживали связь с внешним миром. По-моему, все честно.

Таррэн улыбнулся и подошел к окну, через которое король вот уже битый час с интересом что-то разглядывал.

Что ж, неплохой ход. Достойный потомка древнего королевского рода. Если у него получится, то войны может и не случиться. Разумеется, с доказательствами придется постараться, светлым — в кои-то веки терпеть справедливые нападки гномов, темным вообще помалкивать, пока никто не вспомнил, с чего все началось, а люди... Люди могли извлечь из этого немалую пользу. Причем, судя по довольному лицу короля, он уже знал, какие уступки потребует за посредничество.

— Забавно, — обронил эльф, разглядев гарцующего на лужайке ослепительно белого скакуна, возле которого со злыми лицами носились сразу трое садовников и, судя по всему, главный конюх. Распаренные, взбешенные, явно разъяренные неповиновением здорового жеребца, с легкостью ускользающего от арканов. Но шугануть или, тем паче, хлестнуть грациозное животное кнутом не решился никто — внимательный взгляд короля заставлял даже самых буйных скрипеть зубами и терпеливо подзывать наглую тварь ласковыми голосами.

— Ну же, иди сюда, хороший... у-сю-сю... откуда ты только тут

взялся... иди ко мне, я тебя морковкой угощу...

Великолепный скакун презрительно фыркнул и изящным скачком избежал очередного броска веревочной петли, заставив широкоплечего конюха сдавленно ругнуться:

— Скотина!

Ответом было ехидное ржание, что разозлило мужика еще больше и заставило угрожающе вскинуть приличных размеров кнут. Но жеребец внезапно повернулся крупом и взмахнул белоснежным хвостом, наглядно продемонстрировав, в каком месте видал он эти скучные угрозы. После чего главный конюх взревел раненым медведем и, наплевав на приличия, с громким воплем кинулся вдогонку, намереваясь изловить дрянное копытное, сумевшее каким-то чудом пробраться в тщательно охраняемые сады.

А гаррконец словно издевался над ними. Сумасшедшей блохой прыгал на роскошных лужайках, безжалостно вытаптывал эльфийские розы, в изобилии растущие на клумбах. Правда, справедливости ради стоило признать: конь был хорош. Не зря его величество посматривал на него с видимым удовольствием.

— Откуда это чудо? — полюбопытствовал Таррэн, с интересом следя за разворачивающейся драмой: теперь дерзкого скакуна пытались взять в кольцо и оттеснить к деревьям, где притаился еще один человек с зажатой в руках сетью. — Где достал? Или подарили?

Король обернулся и воззрился на темного эльфа с неподдельным изумлением.

— Я думал, это твой!

— Откуда? — искренне оторопел Таррэн.

— У меня таких не держат. Из чистокровных гаррканцев только черный остался, да годовалая белая кобыла, но та с рыжей подпалиной на лбу и смиренная. Вот я и решил, что твой. И как раз хотел выяснить, где ты его выкопал, после чего душевно попросить приструнить этого наглеца, пока он мне весь сад не загадил.

— Но я не... — Таррэн вдруг осекся. В груди как-то знакомо екнуло, сердце встрепенулось от невероятной догадки, потому что у странного гаррканца оказались потрясающе знакомые повадки! Просто до боли знакомые выкрутасы одного наглого, дерзкого, зловредного и обожающего дурные шутки зверя! — Нет! Этого просто не может быть!

Скакун как услышал — поднял умную морду, безошибочно разглядев за стеклом ошеломленную физиономию эльфа, а потом с шумом втянул бархатными ноздрями воздух и оскалился. А когда обрадованные люди

попытались набросить сеть, так рыкнул, что у конюха выпала узда из рук, садовники отшатнулись, а у Таррэна невольно вырвался новый вздох: радужки у коня оказались желтыми! Действительно желтыми, как два бешено горящих солнца!

— Карраш! — беззвучно выдохнул бессмертный, неверяще рассматривая могучего мимикра, которого никак не ожидал встретить в самом сердце человеческой империи.

«Гарркәнец» довольно заурчал, внушительными пинками разгоняя струсивших загонщиков, после чего скакнул под самые окна и выжидательно уставился снизу вверх. Мол, где ты там? Чего застрял, остроухий?

— Значит, все-таки твой? — удивился король.

— Нет, но... Прости, Мирдаис, я должен уйти! — Таррэн рывком распахнул окно и под изумленным взглядом сразу шести человек оказался внизу.

Карраш тут же подскочил и прижался к его плечу, едва не опрокинув на землю следом за садовниками. Заурчал, повергнув сторонних наблюдателей в продолжительный ступор. А в довершение всего вдруг самым невероятным образом плюхнулся на зад, смешно растопырив копыта, и активно заерзал крупом по истерзанной траве, мигмом уподобившись громадному псу.

— Откуда ты взялся, малыш?! Как вы успели?! И почему ты белый?!

Гарркәнец загадочно хмыкнул, а потом вдруг цапнул эльфа зубами за ворот куртки. Но Таррэн не обратил внимания — ухватил здоровенную морду и, бесстрашно притянув к лицу, с бьющимся сердцем всмотрелся в хитрые глаза, пытаясь понять, узнать, почувствовать, наконец! Потому что мимикр не мог оказаться здесь в одиночку, не мог самовольно сбежать из Серых пределов и уж тем более не мог незамеченным пробраться во дворец, если только...

— Где она?! — выдохнул эльф, страстно надеясь, что не ошибся. — Карраш, она здесь? С тобой?!

Мимикр важно надулся, не собираясь выдавать остроухому важную информацию. Даже губу презрительно вздернул, будто показывая, что обожаемую хозяйку не предаст и не выдаст. Ни за что и никогда. Он обещал, вот!

— Карраш, чтоб тебя!

— Грр! — упрямо мотнул головой гарркәнец.

— Ты должен сказать! Пожалуйста! Я тебя прошу, это очень важно!

Карраш сделал вид, что не заметил изменившегося лица эльфа, на

котором внезапно вспыхнувшая надежда вдруг сменилась неподдельным отчаянием.

— Убью, зараза! — почти простонал Таррэн, когда наглый зверь поджал бархатные губы.

Но Карраш обещал, он почти поклялся, что не расскажет. И его не испугать угрозами, кнутом, вожжами и всем остальным, потому что дубленую шкуру уроженца Проклятого леса даже арбалетный болт с трудом прошибет. Да и то не всякий. А потому взволнованный и дико нервничающий эльф мог терзать его до посинения.

Перворожденный на секунду замер, странным образом слыша отголоски чужих мыслей, и едва не задрожал от осознания того, что Белка потрясающе близко, а он даже найти ее не сможет, потому что одна наглая, надоедливая скотина вздумала не вовремя поиграть в молчанку!

— Ладно! Я тебе сыграю! — вдруг прошептал эльф, всматриваясь в дрогнувшие от неожиданности желтые радужки. — Клянусь, что, как только будет возможность, сыграю на флейте, как Белка. Я тоже умею. Только скажи, малыш, умоляю, где она?

Карраш откровенно заколебался, а потом все-таки сжалился — успокаивающе хрюкнул. После чего улыбнулся во все сто зубов, доверчиво потерся щекой о плечо друга и наконец легонько ткнул темного носом в грудь. Как раз туда, где громко стучало заполошное сердце. Словно сказал: слушай его и обязательно найдешь то, что ищешь. Здесь, неподалеку, потому что она, как и обещала, по-прежнему тебя ждет.

Таррэн на какой-то миг застыл, словно изваяние, а потом действительно что-то почувствовал — тончайший аромат, легчайший зов наподобие голоса Лабиринта, ощутил биение своего второго сердца и знакомое тепло в груди, словно ее все еще касались мягкие женские руки. И вдруг с посветлевшим лицом сорвался с места, восторженно повторяя про себя только одно:

«Белка!»

ГЛАВА 23

На неясный шум в коридоре Белка с удивлением обернулась. И едва заметно нахмурилась, когда деревянная дверь с грохотом распахнулась, открыв ее взору застывшего на пороге эльфа. Широкоплечего, с растрепавшимися от бега черными волосами и упавшей на лицо длинной челкой, из-под которой внезапно сверкнули два бешено горящих изумруда.

Таррэн на мгновение замер, жадно пожирая ее глазами и пытаясь успокоить неистово колотящееся сердце.

Боги, действительно она! Здесь! Буквально в трех шагах! С мокрыми волосами, небрежно откинутыми назад. Босая. Закутанная в одну лишь тонкую простыню, но даже в ней смотрящаяся как настоящая королева. Все такая же красивая, манящая, одуряюще пахнущая эльфийским медом.

Боги, боги... когда-то он думал, что, отдав родовой перстень, больше не поддастся на очарование вплавленных в ее кожу рун. Решил, что перестанет сходить с ума от одного вида ее ладной фигурки. Успокоится и больше не утонет в бездонных океанах ее глаз. В конце концов, просто остынет! Но вот она рядом, и у него снова кругом идет голова, в крови бушует пожар, а ноги становятся ватными, будто не в перстне дело. Будто не изменилось абсолютно ничего. И будто с самого начала его влекла к этой женщине совсем другая магия — не та, на которую надеялся старший брат. Не та, из-за которой так часто ломаются судьбы.

Кажется, это любовь?

Белка с поразительным хладнокровием оглядела замершего в дверях эльфа, его бурно вздымающуюся грудную клетку, взволнованное лицо, на котором горели безумно счастливые глаза, и равнодушно отвернулась.

— Быстро ты, — скупой заметила Гончая, вертя в ладонях золотое колечко. — Я думала, до вечера ждать придется, а ты вон как... стоило только позвать.

— Бел! — выдохнул он одними губами, неистово желая только одного — прыгнуть вперед, чтобы крепко ее обнять, зарыться в пушистые волосы и дышать только ею, восхищаться, желать...

А она словно не заметила — отвернувшись к окну, продолжала бесстрастно изучать пейзаж и вертела в изящных пальчиках родовой перстень, то касаясь тонкого золотого ободка, то поглаживая изумруд в пасти едва заметно трепещущего дракона. И от каждого прикосновения эльфа бросало то в жар, то в холод, будто это его сейчас касались ее мягкие

руки и будто это его лицо она сейчас так настойчиво гладила.

Он до скрипа сжал кулаки, снова напомнив себе, что не имеет на нее никаких права. И даже перстень ничего не значил перед тем прошлым, что легло между ними бесконечной пропастью. Это был его выбор. Это было ее решение. И то, как суровая Гончая встретила его сегодня, говорило лишь о том, что она вернулась в Аккмал не за тем, на что он смутно надеялся. Ее голубые глаза были снова холодны, как лед, лицо — подчеркнуто бесстрастным, голос — мертвым и колючим, а глаза...

Таррэн медленно отступил на шаг, усилием воли заставив глупое сердце умолкнуть. Что ж, такова жизнь. Зря он полагал, что она изменится и забудет свои прежние планы. Раз уж с заставы сорвалась, чтобы отыскать и холодно высказать все, что о нем думает...

— Значит, теперь на тебя не действуют мои руны? — сухо поинтересовалась Белка, когда он осторожно попятился.

Таррэн неслышно вздохнул. Даже ее голос сладкой дрожью отзывался внутри, а он не мог, просто не мог ее потревожить. Только крепко зажмурился и помотал головой, отгоняя неразумные желания.

— Да. Магия перстня сводит их на нет.

— То есть если я покажу тебе спину, ты не изменишься?

«Если ты покажешь мне спину, я не смогу уйти!» — молча взвыл эльф, прекрасно понимая, что это станет последней ошибкой в его долгой жизни.

Белка странно хмыкнула.

— Забавно. Интересно, что сделал бы Талларен, если бы узнал, как сильно промахнулся с перстнем?

«Удавился бы с горя!»

— А другие руны? — быстро покосилась она. — Они тоже не действуют?

Эльф внутренне сжался, как наяву увидев руны сродства и влечения, от которых при одном только воспоминании темнело в глазах. Проклятье! Убил бы брата, если бы мог, потому что его маниакальное стремление к совершенству превратило Белку в безупречную ловушку, коварную и смертельно опасную мышеловку для одного глупого темного! Знала бы она, что перстень избавил его лишь от одного рока — воздействия рун подчинения, превращавших в безумца любого мужчину. Позволил смотреть на нее без опаски, не стать слюнявым идиотом, когда пришлось перевязывать ее раны и невольно видеть исчерченную магическими знаками кожу. Но вместе с тем... боги, кажется, он даже усилил магию остальных рун! Особенно тех, что неумолимо влекли к ней отовсюду! Заставляли бросать дела и мчаться навстречу, страстно желая быть рядом,

касаться ее и с жадностью искать ее мягкие губы. Они сводили его с ума даже сейчас! И если бы не стальные нервы, если бы не многовековая привычка сдерживать себя, свой «Огонь», от которого могли пострадать окружающие, он бы не устоял.

— Рад, что ты в порядке, — хрипло сказал темный эльф и, внутренне дрожа от сделанного над собой насилия, с невероятным трудом повернулся к дверям. — Прости, что так вышло, но пока ты носишь перстень, твоя магия против меня бессильна. Если хочешь, сними его и спрячь, хочешь — разбей, теперь это твое право. И извини, что потревожил. Я просто хотел убедиться, что ты в порядке.

Он быстро шагнул в коридор, чтобы не поддаваться искушению, и с облегчением перевел дух... как вдруг сзади раздался гневный выдох, а затем над его ухом просвистело что-то острое и с глухим стуком вонзилось в косяк.

Таррэн осторожно скосил глаза и наткнулся на пугливо подрагивающую рукоять эльфийского ножа. Его собственного ножа, между прочим, который Белка всего полтора месяца назад стащила здесь же, в Аккмале. А теперь возвращала обратно, как и пообещала когда-то, но не один, а с жалобно звякнувшим кольцом на острие.

— Забери эту гадость!..

Он прикусил губу и послушно снял родовой перстень, пришипленный к дереву изящным клинком. Если бы она хотела, то могла бы разбить его хоть сейчас. Отомстить за все, что пережила по вине его рода. Не зря несколько дней назад у него сердце болезненно сжалось. Но даже тогда она сдержалась: не стала убивать исподтишка, а вместо этого рванула следом. И вот — нашла его здесь, увидела и... что теперь?

Над дворцовыми садами гулко ударил первый колокол, возвещая о приближении ночи. Зазвенел долго, протяжно, словно отмерял чье-то время или отсчитывал последние секунды для принятия самого важного в жизни решения.

Эльф против воли обернулся и с болью взглянул на ее гордо выпрямленную фигурку, но Белка на него не смотрела. Она снова уставилась в окно и, демонстративно сложив руки на груди, красноречиво молчала. Просто ждала, как делала все время. Терпеливо ждала, пока он уйдет и оставит ее в гордом одиночестве. Неестественно прямая, с до крови прикушенной губой и предательски дрожащими ресницами. Она сказала ему все, что могла произнести вслух. Молча прокричала все, что хотела донести в мыслях. Беззвучно выругалась, но и это не принесло облегчения, потому что напряженная тишина за спиной стала откровенно зловещей.

Пускай уходит, глухой пень. Пусть бежит, как всегда делал. Пусть не замечает того, чего сложно не заметить, а потом всю оставшуюся жизнь прячется от сомнений в своем проклятом лесу, как и положено дураку и слепцу.

Она сильно вздрогнула, когда сзади раздался подозрительный шорох. А когда стремительно обернулась, то едва не ахнула в голос, потому этот нелюдь... этот проклятый остроухий болван... этот долгоживущий гад... опускался перед ней на колени и в жесте полного подчинения протягивал свои родовые клинки!

— Илларэ таире сатуро, — прошептал Таррэн древние слова, испокон веков звучавшие между достойными поединщиками, с уважением ощутившими силу друг друга. Он никогда прежде их не произносил, не склонялся даже перед царственным братом и никогда раньше не думал, что признает себя слабее. Но сегодня, сейчас, он просто не смог по-другому.

— Я признаю твою победу, Белка. Ты выиграла. Возьми.

Он склонил черную голову и выжидательно замер, по-прежнему протягивая скрещенные клинки, на которых доверчиво посверкивал родовой перстень Л'аэртэ. Он знал, что делает глупость. Знал, что изменить ничего нельзя, и прекрасно понимал, что открылся сейчас перед ней весь, целиком. Но лгать самому себе больше не мог: он действительно проиграл. Белка сумела его одолеть в этой напряженной борьбе и вынудила признать поражение. Не в первый, но, кажется, в последний раз, потому что больше ему нечего было скрывать.

Он лишь надеялся, что маленькая Гончая, так безошибочно поразившая его в самое сердце, сумеет услышать и понять нечто иное. Что, не будучи готовой к чему-то большему, сможет хотя бы простить и принять его уже не как врага, а как друга. Хотя бы в качестве друга, чтобы потом... быть может, даже через пару веков, которые у нее тоже впереди, хотя она об этом не подозревает, увидеть в нем нечто новое. То, чего он не предлагал никому до нее. То, что сейчас ей было бы трудно принять, но позже, если он будет терпелив и осторожен, если сумеет помочь и первым сделает шаг навстречу... если будет настойчив и нежен... быть может, она поймет, что сейчас вместе с родовыми клинками и перстнем он предлагал ей себя. Свою жизнь, свою силу и свое сердце. Все, что имел и чем дорожил. И был в этом как никогда искренен.

Что она выберет? Что решит? Как рассудит? Странно, но будущего он больше не боялся. И вообще ничего не боялся, даже того, что его древний род безвозвратно угаснет. Он лишь надеялся, что ему позволят остаться рядом, оберегать ее, надеяться и ждать. Терпеливо ждать, как когда-то

ждала она, но быть готовым к тому, что его время, несмотря на все усилия, может никогда не настать.

— Ты сумасшедший! — неслышно прошептала Гончая, чуть ли не с ужасом уставившись на коленопреклоненного бессмертного.

«Нет, — кротко возразил он. — Я просто тебя люблю».

— Так скажи это!

— Что? — Таррэн неверяще вскинул голову: Белка смотрела на него с такой досадой, что у него снова екнуло сердце. А она глухо застонала:

— Ну почему у всех эльфы как эльфы, а мне, как назло, попался бракованный? Почему ты не хочешь увидеть? Почему ни Торка не смыслишь в узах? Талларен бы уже давно понял, у него хватило бы догадливости, чтобы сообразить, а ты... именно ты почему-то так и не додумался, что некоторые вещи надо сказать вслух!

— Белка!

— Что?

— О чем ты говоришь?

— О том, что ты дурной нелюдь, склонный к самобичеванию! Который вдобавок слишком много думает, но почти всегда — не о том, о чем надо! А когда нужно говорить, упорно молчит, как на допросе! Сколько еще тебе надо времени, чтобы сказать, что любишь?! Сколько веков, чтобы ты перестал говорить это про себя?!

— Ты что, слышала?! — похолодел от жуткой догадки эльф.

— Конечно! Как я могла не слышать, когда у тебя такие громкие мысли!

— Боги... — Он судорожно сглотнул, понимая только то, что пропал и, кажется, сейчас сгорит со стыда. — И давно?

— С тропы, дурень! Неужели забыл, кто тебя укусил тогда? А? Забыл, как накладываются кровные узы? Господи, кто тебя только учил?!

Тропа!

У темного эльфа невольно вырвался полный ужаса стон.

Боги! Она ведь в самом деле поранила его недавно! В слепой ярости цапнула, а он даже не вспомнил про это! Как и про то, как она тогда кашляла и пыталась выплюнуть изо рта «эту гадость»! Хоть и не осознавала себя, хоть и сравнялась в тот момент по бешенству с кровной сестрой, а все равно почуяла и попыталась исправить положение, да, видно, не смогла и все-таки сглотнула пару крохотных капелек. И после этого... Бездна! Как можно было не подумать об этих новых, прочных, чуть ли не пожизненных узах, на которые он бы никогда не решился сам? Тех самых узах, что были у него с братом, отцом, со всем родом! Да она же

слышала все, о чем он думал! Знала, что чувствовал! На что надеялся, что ненавидел и кого так полюбил...

Таррэн опасно покачнулся и горестно прикрыл глаза: «Да как же так вышло, что я причинил ей столько боли, хотя поклялся, что никогда этого не сделаю? Как вышло, что она стойко терпела мои дурные мысли? Ни спрятаться от них, ни уклониться! А я думал много... Торк! Да все время думал только о ней! И на заставе, и потом... Святые небеса! Выходит, она всегда знала, что я рядом?! Когда бегала на тумбах с Элиаром и ехидно хмыкала, уверяя, что рядом нет ни одного... ха-ха, человека! Не намекнула даже, что в тот вечер, в тот утомительный вечер на тренировочной площадке возле нее было два эльфа! И каждый из них хотел бы многое ей сказать, но если Элиар рискнул сыграть в открытую, то я...»

— Ты прав, — тихо прошептала Гончая, медленно опускаясь на пол напротив него и не коснувшись ни предложенных мечей, ни перстня. — Ты прав, я знала... с того самого дня все слышала. Чувствовала, где ты и что с тобой. И это было трудно.

Бездна! Не зря ему казалось, что она читает его мысли! А она просто знала... с самого начала знала и ни дня не прожила без того, чтобы не услышать его тихий голос в своей голове.

— Прости...

— Я чуть с ума не сошла от твоих... вопросов! — рассерженно отвернулась она. — Пришлось изворачиваться и рассказывать обо всем, что тебя интересовало, Элиару, чтобы ты перестал мучить меня и себя! А как иначе, если ты не спрашивал?! Что мне было делать?!

— Господи... Я не хотел! Никогда не хотел, чтобы это вышло так!

— Знаю, — буркнула Белка, так же неожиданно остыв. — Все знаю, но я сержусь не из-за этого. Даже не на то, что ты постоянно думал не о том, о чем надо... хотя, признаюсь, порой мне было интересно... особенно в Лабиринте, когда ты так разозлился, что даже летящий нож не заметил...

Эльф едва за голову не схватился, но Белка вдруг отпихнула от себя его родовые клинки, присела совсем рядом и, приподняв его горящее от стыда лицо, неслышно шепнула:

— Я сержусь из-за того, что ты так и не понял, остроухий: не только я тогда тебя укусила. Тогда, на тропе, у самого выхода. Неужели ты до сих пор не увидел очевидного? Неужели я впервые в тебе ошиблась, а? Неужели ты настолько слеп, что я сижу тут и уже просто не знаю, как сказать о том, что мы давно связаны? И я... совсем не против.

Таррэн оторопело уставился в бездонные глаза, в которых плескалась необъяснимая печаль и странное понимание. Сочувствие. Досада.

Сомнение. Неуверенность в том, что это следовало говорить. Но вместе с тем — и отчаянная решимость сродни прыжку в ледяную воду, потому что выдержка у нее тоже была не железной. А безупречная защита, столько лет хранившая ее от чужих чувств, неожиданно дала длинную трещину.

Он мигом припомнил, как на последних шагах тропы впервые держал ее на руках. Как бережно прижимал к груди, отгоняя накатившую нежность и стараясь не вдыхать ошеломительный запах ее волос. Как пришел в ужас от мысли, что она может сойти с ума и никогда больше не ощутит себя человеком. Как отчаянно искал способ привести ее в чувство, с какой дикой радостью увидел подсказку Карраша и с какой безумной надеждой вцепился в ее шею. Зубами. А потом с силой сжал, надеясь, что это поможет.

Эльф резко вскинул голову, неожиданно осознав, что действительно чувствовал ее все это время, безошибочно находил даже в гуще Проклятого леса. Следовал за ней по пятам, сам не понимая, почему и зачем. Мудрое сердце все время пыталось открыть ему глаза на эту простую истину, но он не хотел видеть. И упорно старался не замечать, что начал понимать ее гораздо лучше, чем кто бы то ни было. В том числе Урантар, Гончие и даже погибший Сар'ра! Просто потому, что возникшие между ними в тот день узы были двусторонними! И Белка тоже оказалась с ним связана прочнее, чем с любым иным существом! Сразу это поняла, но, не желая рисковать, до сих пор молчала. Боялась стать уязвимой, опасалась того, что ушастый нелюдь сумеет воспользоваться этим преимуществом. Она вынудила его забыть тот миг краткого единения. Сумела оставить одну-единственную связующую ниточку, вела его за самый кончик все эти дни, следила каждый день и каждый час, а сама оставалась недоступной, как раньше.

Но теперь почему-то передумала.

Таррэн протянул руку и осторожно коснулся пальцами ее щеки. Невольно задержал дыхание, когда по жилам пронесся знакомый «Огонь», слегка напрягся, подметив сорвавшиеся с ладоней алые искры, но Белка не отстранилась. Казалось, его обжигающей магии даже не заметила. Только тихонько вздохнула и снова взглянула в упор — долгим, непонятым взглядом, от которого у него снова екнуло сердце. Однако было в этом взгляде нечто такое, отчего Таррэн неожиданно решился: отчаянно рискуя, осторожно посмотрел внутренним зрением. Сперва на нее, затем на себя. И только сейчас увидел то, о чем она пыталась сказать — тонкие, почти незаметные ниточки истинного единения, протянувшиеся между ними в обе стороны. Те самые кровные узы, которые связали их несколько недель назад, половина которых была активна и слегка напряжена, а вторая часть

была до сих пор не востребована.

И Белка уже устала ждать, когда он прозреет.

Эльф бережно подобрал мягкую ниточку и неверяще сжал, теряясь в догадках и не смея даже надеяться. А когда по ней потоком хлынули чужие эмоции, вздрогнул всем телом и пораженно уставился на разом смутившуюся Гончую.

Она ничего не скрывала и больше не пыталась ввести его в заблуждение. Все было просто и открыто как никогда. Так, как она никогда не позволяла себе прежде. Ни с кем, нигде, ни один миг. А теперь с легкостью признавалась, что действительно читала его каждый день. Действительно слышала и чувствовала его все это время, да что там — даже порывалась использовать.

«Лучшего друга следует знать хорошо, а врага — как себя самого», — сказал когда-то король Миррд, вернувшись из того, самого первого похода, и Белка была с ним полностью согласна. Именно ради этого она рискнула приблизиться к ненавистному темному так близко, как ни к кому раньше. Ради этого же не стала обрывать нечаянно образовавшиеся узы. А когда не нашла никакого сходства между двумя братьями, была искренне ошарашена.

Разумеется, она знала о заключенной в родовых перстнях силе. Отлично понимала, что Таррэн был единственным, кто мог безбоязненно ее коснуться и претендовать на ее благосклонность без страха превратиться в послушную марионетку. Знала, что это ее рок — быть предназначенной темному магу. Такому же, как нынешний владыка Темного леса. Как его сыновья-маги. Их всего только трое и было — тех, кто способен противостоять ее чарам: сам Талларен илле Л'аэртэ, его отец и младший брат, которого уже два века считали пропавшим без вести. Но одного она убила двадцать лет назад, второго не желала видеть по определению, а третий оказался под самым боком, но его нельзя было и пальцем тронуть, слишком ценным был для отряда.

Это сводило с ума, злило и вынуждало рычать даже тогда, когда видимой причины на то не было. Это заставляло держаться от него на расстоянии, несмотря даже на соблазн использовать смертоносные руны. Но сперва она была слишком взбешена для этого, а потом... не смогла. А если и вынудила его тогда издать полубезумный вопль, то лишь для того, чтобы Танарис поверил. А потом, пока оглушенный эльф приходил себя, перерубила проклятую эльфийскую розу, сорвала с истерзанной груди ненавистные плети, от которых слезы наворачивались на глаза, да, слава богам, их она тогда сумела скрыть, хоть и слышала его боль до самого

последнего мига. А еще — отчаянно за него боялась. И все те долгие минуты, что умело отвлекала внимание Танариса, неистово молилась про себя, чтобы наглый ушастый нелюдь... ее верный, но измученный до предела нелюдь... все-таки услышал, выжил и успел поправиться до того, как она истечет кровью. Просто хотела дождаться и хотя бы еще один раз взглянуть на непонятливого остроухого, который неожиданно стал ей так дорог.

Таррэн ошеломленно выдохнул и открыл глаза, но она и сейчас не опустила взгляда. А смотрела все с той же печалью, будто не знала, чего теперь от него ждать. Все было сделано для того, чтобы он понял. Многие сказано, еще больше показано, о чем-то она стыдливо умолчала, потому что была не слишком готова к столь резким переменам. Отчаянно сомневалась, что поступила правильно, но, не устояв перед его откровенностью, все же решилась на настоящее безумие.

Эльф слабо улыбнулся, всем сердцем чувствуя ее опасения, ее желание вскочить и рявкнуть: «Пошел вон!» — чтобы избавиться от непривычных сомнений, которые маленькой Гончей были совсем не свойственны. Он медленно поднялся, вернулся к дверям, отлично зная, что она в этот момент до крови прикусила губу. Так же медленно закрыл, задвинул тяжелый засов и бесшумно вернулся. После чего осторожно опустился на прежнее место, кончиками пальцев приподнял ее бледное лицо и, чувствуя, как меняется мир, неслышно выдохнул:

— Я люблю тебя, малыш. Мне больше никто не нужен. Ведь только тебя я искал все это время. Ты моя пара.

— Я знаю, — слабо улыбнулась Белка, неотрывно смотря в его глаза, где снова бушевал неистовый «Огонь». Но он больше не обжигал, как на заставе, а только согревал и заставлял жмуриться, как сытую кошку возле зажженного камина. — Я давно это знаю, глупый.

— Нет, — возразил он. — Если бы я не нашел тебя сегодня, завтра меня бы здесь уже не было. Мы бы разминулись, и это было бы обидно, потому что я собирался вернуться так быстро, насколько возможно. Прости, что я уехал, но я надеялся обернуться в Аккмал и обратно, пока ты выздоравливаешь. Я подумал: верну ключи сам, чтобы тебе больше не пришлось оставлять Траш в одиночестве...

Гончая улыбнулась еще шире.

— А еще ты подумал, что к тому времени я или раздолбаю твой перстень к такой-то матери, или окончательно остыну и не зашибу тебя с ходу, едва увижу.

Таррэн смущенно кивнул. Он не все понял, о чем она хотела сказать

этой лукавой улыбкой. Сейчас хватало того, что она соглашалась быть рядом, прощала его ошибки. Того, что давно уже не сердится и только ждет, когда у него хватит духу коснуться ее губ, чтобы сойти с ума окончательно и бесповоротно. Однако было еще кое-что, о чем он должен был сказать прямо сейчас. Еще одна правда и тяжкий рок, от которого он думал, что никогда не избавится. Последнее проклятие, которое оставил Изиар своим несчастливым потомкам. То, о котором она должна была знать с самого начала.

Он ласково провел пальцами по ее вспыхнувшей щеке.

— В нашем роду не выживают женщины, Белка. Потому что, к сожалению, чистокровные эльфийки не способны долго выдерживать наш «Огонь». Он ведь умеет убивать не сразу и способен уничтожить любую жизнь, если только мы... не сдержимся. Светлые не знают этого проклятия, потому что «Огонь жизни», что течет в наших жилах, был создан исключительно Изиаром. Это дает нам силу, славу сильнейших магов этого мира, власть и все то, о чем мечтают глупцы. Но эта магия нас же и убивает. Из-за «Огня» нам долгие годы приходится учиться владеть собой. Именно поэтому мы чаще всего одиночки по натуре. Поэтому же у темного владыки не бывает больше двух сыновей. И дело вовсе не в троне и не в том, что мы боимся междоусобиц. Все гораздо проще, малыш: мы просто не хотим губить своих женщин. Стать супругой владыки — это и честь, и приговор. Это означает смерть от того самого «Огня», который зарождается в них вместе с новой жизнью, с появлением любого мужчины в нашем роду. Одна жизнь за одну ужасную смерть. Но таких жизней у нас осталось не слишком много, малыш. Ты была права: мы вымираем, в первую очередь вымирает правящий дом. Именно поэтому два века назад было принято решение искать другие пути, а «исследования» возглавил мой старший брат. Тогда как я никогда не хотел себе будущего такой ценой. Теперь ты меня понимаешь?

Она шмыгнула носом.

— Вот почему ты оказался таким стойким? А я думала, что ты неправильный даже в этом!

Таррэн покачал головой.

— Когда живешь почти пять веков и ежедневно сдерживаешь рвущуюся наружу магию, об остальном думаешь мало. А мне всегда казалось нечестным, что кто-то из моих соплеменниц решится принять смерть от моего «Огня».

— Но ты ведь был с женщинами? Разве нет?

— Разумеется, я знал близость — это правда, которую глупо было бы

отрицать. Но я никого не убил, потому что «Огонь жизни» чаще всего можно сдержать. А по-настоящему опасным он становится только в одном случае.

— Наследник, — понимающе хмыкнула Белка.

— Верно: «Огонь» передается по наследству. Однако больше этот рок никому не грозит. Талларен мертв, отец утратил возможность зачать наследника, а я... прости за подробности, но три дня назад я достиг второго совершеннолетия и тоже стал неопасен.

Она на секунду задумалась, но потом с вызовом вздернула носик.

— А на меня не действует твой «Огонь»!

— Знаю, — тихо шепнул эльф, наконец-то крепко обнимая долгожданную пару, которую искал всю жизнь. Жадно вдохнул аромат эльфийского меда, ощутил, как Белка прильнула в ответ, и вдруг почувствовал, как отпускает внутри страшное напряжение.

Согласна! Она действительно хотела остаться с ним, долго испытывала и проверяла, а теперь полностью поверила. Она даже могла бы подарить ему наследника, если бы все выяснилось немного раньше. Ведь три дня назад... всего три бесконечно долгих дня назад, когда он еще мог... все было бы по-другому. Но изменчивая Гончая стояла того, чтобы заплатить даже такую цену, так что он не жалел. Действительно не жалел ни о чем и мечтал только о том, чтобы этот момент длился как можно дольше.

Белка, довольно улыбнувшись, по-хозяйски поерзала, устраиваясь в его объятиях, посопела, покосилась на закрытую дверь, на умиротворенное лицо темного эльфа, который крепко обнимал ее за плечи. Подождала чего-то. Похмыкала, пощекотала ресницами его вкусно пахнущую кожу. Завертелась, завозилась, а затем вдруг не выдержала:

— Слушай, совсем забыла сказать. Терпеть не могу, когда мужчина торчит в помещении в грязных сапогах. Ты что, все клумбы по дороге сюда вытоптал?

— Я спешил, — смущенно возразил Таррэн, одновременно пытаюсь избавиться от обуви. Неловко подрыгал сперва одной, а затем и другой ногой, но все-таки справился с трудной задачей и снова коснулся губами ее волос, наслаждаясь каждым мигмом этой удивительной близости, от которой кружилась голова.

Однако Гончая на этом не успокоилась.

— Я тут испереживалась вся, напугалась, что не успеешь до третьего колокола... и вообще, когда проснулась, решила, что ты меня бросил, и даже собралась прибить при первой же встрече! С места сорвалась как ненормальная! Парней своих бросила! Дядько напугала до полусмерти,

потому что он подумал... эй! А почему у тебя рубаха пахнет?! — Она принялась и громко фыркнула. — Снимай сейчас же! Я пугаюсь запаха пота! И ремень заодно, а то он мне в бок колет! И вообще, мне холодно сидеть на каменном полу! Тебе не стыдно? Девушка уже просит, а ты до сих пор не поднял ее на руки!

Таррэн наконец сообразил, в чем дело, и, смеясь, посмотрел на ее преувеличенно возмущенное лицо. Хитрая, коварная, маленькая Гончая, которую он больше никому не отдаст... Правда, в эти игры она играть не умеет. Вернее, пока еще не умеет, хотя наверняка очень быстро научится.

Таррэн стремительно поднял насупившуюся Белку на руки, встал и, пинком распахнув внутреннюю дверь, с чувством поцеловал свою свирепую пару, хорошо ощущая, как она расслабляется и сдается. Как охотно прижимается горячим телом, что даже из-под простыни пышет безумным жаром и с каждым мгновением зовет все сильнее. Дал ей возможность почувствовать свой триумф, но краешком глаза снисходительно наблюдал за ее вспыхнувшими ушками.

«Какая же ты чудесная, Белка! Любимая моя девочка! Прекрасная моя! Никому тебя не отдам, никуда больше не отпущу, ни за что не обижу!»

— Так-то лучше! Еще пару сотен разиков, и я поверю в те слухи, которые о вас ходят, — немедленно буркнула она, едва он оторвался. — А рубаху все равно сними, злыдень, и мне отдай, потому что тут холодно. Или ждешь ответных признаний?

— Нет, малыш. Ничего не жду.

— Потому что я тебя... ну, это... короче, сам знаешь. — Гончая порозовела. А все остальное сердито прошептала себе под нос, чтобы наглый нелюдь не вздумал смеяться: — Проклятье... тоже люблю! И я прибью тебя, если ты сейчас остановишься!

Таррэн в ответ улыбнулся и с жадностью прильнул к ее губам. Почувствовал, как трещит и искрится между ними воздух. Как рвется с цепей неистовый огонь желания. Мысленно поразился собственным ощущениям, а затем окончательно потерял голову и охотно исполнил ее требование. Потому что перечить красивым девушкам бывает крайне опасно для жизни. Особенно тогда, когда эта девушка — непривычно расслабившаяся и разомлевшая в руках Гончая, которая впервые в жизни проявила женскую слабость и от этого вдруг почувствовала себя совершенно счастливой.

ГЛАВА 24

— Вот, собственно, и все, — устало закончил Весельчак и выжидательно взглянул на непроницаемое лицо короля. — Именно поэтому мы здесь и возвращаем ключи.

Лис неторопливо обвел глазами немалых размеров поляну в самом центре дворцовых садов и в который раз поразился тому, как плотно растут вокруг исполинские деревья, как остры их золотистые листья и как удивительно схожи эти красавцы со смертоносными гигантами Проклятого леса. Затем припомнил, что в этом месте гасится любая магия, и мысленно похвалил владыку Эллиараэля, создавшего этот шедевр. Проникся еще большим уважением к его величеству за выбор места для переговоров и наконец перевел дух.

Поляна действительно была велика. Окруженная со всех сторон могучими деревьями, имеющими свойство поглощать любую магию, украшенная великолепно выполненными статуями из белоснежного мрамора, она действительно являлась единственным во всем Аккмале местом, где можно было без опаски принимать таких гостей, как оба эльфийских владыки со свитами и взбудораженные последними новостями гномы. Правда, от подгорного народа явился не повелитель, а его сын и преемник, но все равно: зрелище было впечатляющим.

Весельчак кинул вопросительный взгляд на короля Мирдаиса и, повинувшись его знаку, плюхнулся на свое место, с наслаждением вытянув гудящие ноги. Наконец-то этот утомительный допрос закончился! Целых два часа балабольшества, выяснений, разъяснений и утомительных споров! Как же хорошо, что переговоры подходят к концу!

Элиар неодобрительно на него покосился, но комментировать происходящее не стал. А рыжий, подметив взгляды стоящих по периметру поляны эльфов, вдруг широко ухмыльнулся. Красиво встали, гады: слева — исключительно темные в белоснежных одеяниях; справа — светлые в золотистых одеждах. Оба владыки сидят по разную сторону от правителя Интариса, но их кресла установлены так, чтобы образовать полукруг и вместить туда наследника подгорного трона. Рыжебородого, как водится, расчесанного и с внушительной короной на голове, но почему-то очень сердитого.

Король Мирдаис с тревогой покосился на гнома, от которого ждал больше всего проблем, и искренне понадеялся, что подгорный трон

прислал на переговоры достойного сына.

Да, выслушивать подробности гибели наследника было неприятно. Да, эльфы заслуживали наказания. Но, во-первых, вносить сюда оружие было запрещено. Во-вторых, остроухие стерегли каждый его жест. В-третьих, светлый владыка и сам понимал, что его народ здорово замарался. Наконец, в-четвертых, «Слово правды» не позволило бы присутствующим дать ни единого ложного показания, а потому отпираться было бессмысленно и первым, и вторым, и третьим.

— Элиар, — негромко сказал светлый владыка, и эльф под многочисленными взглядами поднялся. Последний, кого еще не допрашивали. — Ты был вместе с Танарисом. Теперь я хочу услышать факты от тебя.

— Все, что было сказано здесь, абсолютная правда, повелитель, — почтительно поклонился Элиар. — Я подтверждаю каждое произнесенное слово и свидетельствую: Танарис нас предал. Именно он возглавлял существующий орден и это его усилиями подгорный народ потерял одного из своих сыновей.

— Кто может подтвердить твои слова? — тем же бесцветным голосом осведомился владыка.

— Люди, что прошли со мной этот путь.

Царственный эльф обратил величественный взор на смертных. Он мельком пробежал по суровым, обветренным лицам со следами тяжелых испытаний. Внимание его привлекла странная троица. Эльф на мгновение прикрыл веки.

Отчего-то он с трудом мог видеть ауры воинов в непроницаемых черных одеждах. Ланниец, заниец и еще один мрачный тип, происхождение которого было пока непонятным. У них у всех были глаза убийц, а чувство смертельной угрозы от них исходило такое, что бессмертный предпочел его не игнорировать.

— Кто еще может это подтвердить? Ты ведь был не один, Элиар? С тобой должен был идти темный? Где он? Я хочу его слышать.

Элиар затравленно оглянулся. Где же носит этого черноволосого гада, который посмел опоздать на переговоры аж на два часа?! Они уже замучились распинаться перед владыками, устали как собаки, а этот паразит так и не появился!

— Элиар? — нахмурился светлый.

— Убью гада!

— Прости, это ты мне?

Элиар вздрогнул, запоздало сообразив, что прошипел угрозу вслух, но

принести извинения сюзерену не успел: на соседней аллее послышались легкие шаги. Следом за ними по песочной дорожке пролегла длинная тень, а среди вереницы статуй из белого мрамора мелькнула черная грива. Светлого буквально перекосило. Явился, сволочь!

Таррэн проскользнул мимо белоснежных скульптур, мысленно подивившись искусству неизвестного мастера. Мельком покосился на изваяния эльфов, гномов, людей. А при виде двух последних статуй одобрительно кивнул: огромные хмеры, стоящие друг напротив друга, выглядели на редкость правдоподобно.

Впрочем, против хмер Таррэн не возражал. Напротив, они заставили эльфа произвольно улыбнуться и прикинуть, сколько же народу схватилось в этом месте за сердце. Наверняка немало, потому что звери были невероятно похожи на настоящих.

Он вышел на поляну, коротко поклонился светлому владыке, гному и королю Мирдаису. Темных проигнорировал, своего владыку словно не заметил. Приветственно махнул Гончим и прошествовал в центр поляны, где и встал рядом с возмущенно сопящим Элиаром.

— Я ничего не пропустил?

— Ты где был?! — яростно зашипел светлый.

— Меня поздно уведомили, что переговоры состоятся уже сегодня.

— Что?! — не стесняясь, рыкнул Элиар. — Всем еще с вечера сказали, а ты всю ночь где-то шлялся и даже сообщить никому не удосужился!

— Кажется, мы не в духе? — Таррэн насмешливо изогнул тонкую бровь. — В чем дело, Элиар? Неужели соскучился?

Элиар побагровел и отчетливо скрипнул зубами.

— С-сволочь... — процедил светлый, и присутствующие эльфы тихо ахнули. — Я тебя живьем закопаю, а потом скажу, что так и было!

Светлый владыка издал какой-то странный звук, темные словно окаменели, а король Мирдаис внезапно закашлялся. И это заставило спорщиков опомниться: Элиар свирепо зыркнул на сородичей и отвернулся от Таррэна. А Таррэн неожиданно посерьезнел.

— Извини. Меня действительно не предупредили.

— Где же ты был, что тебя не нашли за целые сутки?!

— Каграс! — нахмурился король Мирдаис, и из-за деревьев немедленно высунулась гладко выбритая физиономия доверенного слуги. — Разве я не велел тебе передать приглашения нашим гостям?

Молодой парень в белой ливрее бочком выдвинулся на поляну, после чего пугливо покосился на хранителей трона и еще более недовольных хранителей знаний. Низко поклонился царственным гостям, но, завидев

Таррэн, побелел как полотно и окончательно перетрусил.

— Г-господин! Я не виноват! — взмолился Катрас, на полусогнутых скользнув к рассерженному правителю, низко склонился и что-то быстро зашептал на самое ухо. Да так тихо, что даже перворожденные не сумели разобрать ни слова.

Таррэн неловко кашлянул, когда изумленно замерший Мирдаис уставился на него во все глаза. Но бедный парень был не виноват, что запоздал со своим приглашением. Просто Белка, когда хотела, умела быть очень убедительной, так что рано утром, заметив возле двери подозрительного субъекта, весьма доступно объяснила незнакомому мальчику, как, чем и сколько времени будет его пытаться, если кто-нибудь надумает разбудить нового хозяина этих комнат раньше времени. А потом испарилась из дворца как привидение. Но напоследок все равно умудрилась поцеловать своего эльфа так, что даже не разбудила, проследила, чтобы в соседней комнате накрыли стол, и только после этого ушла, оставив после себя едва уловимый аромат эльфийского меда, сладкую память о прошедшей ночи и удивительное ощущение покоя.

Надо сказать, обнаружив под дверьми перепуганного насмерть и жестоко поцарапанного парнишку, который вынужденно бдил, не позволяя посторонним нарушить покой постояльца, темный эльф изрядно удивился. С некоторым трудом выяснил, в чем дело, после чего выудил из дрожащих пальцев измятую бумажку, коротко выругался и только тогда поспешил на встречу.

— Кхе, — коротко выразил свое отношение к происходящему король, и Таррэн покаянно вздохнул. — Ладно. Верю, что причина твоей задержки была очень...

— Весомой. Но я все равно приношу присутствующим свои глубочайшие извинения и готов ответить на вопросы. — Таррэн еще раз окинул глазами эльфов, на лицах которых отразилось одинаковое изумление, постарался не встречаться взглядом с владыкой Л'эртэ, который явно не чаял больше увидеть блудного отпрыска. Наконец добрался до гномов и вот тут-то неожиданно поперхнулся, поскольку никак не ожидал найти среди них хоть одну знакомую физиономию.

При виде рыжебородого «посла» его глаза против воли начали округляться, брови сами собой поползли вверх, а наружу едва не вырвался ехидный смешок. Однако преемник подгорного владыки грозно сверкнул глазами, сжал громадные кулаки еще сильнее и так выразительно зыркнул, что эльф предпочел смолчать и сделать вид, что обознался.

— Итак, — деликатно напомнил о себе король Мирдаис. — Таррэн, ты

не мог бы еще раз рассказать нашим гостям, с чем вам довелось столкнуться в Серых пределах? Владыка Эллираэн хотел услышать подтверждение из твоих уст.

— Не уверен, что присутствующие захотят во второй раз выслушивать то же самое, — вполголоса отозвался эльф. — Или первый рассказчик показался вам не слишком убедительным?

— Нет, вы только посмотрите! — шепотом возмутился Весельчак. — Я тут битый час расписывал его геройства, страдал, мучился, а вместо благодарности — вот вам! В следующий раз сам будешь отдуваться!

Таррэн вопросительно приподнял брови, а его величество Мирдаис укоризненно вздохнул.

— Что, недостаточно развлекся у светлых? — вполголоса осведомился у рыжего Шранк. — Или решил сравнять счет?

— А почему нет? — сердито прошептал Весельчак. — Чай, не всех негодяев в Светлом лесу перебили. Может, и на мою душу один достанется?

— Слюни подбери, — тихонько буркнул Ирбис. — И без тебя найдутся желающие поквитаться. За Уриса, Сторма, за Белика, наконец... даже Элиару есть о чем с ними потолковать, так что не лезь.

— Что значит не всех?! — ошарашенно переспросил светлый владыка во внезапно наступившей тишине. Кажется, слух у него оказался намного более чутким, чем они рассчитывали. — Элиар?! О чем говорят эти люди?! Разве вы не закончили?!

Элиар недовольно зыркнул за спину и погрозил задире кулаком: некстати он вылез со своими рассуждениями. А затем исподлобья взглянул на окружение повелителя.

— Прошу прощения, повелитель, но боюсь, этот человек прав. И среди наших собратьев еще остались те, кто... не совсем верен трону.

— Проще говоря, сволочи и гады, вруны и заговорщики, у которых только и заслуг, что уши, но и тех... гм, скоро не будет, — звонко согласился с ним еще один голос, и из-за дальних деревьев бесплотной тенью выскользнула Белка.

Таррэн поймал ее взгляд, полный лукавых искорок, и не сумел удержаться от улыбки: вернулась. Обнять бы ее, прижать к груди, да народ, скорее всего, не поймет.

Гончая снова была в личине ехидного сорванца. Как всегда, в штанах, в легкой куртке из кожи неведомого зверя, в руках — завернутые в ткань ножны с бесценными клинками, а на поясе — множество ножей знаменитой гномьей работы. Быстро оглядевшись, она мгновенно

приметила расстановку сил и небрежно протянула королю крохотный ключик на тонкой цепочке. Зловеще улыбнулась Катрасу и только потом повернулась к друзьям и соратникам. Ковырнула носком сапога свежую травку и словно между делом обронила:

— Интересно, кому из вас пришла в голову мысль бросить меня на заставе? Кто тот несчастный, которого я собираюсь приголубить по всем правилам банальной уличной потасовки?

У Ирбиса и Весельчака вытянулись лица, Молота едва не перекосило. Сова мудро отошел подальше, а Гончие тревожно переглянулись. Ох-хо, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, насколько ей не понравилось обнаружить, что они всем скопом удрали. Оставили слабую и беспомощную девушку на руках у сурового дядьки, забрали ключи и отправились развлекаться в Светлый лес без нее!

— И кто же этот умник? — ласково улыбнулась Белка, отчего бывалые ветераны поежились и вдруг дружно ткнули пальцами в сторону эльфов:

— Он!

Белка обернулась и, нехорошо сузив глаза, уставилась на смертника.

— Это не я! — поспешил откреститься Элиар, оставив Таррэна стоять в одиночестве под суровым взглядом голубых глаз. — Это была его идея!

— А я предупреждал, что ты будешь сердиться, — немедленно наябедничал Весельчак. — Я говорил, что надо подождать, но он не хотел слушать! Так что все шишки — исключительно ему. Можешь его даже прибить, нам не жалко.

— Предатели, — вполголоса буркнул темный эльф и поспешил напомнить: — Я уже извинился.

— Гм, — ненадолго задумалась Белка. — Действительно, что-то такое припоминаю... но, боюсь, этого мало. Элиар, как считаешь, его надо наказать?

— Разумеется. — Светлый мстительно улыбнулся. — Привязать к дереву, не кормить, не поить и целую неделю мучить без роздыха, чтобы не зарывался.

Белка довольно кивнула.

— Ты слышал, ушастик? Так и поступим, только покормим тебя заранее, чтобы раньше времени не ослаб.

Таррэн чуть не подавился, поймав ее отчаянно веселый взгляд.

— Благодарю, Элиар, — деревянным голосом сказал он. — Кажется, ты только что оказал мне услугу.

— Не тебе, а нам! — строго поправила Гончая, и Таррэн, не выдержав, все-таки закашлялся. — Тем более твоя шкура теперь принадлежит мне

целиком и полностью.

— Надеюсь, ты не будешь слишком уж зверствовать?

— Конечно нет. Просто постараюсь в точности исполнить пожелания нашего ушастого друга. Так что готовься: очень скоро я буду тебя... гм, мучить. Неделю, как уговорено.

— Твое право, — выдохнул Таррэн и под отчаянно веселым взглядом короля зашелся в новом приступе безудержного кашля. — Мне стоило раньше догадаться, что ты своего не упустишь.

Элиар непонимающе округлил глаза.

— Таррэн, ты здоров?

— К сожалению, — из последних сил выдавил темный и кинул умоляющий взгляд на свою коварную пару, молча прося пощады.

Хотя бы потому, что, если раздастся еще один намек, он сцапает ее за ворот, вопьется голодным пересмешником в губы и, плюнув на приличия, отправится на поиски подходящего «пыточного» подвала немедленно. И она еще не раз пожалеет о том, что вообще подняла эту щекотливую тему.

— Лады, с тобой разберемся позже, — смилостивилась Гончая, отступив на шаг и чувствительным тычком выдернув светлого из ступора. — Элиар, где там наши парни? Узнал кого? Или мы снова промахнулись?

Таррэн облегченно вздохнул, а Элиар приглушенно охнул, потирая безвинно пострадавший бок. Кажется, пытки уже начались и совершенно не с того, с кого было обещано.

— Узнал.

— Где? Кто? — ненормально оживилась она и демонстративно подставила ухо.

Светлый шепнул туда пару коротких слов. Белка озадаченно почесала нос и демонстративно сложила руки на груди, нетерпеливо постукивая пальцами по предплечьям. Станный такой ритм: тук-тук... тук-тук-тук... тук... тук-тук...

— Эх, не зря тебя туда внедрили, шпион ты наш ушастый... Знал твой владыка, кого в орден засылать... Кто он тебе? Отец? Брат? На ваши физиономии только посмотришь и сразу сообразишь, кто есть кто.

— Дядя, — неохотно признался Элиар. — Чего уставился, рыжий? Разве не знал, что хранители всегда связаны с правящим домом? А меня специально к Танарису определили, чтобы присматривал — об ордене мы давно подозревали (да-да, не такие уж мы дураки, нечего скалиться!), просто доказательств не было, а когда они появились, пришлось выждать... Думаешь, почему я за ваши шкуры трясся?

Белка неожиданно хихикнула и снова бесцеремонно толкнулась локтем.

— Что, родная кровь? Никогда не подведет и не предаст? Жаль тебя разочаровывать, но прописные истины редко спасают от жестоких реалий. Бывает, что тебя готов предать родной отец, а поддержку и помощь вдруг получаешь от кровного врага. Шранк... они ваши.

Никто и ахнуть не успел, как трое Гончих размазались в воздухе, а затем молчаливыми тенями появились среди светлых эльфов, без замаха ударили невесть откуда возникшими в руках кинжалами (ведь обыскали их на входе!) и испарились снова. А материализовались уже в десятке шагов правее, чтобы с поклоном и довольными улыбками вернуть брошенные Белкой ножи.

— Скажи спасибо, Элиар, что мои ребята избавили тебя от необходимости убивать сородичей, — будничным тоном сообщила она, возвращая клинки в ножны на поясе. — Неплохо сработано, парни. Хвалю. Каждому по медали и по кружке свежего пива.

Шранк тем же непонятым манером скользнул на прежнее место, а за его спиной только сейчас начали нелепо заваливаться на бок трое эльфов с остекленевшими глазами. И у каждого за левым ухом стремительно набухла крупная алая капелька.

— Вот так, — скупно заключила Гончая, похлопав ошеломленно моргнувшего светлого по плечу. — Надеюсь, больше предателей среди вас нет.

— Бел! Это было...

— Быстро? Да, знаю. Но ты же сам подлечил мне напарника и малость перестарался с заклятиями. Со страху, наверное? Зато теперь даже мне видно, что Шранк у нас стал еще немного шустрее. Правда, здорово?

Элиар отер повлажневший лоб и машинально кивнул, на что Гончие усмехнулись и одинаково быстрым движением отсалютовали. Впрочем, чего удивляться? Шранк и раньше был самым быстрым на своей заставе, а теперь зарезал остроухих и даже не запыхался.

— Я тоже так могу, — недовольно буркнул Весельчак, не замечая судорожно хватающих воздух бессмертных, на глазах у которых Стражи только что положили троих сородичей, да еще так споро, что никто и вмешаться не успел. Наверное, только властные взгляды владык удержали послов от опрометчивого поступка. Ну и смешки гномов, на которых мгновенная расправа произвела исключительно благоприятное впечатление. Особенно на их предводителя, который даже забыл натянуть на нос корону, прячась от пристального взгляда Белки.

Гончая вдруг тихонько фыркнула.

— Да хватит уже прикидываться! Думаешь, я тебя не узнаю в этом дурацком доспехе? Думаешь, корону нацепил, бороду завил — и все? Хоть бы привычки сменил, а то год за годом мажешь свои коленки одной и той же мазью и считаешь, что за благовониями ее не учуять!

Вот теперь в сторону подгорного народа обернулись все. Даже те, кто только что собирался рвать и метать, выкрикивать обвинения или, наоборот, предаваться унынию, понимая, что за прошедшие века смертные набрали слишком большую силу.

Гном помрачнел, вжавшись в роскошное кресло. Затравленно заозирался по сторонам, но понял, что теперь правду увидел не только внимательный темный, и окончательно расстроился.

Белка небрежно облокотилась на Таррэна и негромко обронила:

— Как думаешь, сколько времени будут ржать наши парни, когда я им расскажу, в каком виде вдруг обнаружился Крикун?

— Полагаю, недели две, — так же тихо ответил эльф. — А если у тебя хватит словарного запаса описать его вид, то и все три. Это бесспорно.

— Ты не посмеешь! — придушенно ахнул Крикун, выдав себя с головой. — Хмера двуногая! Ты не подставишь меня так?!

— Почему? — мурлыкнула она. — Это такой шанс отыгаться за твой доспех!

— Какой доспех?! Да если бы не он, фиг бы тебе удалось выжить в зубах саламандры! Если бы не он, фиг бы вы выбрались из Лабиринта! Если бы не он... — странно поперхнулся гном. — Короче, не стояли бы вы тут на пару, обнимаясь, как лапушки, так что это еще посмотреть, кто и над кем будет ржать, когда мы вернемся!

Белка слегка порозовела, но от темного не отстранилась.

— Не знаю, не знаю. Таррэну, может, и рискнет кто улыбнуться, хотя сомневаюсь, что найдутся придурки с отмершим инстинктом самосохранения. Но вот надо мной смеяться точно не станут, потому что я самолично оборву шутникам их длинные языки, после чего подвешу на столб и буду наслаждаться тишиной. Рыжий, ты что-то хочешь сказать?

Весельчак торопливо замотал головой.

— Прекрасно, — злоеще улыбнулась Белка. — Тогда, полагаю, ты нам кое-что поведаешь о себе? А может, снимешь наконец личину, от которой у меня уже двоится в глазах? Кстати, Элиар, скажи-ка вон тому остроухому, который слишком громко шепчет твоему дядюшке о моем неподобающем поведении, что если я услышу еще одно слово в таком тоне, то подвешу его за жабры на первом же суку. А заодно напомни, что Гончие

не имеют привычки обещать невыполнимое и не подчиняются никому, кроме своих вожakov. Если хочешь, добавь, коли до него не дошло, что мои парни нередко любят действовать по своему усмотрению. А порой бывают настолько раздражительны, что могут сгоряча зашибить даже перворожденного. Надеюсь, твоему дяде не очень нужен такой болтливый советчик?

Светлый владыка поджал губы, но правильно догадался, откуда у наглого пацана столь высокие запросы. Затем припомнил его плавную походку, экономные движения, свойственные всем удачливым хищникам, недавно брошенные ножи, и... задумался. И предпочел сделать вид, что не заметил издевки.

— Замечательно, — сухо кивнула Белка. — Рыжий, ты надумал или тебе помочь принять решение?

Весельчак занервничал и кинул быстрый взгляд на короля, будто спрашивая совета. Но тот лишь пожал плечами: дескать, тебе решать, я не стану вмешиваться.

— Ты ведь уже знаешь, — вдруг просительно заныл рыжий. — Бел, зачем все усложнять? Если на тебя не действует наведенная магия и ты прекрасно видишь меня настоящего, то какого Торка устраиваешь этот маскарад?

— Я устраиваю?

— А кто же еще?

— Ну, знаешь ли... ты как был нахалом, так и остался. Не зря тебя отец в армию отправил!

— Ох не зря, — тихонько вздохнул его величество, и рыжий совсем скис. — Да только мертвого могила исправит, а этого наглеца даже Бешеные лисы не смогли перевоспитать. Только и того, что с оружием обращаться научили, а во всем остальном как был дитем, так дитем и остался. Плечи только отрастил здоровенные да усами обзавелся.

— У меня нет усов!

— Были, — безжалостно сдал товарища Ирбис. — Аркан проболтался, когда нас скрутили. Раз уж Белик вывел тебя на чистую воду, снимай личину и дай наконец двинуть тебя по настоящей морде! Торк, да все вокруг, как оказалось, сплошные обманщики! Один Молот у нас простой и понятный, да я, бедный...

— Какой ты бедный? — мстительно огрызнулся рыжий. — У тебя отец — главнокомандующий армии Интариса! Бедный он... три дома в предгорьях Аира, куча слуг, красавица-жена и десяток карапузов под ногами. Значит, бедный?! Сова такими темпами вообще скоро до главы

внешней разведки дорастет, если уже не дорос! А Молот вовсе последний командир Бортворских головорезов! Три ордена за мужество, медаль за спасение короны, личная благодарность короля, да еще и материальное вознаграждение в таких размерах, что просто диву даешься... знал бы раньше, как живут ветераны Бронлора, сам бы пошел на передовую!

Молот и Ирбис вскинулись почти одновременно.

— Откуда ты знаешь?!

Лишь Сова не выдал удивления, но взгляд, брошенный им на короля, был полон справедливого укора: мол, гляди, что этот оболтус вытворяет! Никакого понятия о государственной тайне!

— Встречались мы, только вы не знали, что это я! — окончательно вспылит Весельчак и, быстрым движением сунув руку за пазуху, надломил невидимый амулет. — Ну, Белик... ну, малыш, я тебе это припомню!

— Давай, давай, — хмыкнула Гончая. — Считай, что это плата за твою спасенную шкуру.

— Она не настолько дорогая!

— Да-а-а? А твой отец так не считает.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул рыжий и опустил стремительно потемневшую макушку, с которой разом сбежала вся рыжина. Секунду постоял неподвижно, пережидая, пока личина сойдет полностью. А потом зло посмотрел на хитро подмигнувшую Гончую и насупился. — На! Доволен, вымогатель?!

— О да. Вот теперь ты похож на настоящего.

— И ничего не похож!

— Похож, — задумчиво кивнул Таррэн, мысленно сравнив благородную физиономию бывшего ланнийца (теперь — с утонченными чертами истинного аристократа, правильной формы носом, крупными черными глазами и безупречной линией подбородка) с таким же лицом напротив, только постарше и помудрее — лицом правителя Интариса, на котором появилась одобрительная усмешка.

Король насмешливо глянул на бродягу-лиса, оказавшегося похожим на него как две капли воды.

— Допрыгался? Хорошо, что хоть одно дело не испортил и присмотрел за ключом, а то не знаю, что бы я делал. Может, тебя теперь в пределы отправить, дабы за ум взялся? А? Белик, возьмишь к себе?

— Упаси боже! — непритворно отшатнулась Белка. — Мне с таким балагуром возни будет — непочатый край! Хватит и того, что у нас уже есть двое... э-э-э, наследничков. Крикун, не кисни: я слишком хорошо знаю твою родословную, чтобы ошибиться, да и перстень свой ты плоховато

спрятал.

Король Мирдаис огорченно вздохнул.

— А как же верность короне? А спасение блудного отпрыска древнего рода? А его защита и благополучие, от которой, возможно, вскоре будет зависеть будущее нашей страны? Валлину еще многому предстоит научиться, прежде чем я решусь доверить ему что-то большее, чем кусок заточенного железа.

— Валлин? — придушенно ахнул Ирбис, запоздало вспомнив, где видел эту наглую аристократичную морду.

— Какое будущее?! — искренне возмутился Весельчак. — У меня два брата старших есть — вот пускай и отдуваются! Я и в лисы-то пошел, лишь бы меня никто не доставал с наследством!

— Бунтарь, — печально опустил плечи король. — Что мне с тобой делать? Кому доверить? Белик, ты точно отказываешься?

— Нет, спасибо. Я еще не сошел с ума, чтобы соглашаться на такую авантюру.

— А если тебе заплатят?

— Ни за что, — твердо ответила она.

— Я орден могу дать, — вкрадчиво предложил владетель Интариса. — Какой захочешь. Тем более тебе все равно полагается за выполненный долг перед отчизной.

— Орден? — вдруг задумалась она. — А не обманете, ваше величество?

— Отец! Ты что, собираешься отдать меня этому монстру на растерзание?! За один паршивый орден?!

— Почему за один? — искренне удивился король. — За два. Даже пять отдам — мне не жалко.

— Я б взял, — вдруг подал голос Шранк.

— Вот видишь, сын мой!

— И мы не против, — удивительно дружно кивнули Брок с Иктаром. — У Шранка сейчас нет напарника, а у этого болтуна должно получиться. Даже натаскивать почти не придется — у него отличная координация и превосходный нюх на неприятности!

Белка снова задумалась, искоса поглядывая на притихшего Весельч... то есть Валлина. Младший сын короля, задира, беспардонный наглец, болтун, хам и балагур, каких поискать. Но что-то в нем все-таки было. Что-то открытое, светлое, что ли? Ни капли привычной для дворцовых франтов гнили, как не было ее в Таррэне, в Молоте, в ее Гончих...

— Ладно, — неохотно кивнула она. — Но при двух условиях.

Весельчак мгновенно обратился в слух.

— Первое: ты подчиняешься мне беспрекословно. Никаких сомнений, обсуждений и никаких хохм в рейдах. И второе: ты не сболтнешь лишнего о том, о чем уже догадался, пока я не разрешу.

Бывший лис опасливо покосился на темного эльфа, который, судя по всему, тоже скоро вернется в пределы. Недолго подумал, прикинул и бесшабашно махнул рукой. В конце концов, что он теряет? На царство в любом случае садиться не собирался, к Бешеным лисам возвращаться — скучно, дома сидеть — глупо, а по миру он и так успел побродить. А в пределах народ новый, суровый, у них есть чему поучиться. Есть кого попинать и от кого, в свою очередь, получить крепкого тумака. Зверушки опять же невиданные, птички странные. Ядовитые цветочки, плотоядная травка, злющие хмеры за каждым кустом... Романтика! Тем более что лет через пять у него наверняка появятся новые возможности, да такие, что оба брата потом обзавидуются. Так почему бы и нет?

Король облегченно вздохнул: вот и ладушки, вот и пристроили мальчика. А то прямо сладу не было — из лис ушел, из дворца ушел, от трона отказался, хотя, видит небо, у него вполне могло получиться... Может, хоть пределы его заставят остепениться? По крайней мере, на время? Как же хорошо, что там есть парочка верных людей, которые теперь присмотрят за этим «сокровищем». Хоть одной проблемой стало меньше, а в беспокойное время это уже огромное достижение.

ЭПИЛОГ

— Отлично, — кивнул Таррэн и покосился на пышную макушку Гончей. — Значит, возвращаемся вшестером? Эй, твое высочество! С тобой не возникнет проблем?

Весельчак покачал головой.

— Я понял твои намерения и полностью их одобряю.

— Тогда все? — мирно предложил эльф. — Вроде бы все уладили, все рассказали. Дальше и без нас разберутся. Рыжий с нами, Ирбис с Молотом — по домам, Элиар — к дяде под крылышко и будет в гости заглядывать, когда совсем помирать с тоски начнет в своем лесу... Полагаю, со стороны подгорного народа к нам претензий нет?

— Нет, — хмуро отозвался разряженный в пух и прах Крикун, явно тяготящийся новым статусом. — Все, что узнал, передам кому следует. От войны отведу и остальное сделаю как надо. С остатками ордена тоже поможем. Но не думай, что я не вернусь, остроухий! Как только полномочия сложу, разберусь с делами, так сразу проверю, что ты там сотворил с Проклятым лесом, нашей заставой и моей кузней!

— Буду ждать, — Таррэн хмыкнул и, коснувшись плеча Белки, вопросительно посмотрел на нее. — Ничего больше не хочешь сказать?

Она только плечами пожала.

— Вроде бы морды всем набили, кому собирались. Остальных поразили, удивили и оставили медленно обтекать. Светлых пожурили, гномов ободрили. Ключи вернули, амулет и орден уничтожили, с Изитаром разобрались, а всякую мелочь пусть остальные ловят — мы свое дело сделали. Пойдем домой, ладно? А то тебя там уже девушка заждалась — симпатичная такая, зеленоглазая, с хвостиком... По-моему, ты ей нравишься.

— Только ей? — лукаво улыбнулся эльф.

— Карраш тоже будет в восторге.

— Гм... — Таррэн кинул быстрый взгляд на темных сородичей, узнал немало знакомых лиц, кому-то незаметно кивнул, понимая, что магистранты его тоже прекрасно рассмотрели, несмотря на личину. Затем отвернулся и вместе с невозмутимой Белкой направился прочь.

Темный владыка, до последнего ожидавший от него хотя бы слова, пораженно привстал со своего кресла.

Иррадэ! Он никогда не думал, что единственный, чудом уцелевший и

такой важный для его народа наследник не станет с ним даже разговаривать! Разумеется, он не мог поверить, что это все-таки случилось, но блудный маг, которого давно считали погибшим, проигнорировал его! Сделал вид, что никакого отношения к роду Л'эртэ не имеет! Будто не он стоял когда-то перед советом старейшин и произносил слова отречения. Будто не он ломал свою ветку на родовом ясене, чтобы родитель никогда не узнал, жив ли его строптивый отпрыск или давно кормит червей.

Он и теперь словно ослеп, оглох и утратил разум! Выглядел так, как совсем не подобает бессмертному его положения — под личиной, что совершенно непростительно, с дурацкой кличкой вместо родового имени. Без положенных регалий. Даже без достойной его происхождения одежды! А поступает и вовсе ужасно — собирается просто молча уйти и оставить свой народ погибать!

— Торриэль!

Таррэн не обернулся.

— Торриэль, сын мой! Почему ты уходишь?!

Вот теперь на них начали коситься, но темный как не заметил: шел себе и шел к виднеющейся неподалеку аллее, стараясь побыстрее миновать хранителей знаний, с которыми был давно и весьма тесно знаком.

— Торриэль, остановись немедленно!

— Тебе не кажется, что кого-то зовут? — вполголоса спросила Гончая, испытующе покосившись на непроницаемое лицо эльфа. Тот неопределенно пожал плечами.

— Обознались.

— Уверен?

— Торриэль илле Л'эртэ! — гневно выдохнул темный владыка. — Остановись или я остановлю тебя сам!

Таррэн досадливо поморщился и, достигнув белоснежных статуй, все-таки обернулся. Отец выглядел откровенно злым и невыспавшимся. Красивым и собранным, как всегда, но каким-то... усталым, что ли? Правда, даже в таком состоянии он сумел-таки разглядеть на сыне магически наведенную личину, целых двести лет спасавшую его от неизбежного узнавания. Искусно прячущую его безупречное лицо, присущее каждому наследнику Изиара, которое давно и безошибочно разглядела в Таррэне Белка.

Да, это правда: она действительно видела его настоящим. И совсем не удивилась сейчас, когда под гневным взглядом владыки Л'эртэ наведенная личина начала сползать с Таррэна как маска. Видела просто потому, что Талларен дал ей защиту от силы своих родичей: отца, хранителей и...

конечно же младшего брата. И всегда знала, кто скрывается под личиной «посла». Каждый день на него смотрела, но почти всегда негодуя отворачивалась, не в силах вынести его утонченную, изысканную красоту.

Владыка Л'аэртэ гневно сузил глаза, но Таррэн покачал головой.

— Не льсти себе: здесь твой «Огонь» бесполезен, — спокойно заметил он. — Особенно против меня.

— Торриэль?! — вдруг неуместно громко хмыкнул Весельчак, мигом заметив потрясающее сходство остроухих. — Торриэль илле Л'аэртэ?! Вот так номер! Похоже, не я один тут непутевый наследник! Торк... сдается мне, что кто-то нам нагло врал!

Король Мирдаис судорожно вздохнул, во все глаза рассматривая младшего сына темного владыки, настоящий облик которого, как оказалось, видел впервые.

— Почему врал? — так же спокойно пожал плечами Таррэн. — Торриэль илле Л'аэртэ ушел из рода больше двух веков назад, разорвал кровные узы и не имеет к Темному лесу никакого отношения.

— Но ты ж маг?

— Маг. Даже хранителем успел побыть, так что я никого не обманул. И, к твоему сведению, отказался потом даже от магии — чтобы не нашли по следу. А что не так?

— Да нет, ничего, — вдруг пошел на попятную Валлин. — В конце концов, какая разница? По-моему, «Таррэн» звучит даже лучше.

— Главное, короче, — поддакнула Белка и запрыгнула на ближайший постамент, на котором красовалась мраморная хмера. Затем деловито пристроила между длинными шипами на холке свое «проклятие», обхватила мощную шею и уже оттуда с нескрываемым интересом уставилась на приближающуюся делегацию темных, состоящую из владыки, его верных советников и хранителей, стремящихся окружить нечеловечески спокойного Таррэна.

Она с легкой брезгливостью уловила в лице царственного эльфа черты своего мучителя, с неудовольствием нашла и небольшие черточки, доставшиеся в наследство его младшему сыну. А перехватив предупреждающие взгляды хранителей, только презрительно усмехнулась.

— Таррэн, тебе помочь?

— Нет, — непритворно вздохнул эльф, словно не заметив удивления отца. — Боюсь, если ты начнешь помогать, Темный лес останется без правящей верхушки.

— Ну и что? Пусть скажут спасибо, что я не напоминаю о твоём братце.

— Понимаешь, малыш, если ты их зашибешь... случайно, конечно!.. то у его величества Мирдаиса могут появиться проблемы. Это во-первых. Во-вторых, тебя будут искать и попытаются убить, а мне бы этого не хотелось. Хотя бы потому, что тогда из моих сородичей останутся в живых только те, у кого хватит ума к нам не соваться. Это два. И в-третьих, когда умирает старый владыка, его место должен занять новый. Так заведено.

— А ты при чем?

— При том, что он мой сын! — свирепо выдохнул темный владыка.

— Ты от него отрекся! — грубо отрубил Белка. — Он не был тебе нужен, когда был жив Талларен! А если и нужен, то лишь для того, чтобы отдать его Изияру в качестве откупного! Так что не тебе вспоминать про отцовские чувства!

Эльфы грозно заворчали.

— Наглый человечек! — прошипел владыка Л'эртэ. — Думаешь, слава Стражей тебя спасет? Думаешь, я не найду управы даже на Гончую?

— Нет, — ровно перебил вспыхнувшего от ярости отца Таррэн. — Ты не тронешь здесь никого. Ни людей, ни светлых, ни гномов. Ни тем более Стражей. Потому что в противном случае я стану считать тебя кровным врагом и подниму мечи так же, как когда-то поднял на брата.

— Ты убил его! — ахнул кто-то из хранителей.

— Нет.

— Торриэль...

— Нет, отец, — ровно отозвался Таррэн. — Я не делал этого. Хотя, если бы такая возможность представилась, я бы не отказался. Наш разговор стар как мир и не имеет никакого смысла. Ты хочешь, чтобы я вернулся и занял его место? Я сразу отвечу: нет. Я не вернусь и не приму твою руку. Понимаю, на что ты надеешься и чего от меня ждешь, но можешь не стараться: наследников у меня нет. Более того, их уже не будет, потому что три дня назад я достиг пика. Еще вопросы есть?

Темный владыка в ужасе уставился на сына, который только что равнодушно сообщил, что род Л'эртэ угаснет. Торриэль никогда не испытывал к роду ничего, кроме отвращения и ненависти. Той самой, благодаря которой их дом так долго удерживал власть. Конечно, есть второстепенные ветви, кровь Изияра не исчезла совсем, но такой силы она уже никогда не достигнет. Прямая линия безвозвратно утеряна, потому что этот молодой дурак отказался нести «Огонь жизни» дальше!

— Теперь я могу идти? — холодно осведомился Таррэн. — В таком случае прощайте. Малыш, слезай. Нам пора домой.

Царственный эльф обреченно взглянул на несбывшуюся последнюю

надежду своего вымирающего народа и на мгновение застыл. Они оба застыли — отец и сын. Глаза в глаза, на расстоянии вытянутой руки. Один — пораженный в самое сердце безжалостными словами, а второй — полностью уверенный в своей правоте, буквально лучащийся внутренней силой и даже сейчас считающий, что поступил исключительно правильно.

Таррэн не заметил, как у него снова вспыхнули огнем глаза, как загорелись ладони, доказывая присутствующим, что сила Изиара его не покинула. В мгновение она окутала хозяина бешено ревущим пламенем, заставив темных поспешно отступить. Взвилась под самые небеса. Свирепо завывала... и моментально угасла, стоило Белке взять Таррэна за руку и пытливо заглянуть в горящие глаза.

— Все хорошо? — тихо спросила она.

Эльф, придя в себя, неохотно кивнул.

— Я хочу домой, взглянуть наконец, что творится за границей. Кошек наших повидать и вообще... я слишком многого не успел сделать в этой жизни.

— Сейчас, только малышей захватим и пойдем.

— Разве Карраш не один? — непонимающе моргнул эльф, и тогда Белка, вытянув губы в трубочку, негромко свистнула. После чего неслышно подошла к темному владыке и посмотрела ему прямо в глаза.

— Что? Трудно жить, когда не осталось даже надежды? — Эльф дрогнул, когда его от макушки до пяток пронзила невидимая молния. А Белка прищурилась и, почувствовав, что остроухий внимательно слушает, так же тихо продолжила. Ровным, почти мертвым голосом, от которого мурашки побежали по коже даже у самых стойких. — Скажи мне, эльф, каково это — знать, что вырастил чудовище? Молчишь? Что ж, правильно молчишь. А знаешь ли ты, что творил твой сын последние два века своей жизни? Знаешь, сколько девчонок он убил, пока пытался доказать тебе, что достоин быть первым? Сколько боли он причинил ради этого? И сколько лет искал спасение для твоего вымирающего народа?

Владыка Л'эртэ удивленно моргнул.

— Я вижу, не понимаешь... — покачала головой Гончая. — Таррэн, отдай ему перстень.

— Он у тебя, — напомнил эльф.

— Да не твой, а тот, который я разбила! Надеюсь, ты не оставил его в Проклятом лесу?

Темный владыка вздрогнул.

Девчонка?! Этот наглый сорванец и по совместительству Страж на самом деле — девчонка?!

Белка холодно улыбнулась, мигом заставив владыку поверить, что не зря носит звание Гончей. Она быстро шагнула вперед, вложила в повлажневшую ладонь правителя до боли знакомое колечко и так же быстро отступила. А он молча взвыл, признав потускневшего от времени дракона, безжалостно изуродованный камень в оскаленной пасти, погасшие глаза, и тихо застонал.

— Талларен!

После чего судорожно сжал пальцы и мысленно воззвал к своей силе, намереваясь наконец-то узнать, где, как и почему погиб его старший сын. Отчего двадцать лет назад его ветка на родовом ясене засохла и скорчилась, как от страшного пожара.

И перстень послушно ответил.

Темный владыка внезапно увидел все. То, что случилось в священной роще два века назад, и все, что произошло потом. Увидел длинную вереницу искаженных болью лиц — молодых и не очень, совсем юных и тех, кто уже успел познать радость материнства, светлых, темных, рыжеволосых и исключительно красивых. Удивительно привлекательных для смертных, которых его сын всегда выбирал особенно тщательно.

Он познал вкус чужого нетерпения и одержимость, что была свойственна его старшему сыну. Осознал причину его тайного ухода из Темного леса. Затем увидел подвал, истерзанные детские тела на грубо сколоченных столах, щедрые потеки крови на полу и на стенах. С содроганием услышал детский крик и все то, о чем горящий жаждой отмщения эльф говорил в те неимоверно долгие сутки. Он с ужасом смотрел в мертвые глаза белокурой малышки, на теле которой не осталось живого места. С еще большим ужасом увидел вторую, что еще сопротивлялась. На мгновение почувствовал ее боль, отчаяние и неистовое желание вырваться, выбраться. Даже умереть палачу назло, чтобы хоть так испортить его далеко идущие планы, в которых была и долгая жизнь, и удовольствие, и открытая настезь дорога к трону, которого он, кстати, тоже устал ждать...

В воспаленном сознании владыки молнией промелькнула догадка о собственной неприглядной участи, а потом он услышал голос сломавшего оковы ребенка, отвратительный хруст разбитого перстня и громкий, полный ярости вой, после которого все вокруг затопил «Огонь жизни». Их общий «Огонь», без которого существование этой измененной девочки было бы невозможно. Все поглотили бездонная чернота и холод смерти. А еще — боль. Неугасимая, поистине безумная боль, которую испытал в последние минуты жизни его умирающий сын. Боль заслуженная. Боль, от

которой можно сойти с ума даже сейчас. Вся она обрушилась на пошатнувшегося от слабости эльфа. И вся она отразилась в его почерневших глазах, вызвав у Белки удовлетворенную усмешку, а у хранителей — полный ужаса стон.

— Твой сын двести лет рыскал по свету, отыскивая подходящих девушек, — ровно сообщила Белка, едва владыка Л'аэртэ справился с эмоциями. — Три с половиной сотни из них он безжалостно убил, предварительно замучив и вырезав на их телах любимые вами руны. Он ненавидел нас. Презирал. Он делал все, что считал нужным, — резал, колол, жег и читал заклинания, собираясь сотворить того, кто мог бы вернуть вам надежду. Не скажу, что у него хорошо получилось. И не думаю, что остальным надо знать подробности, но я хочу, чтобы вы, темные, навсегда запомнили: если кто-нибудь из вас посмеет вернуться к тем кругам... если хоть одна девчонка снова попадет на ваши алтари, о которых не знает никто, кроме хранителей и тебя, проклятый владыка... если я только узнаю, что это повторилось, будьте уверены: я приду в ваш лес. Приду не одна и сделаю все, чтобы на Лиаре не осталось никого из тех, кто считает нас подопытным материалом. Даю слово Стража и вожака Гончих. Ты меня слышишь, эльф?

Темный владыка, будто в забытии, медленно кивнул.

Вот теперь он понимал, как и за что погиб его сын. Знал, что Талларен все же сумел исполнить задуманное и создал нечто новое, непонятное. То, чего не должно было существовать. Но в то же время он дал своему народу надежду, потому что стоящая напротив женщина была той, у кого хватило бы сил стать настоящей парой любому представителю его рода. При этом он также знал, что она может исполнить свою угрозу. Чувствовал, какой страшной силой наделил ее неразумный сын. Ощущал, что тоже начал поддаваться ее очарованию, и, к собственному стыду, оказался совершенно беззащитен перед маленькой женщиной.

И, что самое ужасное, она тоже об этом знала. А зная, была готова пустить в ход свою чудовищную магию, чтобы больше никто и никогда не совершил злодеяний Талларена иллы Л'аэртэ. И чтобы ни один эльф не смел даже задумываться над тем, чтобы повторить начатое им изменение.

Белка удовлетворенно кивнула и отступила на шаг, а потом повысила голос, чтобы теперь ее могли слышать все остальные:

— Надеюсь, вы понимаете, что я не шучу, и лично проследите за тем, чтобы ни одна сволочь не вздумала юлить. Если так, то прекрасно. А теперь медленно повернитесь и посмотрите на тех, кто наведается в ваш лес, если ваш владыка надумает меня обмануть.

Пораженный до глубины души эльф поднял глаза и взглянул на две оскаленные морды, свысока взирающие на одурманенных ее голосом эльфов: хмеры были настолько реалистичными, что просто оторопь брала. У одного зверя шипы на спине были подняты на всю высоту. У второго было попорчено правое ухо, зато зубы оказались чуть ли не вдвое длиннее, а чешуйчатый хвост обнажал еще одно смертоносное оружие — кончик острого, как стальная игла, шипа, которым свирепая хищница с легкостью прошивала даже гномьи доспехи.

Таррэн ошарашенно моргнул, внезапно сообразив, что именно в этих статуях было неправильно. Понял, что где-то уже видел это оборванное ухо и сломанный коготь на передней лапе. Почти вспомнил, отчего у второй статуи в пасти мелькает ненормальный второй ряд зубов и... неверяще обернулся к Мирдаису, чтобы тот сказал, что самолично велел установить этих красавцев в своем саду. Но увидел на лице короля лишь оторопь и первые признаки просыпающегося страха: кажется, Мирдаис только сейчас заметил, что в его саду появилась пара неучтенных памятников. А подметив, как с массивных тел начала стремительно осыпаться белая штукатурка, едва не схватился за голову.

Над дворцовыми садами пронесся безмолвный вопль ужаса, когда внезапно ожившие хмеры с урчанием соскочили с постаментов, после чего оплели гибкими телами Белку и нового члена их маленькой стаи. Грозно приподняли губы, продемонстрировав зубы. Наконец стряхнули с тел остатки порошка, позволившего им так долго оставаться неотличимыми от статуй, и торжествующе взревели.

Гончая довольно улыбнулась, потому что желаемый эффект был достигнут, а Таррэн, отойдя от потрясения, поскреб жесткий затылок одной из хмер.

— Траш, как это понимать? Карраш — ладно, но ты? Малыш, как она сумела отойти от дома?!

— А ты еще не понял? — промурлыкала Гончая, мигом уподобившись кровной сестре. — Рядом с хозяином Проклятого леса она может уйти куда угодно! Теперь ты наша стая, Таррэн, и она черпает силу из твоего источника, как и Карраш, как и любая зверушка. Они твои, друг мой. Полностью твои: и душой, и телом. Даже Лабиринт с его силой и все-все, что там только есть. Понимаешь? — Белка мягко улыбнулась и звонко чмокнула страшную морду мимикра. — Теперь, когда у них есть настоящий вожак, они последуют за тобой хоть в ад, хоть в рай, хоть в новый поход. Не думаю, что после этого тебя можно соблазнить каким-то замшелым тронем. Так что гордись оказанной честью, принимай и

командуй.

Хмеры согласно рыкнули и грозно взглянули на обомлевших от всего происходящего светлых и темных эльфов, у которых только глаза оставались живыми на разом помертвевших лицах. Гномы вообще предпочли промолчать, и лишь на физиономии Крикуна застыло злое восхищение пополам с непередаваемой досадой на то, что не распознал в статуях живых хмер.

Белка довольно оглядела испуганных ушастиков, чья магия была бессильна против новых подопечных Таррэна, с нескрываемым удовлетворением убедилась, что теперь его не просто не тронут, а даже на расстояние полета стрелы не подойдут. И наконец обернулась к благоверному, которого тоже сумела поразить в самое сердце.

— Да ладно, чего ты всполошился? Мы сюрприз готовили. Каррашик целый вечер старался, переживал... смотри, как у него с мрамором здорово вышло! Как настоящий, правда?

— Да, конечно, — наконец пришел в себя Таррэн. — Значит, он поэтому вчера был белым? Репетировал сегодняшнее выступление? Но Траш... девочка моя, как же ты решилась?!

— Просто она соскучилась, — охотно пояснила Белка. — Потому и рванула следом за нами, а показалась на глаза уже в Интарисе, когда было поздно возвращаться. Даже Каррашик не узнал, пока она не решилась открыться. Ой! А представляешь, какое сейчас лицо у Дядько, если он сообразил, куда она могла деться?!

Эльф невольно улыбнулся и с чувством обнял свою женщину.

— Ты чудо. И Траш с Каррашиком — тоже. Честное слово, я восхищен. Пойдем, малыш, нам действительно здесь нечего делать.

Он развернулся и, не глядя на помертвевшего отца, уверенно направился к выходу. Просто отвернулся от него, как и двести лет назад, и ушел. Но на этот раз он был не один. Свой главный приз в этой жизни он уже получил: Белка была с ним рядом. Траш с Каррашем тоже оказались довольны, Гончие охотно его приняли, а Проклятый лес станет им всем надежной защитой.

Что же касается прошлого, то пусть оно останется на совести владыки, хранителей и всех остальных. А он свое прошлое уже отпустил и больше не хотел к нему возвращаться.

Белка, покосившись на расправившего плечи эльфа, неожиданно улыбнулась.

— Знаешь... не исключено, что скоро наша стая станет больше. На одного малыша или даже на двух... Но мне тут подумалось, что если у

Траш родится мальчик, то он непременно должен найти себе пару... впрочем, и девочка тоже. Вряд ли они будут против, тем более что всего через пять лет Карраш наберет полную силу, а у Траш как раз подойдет время для брачного сезона... Кстати, как считаешь, на кого будут похожи наши малыши?

Эльф сильно вздрогнул.

— К-какие малыши?! Я ведь тебе объяснил, что больше никогда...

Белка ласково улыбнулась и, стянув перчатку, с укором сунула левую руку ему под нос, красноречиво показывая, в чем именно неразумный эльф был не прав.

Достиг пика? Никакого больше «Огня»?

Таррэн снова похолодел, но зрение его не обмануло, дракон на родовом перстне по-прежнему светился! Даже глаза его были живыми, хотя должны были угаснуть после наступления второго совершеннолетия! Но они по-прежнему горели внутренним светом — ярко, победно, торжествующе!

— До чего вы, мужчины, ограниченные, — нежно улыбнулась Белка, дотянувшись губами до его щеки. — Неужели мне надо напоминать, на что способны руны сродства в сочетании с рунами влечения, изменения и крохотной руной перевернутой бесконечности, помноженной на имя изобразившего ее эльфа? Это ж каким извращенным умом надо обладать, чтобы додуматься? Вот ты бы сообразил, как надо совместить кучу рун? Хотя бы в чем-то от твоего полоумного братца была польза. Так что скажи ему спасибо и будь уверен — рядом со мной ты никогда не достигнешь второго совершеннолетия.

— Но он же не успел! — измученно простонал Таррэн, едва за голову не схватившись. — На тебе нет ничьего имени! Он не закончил эту линию!

— Ну и что? Дело ведь не в том, кто рисует узор, а в том, что он в себе несет. К тому же имена у вас теперь начинаются одинаково...

— Белка!

Она заметно смутилась и вдруг шаркнула ножкой.

— Ну да, я слегка поранилась, но разве это много, когда на кону стоит твое будущее? Разве я не могу пожертвовать парой капелек крови ради того, чтобы ты был по-настоящему счастлив? Вот я и закончила эту линию. Сама. Кстати, хорошо, что у тебя теперь короткое имя. Во-первых, я уже привыкла, а во-вторых, «Торриэль» там бы просто не поместилось. Зато «Таррэн» прекрасно подошло. Все-таки у меня узкая лодыжка, а первые две буквы твой брат успел нацарапать. Поэтому, если чего не так, ты это... ну, не удивляйся, что ли?

Таррэн приглушенно застонал, поднял Белку на руки и крепко, с

чувством поцеловал. Сладко зажмурился, слыша отголоски ее чувств. А потом увидел в голубых глазах отражение собственного счастья и лишь тогда неожиданно понял, что время перемен действительно наступило. Хотя бы для них двоих.

P.S. И это еще не конец...

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее стихи автора.